КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXIV.

1901 г.

ІЮЛЬ-АВГУСТЪ.

КІЕВЪ
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1901.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 20 іюля 1901 года.

ЕВРЕИ ВЪ ЮЖНОЙ РОССІИ.

Формы труда у евреевъ въ южной Россіи.[1])

(*Историко-этнографическія замѣтки*).

Въ статьѣ „Евреи въ южной Россіи“ („Кіевск. Стар.

---

[1]) Настоящая статья составляетъ продолженіе статьи «Евреи въ Южной Россіи (»Кіевск. Стар. 1901 г. № 1) и непосредственно примыкаетъ къ статьѣ «Смѣна народностей въ Южной Россіи» (Кіевск. Стар. 1883 г. № 5 и 7 и 1884 г. № 9 и 11), а потому въ ней преслѣдуются исключительно этнографическія цѣли. Въ послѣднія два десятилѣтія XIX в. въ Южной Россіи произошли общественно-экономическія явленія громаднаго значенія, какъ напр.—энергическій ростъ заводской (сахарной, каменноугольной, желѣзодѣлательной и пр.) жизни, пересѣченіе края желѣзнодорожною сѣтью, развитіе хлѣбнаго экспорта, введеніе монополіи, переселенческое движеніе и т. п. Несомнѣнно, такія явленія отразились и на занятіяхъ евреевъ, но происшедшія при этомъ измѣненія не успѣли еще вылиться въ устойчивыя формы, которыя только и могутъ служить матерьяломъ для этнографическихъ выводовъ. Вслѣдствіе этого, матерьяломъ для опредѣленія формъ труда евреевъ послужило время, предшествующее отмѣченному періоду, именно время, заканчивающееся семиде-

1901 г. № 1) было выяснено, что въ предѣлахъ южной Россіи

сятыми годами XIX ст., когда виды занятій южно-русскихъ евреевъ можно наблюдать, какъ явленія устойчивыя и потому служащія къ выясненію этнологическихъ особенностей народа.

Источниками служили, кромѣ указанныхъ въ первой статьѣ:

1) Экономическое состояніе городскихъ поселеній Европ. Россіи. 1861—62 г. Волынская, Гродненская, Черниговская, Екатеринославская губ.

2) *Столпянскій.* «Девять губерній западно-русскаго края». 1866 г.

3) *Леонтовичъ.* «Историческій обзоръ постановленій о евреяхъ въ Россіи» 1861.

4) *Елисѣевъ.* «Производительныя силы Россіи» («Отеч. Зап.» 1868 г. № 12).

5) *Оршанскій.* «Изъ новѣйшей исторіи евреевъ въ Россіи» (*«Еврейская библіотека»* т. 2, 1872 г.) и «Евреи въ Россіи» 1872 г.

6) «Устройство и состояніе еврейскихъ обществъ въ Россіи».

7) „Архивъ историческихъ и практич. свѣдѣній о Россіи" Калачова. 1860, кн. 4.

8) *Ив. Шмаковъ.* «О еврейскихъ колоніяхъ» («День» 1869 г. №№ 9—11).

9) *Демидовъ Санъ-Донато.* «Еврейскій вопросъ».

10) *Червинскій.* «Экономическія скитанія» («Отеч. Зап.» 1880, №№ 6, 7).

11) *Кельсіевъ.* «Галичина и Молдавія» СПБ. 1818 (203—224).

12) *Варзеръ.* «Евреи-арендаторы въ Черниг. губ.» („Отеч. Зап." 175—197).

13) *Овсянниковъ.* «Географическіе очерки и картины» т. II. «Очерки и картины Малороссіи» 1880 г.

14) *Деппинъ.* «Бытъ и нравы евреевъ въ средніе вѣка» («Разсвѣтъ»).

15) *Берлинъ.* «Очеркъ этногр. еврейск. народонаселенія въ Россіи». Этногр. сборникъ. 1862 г. вып. V.

16) *Богровъ.* «Жить или не жить евреямъ повсемѣстно въ Россіи». «Слово». 1878 г. № 2 (11—20).

17) *Чаславскій.* «Вопросы русскаго аграрнаго устройства. Ст. 2, «Отеч. Зап». 1879 г. № 1 (229—230).

живутъ, главнымъ образомъ, такъ называемые польскіе евреи. [1]) Польскіе евреи—талмудисты, и это обстоятельство имѣло и имѣетъ до послѣдняго времени существенное вліяніе на соціально-бытовыя воззрѣнія евреевъ и ихъ экономическую оригинальность, а въ связи съ этимъ и на занятія ихъ.

Съ паденіемъ государственной самостоятельности евреевъ и съ разселеніемъ ихъ среди племенъ разныхъ религіозныхъ исповѣданій и разнообразныхъ этнографическихъ особенностей, прежній кодексъ религіозныхъ и соціально-бытовыхъ установленій, какой евреи имѣли въ видѣ библейскихъ книгъ, оказался невыполнимымъ при ихъ новыхъ условіяхъ жизни. Между тѣмъ

---

18) *Драгомановъ*. «Евреи и поляки въ юго-зап. краѣ». „Вѣст. Евр". 1875, № 7 (134—143).

19) *Костомаровъ* «Объ отношеніяхъ галицкихъ русскихъ къ сосѣдямъ» «Основа» 1862 г. № 5.

20) *Костомаровъ*. „Іудеямъ" „Основа" 1862 г. Январь (42—48).

21) *Шлейснеръ* «Какъ отдаются въ аренду казенныя оброчныя статьи». «Отеч. Зап. 1881 г. № 1 (32—49).

22) Еврейскія колоніи Новороссійскаго края» («Журналъ Мин. Госуд. Имущ.» 1883, № 3).

23) *Волковъ*. «О сельскихъ ярмаркахъ по значенію ихъ для изученія ремесленной и кустарной промышленности» (Зап. Юго-Зап. Отдѣла Географ. Общ. т. I).

24) Журналы и газеты за 1881 г., когда по поводу еврейскихъ безпорядковъ повременная литература заполнена была матерьялами о евреяхъ.

[1]) Встрѣчаются еще: *турецкіе* евреи въ южныхъ коммерческихъ портахъ: въ Одессѣ, Николаевѣ, Херсонѣ и особенно въ крымскихъ городахъ; *курляндскіе* евреи въ новороссійскихъ колоніяхъ; *кавказскіе* евреи—въ Кубанской области и нѣсколько въ большемъ количествѣ евреи-караимы по всему краю, а особенно въ Крыму и въ Волынской губерніи. Но четыре послѣднія группы евреевъ уже по одной своей малочисленности не оказываютъ сколько-нибудь замѣтнаго вліянія въ краѣ, особенно сравнительно съ польскими евреями.

сохраненіе іудейской традиціи требовало теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, напряженія силъ и средствъ, иначе націи предстояло затеряться среди другого господствующаго населенія, ассимилироваться съ нимъ, и, такимъ образомъ, утратить свою миссію въ мірѣ. Всякій народъ безъ борьбы пассивной или активной никогда не отказывается отъ самого себя, отъ своего этнологическаго богатства, а тѣмъ болѣе съ подобнымъ положеніемъ невозможно примириться для іудаизма. У народовъ на извѣстной ступени культуры встрѣчается одна общая черта—это строгое разграниченіе между членами одной и той же общины, одной и той же племенной группы—съ одной стороны, и остальнымъ населеніемъ—съ другой. Но между тѣмъ какъ у большинства народовъ съ теченіемъ времени, при возвышеніи культурнаго уровня, указанныя антисоціальныя черты стушевываются, нѣкоторыя націи какъ бы окаменѣваютъ на этой ступени пониманія интернаціональныхъ взаимодѣйствій, развиваютъ ихъ въ подробностяхъ и кодифицируютъ обычно религіознымъ освѣщеніемъ. Послѣднимъ путемъ шло именно развитіе еврейскаго народа. Съ момента появленія іудаизма въ исторической жизни, характеристическую черту ихъ національнаго воззрѣнія представляетъ понятіе о себѣ, какъ о народѣ привилегированномъ, единственно излюбленномъ Іеговой, народѣ, носящемъ въ себѣ самомъ будущую славу человѣчества, а вмѣстѣ и власть надъ міромъ, а рядомъ другое понятіе объ остальномъ человѣчествѣ, какъ о нечестивомъ, неугодномъ Іеговѣ язычествѣ и рабѣ въ будущемъ властныхъ потомковъ Израиля. Такое міровоззрѣніе евреевъ олицетворилось въ ихъ представленіи о Мессіи и его царствѣ, достиженіе котораго связано съ сохраненіемъ національнаго типа. Понятно, какая трудность предстояла для евреевъ въ выполненіи послѣдняго требованія при условіяхъ новой, оазисной жизни среди народностей, отверженныхъ Іеговой, когда отъ смѣшенія съ послѣдними не ограждала ихъ раньше и замкнутая государственная жизнь въ землѣ обѣтованной. Ближайшимъ послѣдствіемъ новыхъ условій жизни было постепенное измѣненіе прежняго соціально-религіознаго

кодекса Библіи съ цѣлью приспособленія его требованій къ новой обстановкѣ. Такое постепенное измѣненіе Библіи къ концу III-го вѣка по Рожд. Хр. выросло въ 18 томовъ талмудическихъ книгъ („Мишне"—6 томовъ и „Гемаре"—12 том.). Въ талмудѣ формулирована еврейскими мудрецами и богословами вся жизнь народа и отдѣльнаго члена его не только въ принципахъ, но и въ самыхъ подробностяхъ жизни; въ немъ предусмотрѣны: пища, одежда, взаимныя отношенія членовъ іудейскихъ общинъ и таковыя же къ иностранцамъ. Но патріархальная точка воззрѣнія на человѣческій міръ осталась неприкосновенною: подобно библейскому іудею, талмудическій еврей дѣлитъ человѣчество на двѣ неравныя половины: съ одной стороны евреи, потомки богоизбраннаго Израиля, а съ другой—остальное человѣчество—„гои". Религіозная нетерпимость и отсюда національная обособленность, при теологической основѣ міровоззрѣнія, характеризующія вообще семитическіе народы, рѣзко выразились въ талмудическихъ установленіяхъ. Послѣдующая исторія евреевъ въ Западной Европѣ способствовала не ослабленію, а усиленію антисоціальныхъ особенностей талмудистовъ. Еврейское племя, какъ извѣстно [1]), въ Европѣ до XVII в. почти не введено было въ общую жизнь, а представляло собой какъ бы своеобразный наростъ въ жизни чуждыхъ ему народностей и государствъ, которыя постоянно старались, нерѣдко жестокими средствами, освободиться отъ него. При такомъ положеніи новая жизнь не влилась въ общественный организмъ евреевъ, и послѣдній не преобразовывался подъ разными смѣнявшимися требованіями исторической жизни Европы, а неизбѣжныя и почти всегда печальныя перипетіи въ положеніи евреевъ только отражались поверхностными измѣненіями на структурѣ еврейскаго народа въ смыслѣ разнообразныхъ, нерѣдко уродливыхъ приспособленій къ практическимъ условіямъ. Отсюда произошло то оригинальное явленіе

---

[1]) «Евреи въ южной Россіи» (историч. справка) Кіевск. Ст. № 1.

въ развитіи евреевъ, что этотъ народъ остался въ существѣ своемъ недвижимъ въ своихъ грядущихъ поколѣніяхъ. „Предъ нимъ исчезаютъ племена, говоритъ Костомаровъ, возникаютъ новыя народности, совершаютъ теченіе своей жизни и перерождаются, а этотъ народъ все тотъ же, непоколебимъ и крѣпокъ, живетъ прошедшимъ. Ни костры инквизиціи, ни мечи бароновъ, ни сабли козачества не измѣнили ихъ (евреевъ) ни на одну іоту“ [1]). Еврейское населеніе XIX в. ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ того же племени перваго вѣка: „оно, по словамъ д-ра Іеллинека, упорно сохраняетъ всѣ принципы, однажды имъ принятые, формы, имъ самимъ выработанныя, духовныя вспомогательныя средства, которыми оно пользуется, нравы, въ которыхъ оно ужилось, и міровоззрѣніе, которое оно себѣ составило“ [2]). Стволъ, основа талмудическаго іудаизма, остались непоколебимыми, неприкосновенными, а кипѣвшая и бушевавшая бокъ о бокъ, но внѣ еврейства, европейская жизнь, отразилась лишь своего рода поверхностными напластованіями. Между вліяніями и силами, управлявшими наслоеніемъ на поверхности еврейскаго общественнаго организма, доминировалъ всегда гнетъ, подъ которымъ евреи неоднократно стонали въ различныхъ полосахъ Западной Европы. Подъ вліяніемъ такой мрачной силы, внутри еврейства, съ одной стороны, развились превосходныя качества: гнетъ, заставляя евреевъ напрягать свои физическія и духовныя силы, чтобы поддержать свое бытіе и отстоять національную и религіозную самобытность среди враждебно настроенныхъ противъ него народностей, развилъ острый проницательный умъ евреевъ, стойкость, энергію ихъ; гнетъ воспиталъ въ нихъ умѣренность и бережливость, гнетъ укрѣпилъ у евреевъ семейныя добродѣтели; но, съ другой стороны, гнетъ же развилъ и несимпатичныя нравственныя свойства евреевъ: обманъ, лесть, угодничество,

---

1) *Костомаровъ.* «Основа», 1862, № 1.

2) *Д-ръ Адольфъ Іеллинекъ.* «Еврейское племя». Этнограф. этюды. СПБ. стр. 23.

пріучилъ ихъ къ хитрости, изворотливости, способствовалъ еще большей изолированности еврейства отъ остального человѣчества, поддержалъ у нихъ антисоціальныя воззрѣнія талмудическихъ учителей на взаимныя отношенія между еврействомъ и остальнымъ человѣчествомъ, а главное—односторонне направилъ дѣятельныя силы евреевъ въ сферы непроизводительнаго труда. Еврейство, при своихъ племенныхъ семитическихъ задаткахъ, при своихъ односторонніхъ религіозныхъ требованіяхъ, подъ вліяніемъ гнета, отлилось въ своеобразный замкнутый организмъ со свойствами по меньшей мѣрѣ неполезными для тѣхъ народностей, среди которыхъ оно поселилось.

Южная Россія, принявшая евреевъ на свою территорію окончательно въ XV—XVI в., получила ихъ, такъ сказать, изъ третьихъ рукъ (талмудическое ученіе, школа Зап. Европы и жизнь въ Литовско-Польскомъ королевствѣ), въ готовой формѣ, и при этомъ самой печальной и непривлекательной окраски еврейства—это германскихъ евреевъ, которые, по сознанію непредубѣжденныхъ противъ еврейства наблюдателей, производятъ „весьма тяжелое и грустное впечатлѣніе". Четырехвѣковая жизнь евреевъ въ южной Россіи не поворотила развитія ихъ на иной путь, а скорѣе помогла дальнѣйшей формировкѣ еврейства по старому плану. Систематическаго гнета, правда, евреи въ южной Россіи уже не испытывали, но спорадическіе взрывы противъ еврейства (козачество, гайдамачество), практическія условія соціальной жизни страны, а отчасти и законодательныя мѣропріятія помогали евреямъ пребывать въ своей національной обособленности и содѣйствовали развитію особенностей, заложенныхъ западно-европейскою жизнью, особенностей вредныхъ для интересовъ пріютившаго ихъ края.

Внутри себя южно-русское еврейство не вполнѣ однообразно ни въ соціальномъ, ни въ практическомъ отношеніи. [1])

---

[1]) По соціальному положенію евреи малорусскіе дѣлятся: 1) на богачей («Гвиръ», «Ногидъ»), 2) велико-ученыхъ («Гуонъ», «Годолъ»), 3) торговыхъ евреевъ, 4) ремесленниковъ, 5) бѣдняковъ,

Въ его замкнутомъ міркѣ есть и богачи и бѣдняки, и помѣщики и служащіе, и кулаки и эксплоатируемые, и духовенство обирающее и паства стригомая, и антагонизмъ и вражда, и неравенство, и ненависть, и все это, можетъ быть, даже въ болѣе несимпатичной формѣ, чѣмъ какъ оно встрѣчается въ обществахъ другихъ народностей. Но внутреннее разъединеніе не мѣшаетъ южно-русскому еврейству, въ противоположность дѣйствующему въ раздробь малорусскому населенію, представлять достаточно компактное цѣлое, связанное племенною солидарностью. Солидарность еврейства проявляется повсюду—и въ самыхъ малыхъ повседневныхъ фактахъ, и въ прочныхъ установленіяхъ. „Вездѣ, пишетъ Кельсіевъ о галицкихъ евреяхъ, евреи селятся отдѣльными кварталами, вездѣ занимаютъ отдѣльные рынки и вездѣ крѣпко и ожесточенно стоятъ другъ за друга.

живущихъ личнымъ трудомъ и 6) пролетаріевъ, существующихъ благотворительностью еврейскаго общества. Даже въ религіозномъ отношеніи между евреями можно различить: 1) фанатиковъ ортодоксальныхъ или «хасидовъ», 2) умѣренно-ортодоксальныхъ или «миснагдовъ» и 3) евреевъ прогрессистовъ или религіозныхъ индифферентистовъ. Указанныя группы въ еврейскомъ обществѣ достаточно рѣзко очерчены и держатся своихъ особенныхъ семейныхъ и классовыхъ правилъ. Господствующее вліяніе распредѣлено между великоучеными и богатыми: первые пользуются вліяніемъ у евреевъ, какъ хранители и истолкователи истинъ іудейства; сила же вторыхъ, какъ капиталистовъ, сама по себѣ понятна, особенно при исключительно-коммерческой дѣятельности евреевъ. Классъ богачей сравнительно не великъ, и богатство въ рукахъ этихъ немногихъ растетъ, оставляя массу въ бѣдности, въ нищенствѣ, предоставляя ей добывать жизненныя средства любыми способами. Бѣдствующая еврейская масса представляетъ собой одно изъ орудій для обогащенія «еврейскихъ тузовъ»; бѣднякъ еврей, обирающій позорно крестьянина, нуженъ въ этомъ несчастномъ видѣ для того, чтобы богатый еврей подрядчикъ нанялъ подешевле рабочихъ, а арендаторъ-еврей имѣлъ бы полузакрѣпощенныхъ земледѣльцевъ и т. д.

...Между собой они постоянно въ ссорѣ и презираютъ и ненавидятъ другъ друга до невозможности; но чуть дѣло касается ихъ національности и ихъ исповѣданія, чуть вопросъ зайдетъ о правахъ евреевъ, они всѣ встаютъ, какъ одинъ человѣкъ" [1]). Съ тѣми же чертами исключительно національной взаимопомощи являются и учрежденія еврейскаго общества, какъ благотворительнаго, такъ и общественно-экономическаго типа. Бережливые, и даже скупые, лично для себя въ пищѣ, квартирѣ, одеждѣ и пр., евреи жертвуютъ значительными суммами въ помощь единовѣрцамъ въ бѣдѣ: на добровольныя даянія существуетъ громадный классъ евреевъ нищихъ-профессіоналовъ и „развѣ только бѣдный еврей, по словамъ Чубинскаго, когда-нибудь откажетъ такому нищему въ подаяніи; богатые же и зажиточные никогда не откажутъ въ подаяніи даже самому здоровому батраку или молодой женщинѣ въ лохмотьяхъ при самомъ ихъ появленіи на порогѣ дома [2]). Кромѣ личной благотворительности, существуетъ у евреевъ и безчисленное множество учрежденій, содержимыхъ на благотворительныя средства—это разныя еврейскія братства [3]).

Такимъ же наглядымъ выразителемъ еврейской общественной солидарности, цѣлей и стремленій еврейства, какъ и братства, служитъ и спеціально еврейская организація административнаго типа—„кагалъ". Кагальныя учрежденія появляются въ южной Россіи сравнительно рано, и въ XVI—XVII в. они до-

---

[1]) Кельсіевъ «Галичина и Молдавія». Путевыя письма. СПБ. 1868.

[2]) *Чубинскій* «Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русск. край» т. 7 (стр. 75).

[3]) Братство погребателей («ховра-кедима»), братство «хлѣбъ-бѣдныхъ» («лехомъ-эвгокимъ»), братство «посѣщенія больныхъ» («бируръ-холимъ»), братство «талмудъ-тора» —воспитанія сиротъ, для выдачи безпроцентныхъ ссудъ подъ залогъ или поручительство небогатымъ евреямъ, нуждающимся въ кредитѣ; вспомоществованія невѣстамъ, «честныхъ дѣятелей» для разбора маловажныхъ споровъ между евреями работниками и евреями мастерами и пр.

стигаютъ уже могущественной силы [1]). Въ наше время кагалы упразднены еще въ 1844 г. и вмѣсто нихъ оставлены только должности сборщиковъ податей и сдатчиковъ по воинской повинности, а въ духовномъ отношеніи евреи подчинены правительственнымъ раввинамъ, но въ дѣйствительности, по замѣчанію Чубинскаго, „общественная и частная жизнь руководствуется указаніями и управленіемъ донынѣ существующаго, хотя оффиціально и упраздненнаго правительствомъ,—кагала". „Еврейскій кагалъ, по словамъ Брафмена, „отправляетъ обязанность опекуна надъ всѣми поступками и дѣйствіями каждаго еврея, и, заботясь о матерьяльномъ благосостояніи какъ общества, такъ и каждаго отдѣльнаго члена его, кагалъ изыскиваетъ всевозможныя мѣры, не пренебрегая никакими средствами [2]).

---

[1]) Вотъ что говоритъ о кагальной организаціи этого времени проф. Антоновичъ: «городъ, заключавшій въ себѣ болѣе значительное еврейское народонаселеніе, составлялъ отдѣльный кагалъ; онъ подлежалъ суду и управленію коллегіи, состоявшей изъ выборныхъ лицъ, называемыхъ «старшіе жидовскіе кагальные судьи, школьники», подъ предсѣдательствомъ раббина; послѣдняго утверждалъ въ должности замковый урядъ или владѣлецъ города, получая, конечно, за утвержденіе извѣстную сумму денегъ; всѣ евреи, населявшіе болѣе мелкіе города, составляли «прикагалки», зависѣвшіе отъ главнаго кагала, наконецъ евреи, разсѣянные по селамъ, были также приписаны въ число членовъ ближайшихъ кагаловъ. Кагальные судьи и управляли по талмуду и по обычаямъ и преданіямъ еврейскимъ, и потому пользовались неограниченнымъ довѣріемъ со стороны еврейскаго народонаселенія. Для принятія общихъ мѣръ, для раскладки податей и т. п., депутаты отъ кагаловъ съѣзжались ежегодно въ каждомъ воеводствѣ, поочередно въ кагальные города, составляли такъ называемые «жидовскіе сеймики», издавали на нихъ постановленія, обязательныя для всѣхъ евреевъ воеводства, и избирали особенное должностное лицо—генеральнаго жидовскаго писаря воеводства, который завѣдывалъ сборомъ податей и сносился съ коронными подскарбіями».

[2]) Силу кагала, по мнѣнію Чубинскаго, относительно единовѣрцевъ составляютъ: а) страшный для каждаго еврея «*херимъ*», ко-

Съ намѣченными особенностями евреевъ необходимо сообразоваться прежде всего при изученіи формъ труда, усвоенныхъ южно-русскими евреями: иначе многое останется неяснымъ и непонятнымъ.

Западно-европейскій періодъ въ исторіи еврейства—это періодъ ихъ городской жизни; по крайней мѣрѣ, это можно сказать о среднихъ вѣкахъ, когда евреи жили въ Европѣ отдѣльными общинами и занимали улицы или кварталы, отдаленные отъ христіанскаго населенія, и еврейскія общины въ средніе вѣка походили на колоніи, совершенно замкнутыя для внѣшней жизни. Такія колоніи, болѣе или менѣе типичныя, можно было встрѣтить въ Испаніи, Франціи, Италіи, Австріи; слѣды замкнутыхъ еврейскихъ поселеній сохранились во многихъ большихъ городахъ и до нашего времени въ названіяхъ отдѣльныхъ частей города, кварталовъ и улицъ (напр. въ Вѣнѣ и понынѣ одинъ кварталъ называется „Жидовскою Площадью“, тоже и въ Варшавѣ). Но исторической извѣстностью, по своей типичности, пользовались „Гето“ (Ghetto) въ Римѣ и Еврейскій кварталъ въ Прагѣ. Причины изолированности поселенія и сосредоточенія еврейскаго населенія въ городахъ въ средніе вѣка можно формулировать, кажется, въ три положенія: 1) Нерѣдко евреямъ, какъ напр. въ Южной Франціи, дозволялось жить исключительно въ городахъ, мѣстечкахъ и укрѣпленныхъ замкахъ. 2) Города болѣе ограждали ихъ отъ вражды земледѣльческой, сельской массы, всегда болѣе фанатичной, а также и отъ насилій бароновъ, графовъ и пр., не говоря уже о томъ, что городская жизнь давала имъ болѣе средствъ къ отстаиванію своихъ

торый, гарантируя исполненіе постановленій кагала, придаетъ послѣднимъ силу и неприкосновенность закона, б) право требовать подъ присягой отъ всѣхъ евреевъ показаній о состояніи и успѣхѣ торговли, промышленности и пр.; в) право вмѣшательства въ домашнюю жизнь и даже кухню каждаго еврея.

религіозныхъ и племенныхъ особенностей, и, наконецъ, 3) города по своему характеру представляли болѣе выгодныя условія, чѣмъ села для тѣхъ занятій, какія дозволялись имъ до времени ихъ полной эмансипаціи: раньше всего ростовщичество, позже торговля, и еще позже ремесла. Въ Польскихъ и Литовскихъ земляхъ, во время поселенія евреевъ, да собственно говоря и въ продолженіи всей исторіи Польско-Литовскаго государства, а затѣмъ и Русскаго, не было ни тѣхъ характерныхъ кровавыхъ преслѣдованій, ни тѣхъ налоговъ, которымъ подвергались евреи во всѣхъ другихъ государствахъ Зап. Европы. Однако и здѣсь евреи оказались горожанами. Явившись съ привычками и наклонностями къ такимъ занятіямъ, какъ ростовщичество, торговля и ремесла, они естественно стремились въ города, да кромѣ того къ нимъ прикрѣпляли ихъ постоянно льготы и юридическія установленія: въ Литовско-Польскій періодъ евреи прежде всего допущены были только въ города, какъ классъ промышленно-торговый; потомъ, хотя постепенно и проникали въ села, но или нелегальнымъ, такъ сказать, путемъ, подъ видомъ панскихъ арендаторовъ, агентовъ и пр., или же съ разными ограниченіями; между тѣмъ въ XV в., по крайней мѣрѣ, евреи горожане, пользовались особымъ покровительствомъ законовъ и снабжены были всѣми правами торговли и промышленности, и даже имъ предоставлена была въ польско-литовскихъ городахъ своеобразная національная организація самоуправленія въ формѣ „кагаловъ“ съ „подкагалками“ и сеймиками. Въ россійскій періодъ малорусской исторіи также издаются постановленія, задерживающія евреевъ въ городахъ. Такъ 5-го мая 1795 года повелѣно евреевъ, кои не только по городамъ, но и по селеніямъ разсѣяны пребываютъ, *„внесть въ городовыя окружныхъ городовъ книги*, на основаніи городоваго положенія, подчиняя магистратамъ, и *стараться переселять ихъ въ уѣздные города*“. Такое значеніе имѣютъ и распоряженія 1804 г., котор. постановлялось, чтобы съ 1-го января 1807 г. въ губерніяхъ малороссійскихъ и новороссійскихъ, а съ 1-го января 1808 г. и въ другихъ, евреи ни въ какой деревнѣ и ни въ

какомъ случаѣ не содержали бы никакихъ арендъ, кабаковъ, шинковъ и постоялыхъ дворовъ, ни подъ своимъ, ни подъ чужимъ именемъ, и даже *не жили бы въ нихъ ни подъ какимъ видомъ*, развѣ только проѣздомъ. И въ то же время имъ дозволялось заниматься этими промыслами въ городахъ. Но самыя коренныя условія, задерживавшія малорусскихъ евреевъ въ городахъ и мѣстечкахъ, это, конечно, условія соціально-экономическія, а именно: низкій уровень массы, ея разрозненность и крѣпостная безправность, воспрепятствовавшія основному населенію путемъ конкурренціи вытѣснить евреевъ изъ торгово-промышленной жизни городовъ въ жизнь болѣе тяжелую, жизнь земледѣльца—въ села. Условія послѣдняго типа, кромѣ юридической крѣпостной безправности, въ такой же силѣ сохраняются и въ наше время до конца разсматриваемаго періода, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что евреи остались горожанами, какъ по мѣсту своего жительства, такъ и по занятіямъ. Въ какомъ отношеніи находятся евреи городскіе къ евреямъ сельскимъ, можно видѣть изъ слѣдующей таблицы, въ которую вошли губ. изъ всѣхъ почти типическихъ частей Малороссіи: сѣв.-зап. кр., юго-зап. кр., „Малороссіи и Новороссіи“:

		Общее число Евреевъ.	Городск. Евреевъ.	Сельск. Евреевъ.	% Городск.	% Сельск.
1	Малор. часть Гродн. губ. (у.у Кобр., Пруж., Бѣл. и Брестск.)	44149	22518	21631	51,1	48,9
2	Кіевская губ.	247479	91346	156133	36.9	63,1
3	Черниговская	36539	27971	8568	76,6	23,4
4	Херсонская	131000	90000	41000	68 7	31,3
		459167	231835	227332	51,1	48,9

Изъ 48,9% сельскихъ евреевъ едва $^1/_3$ живетъ собственно въ селѣ, $^2/_3$ населяютъ мѣстечки. Между тѣмъ мѣстечки, осо-

бенно по правую сторону Днѣпра, въ большинствѣ разнятся отъ городовъ только въ административномъ смыслѣ, но не въ соціально-экономическомъ, и евреевъ мѣстечекъ правильнѣе всего отнести къ городскимъ. Съ прибавленіемъ же евреевъ мѣстечекъ къ городскимъ жителямъ коэффиціентъ евреевъ падаетъ до поразительной цифры. По Чубинсьому евреи разселены:

	Въ городахъ.	Въ мѣст.	Въ селахъ.	Итого.
Кіевская губ. . .	98032	123909	41518	263459
Подольская . . .	70072	151124	25539	246735
Волынская . . .	69171	105228	36747	211146
	237275	380261	103804	721340

т. е. на село приходится едва 14,5%. Въ сѣв.-зап. краѣ, и въ частности въ Гродненской губ., по мнѣнію Бобровскаго, если къ городамъ прибавить еврейское населеніе мѣстечекъ, „въ коихъ еврейское населеніе является рѣшительно преобладающимъ, тогда на сельское населеніе не получится даже и одного %[1]). Въ Буковинѣ, а равно въ Галиціи и Привисл. краѣ, евреи живутъ преимущественно въ городахъ, а въ деревняхъ находятся, главнымъ образомъ, тѣ, которые занимаются продажею водки. Но если даже евреевъ, живущихъ въ мѣстечкахъ, отнести къ числу сельскихъ жителей, то и въ такомъ случаѣ еврейское населеніе, какъ мы видѣли изъ 1-ой таблицы, въ большей своей половинѣ будетъ принадлежать городамъ, именно 81,1%. Высокій процентъ городскихъ евреевъ отражается и на возвышеніи процента городскихъ жителей въ мѣстахъ еврейской осѣдлости. Подтвержденіе можно видѣть изъ

[1]) Бобровскій, стр. 690.

такой таблицы, составленной на основаніи матерьяловъ „Стат. Врем.“ за 1865 г.:

1. Въ Евр. Россіи (безъ Польши) жит. город. сост. 9% или 1 горож. на 9 сел.
2. Въ губ. Россіи, не имѣющ. еврейск. осѣдл. „ 9.1% „ 1 „ „ 9 „
3. Въ губ. Россіи съ еврейск. насел. . . . . „ 11,9% „ 1 „ „ 7 „
4. Въ губ. Малор. съ еврейск. насел. . . . . „ 12,3% „ 1 „ „ 7 „

Къ тѣмъ же результатамъ приводитъ и распредѣленіе евреевъ по сословіямъ. Положеніемъ 1804 года евреи раздѣлены на четыре сословія: а) *земледѣльцевъ*, б) *фабрикантовъ*, в) *купечество* и г) *мѣщанство*, и эти сословія существуютъ между ними и до конца разсматриваемаго періода. Кромѣ нѣсколькихъ тысячъ евреевъ колонистовъ, которые составляютъ еврейскій земледѣльческій классъ, да незначительнаго процента еврейскаго духовенства и военно-служащихъ, остальные евреи распредѣляются, главнымъ образомъ, между сословіями купцовъ и мѣщанъ.

Не придавая особенной важности такому или иному распредѣленію евреевъ по сословіямъ, мы ограничиваемся сословной группировкой евреевъ въ 4-хъ губерніяхъ:

	Губерніи.		Всѣхъ	Купцовъ.	Мѣщанъ.	Землед.	Ремесл.	Внѣ указан. клас.
1	Кіевская	въ 1845 (по Фудуклею)	158283	6383	132718	776	—	18406
2	Херсонская . . .	по 9 ревизіи (Шмидтъ)	42563	6152	21667	14616	126	—
3	Черниговская . .	по 10 ревизіи (Домъ)	33214	2692	27584	2584	—	354
4	Гродненская (уѣзды: Бѣльскій, Бѣлост., Кобринск, Пруж.)	по 10 ревизіи (Бобров.)	39880	400	33407	638	—	5425

Распредѣленіе массы евреевъ исключительно между городскими сословіями отражается и на общемъ процентѣ городскихъ сословій въ мѣстахъ, занятыхъ еврейскимъ населеніемъ. Тогда какъ по вычисленіямъ Военно-Стат. Сборника за

1871 г. [1]) въ Россіи на кажд. 1000 жителей приходится 80 человѣкъ городскаго сословія, въ мѣстахъ съ еврейскимъ населеніемъ отношеніе это рѣзко измѣняется:

1. Въ западныхъ губ. (или сѣв.) на 1000 жит. 140—170 городск. сосл.
2. Въ Польшѣ 215
3. Въ Бессар. и Херс. губ. . . . . 235—325

Еще болѣе рельефно выступаетъ сравнительно огромный % городскихъ сословій въ мѣстахъ поселенія евреевъ, когда мы сопоставимъ городское сословіе не съ общимъ населеніемъ, а лишь съ сельскимъ сословіемъ. По даннымъ Стат. Врем. за 1866 г. (ч. I) оказывается слѣдующее отношеніе городскаго сосл. съ сельскимъ:

1. Въ Евр. Россіи (безъ Польши) город. сосл.	6%	сел.	или	1	гор. на	17 ч. сел.
1. Въ губ. Россіи не имѣющ. евр. нас. . . .	5%	„	„	1	„	20 „
3. Въ 16-ти губ. съ евр. насел. [2])	18%	„	„	1	„	5 „ почти
4. Для 6-ти Малор. губ. съ евр. насел. . . .	17%	„	„	1	„	6 „
5. „ 1-й Малор. г. (Харьковск.) безъ евр. нас.	4%	„	„	1	„	25 „

Въ естественной связи съ мѣстами жительства, а отчасти и съ сословными правами, находятся какъ образъ жизни еврейскаго населенія, такъ и направленіе труда его.

Въ послѣднемъ отношеніи еврейство представляетъ феноменальное однообразіе, внѣ условій мѣста и времени: во Франціи или Пруссіи, въ Баваріи или Малороссіи, въ XIX в. или вѣкъ назадъ—всюду евреи въ подавляющемъ большинствѣ являются для окружающаго ихъ общества населеніемъ непроизводительнымъ, спекулирующимъ посредничествомъ (торговлей, маклерствомъ, арендами и проч.). Вотъ, напримѣръ, какъ группировались евреи по занятію во Франціи, Баваріи, Баденѣ, и Пруссіи въ разные періоды:

---

[1]) Вып. I, стр. 13.

[2]) *Одна*—съ кореннымъ насел. нѣмецк.—Курляндская; 6 губ. бѣлорусскихъ (Виленская, Витебская, Гродненская, Ковенск., Минск., Могилевская) и 8 малорусск. съ Бессар.: Волынская, Екатериносл., Кіевская, Подольская, Полтавская, Таврическая, Херсонская, Черниговская.

	Года		Общее количество.	Живущ. земледѣліемъ	%	Жив. рем., поденщ. и извозомъ	%	Живущ. отъ профессіон. занятій.	%	Спекулир. посредничествомъ.	%
Во Франціи	1809	Моро де Шамонъ	80000	—	—	5368	2,9	797	0,8	76585	95,9
„ Баваріи	1819		25000	1260	5	1009	3,9	—	—	22732	90,2
„ Баденѣ	1833	Каимъ	12000	206	1,7	1045	8,7	—	—	10749	89,5
„ Пруссіи	1862		253457	—	—	55000	21,7	16660	6,6	181797	71,5

Цифровыя данныя взяты изъ періода эмансипаціи евреевъ въ Западной Европѣ и при томъ такого характера, на который защитники іудаизма указывали, какъ на „блистательный нравственный и промышленный успѣхъ, совершившійся въ еврейской средѣ за послѣднее время“ [1]) и который, во всякомъ случаѣ, нельзя заподозрить въ уменьшеніи количества производительно затрачиваемаго евреями труда. 70—90% евреевъ безъ продуктивныхъ занятій—явленіе такое обыкновенное и общепризнанное въ Западной Европѣ, что, напр. въ 1836 г., въ засѣданіи палатъ въ Вюртембергѣ, указывалось, какъ „на гражданскій прогрессъ“, что между 11000 іудейскаго населенія оказалось 900 ремесленниковъ, фабрикантовъ и ученыхъ, а съ семьями приблизительно 3600, или 32,7%. Въ южной Россіи наблюдаются по данному вопросу тѣ же факты. Въ 1872 г., г. Чубинскій дѣлаетъ такое „приблизительное распредѣленіе“ 750000 евреевъ по занятіямъ въ 3-хъ губ. юго-зап. края. [2])

---

[1]) Каимъ, 63 стр.

[2]) Мы измѣняемъ нѣсколько таблицу г. Чубинскаго, какъ въ интересахъ болѣе удобнаго сравненія съ предыдущей таблицей, а также потому, что въ самую таблицу Чубинскаго вкралась, очевидно, ошибка, почему она и представляетъ ариѳметическую неточность. (210 стр. «Труды». т. 7).

1. Евреевъ-колонистовъ. . . . . 20000= 2,6%
2. Ремеслен., извозч., водовоз. . . 160000=21,3%
3. Раввин,. меламед. и шк. уч. . . 60000= 8%
4. Спекулирующихъ классовъ. . . 510000=68%

Изъ общей цифры евр. населеніе въ Черниг. губ., по свѣдѣніямъ Губ. Стат. Ком. за 1881 г. занято было:

1. Земледѣліемъ и землевлад. 1%
2. Ремеслами 13%
3. Щинкован. и торговлею по докум. . . . 43%
4. Остальные . . . . . 40% „заняты такимъ дѣломъ, которое не легко поддается контролю и наблюденію: здѣсь имѣетъ мѣсто торговля безъ документовъ, факторство, коммиссіонерство всякаго рода и другіе совершенно неуловимые и трудно опредѣляемые виды дѣятельности“.[1]) Слѣдовательно, и въ Черниговской губ % евреевъ, не производящихъ продуктовъ, приблизительно тотъ же, какъ и въ юго-зап. краѣ, т. е. около 83%. Въ Полтавской губ. „земледѣльцевъ-евреевъ, въ губерніи исключительно земледѣльческой, нѣтъ ни одного“.[2]) Приблизительно подобное же распредѣленіе евреевъ въ направленіи труда и въ другихъ провинціяхъ съ малорусскимъ населеніемъ, какъ въ предѣлахъ Австріи, такъ и Россійской имперіи.

Виды дѣятельности и практическія особенности въ приложеніи ихъ, безъ сомнѣнія, основныя и характерныя условія, *опредѣляющія положеніе евреевъ въ краѣ*. Сообразно съ вышеуказанными цифрами и соображеніями, занятія евреевъ распадаются на три категоріи: 1) занятія съ характеромъ спекуляціи: торговля и смежныя съ нею занятія—ростовщичество, факторство, маклерство, крупная промышленность и еврейское землевладѣніе. 2) ремесла, извозъ и поденщина и 3) земледѣліе.

---

[1]) «Трудъ» 1881 г.

[2]) Ibid.

Прежде всего остановимся на первой категоріи занятій, которая занимаетъ большинство еврейскаго населенія, и особенно на торговлѣ.

Торговля—главное занятіе евреевъ; съ нею связана вся историческая жизнь евреевъ въ Западн. Европѣ и въ Малороссіи, начиная съ XI в., продолжая чрезъ весь Литовско-Польскій періодъ и до нашего времени. Торговля высоко стоитъ въ религіозномъ воззрѣніи евреевъ и въ ихъ общественномъ мнѣніи, составляя „съ дѣтства и до гробовой доски обожаемое занятіе“ каждаго іудейскаго индивидуума. Въ разсматриваемый періодъ вся торговля малорусскихъ областей, кромѣ Харьковской губ., части Курской, Воронежской и земли В. Донск., а также Кубанской области, за небольшими исключеніями, находится во власти евреевъ, при чемъ усиленіе еврейской торговли идетъ пропорціонально густотѣ еврейскаго населенія, стародавности ихъ пребыванія на извѣстныхъ пунктахъ и центральности самыхъ пунктовъ: въ лѣвобережной Украйнѣ и Новороссіи часть торговли принадлежитъ великоруссамъ, грекамъ и даже туземцамъ, въ Буковинѣ—нѣмцамъ и молдаванамъ, въ Венгріи—нѣмцамъ и венграмъ, въ Галиціи—нѣмцамъ; но въ центрѣ еврейскаго населенія—юго-зап. краѣ и въ малорусскихъ частяхъ сѣверо-зап. края и Привислянскаго—торговля безраздѣльно почти зависитъ отъ евреевъ. Убѣдительнымъ въ этомъ отношеніи доказательствомъ служитъ одно количество еврейскаго торговаго класса. Въ четырехъ малорусскихъ уѣздахъ Гродненской губ. по 10-ой ревизіи купцовъ-евреевъ 400, а купцовъ-христіанъ 11 д.; еврейск. городск. сословія 22518, а христіанъ городск. сосл. 12279. Въ юго-зап. краѣ, разсчитывая по даннымъ Чубинскаго, еврейскій торговый классъ достигаетъ до 230,000, что составляетъ около 30% всего еврейскаго населенія. Въ Буковинѣ, Галиціи, Угорской Руси, Привисл. и сѣверо-западн. краѣ, процентъ торговаго класса ниже, чѣмъ въ юго-западн. краѣ, такъ какъ при густотѣ еврейскаго населенія экономическая необходимость заставила часть евреевъ смѣнить торговлю на другія занятія; въ лѣвобережной же Украйнѣ, Новороссіи, Харьковск. губ. и другихъ частяхъ,

гдѣ, при отсутствіи сильной конкуренціи со стороны другихъ обитателей, сравнительная рѣдкость еврейства представляетъ просторъ для купли-продажи, этотъ процентъ гораздо выше 30%. Въ 1880 г. въ Черниговской губ. изъ общей суммы еврейскаго населенія 22% занято шинкованьемъ, 23% торговлею по документамъ. Если мы игнорируемъ ту часть евреевъ, которая торгуетъ безъ документовъ, то все-таки это составляетъ уже 45% еврейскаго населенія губерніи. Въ виду этихъ соображеній 30% торговаго еврейства можно признать, не рискуя особенно ошибиться, за средній для еврейскаго населенія всѣхъ малорусскихъ областей, и въ такомъ случаѣ торговый еврейскій классъ въ указанномъ районѣ достигаетъ цифры 500,000, т. е. болѣе 2% всего населенія страны, или 1 еврей торговецъ приходится менѣе чѣмъ на 50 душъ населенія.

Евреямъ принадлежатъ всѣ виды торговли: розничная, оптовая торговля лавочными товарами, вывозная торговля, хлѣбная, лѣсная, мясная и питейная. Въ одномъ юго-зап. краѣ въ 70-хъ годахъ XIX ст. евреямъ принадлежало 15156 лавокъ: 6366 съ мануфактурными и колоніальными товарами и 8690 съ товарами необходимыми для крестьянъ. [1]) Но и въ лѣвобережной Украйнѣ особенно мелкою розничной торговлей ворочаютъ евреи; они же самые дѣятельные торговцы мануфактурными русскими издѣліями; кромѣ того, почти вся торговля иностранными товарами, привозимыми черезъ сухопутную границу, не исключая и оптовой, ведется евреями, и въ этомъ отношеніи торговыми центрами служатъ Бердичевъ, Каменецъ-Подольскъ, Броды и Дубно, откуда заграничные товары съ евреями расходятся по всей россійской Малороссіи. Вывозъ скота, шерсти, сала, кожи, тмина, лѣса и пр. черезъ таможни—Волочисскую, Радзивиловскую,

---

[1]) Въ Херсонской губ. въ 1880 г. евреямъ принадлежало: 1) 90% всѣхъ трактирныхъ и питейныхъ заведеній; 2) 96% оптовыхъ спиртовыхъ складовъ; 3) 82% всего числа лѣсныхъ складовъ; 4) 78% хлѣбныхъ магазиновъ; 5) 71% торговыхъ лавокъ («Южный Край», 1881 № 311).

Дружнопольскую, Исаковецкую и пр., и вывозъ хлѣба черезъ Одессу производится почти нераздѣльно евреями. Но болѣе всего монополизирована была на всемъ пространствѣ еврейской осѣдлости питейная торговля: въ юго-зап. краѣ число еврейскихъ питейныхъ заведеній близко было къ 20,000; въ Черниговск. губ. изъ винныхъ складовъ евреямъ принадлежало 83 или 87%; изъ 3071 въ рукахъ евреевъ находилось 2386 (568 въ городахъ и 1818 въ селахъ) да еще безпатентныхъ еврейскихъ шинковъ до 1389.

Въ Полтавской губ. по даннымъ „Записки по еврейскому вопросу“ изъ 78 дѣйствовавшихъ въ 1881 г. винокуренныхъ заводовъ находилось въ рукахъ евреевъ 48; изъ 146 оптовыхъ складовъ вина 120, или 83%, въ рукахъ евреевъ, которые владѣли и 50% изъ 4870 пит. завед. Въ Херсонской губ., какъ мы видѣли, евреи владѣютъ 96% оптовыхъ спиртовыхъ складовъ и 90% всѣхъ трактирныхъ и питейныхъ заведеній.

Проживши торговою жизнью нѣсколько столѣтій, еврейство выработало и особенный типъ торговли, характерный какъ по своимъ внутреннимъ отличіямъ, такъ и по внѣшнимъ пріемамъ. Кромѣ оптовыхъ торговцевъ, купецъ еврей рѣдко занимается какою-нибудь спеціальною торговлей; напротивъ, онъ охотно берется за всякаго рода торговыя дѣла; нѣтъ товара, котораго онъ бы не покупалъ, нѣтъ сдѣлки, сколько-нибудь обѣщающей выгоды, за которую бы онъ не взялся. Еврей, начавши дѣло, отдается весь ему: онъ не пожалѣетъ ни времени, ни труда, проникнетъ всюду, найдетъ подходящихъ пособниковъ, откроетъ болѣе выгодныя склонности и слабости людей и непремѣнно все и всѣхъ попытается обратить въ свою пользу. Смѣлость и рискованность въ предпріятіяхъ и неутомимое попеченіе объ ихъ успѣшности—черты присущія еврейской торговлѣ. Не спать нѣсколько ночей сряду, довольствоваться скудною пищею въ теченіе нѣсколькихъ дней, лишь бы достигнуть желаемаго результата и довести до конца начатое дѣло, никто не способенъ такъ выполнить, какъ еврей. Въ своихъ торговыхъ операціяхъ евреи не мало разсчитываютъ на быстроту оборота рубля и на оплош-

ность покупателя или торговца,—отсюда навязчивость при еврейской куплѣ-продажѣ, запросъ въ три-дорога, обмѣриваніе, обвѣшиваніе, недоброкачественность товаровъ и всякаго рода обманъ—качества почти нераздѣльныя съ еврейской торговлей, и въ этомъ отношеніи евреи свою торговую дѣятельность доводятъ до уродливаго торгашества; большая часть торговыхъ операцій евреевъ совершается при помощи незаконныхъ средствъ; достаточно указать на одну контрабанду, которая почти исключительно идетъ черезъ руки евреевъ, и на тѣ фальсификаціи товаровъ, какія происходили въ подвалахъ Бердичева, какъ описываетъ ихъ Мещерскій. Но силу еврейской торговли составляетъ сплоченность и единство въ дѣйствіи торговаго еврейскаго міра и обширность и организованность кредита. Еврейскіе торговцы имѣютъ доступъ во всѣ общія коммерческія учрежденія страны, но, кромѣ того, они имѣютъ свои особенныя еврейскія кассы, своихъ банкировъ, также, какъ и своихъ подрядчиковъ, коммиссіонеровъ, извозчиковъ и пр. Еврейскіе оптовые торговцы связаны кредитомъ съ евреями торговцами въ раздробь; около каждаго оптоваго купца толпится сотня мелкихъ, болѣе бѣдныхъ евреевъ, которые берутъ товаръ изъ оптовой лавки и продаютъ его въ раздробь. Это оживленіе розничной торговли, по замѣчанію Аксакова, усиливаетъ массу наличныхъ денегъ на ярмаркахъ. Еврейскіе ростовщики доступнѣе для евреевъ-торговцевъ, если не величиною процентовъ, то тѣмъ, что даютъ въ займы безъ залоговъ, а это, при неимовѣрной быстротѣ еврейскихъ оборотовъ, играетъ громадное значеніе въ торговлѣ.

Торговая дѣятельность южно-русскихъ евреевъ не ограничивается русской государственной территоріей, но, напротивъ, она переходитъ за пограничную черту, въ Австрію и Пруссію, такъ что евреи лѣваго берега Днѣпра, Новороссіи, зап. края, Польши и упомянутыхъ государствъ составляютъ какъ бы одно огромное общество, скрѣпленное, кромѣ единства вѣры и языка, еще и единствомъ торговыхъ предпріятій; такая же связь существуетъ между оптовыми торговцами, положимъ, хлѣбомъ и скупщиками по мелочамъ того же предмета—въ деревняхъ шинкарями, ла-

вочниками, арендаторами и пр.; живою связью между ними служатъ всякіе коммиссіонеры, факторы и маклера, такъ что, въ концѣ концовъ, страна, какъ сѣтью, охвачена еврейскою торговою спекуляціей.[1]) Нельзя при характеристикѣ еврейской торговли упустить изъ виду еще одно обстоятельство, которое придаетъ большую важность вопросу о еврейской торговлѣ—это сознательное стремленіе евреевъ стать по своимъ операціямъ ближе всего къ темной массѣ народа: изъ 15156 лавокъ 8690 производили торгъ товарами, необходимыми для крестьянъ; по словамъ Волкова, „всѣ предметы первой настоятельной необходимости крестьянскаго быта, за самыми ничтожными исключеніями, на наблюдаемыхъ имъ ярмаркахъ въ юго-западномъ краѣ продавались евреями: деревянныя издѣлія, кожевенныя, чугунъ, желѣзо, кожухи, шапки, веревки, рядна, полотна, горшечный товаръ, соль, деготь, наконецъ галантерейные и красные товары; но особенную убѣдительность имѣла въ данномъ случаѣ еврейская питейная торговля: евреи не заводятъ роскошныхъ гостинницъ, ресторановъ, богатыхъ винныхъ погребовъ, но за то они стремятся монополизировать трактиры, корчмы и шинки въ глухихъ загородныхъ улицахъ, въ пригородахъ, мѣстечкахъ и селахъ, и дѣйствительно, этими заведеніями, главнымъ образомъ, владѣли евреи на всемъ пространствѣ Малороссіи. Въ характерѣ еврейскихъ

---

[1]) Кромѣ того, между еврейскими торговцами существуетъ нерѣдко еще болѣе тѣсная связь, съ характеромъ стачки, предварительнаго сговора. Вотъ что читаемъ мы на этотъ счетъ у Мещерскаго: «еврей передъ Харьковскою и Полтавскою ярмаркою отправляется въ Бердичевъ (въ этотъ городъ биржи для ассоціаціи еврейскихъ торговцевъ), и тамъ, въ сообществѣ другихъ торговцевъ и банкировъ, составляетъ и принимаетъ къ руководству извѣстную торговую инструкцію. Здѣсь же онъ заручается кредитомъ, запасается факторами и входитъ душой въ то торговое товарищество, которое на каждой ярмаркѣ должно связывать неразрывной солидарностью еврейскихъ торговцевъ; здѣсь же послѣ ярмарки бердичевская торговая ассоціація выслушиваетъ отчеты произведеннымъ оборотамъ и на ихъ основаніи вырабатываетъ дальнѣйшія правила дѣйствій».

питейныхъ заведеній лежитъ и объясненіе притягательности ихъ для евреевъ. Еврейскій кабакъ, корчма—это негласная банкирская контора и мѣсто всяческихъ сдѣлокъ еврея съ крестьянами и другимъ простымъ людомъ; она услужливо растворяла свои двери для всякаго нуждающагося въ деньгахъ, выдавала послѣднимъ денежныя ссуды подъ залогъ личнаго труда, съ обязательствомъ выплачивать проценты личнымъ же трудомъ или продуктами труда. Нерѣдко еврейскій кабакъ служилъ въ деревнѣ пристанодержательствомъ конокрадовъ, воровъ, притономъ разврата и имущественнаго разоренія бѣдняковъ и всегда—комиссіонерствомъ по скупкѣ у окольныхъ крестьянъ, чаще по случаю и въ нуждѣ, произведеній: хлѣба, пеньки, куръ, гусей и т. д. [1]).

Указанныя условія, организація и способы еврейской торговли дѣлаютъ изъ евреевъ такую огромную силу, что конкурен-

---

[1]) Вотъ какъ въ этомъ отношеніи обрисовываетъ шинкаря Янсонъ: „Нищій, оборванный жидъ-шинкарь имѣетъ, однако, огромное значеніе въ торговлѣ, особенно хлѣбной. Гдѣ поселился онъ, тамъ начинается ростовщичество и скупка хлѣба за деньги, а чаще за водку. Всѣ углы еврейскаго жилья наполняются разнымъ крестьянскимъ добромъ, и „клуня“ или амбаръ еврея засыпаются по мелочамъ собраннымъ зерномъ. Мало по малу оборванный жидокъ превращается въ обладателя всѣхъ мужицкихъ скирдъ, и начинается спекуляція, которая многихъ изъ нищихъ превращаетъ въ банкировъ“. Этотъ же жидокъ имѣетъ и другое значеніе въ торговлѣ: ему поручается наблюденіе надъ мѣстными помѣщиками. Зоркій глазъ его видитъ все, что дѣлается въ панскихъ покояхъ. „Къ нему заѣдетъ каждый маклеръ или коммиссіонеръ, чтобы узнать объ обстоятельствахъ продавца помѣщика, заѣдетъ и уѣзжая отъ помѣщика, чтобы поручить „блюсти его интересы“ относительно помѣщика или объявить о наложеніи „херима“ на товаръ. „Помѣщикъ, попавшій подъ такой надзоръ, можетъ быть увѣренъ“, говоритъ тотъ же авторъ, „что каждый приходящій къ нему покупщикъ, только подосланъ первымъ и станетъ давать ему дешевле, чѣмъ сулили ему прежде“. Не продастъ такой помѣщикъ своего хлѣба и въ близкомъ городѣ, потому что и тамъ всѣ еврейскіе скупщики извѣщены уже объ обстоятельствахъ продавца.

ція съ ними мѣстнымъ туземнымъ торговцамъ рѣшительно невозможна. Эта сила тѣмъ больше и неотразимѣе, чѣмъ гуще еврейское населеніе, причемъ въ такихъ мѣстахъ замѣчается явленіе, противное закону конкуренціи, чѣмъ гдѣ больше еврейскихъ торговцевъ при отсутствіи торговцевъ изъ нееврейской среды, тѣмъ дороже обходится та услуга, которую они производятъ, какъ купцы и посредники. На фастовской ярмаркѣ, по словамъ Волкова, всѣ предметы первой необходимости крестьянскаго быта, за самыми ничтожными исключеніями, продавались евреями и весь внѣшній видъ ярмарки представлялъ собою возмутительную въ экономическомъ отношеніи картину: крестьяне продавали свой трудовой хлѣбъ евреямъ и за вырученныя деньги покупали у евреевъ же ихъ же мужицкими руками добытые и обработанные изъ сырья предметы первой необходимости. На ярмаркахъ же Борисполя и Нѣжина, въ мѣстахъ менѣе густого еврейскаго населенія, почти безъ исключенія всѣ сырые продукты продавались самыми производителями, людьми мѣстнаго происхожденія, козаками и мѣщанами, такъ что больше 25% общей суммы оборота переходило непосредственно изъ рукъ производителей въ руки потребителей. Результаты совершеннаго подавленія туземнаго элемента въ торговлѣ и черезъ это отсутствіе конкуренціи съ евреями на правомъ берегу и существованія послѣдней въ лѣвобережной Украйнѣ отразилось до очевидности на цѣнахъ продуктовъ, какъ это можно видѣть изъ такой таблицы Волкова:

Товары.	Борисполь.	Фастовъ.	Разница.
Глиняный кувшинъ . .	8 к.	15 к.	7 к.
Сапоги мужскіе	4 - 5 р.	5—6 р.	1 р.
» женскіе	3 р. 50 — 4.	4—5.	50 к.—1 р.
«Кожухи».	12—15 р.	16—20 р.	4—5 р.
«Лемеши»	1.30 — 1.50 к	1 р. 75 — 2.	45—50 к.

Рушники	1 р. 50 – 3 р.	75 – 1 р.	»
Топоры.	75 к.	80 – 90 к.	5 – 15 к.
Колесъ станъ	3 р. 25 – 4	4 – 5 р.	75 – 1 р.
Соли пудъ.	90 – 1 р	1 р. 10	20 – 10
Дегтя ведро.	80 – 1 р	1 р. 20	40 – 20
Тарани десятокъ. . . .	20 к.	30 к.	10 к.

Нельзя при этомъ упустить изъ виду двухъ еще обстоятельствъ, именно, что дорогіе предметы въ Фастовѣ, по замѣчанію Волкова, кромѣ колесъ, ниже по достоинству борисполь-скихъ, и потомъ еще, что такая разница въ цѣнахъ стоитъ въ двухъ мѣстахъ, сосѣднихъ по уѣздамъ и находящихся на разстояніи 100 верст.; но чѣмъ дальше вглубь еврейскихъ посе-леній, тѣмъ печальнѣе результатъ монополіи евреевъ въ тор-говлѣ края.

Къ торговлѣ примыкаютъ и держатся ею ростовщичество, коммиссіонерство, маклерство и факторство.

Исключительно занимающихся ростовщичествомъ среди ев-реевъ немного,—въ каждомъ городѣ или мѣстечкѣ съ болѣе или менѣе густымъ населеніемъ имѣется спеціалистовъ ростовщи-ковъ нѣсколько; но за то рѣдкій не только торговый еврей, но и ремесленникъ и земледѣлецъ рядомъ со своимъ спеціальнымъ занятіемъ не пріобрѣтаетъ средствъ и ростовщичествомъ. Сплошь да рядомъ можно встрѣтить сапожника, портного, книгопро-давца, даже ходатая по дѣламъ, которые въ тоже время и ростов-щики, понятно, неоффиціально, а частнымъ образомъ, ссужающіе деньги подъ варварскіе проценты".[1]) По богатству еврейскіе ро-стовщики дѣлятся на нѣсколько градацій, отъ дающихъ тысячи до дающихъ единицы рублей; но общее между ними—это высо-кіе проценты и различіе, которое ставятъ ростовщики между

[1]) Рус. Кур. № 198, 1881 г.

заемщиками евреями и не евреями: отъ послѣднихъ обязательно требуется или залогъ, или прочный письменный документъ, съ евреями же сдѣлки проще, да и проценты не достигаютъ такихъ громадныхъ размѣровъ, какъ 200—300% въ годъ. Особенно процентщики обираютъ крестьянъ, берущихъ на подати и въ „случные часы" подъ залогъ будущаго урожая или труда, или же съ уплатою процентовъ капитала урожаемъ и трудомъ. Чубинскій приводитъ примѣръ еврейскихъ процентовъ съ крестьянъ по 30% въ недѣлю, т. е. болѣе 150% въ годъ, но бываютъ проценты и выше. Въ Звенигородскомъ у. Кіевск. губ., по словамъ корреспондента „Труда", еврей Л—нъ бралъ 400% въ годъ будущимъ урожаемъ. [1]) По словамъ корреспондента „Русскаго Курьера" въ юго-зап. краѣ „евреи, давая крестьянамъ взаймы съ платою урожаемъ и трудомъ, вмѣсто процентовъ берутъ въ пользованіе крестьянскіе надѣлы и получаютъ 400—500%". [2]) Евреями же созданъ еще особенный открытый видъ ростовщичества—размѣнъ денегъ на мѣняльныхъ столикахъ, гдѣ еврей отсчитываетъ въ свою пользу съ каждаго размѣненнаго рубля отъ 2—6 коп., что составляетъ не сотни, а тысячи процентовъ. Еврейское ростовщичество очень развито въ странѣ: оно оказываетъ кредитъ и помѣщикамъ, и заводчикамъ, и горожанамъ, и крестьянамъ. Опредѣлить сумму, какая находится у еврейскихъ ростовщиковъ въ оборотѣ, и прибыль, нельзя и приблизительно по негласности и неопредѣленности самого дѣла. Чубинскій, предполагая, что у помѣщиковъ и заводчиковъ еврейскихъ денегъ только до 5000000, а у крестьянъ только до 2000000, получаетъ прибыль 1000000; [3]) но такой выводъ противорѣчитъ прежде всего его собственнымъ словамъ, что въ деревнѣ процентъ евреевъ доходитъ до 156 р. (въ годъ), да и самъ онъ указываетъ, что въ одномъ селѣ N онъ знаетъ трехъ лицъ, которые даютъ деньги на проценты и зарабатываютъ до 1500 руб. въ

---

[1]) «Трудъ» № 45.

[2]) „Русск. Курьеръ" № 150.

[3]) Чубинскій 206 стр.

годъ. На это же указываетъ и корреспондентъ Звенигородскаго уѣзда, говоря, что въ селѣ К—ѣ еврей А—нъ въ 1881 г. роздалъ „голытьбѣ“ на счетъ будущаго урожая около 1500 р. по 400% [1]). Можно съ увѣренностью сказать, что мы далеко не приблизимся до величины оборотовъ еврейскихъ ростовщиковъ, если удвоимъ цифру Чубинскаго и разсчитаемъ прибыль не по 13%, такъ какъ такіе проценты совершенно не существуютъ въ практикѣ еврейскихъ ростовщиковъ, а хотя только по 25%, то при такомъ разсчетѣ прибыль евреевъ отъ ростовщичества въ предѣлахъ Малороссіи доходитъ до 8000000 р. Но, конечно, нашъ разсчетъ гадательный, и едва ли когда нибудь придется отмѣтить цифрами эту чрезвычайно темную сторону еврейской торговли деньгами. Такъ же темна и факторская профессія евреевъ. Послѣдній видъ труда, кажется, больше, чѣмъ какой-нибудь другой, созданъ у насъ евреями и теперь исключительно ими монополизированъ. Въ районѣ обитанія евреевъ, особенно густого, между потребителями и производителями, между производителями и посредниками-торговцами, между послѣдними и потребителями товара стоитъ цѣлый многочисленный классъ евреевъ, который участвуетъ во всѣхъ могущихъ возникнуть между указанными экономическими группами операціяхъ, осложняетъ до невозможности процессъ всякаго обмѣна цѣнностей, возвышаетъ ихъ стоимость и живетъ на счетъ этого искусственно созданнаго процесса. Этотъ классъ составляетъ факторы, коммиссіонеры и маклера. Еврейскіе факторы предлагаютъ свои услуги при самыхъ разнообразныхъ сдѣлкахъ; существуютъ факторы при крупныхъ операціяхъ и въ оптовой торговлѣ,—безъ нихъ не обходится ни одинъ торговый домъ; существуютъ факторы и при розничной торговлѣ „въ незначительныхъ торговыхъ операціяхъ и даже внѣ предѣловъ торговли въ собственномъ смыслѣ: есть факторы, чтобы сводить двухъ лицъ для сдѣлки по торговлѣ любымъ предметомъ, есть факторы по найму рабочихъ, подводъ, факторы для доставки товаровъ на домъ; фак-

---

[1]) „Трудъ“ № 45.

торы для пассажировъ и пр.; но самый низшій видъ ихъ—это факторы при гостинницахъ, постоялыхъ дворахъ и трактирахъ, или „мишурисы". Послѣдніе не даютъ покоя проѣзжему предложеніемъ всякихъ низостей, и главная ихъ доходная статья—сводничество, причемъ происходитъ самая безсовѣстная эксплуатація низменныхъ страстей пріѣзжихъ и безвыходности проститутокъ. Въ самой еврейской средѣ факторы пользуются презрѣніемъ, и факторствомъ занимаются люди, не привыкшіе къ труду, сомнительной честности, берущіе на себя всевозможныя порученія, какъ бы цѣль ихъ гнусна ни была, ради денегъ готовые на всякую низость и подлость".[1]) Такой взглядъ не распространяется, впрочемъ, на привилегированный сортъ факторовъ, носящихъ названіе *коммиссіонеровъ*. Еврейскіе коммиссіонеры—это факторы для крупныхъ сдѣлокъ, особенно хлѣбныхъ; такими коммиссіонерами переполнена Одесса, Екатеринославъ, Пинскъ и проч.: одни изъ нихъ живутъ тамъ постоянно, другіе наѣзжаютъ туда только по временамъ, всѣ они люди зажиточные, а есть между ними даже и богатые. Безчисленное множество разсыпано по всему краю и разныхъ агентовъ—коммиссіонеровъ богатыхъ оптовыхъ купцовъ. Они являются связующимъ элементомъ между отдаленными рынками и торговыми центрами. Кромѣ коммиссіонеровъ, въ еврейской торговлѣ является лицомъ неизбѣжнымъ еще *маклеръ*, этотъ ходячій прейсъ-курантъ, въ памятно-записной книжкѣ котораго означены цѣны, количество товара, предлагаемаго къ продажѣ, мѣстонахожденіе его, степень нужды продавца въ деньгахъ, однимъ словомъ все, что можетъ интересовать покупателя. Маклеруетъ множество евреевъ, и весь край, гдѣ живетъ и дѣйствуетъ еврейство, опутанъ сѣтью маклеровъ, проникающихъ во всѣ самыя затаенныя экономическія стороны.

Всѣ эти виды факторовъ получаютъ на свою долю не мало отъ торговыхъ операцій въ краѣ, такъ какъ безъ нихъ рѣдко совершается какая-нибудь сдѣлка: получаютъ они условленный

---

[1]) Чуб. 95.

процентъ съ обѣихъ сторонъ, вступившихъ въ соглашеніе по какому-нибудь торговому дѣлу; въ значительной части случаевъ факторъ получаетъ вознагражденіе и за то, что „не портитъ дѣла"; но опредѣлить стоимость странѣ еврейскихъ факторовъ едва ли возможно и приблизительно даже. Всѣ указанныя выше разновидности факторовъ имѣютъ дѣло при своихъ операціяхъ съ помѣщиками, купцами и разными городскими обывателями, болѣе или менѣе людьми развитыми, и послѣднимъ обстоятельствомъ вредное значеніе факторовъ въ экономической жизни края ослабляется; но есть еще одинъ видъ факторовъ, на который нельзя не обратить особеннаго вниманія—это *агенты по найму рабочихъ*. При всѣхъ свеклосахарныхъ и рафинадныхъ заводахъ и при другихъ заведеніяхъ, какъ еврейскихъ, такъ и не еврейскихъ, а также при сплавѣ лѣса и пр., существуютъ спеціалисты-евреи, обязанность которыхъ—поставлять нужный контингентъ рабочихъ. Прибыль отъ операцій связана съ выгодностью для патрона найма рабочихъ, отсюда понятна энергія этихъ новѣйшихъ торговцевъ свободными невольниками. Съ рѣдкимъ чутьемъ они узнаютъ, въ какой мѣстности или недородъ хлѣба, или иныя крестьянскія невзгоды поставили населеніе въ безвыходное положеніе въ вопросѣ о податяхъ и хлѣбѣ; „съ инстинктомъ хищной птицы, по выраженію Червинскаго, они летятъ на несчастіе, на голодъ и нужду" и не ошибаются, конечно: при помощи ублаженныхъ волостныхъ заправилъ, закабаляютъ они крестьянъ въ работу на заводы, фабрики или плоты на самыхъ безжалостныхъ условіяхъ для рабочихъ. Занодряживаніемъ занимаются спеціалисты своего дѣла, и потому кабала накладывается полная, по всѣмъ правиламъ юридическаго искусства, съ оформленными контрактами и неустойками, съ круговою порукою, самыми мелочными предвидѣніями интересовъ хозяина, и одного только нѣтъ въ нихъ—какой-нибудь гарантіи интересовъ рабочихъ.

Занятія спеціально торговлею и смежными съ ней—ростовщичествомъ, факторствомъ и маклерствомъ, какъ мы уже говорили, привлекаютъ самый видный процентъ еврейскаго населенія;

сравнительно меньшій процентъ евреевъ отдается крупной фабрично-заводской промышленности.

Въ крупной фабрично-заводской промышленности евреи являются или хозяевами заводовъ и фабрикъ, или же арендаторами. Въ послѣднія два десятилѣтія разсматриваемаго періода съ паденіемъ помѣщичьяго элемента въ странѣ, евреи-заводчики усиливаются все болѣе и болѣе. Въ юго-зап. районѣ евреи участвуютъ почти во всѣхъ видахъ промышленности: имъ принадлежитъ въ собственность 649 промышленныхъ заведеній, которыя представляютъ собой цѣнность въ 1,730,000 р., арендованныхъ—6216, а всего 6865 заведеній. Отъ этихъ заведеній евреи получали чистой пользы:

1. Отъ свеклосахарн. и рафинадн. заводовъ болѣе	1,220,000
2. Винокуренныхъ	700,000
3. Пиво- и медоваренныхъ.	30,000
4. Прочихъ заводовъ	250,000
5. Мельницъ	2,300,000
Итого	4,500,000 [1])

За выключеніемъ развѣ 10%, по мнѣнію Чубинскаго, всѣ мельницы находятся въ рукахъ евреевъ. „Изъ 5730 мельницъ юго-зап. края, находящихся въ рукахъ евреевъ, только 186 составляютъ ихъ собственность, остальныя находятся у нихъ на арендномъ правѣ; при чемъ мельницы большею частью или арендованы вмѣстѣ съ питейными заведеніями и другими арендными статьями, ставящими евреевъ-арендаторовъ въ непосредственное сношеніе съ крестьянствомъ. Явленіе аналогичное съ тѣмъ, которое указано выше. Изъ остальныхъ 2618 заводовъ и фабрикъ въ рукахъ евреевъ находится 1095, т. е. около 41%, въ частности:

1. Сахарныхъ . . .	изъ 117— 27	около 24%
2. Винокур.	539—500	. . . . 92%
3. Пиво- и медовар. . .	148—119	. . . . 80%
4. Изъ остальныхъ . .	1375—493	. . . . 32%

[1]) Чуб. 196.

и всѣ почти заведенія въ арендѣ.[1]) Приведенныя цифры указываютъ, что еврейская промышленность спеціализировалась въ это время на производствѣ спиртныхъ напитковъ: водочные, пиво- и медовар. заводы захвачены евреями; этимъ же объясняется и монополія мельницъ, какъ необходимыхъ принадлежностей спиртныхъ напитковъ. Въ свою очередь вся эта отрасль еврейской промышленности есть только продолженіе и дальнѣйшее развитіе торговыхъ операцій спиртными напитками во всякаго рода питейныхъ заведеніяхъ, которыми они опутали, какъ сѣтью, городскую и сельскую Малороссію.

Опредѣлить, какое число евреевъ участвуетъ и кормится отъ крупной промышленности, чрезвычайно трудно, не по недостатку только матерьяловъ, но и по своеобразію самаго еврейскаго производства. Въ каждомъ промышленномъ заведеніи, кромѣ оффиціальнаго хозяина заведенія или арендатора съ семьей, участвуетъ еще вереница разныхъ коммиссіонеровъ, прикащиковъ, поставщиковъ, агентовъ, факторовъ и всегда изъ евреевъ же. Во всякомъ случаѣ, при всѣхъ еврейскихъ промышленныхъ заведеніяхъ евреи занимаютъ всѣ роли, кромѣ ролей съ производительно-мускульнымъ трудомъ—это удѣлъ крестьянъ; евреи, кромѣ хозяина или арендатора—управители и прикащики, поставщики матерьяловъ и топлива, пріемщики продуктовъ, агенты по закупкѣ матерьяловъ и сбыту заводскихъ продуктовъ и, наконецъ, факторы по найму рабочихъ; рабочіе же—исключительно крестьяне. Къ крупной промышленности примыкаетъ и еврейское землевладѣніе: разница въ предметахъ эксплоатаці;

---

[1]) Въ Черниг. губ. въ 1881 г. изъ 79 винокур. заводовъ 13 принадлежало евреямъ въ собственность, а 23 арендуются ими; но эти числа, замѣчаетъ корреспондентъ «Труда», по всей вѣроятности, ниже дѣйствительности, такъ какъ многіе заводы евреи арендуютъ по частнымъ условіямъ, о чемъ акцизное вѣдомство не имѣетъ свѣдѣній („Трудъ“ 1-е декабря).

Въ Полтавск. губ. въ 1881 г. изъ 78 дѣйствующихъ винокуренныхъ заводовъ находилось въ рукахъ евреевъ 48 („Земство“).

но не въ характерѣ и способахъ. Еврейское землевладѣніе на территоріи малорусскаго племени явленіе сравнительно новое: если въ малорусскихъ частяхъ Австріи начало его нужно искать въ послѣдней четверти XVIII ст., то въ остальной половинѣ оно, собственно говоря, совпадаетъ съ паденіемъ крѣпостного права. „Съ освобожденіемъ крестьянъ, какъ объясняетъ г. Чубинскій, слѣдовательно, съ необходимостью вести хозяйство на деньги, евреи, какъ капиталисты края, естественно оказались въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ нѣкоторые землевладѣльцы", и потому въ прогрессивной пропорціи помѣщичьи имѣнія стали переходить въ руки землевладѣльцевъ-евреевъ, какъ на правахъ собственниковъ, такъ еще болѣе на арендныхъ основаніяхъ. Польское возстаніе 1863 г. тоже не мало передало земли въ руки евреевъ, благодаря сокращенію польскаго землевладѣнія въ краѣ. Въ 1871 г. въ югозап. краѣ евреями пріобрѣтено въ собственность 12 имѣній или 17,903 десятины стоимостью въ 700,000 руб. и до 1000 имѣній арендовано у помѣщиковъ или болѣе 150,000 дес. съ платою одной аренды болѣе 1,500,000 р. Такъ что на 1872 г. въ руки евреевъ фактически перешло уже до $^1/_9$ части всей помѣщичьей земли въ краѣ. Аналогичный ходъ еврейское землевладѣніе имѣло и въ лѣво-бережной Украйнѣ. Въ Черниг. губ. въ серединѣ 70-хъ годовъ около 200,000 десятинъ (изъ общаго количества 1,193,000 владѣльческой земли [1]) находится въ рукахъ евреевъ, т. е. около 16%. Въ полтавской губ. „изъ двухъ милліоновъ десятинъ земли, не составляющей крестьянской собственности, около 36,000, или до 2% принадлежитъ евреямъ, аредующимъ еще до 172,000 дес. земли, иначе до 9% частной поземельной собственности. Изъ 78,121 дес. земли, потерянныхъ путемъ продажи крупными собственниками-дворянами за восьмилѣтіе 1869—1876 г., на долю евреевъ досталось 25,713 дес. или болѣе 32%, тогда какъ на долю крестьянъ меньше 20,000 [2]), и вообще евреи сдѣлались преимущественно арендаторами и по-

[1]) Чуб. 183—184.

[2]) „Земство" 1881 г. № 4—5.

купщиками земель крупныхъ собственниковъ. Авторъ „писемъ изъ деревни“ (малороссійской несомнѣнно) говоритъ, что въ одномъ только уѣздѣ изъ 43 имѣній 25 находятся въ арендѣ, или изъ 36122 дес. въ арендѣ болѣе половины... „хотя не болѣе 15-ти лѣтъ, прибавляетъ онъ, какъ евреи допущены въ села“ [1]). Какъ быстро въ Малороссіи замлевладѣніе дѣлается еврейскимъ, можно видѣть изъ такого сообщенія корреспондента „Голоса“: на всѣхъ публичныхъ торгахъ земли покупаютъ евреи. Такъ въ Нѣжинскомъ уѣздѣ, въ с. Талалаевкѣ, большое имѣніе купилъ еврей; имѣніе Тарновскаго—Комары купилъ еврей; имѣніе Поповку—купилъ еврей. На такое явленіе указываетъ и корреспондентъ „Русск. Курьера“ (№ 121) изъ Полтавы, когда говоритъ объ обезземеленіи крестьянскаго хозяйства.

Еврейское землевладѣніе на всѣхъ концахъ Малороссіи составляетъ видный процентъ и все болѣе и болѣе усиливается, но, благодаря нѣкоторымъ ограниченіямъ, поставленнымъ ему закономъ въ юго- и сѣверо-зап. краяхъ, оно свободнѣе и интенсивнѣе развивается въ лѣвобережной Украинѣ и Новороссіи. Какъ евреи собственники, такъ и евреи арендаторы одинаково смотрятъ на свое предпріятіе и одинаково ведутъ хозяйство: воздѣлываніе земли у нихъ является не хозяйственнымъ предпріятіемъ, а торговою спекуляціей, и потому здѣсь одна задача—выжать изъ земли и изъ окружающихъ соціально-экономическихъ обстоятельствъ какъ можно больше прибыли. И дѣйствительно, евреи не обманываются въ своихъ разсчетахъ: они кладутъ въ свой карманъ двойныя и тройныя суммы сравнительно съ затраченнымъ капиталомъ. Объясненіе этому находимъ въ специфическомъ веденіи землевладѣльческихъ дѣлъ, въ которомъ получаютъ примѣненіе всѣ таланты, пріемы и махинаціи евреевъ-торговцовъ. Много писалось и въ корреспонденціяхъ, и въ спеціальныхъ трактатахъ, и въ правительственныхъ и земскихъ органахъ о еврейскомъ землевладѣніи, и намъ придется только ограничиться выводами о немъ. Еврей арендуетъ

---

[1]) „Трудъ“ 1881 г. № 32.

у владѣльцевъ или задолжавшихъ, или подъ деньги впередъ, при этомъ въ мѣстахъ, гдѣ знаетъ все насквозь: каждаго мужика, его семью, его нужду, его слабости, или гдѣ есть родственники, или вѣрный товарищъ, или наконецъ входитъ въ сѣть еврейской аренды, охватывающей извѣстную мѣстность. Окруженный цѣлымъ скопищемъ евреевъ (полу-прикащиковъ, полу-компаніоновъ, иногда родственниковъ, иногда наемныхъ лицъ), связанныхъ общей цѣлью наживы на счетъ невѣжественнаго мужика, раскидываетъ онъ вездѣ свою паутину и подстерегаетъ добычу не только изъ арендной усадьбы, но и изъ излюбленныхъ наблюдательныхъ пунктовъ—кабака и деревенской лавочки, гдѣ пріютились его вѣрные союзники. Шинокъ и лавочка, скупка сельскихъ продуктовъ и сельское ростовщичество и всякія другія средства для эксплуатаціи человѣка и человѣческихъ отношеній пускаются въ помощь къ землевладѣнію и составляютъ иногда основной доходъ еврея-арендатора, для котораго самая аренда является лишь предлогомъ, обстановкой. Такой же побочный, но прибыльный доходъ даютъ евреямъ-арендаторамъ имѣній „потравы“. Чаще всего еврейскія земли примыкаютъ къ землямъ крестьянъ, отчего для послѣднихъ почти невозможно уберечь скотъ, чтобы онъ не зашелъ на еврейскія земли, и этимъ евреи пользуются самымъ безжалостнымъ образомъ.

Первый результатъ, который получается отъ хозяйствованія по указанному плану—уничтоженіе всякой конкуренціи со стороны арендаторовъ не евреевъ, а второй—закабаливаніе окружного крестьянства и почти даровая обработка земли: вѣчно нуждающійся малорусскій земледѣлецъ въ землѣ и деньгахъ для подати и для домашнихъ крайнихъ потребъ, въ концѣ концовъ неизбѣжно окажется и должникомъ, и скопщикомъ арендаторомъ у сосѣдняго еврея. Еврей никогда почти не ведетъ хозяйства собственными средствами: онъ не заводитъ ни своего скота, ни своихъ земледѣльческихъ орудій, не дѣлаетъ хозяйственныхъ построекъ, а предпочитаетъ или нанимать крестьянъ съ ихъ рабочимъ скотомъ и орудіями, платя имъ отъ морга или деся-

тины, какъ это можно встрѣтить чаще всего у евреевъ землевладѣльцевъ въ Юго-Зап. краѣ, или обработывать земли „скопщиной“. При скопщинѣ евреи получаютъ въ свою пользу иногда $^1/_2$, но чаще $^2/_3$ и $^3/_4$ урожая отъ жатвы, да съ сѣнокоса до $^3/_4$ всего количества сѣна, помимо всякихъ доплатъ и отработокъ. Такая система хозяйничанья даетъ еврею всѣ выгоды, безъ всякаго хозяйственнаго труда, безъ всякихъ агрономическихъ улучшеній, съ его стороны, за однѣ хлопоты и коммиссіонерство, какъ и въ торговыхъ операціяхъ, а крестьянина съемщика и работника заставляетъ работать нерѣдко не только безъ выгоды, но просто въ убытокъ себѣ. Вотъ примѣрный счетъ г. Варзера о результатахъ скопщины для крестьянина въ Черниг. губ. Доходъ съемщика 30 пуд. ржи; расходъ же, по условію съ евреемъ:

$^1/_2$ арендатору	15 пуд.
обсѣмененіе	7 „
Станъ ($^1/_5$ урож).	6 „
Обработка (запашка и пр.) . . .	4 „
Доплаты (40 к.)	1 „
Итого . . .	33 пуда.

Слѣдовательно, крестьянинъ работаетъ съ убыткомъ для себя въ 3 пуда, но бываютъ доплаты въ 1 р. и даже больше.

Неизбѣжные и непремѣнные спутники еврейскаго землевладѣнія: разрушенныя помѣщичьи усадьбы, вырубленный лѣсъ, проданный скотъ и покрытая сорными травами земля, а вокругъ—обѣднѣніе крестьянства.

Къ послѣднему типу дѣятельности евреевъ относится аренда казенныхъ оброчныхъ статей: пахати, луговъ, лѣсу, казенныхъ построекъ и пр. Евреи въ этой области между другими кулаками занимаютъ самое видное мѣсто, благодаря своему искусству обходить всякія препятствія. Искусство евреевъ въ этомъ отношеніи неуловимо по своему разнообразію: прежде всего стачка, и въ этомъ „евреи, по выраженію Шлейснера, мастера болѣе другихъ, такъ какъ они кагально солидарны“, потомъ

всякіе обходы, въ родѣ слѣдующаго случая, разсказаннаго корреспондентомъ „Южнаго Края“: евреи на торгахъ въ Херсонск. губ. возвысили цѣну до такой цифры (4 р. 50 к.), что нѣмцы-поселяне, конкурировавшіе съ ними, отступились. „Еврей беретъ, уплачиваетъ за землю за полгода впередъ и сейчасъ же сдаетъ ее по участкамъ по цѣнѣ низшей, но уже не на полгода, а на годъ, причемъ беретъ съ крестьянъ всѣ деньги впередъ, самъ же черезъ полгода объявляетъ себя несостоятельнымъ и отступается отъ аренды. Назначаются новые торги, и оброчная статья сдается по низкой цѣнѣ тому же еврею черезъ посредство подставного лица“, такъ какъ никакихъ конкурентовъ на этотъ разъ не явилось [1]).

Оттиснувши тѣмъ или другимъ способомъ конкурентовъ и забравши доходныя статьи въ свои руки, евреи безъ всякаго труда получаютъ одинъ барышъ изъ окружающихъ крестьянъ, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ: „Дача Херс. у. Дубовая изъ 2060 дес. арендована евреемъ при оцѣнкѣ въ 2 р. 60 к. за десятину: онъ отдаетъ часть земли на выпасъ скота по 2 р. 50 к. за крупную скотину „или съ обязательствомъ убрать у него 2 дес. посѣва, что составляетъ 7 р.“ Сергѣевская дача 2284 дес. находится въ арендѣ у евреевъ съ платою 2184 р., т. е. менѣе 1 р. за десятину“, а аренда въ тѣхъ мѣстахъ не менѣе 2 р. 50 к. „Дача Терновская 1136 дес. арендаторъ купецъ еврей платитъ далеко ниже оцѣнки—2 р. 85 к. за десятину, а отдаетъ подъ посѣвъ по 3 р. 50 к. и за сѣнокосъ отъ 4 до 5 р. за дес. [2]).

Сравнительно съ торговлей и отмѣченными выше занятіями, производство мелкое—кустарное и ремесленное—мало занимаетъ еврейскихъ силъ. Евреи воспитали въ періодъ своей европейской исторіи отвращеніе ко всякому физическому труду, благодаря, можетъ быть, долгому запрещенію этихъ занятій, а также и малой обезпеченности ремесленниковъ въ тотъ крова-

---

[1]) «Южный Край», № 128.

[2]) «Отеч. Зап.» 1881 г. № III, Шлейснеръ, стр. 44—45.

вый періодъ еврейской исторіи, когда только деньги давали имъ сколько-нибудь сносное существованіе. Привычка сдѣлала свое дѣло, и вотъ мы видимъ, что у евреевъ, начиная со среднихъ вѣковъ, ремесленники въ соціальномъ отношеніи считаются самымъ низшимъ классомъ. Лелѣя постоянно мечту о пріобрѣтеніи капитала, еврей, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, хотя бы ему трудно было даже содержать свою семью, попытается пристроить своихъ дѣтей прежде всего къ торговлѣ, хотя бы въ качествѣ мальчиковъ при лавкахъ („клейтъ-мишуресъ"), и только „весьма рѣдкій еврей отецъ, говоритъ г. Чубинскій, рѣшается отдать сына къ портному или сапожнику, или шапочнику" [1]). Отъ этого еврейскій ремесленный классъ пополняется круглыми сиротами да дѣтьми нищенствующаго класса евреевъ. Галиція, Привислянскій край, сѣверо-западный и зап. край считаютъ въ рядахъ ремесленниковъ больше евреевъ, чѣмъ Буковина, лѣвобережная Украина, Новороссія и др. Такое явленіе объясняется тѣмъ, что въ первыхъ областяхъ Малороссіи, гдѣ торговый еврейскій классъ до того переполнилъ дѣйствительную потребность страны, что многимъ изъ евреевъ рѣшительно не остается мѣста на торговомъ пиру, они то и берутся за ремесло до перваго, впрочемъ, случая, когда имъ удастся смѣнить ремесло на торговлю. Изъ ремесленниковъ, главнымъ образомъ, состоитъ низшій классъ еврейскихъ эмигрантовъ, который, какъ авангардъ еврейства, передвигается больше всего на лѣвый берегъ Днѣпра, гдѣ значительная часть изъ нихъ очень скоро обращается въ торговцевъ того или другого вида. Изъ ремеслъ евреи избираютъ болѣе легкія по мускульному напряженію и болѣе близкія къ торговлѣ по своему характеру. Первое мѣсто занимаютъ ремесла—золотыхъ дѣлъ, часовое, граверное и позументное. Эти занятія пользуются большимъ противъ всѣхъ другихъ ремеслъ почетомъ и не считаются унизительными. Потомъ слѣдуютъ мѣдники, портные, шапочники, сапожники, маляры и

---

[1]) Чуб. 90.

музыканты. Общественное мнѣніе евреевъ не расположено къ этимъ видамъ, считая занимающихся ими членовъ общества людьми религіозно-индиферентными и вообще низшей нравственности противъ другихъ. Такія же ремесла, какъ кузнечное, столярное, плотничье, шорное, ткацкое, ремесла каменщиковъ и вообще ремесла самыя тяжелыя по затратѣ мускульныхъ силъ—находятъ для себя работниковъ среди евреевъ рѣже всего, особенно ничтожно между ними количество каменщиковъ и печниковъ. Ремесленниковъ послѣдняго типа можно найти только по правую сторону Днѣпра, и ихъ совершенно нѣтъ, кромѣ развѣ кузнецовъ, въ лѣвобережной Украинѣ, Новороссіи, Харьковск. и др. губ. Среди ремесленниковъ евреевъ замѣчается то же самое явленіе, что и между торговцами—отсутствіе спеціальности, и особенно наслѣдственной. Трудно отыскать еврея ремесленника, особенно въ Галиціи, сѣверо- и юго зап. краѣ, который не зналъ бы еще какого-ниб. ремесла сверхъ того, какимъ онъ занимается въ данную минуту. Еврей столяръ въ то же время и слесарь, и сапожникъ, и парикмахеръ, и сверхъ всего этого корчмарь, не говоря уже, что онъ неизбѣжнымъ образомъ факторъ, ростовщикъ и т. д. Понятно, что въ ремеслѣ евреевъ не бываетъ усовершенствованій ни въ прочности работы, ни въ кройкѣ, потому что нельзя же грубое слѣдованіе евреевъ ремесленниковъ за модой относить на ихъ счетъ, но за то никто, какъ евреи, не способенъ такъ экономично обходиться съ матерьяломъ, идущимъ на работы; у евреевъ ремесленниковъ всегда идетъ меньше матерьяла на предметъ, чѣмъ у ремесленниковъ другихъ націй; кромѣ того, чаще всего работы евреевъ отличаются непрочностью, недоброкачественностью въ матерьялахъ. Между ремесленниками евреями не мало встрѣчается и такихъ, которые являются только хозяевами мастерскихъ; рабочіе же у нихъ всѣ, или въ преобладающемъ количествѣ,—мѣстные жители; особенно такого вида ремесленниковъ много въ мѣстахъ съ рѣдкимъ еврейскимъ населеніемъ. Еще меньше въ средѣ евреевъ чернорабочихъ, поденщиковъ, и самый низшій и бѣдный классъ евреевъ предпочи-

таетъ нищенство черной работѣ, между прочимъ и потому, что они находятъ такой видъ работы, какъ чаще всего совмѣстной съ рабочими другихъ вѣроисповѣданій, несогласнымъ съ религіозными воззрѣніями. Чернорабочіе евреи работаютъ только на еврейскихъ фабрикахъ для производства „талисъ“ (шерстяныхъ покрывалъ, носимыхъ евреями во время молитвы); изъ другихъ чернорабочихъ можно встрѣтить сравнительно въ небольшомъ количествѣ водовозовъ, сторожей, „лопатниковъ“, занимающихся въ большихъ складахъ перекидываніемъ хлѣбнаго зерна, и носильщиковъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. Къ чернорабочимъ можно отнести еврейскихъ извозчиковъ. Извозчики евреи существуютъ только въ мѣстахъ съ густымъ еврейскимъ населеніемъ и временно появляются въ мѣстахъ скопленія еврейской массы, напр.—на Ильинской ярмаркѣ. Съ извозомъ у евреевъ связываются еще и другіе роды дѣятельности—факторство и нѣчто въ родѣ спеціальныхъ между-еврейскихъ почтовыхъ сношеній. Городскіе евреи извозчики встрѣчаются во всѣхъ городахъ Малороссіи и, кромѣ изнуренности ихъ лошадей, нечистоплотности экипажа и „жидовскаго запроса“ за услугу, ничѣмъ другимъ не разнятся отъ всякихъ извозчиковъ; но еврейскую оригинальность представляютъ „балагульщики“. Этотъ родъ извоза господствовалъ только по правую сторону Днѣпра и служилъ какъ для перевозки пассажировъ, такъ и тяжестей, въ громадныхъ размѣрахъ, неуклюжихъ крытыхъ повозкахъ („баалъ-аголахъ“), своего рода дилижансахъ. Характерность балагульства—различіе въ пассажирахъ евреяхъ и неевреяхъ, пренебреженіе интересами послѣднихъ пассажировъ, эксплуатація ихъ кармановъ и страшно-нехозяйственное обращеніе съ лошадьми. Во всякомъ случаѣ, извозчики евреи принадлежатъ къ самому бѣдному классу—люди труда полезнаго, и, за исключеніемъ указанныхъ недостатковъ да нерѣдкой ихъ связи съ конокрадами, представляютъ среди еврейства одинъ изъ наиболѣе терпимыхъ элементовъ.

Еще ниже промышленной дѣятельности стоитъ у евреевъ земледѣльческій трудъ, который вмѣстѣ съ мойкою бѣлья, ноше-

ніемъ воды, смазываніемъ хаты и огородничествомъ считается исключительно удѣломъ мужика-крестьянина. Такое явленіе въ современномъ евреѣ находится въ противорѣчіи не только съ Библіей, но и съ талмудомъ, который ставитъ земледѣліе выше всѣхъ другихъ занятій, и объясняется исключительно исторіей европейскаго еврейства. Во всѣхъ углахъ Европы, гдѣ евреи селились, вся земля находилась въ рукахъ правящаго класса и обрабатывалась подневольными крѣпостными руками. Евреи, понятно, не могли заняться земледѣліемъ, которое приводило бы ихъ въ крѣпостную зависимость отъ землевладѣльцевъ, а это, кромѣ очевидныхъ невыгодъ соціально-экономическихъ, противорѣчило бы съ кореннымъ міровоззрѣніемъ евреевъ на себя, какъ на народъ избранный, поставленный выше всѣхъ народовъ. Кромѣ того, евреи въ Европѣ жили жизнью полукочевого населенія: сегодня ихъ гнали изъ одной страны—и они переходили въ другую, не будучи увѣрены, что завтра ихъ не погонятъ и изъ этой. Такое положеніе не могло сдѣлать изъ нихъ земледѣльцевъ, занятіе которыхъ по своей природѣ требуетъ осѣдлости, твердой увѣренности въ завтрашнемъ днѣ своего пребыванія на засѣянномъ полѣ. То же самое застало евреевъ и въ пріютившей ихъ Польшѣ и въ Малороссіи; и здѣсь поселянинъ-земледѣлецъ былъ рабомъ того, чью землю воздѣлывалъ. Исторически атрофировались въ современныхъ евреяхъ инстинкты и привычки древняго азіятскаго земледѣльческаго іудейства, и евреи стали смотрѣть на земледѣліе, какъ на занятіе исключительно принадлежащее крѣпостному населенію.

Чтобы побороть предубѣжденіе евреевъ противъ земледѣлія, русское правительство сдѣлало много усилій для устройства еврейскихъ земледѣльческихъ колоній, но, какъ увидимъ, безрезультатно.

Еврейскія колоніи въ Малороссіи—явленіе сравнительно новое; онѣ впервые появились въ концѣ XVIII в. (около 1799 г.), по почину и при содѣйствіи правительства; особенно энергично дѣйствовало правительство для образованія земледѣльцевъ изъ евреевъ въ періоды 1804—1810 и потомъ съ 1835 г. съ пе-

рерывами по 1856 г. Колоніи заводились на льготныхъ основаніяхъ: онѣ освобождались отъ рекрутской повинности на разные сроки и на 5 лѣтъ отъ всѣхъ казенныхъ податей, а въ Новорос. колоніяхъ на 10 лѣтъ; имъ выдавалась ссуда на обзаведеніе, земли отводилось отъ 20 до 40 десятинъ на семейство, выстроены были дома и хозяйственныя постройки, нерѣдко снабжали ихъ рабочимъ скотомъ и орудіями и даже позаботились о руководителяхъ ихъ при пріученіи ихъ къ земледѣльческому труду, каковыми были поселены между ними нѣмцы-колонисты. На такія льготныя условія, и то съ неохотою, шли обнищавшіе евреи изъ западныхъ губ. и Курляндіи. Въ настоящее время извѣстны еврейскія колоніи въ Новороссіи, въ юго-зап. краѣ и въ малор. частяхъ Гродн. и въ Черниг. губ. Статистическія данныя о населеніи еврейскихъ колоній являются съ 1860 г. въ такомъ видѣ:

	муж.	женск.	итого.	СВЕРХЪ ТОГО:
Кіевск. губ.	4019	3961	7980	Въ Гродн. губ. (Бр., Бѣл., Пр. и Кобр. у.у.) . . . . . 751 д.
Подольск. .	4825	4586	9411	— Хот. у. Бессар. губ. . . . 395 „
Волынск. .	1632	1642	3274	— Черн. г. (безъ Сур. у.) . . 11699 „
Екатерин. .	6465	5723	12188	
Херсонск. .	11279	10565	21244	
Всего. . .	28220	26477	54697	

У насъ нѣтъ статист. данныхъ, на которыхъ можно было обосновать точный выводъ о ростѣ или убыли еврейскаго населенія въ колоніяхъ; но люди, занимавшіеся изученіемъ ихъ, утверждаютъ, что еврейское населеніе изъ колоній разбѣгается по сосѣднимъ городамъ, мѣстечкамъ и селамъ или временно по паспортамъ, или же и совершенно, приписываясь въ купеческое или мѣщанское званіе, что имъ разрѣшено въ 1868 г. „Въ настоящее время, писалъ Шмаковъ, во всѣхъ городахъ Новорос-

сійскаго края встрѣчаются ремесленники изъ евреевъ-колонистовъ. Тѣ изъ нихъ, которые были побогаче, занялись извозомъ. Въ Херсонѣ и Одессѣ евреи-колонисты, за неимѣніемъ другихъ болѣе выгодныхъ занятій, сдѣлались поневолѣ носильщиками тяжестей, подсѣвальщиками пшеницы, дроворубами и пр. „Изъ евреевъ-колонистовъ, по замѣчанію того же автора, вышли факторы, ростовщики, кабатчики, которые, какъ паразиты, легли на туземное населеніе и дѣйствительно тяжелы для него".[1]) Но и оставшіеся въ колоніяхъ не отдались земледѣльческому труду. По свѣдѣніямъ Шмакова, въ еврейскихъ колоніяхъ „фабрикъ и заводовъ нѣтъ, но ремесленниковъ разнаго рода очень много, и это даетъ имъ возможность поддерживать свои хозяйства... Удовлетворяя потребностямъ колоній, эти мастера заработываютъ весьма порядочныя деньги и въ сосѣднихъ малороссійскихъ селеніяхъ".[2]) Другія средства заработковъ—ростовщичество для сосѣдей крестьянъ и шинкарство: такъ, въ 1868 г. въ колоніяхъ Херсонской губ. находилось кабаковъ 65, а въ Екатер. 19 и продано изъ нихъ водки въ первыхъ на 12484 р., а во вторыхъ на 3973 р. Сами евреи мало употребляютъ водки, а главными участниками были сосѣдніе поселяне и проѣзжающіе черезъ колоніи чумаки". Всѣ же земледѣльческія занятія, особенно въ юго-зап. колоніяхъ, гдѣ предложеніе крестьянами рабочихъ рукъ велико, лежатъ на крестьянахъ, которыхъ евреи считаютъ, кажется, созданными для этого. Стоя относительно грамотности и умственнаго развитія выше русскихъ поселянъ (въ Новороссіи 1 учащійся еврей приходится на 8 ревизскихъ еврейскихъ душъ и всѣ грамотны), не говоря уже о религіозномъ предубѣжденіи, евреи-колонисты, какъ и вообще евреи, считаютъ мужика ниже себя и мужикъ имъ представляется „невѣжественною рабочею силою", и потому къ физическому труду они въ теченіе полустолѣтія не только не пріучились, но и не потеряли даже къ нему отвращенія. Не повліяло земледѣліе

[1]) Шмаковъ, 163.
[2]) Ib. 165.

на евреевъ и въ другихъ отношеніяхъ, не говоря уже о поднятіи нравственнаго уровня, но и бытовыхъ привычекъ—нечистоплотности и неаккуратности, о чемъ свидѣтельствуетъ одинъ внѣшній видъ колоній, которыя, по выраженію Чубинскаго, представляютъ собою мерзость запустѣнія: „двѣ трети домовъ съ ободранными крышами, причемъ многіе дома совершенно пусты; почти всѣ дома невыбѣлены, глина съ наружныхъ стѣнъ обвалилась. Около многихъ домовъ, какъ говорится, ни кола, ни двора".[1]) Тоже самое и въ колоніяхъ Новороссіи, гдѣ, по словамъ Шмакова, „мало зелени и дома рѣдко содержатся въ порядкѣ. Между жилыми строеніями встрѣчается довольно много домовъ разоренныхъ и заброшенныхъ, также много домовъ съ поврежденными крышами... Поселенцы обѣднѣли и нужда заставила ихъ скучиваться по двѣ-три семьи въ одинъ домъ".[2]) Вообще поселенія евреевъ-колонистовъ въ разсматриваемый періодъ представляютъ видъ, печальнѣе котораго трудно представить... „Эти люди оказались въ высшей степени лѣнивыми и впали въ глубокую нищету. Поражающіе своимъ изнуреннымъ видомъ, покрытые рубищами, ютясь въ полуразвалившихся грязныхъ хижинахъ, они не пріобрѣли ни малѣйшихъ знаній въ земледѣліи и отдаютъ свои поля исполу поселенцамъ другихъ племенъ изъ части урожая".[3])

Остальное еврейское населеніе, которое по своимъ занятіямъ не подходитъ къ описаннымъ выше категоріямъ, принадлежитъ или къ еврейскому духовенству (цадики, раввины и меламеды), или же образуетъ классъ нищихъ, которыхъ между евреями чрезвычайно много: только въ юго-зап. краѣ Чубинскій полагаетъ ихъ до 20000.

Такимъ образомъ, въ распредѣленіи евреевъ по дѣятельности первое мѣсто занимаютъ евреи, торгующіе или приписавшіеся къ торговлѣ, какъ ростовщики, факторы, коммиссіонеры

---

[1]) Чуб. 189.

[2]) Шмаковъ, 137.

[3]) „Южный Край", 112.

и маклера; потомъ слѣдуютъ евреи, имѣющіе дѣло съ крупною промышленностью и земледѣліемъ, далѣе ремесленники и всякаго рода чернорабочіе; за ними можно поставить по количеству еврейское духовенство и нищихъ; наконецъ, послѣднее мѣсто занимаютъ евреи-земледѣльцы. Недостатокъ матеріаловъ, находящихся въ нашемъ распоряженіи, лишаетъ насъ возможности выразить отношеніе указанныхъ группъ на территоріи малорусскаго племени. Если мы воспользуемся наличными данными по Россіи, аналогіей съ западной Европой и, наконецъ, примемъ въ соображеніе однородность и односторонность еврейства на всѣхъ пунктахъ Малороссіи, то приблизительно полуторамилліонное еврейское населеніе распадется по своей дѣятельности на такія неравномѣрныя группы:

1) Земледѣльцы	60000
2) Ремесленники, извощики, поденщики и др. чернорабочіе . .	330000
Вмѣстѣ. . . .	390000
3) Лица прочихъ занятій . . .	1184000
Всего. . . .	1574000

Ир. Житецкій.

П. А. КУЛИШЪ.

(*Біографическій очеркъ*). [1])

XXXVIII.

Редакторы „Основы“ горячо принялись за дѣло, но, очевидно, не такъ легко было поставить журналъ на ноги. „У насъ въ Петербургѣ хорошаго ничего не слышно,“ писалъ Кулишъ Бодянскому въ концѣ 1860 г.,—„а дурнымъ непріятно съ кѣмъ бы то ни было дѣлиться, тѣмъ паче съ вами. Подписка на журналъ идетъ тихо, въ томъ числѣ и на „Основу“, которой первая книжка уже набирается“ [2]).

Но не таковъ былъ Кулишъ, чтобы опускать руки отъ первой неудачи и тутъ же онъ сообщалъ Бодянскому, что предпринимаетъ написать малороссійскую исторію на украинскомъ языкѣ: „Очень мудреное дѣло, но мнѣ хочется сдѣлать все для меня возможное, чтобы хоть попытка къ этому была заявлена судьямъ нашей народности. Для народа я уже написалъ книжку о временахъ Хмельницкаго и хлопочу только о цензурѣ; но заговорить по украински съ людьми учеными дѣло совсѣмъ иное“ [3]). Оглядываясь въ послѣдніе годы на пройденное поприще жизни, Кулишъ обыкновенно съ грустью вспоминалъ о удачно начатомъ,

---

[1]) См. Кіев. Стар. 1901 г., № 6.

[2]) «Кіевск. Стар.» 1897, XII, стр. 469.

[3]) Тамъ же.

но вскорѣ испорченномъ и загубленномъ своемъ журнальномъ дѣтищѣ, печальную судьбу котораго онъ объяснялъ неумѣлымъ веденіемъ дѣла своимъ сотрудникомъ. Быть можетъ, въ этомъ обвиненіи была доля правды; но несомнѣнно, что главной причиной неудачи было все же позорное равнодушіе публики, о которомъ мы говорили и при существованіи котораго необходимы были и особенное искусство, и особенное счастіе въ веденіи дѣла. Каждый ошибочный шагъ могъ повлечь за собой для журнала самыя серьезныя послѣдствія. Въ одномъ письмѣ къ львовскому писателю Павлику, уже въ девяностыхъ годахъ, Кулишъ говорилъ: „Завзявшись выробити мову добру, не відкидав я геть нічого, що попадало під мое перо ще й до „Хати“ и „Основи“. Саме имья сему місячникові нарек аз; программу до него скомпанував аз, и скилькы було моеі власти над его редактором, те все переходило через мою критичну реторту: и проза, й віршуваньне. От вам відповідь и на питаньне про Вовчкови „Оповиданьня“. Далѣе слѣдуетъ любопытное указаніе на то, что Кулишъ, въ качествѣ редактора, прилагалъ до нѣкоторой степени руку къ трудамъ Марка Вовчка: „Відділяти попіл и жужелицю від срібла въ горнилі, очищаючи его седмерицею, а се ще трудьніща річ, ніж самому авторувати“. Разочарованіе въ ихъ общемъ дѣлѣ съ редакторомъ „Основы“ наступило у Кулиша поразительно скоро. Мы можемъ это видѣть уже по его письмамъ къ Бодянскому. Такъ, въ декабрьскихъ письмахъ 1860 г. Кулишъ говорилъ о журналѣ еще съ полной надеждой, безъ которой впрочемъ едва ли могло бы и состояться это предпріятіе, а въ апрѣлѣ онъ уже откровенно жалуется: „Основа“ снуется Богъ знаетъ какъ, чему я не причастенъ, удалихся бо и умыхъ руцѣ мои отъ всѣхъ распоряженій и даже совѣтовъ, зане редакторъ возмнилъ себе быти мудрѣйша паче всѣхъ земнородныхъ“ [1]). А одно письмо къ Марко-Вовчокъ отъ

[1]) «Кіевск. Стар.» 1897, XII, 470; также см. о пререканіяхъ Кулиша съ Бѣлозерскимъ по поводу «Основы» въ «Кіевск. Стар.», 1899. IX, 358.

15 марта 1862 г. заставляетъ думать, что несогласія начались еще задолго до возникновенія журнала. Уже въ этомъ письмѣ Кулишъ сѣтуетъ: „Журналъ Василію Михайловичу разрѣшенъ; но Василій Михайловичъ хочетъ издавать его въ духѣ примиренія съ панами и объявилъ, что хотя цензура и пропустила въ «Хатѣ» начало моей драмы «Колії», но онъ ее въ журналѣ не напечаталъ бы, и проч. въ этомъ родѣ. Онъ присваиваетъ себѣ право второй цензуры, хочетъ ублажить пановъ и полюбиться имъ своимъ журналомъ, тогда какъ панское негодованіе я считаю заслугою украинской литературы, по преимуществу демократической... Я даю себѣ слово стоять на стражѣ простонародной прямоты и выразительности слова».

Столь же неудачными оказались и дѣла Кулиша по типографіи, но уже не винѣ не неумѣнія вести дѣла, а по совершенной недобросовѣстности сотрудниковъ. Хотя Кулишъ положилъ въ учрежденную имъ типографію почти всѣ свои деньги, которыхъ, какъ мы видѣли, онъ много успѣлъ заработать удачнымъ и полнымъ энергіи трудомъ предыдущихъ лѣтъ, но не въ его характерѣ было контролировать малѣйшіе расходы, безъ чего, однако, едва ли можетъ вестись такое сложное и трудное дѣло, какъ типографское, въ которомъ, въ большинствѣ случаевъ, основано все дѣло на довѣріи къ помощникамъ, что, къ сожалѣнію, пока у насъ еще слишкомъ рисковано. Такъ случилось и съ Кулишомъ: выбранный имъ помощникъ вполнѣ оправдывалъ надежды своего довѣрителя въ смыслѣ искуснаго веденія дѣла, но съ нимъ слѣдовало наблюдать осторожность, чтобы вся его дѣятельность не направилась исключительно на собственное обогащеніе. Всѣмъ этотъ человѣкъ былъ обязанъ Кулишу, но, быстро разбогатѣвъ, онъ не задумался съ циничесой откровенностью заявить ему въ глаза: „Теперь я вамъ не нуженъ; дѣло и безъ меня пойдетъ, а мнѣ въ другомъ мѣстѣ предлагаютъ вдвое больше денегъ“. Кулишъ не упрекнулъ его ни полсловомъ и отпустилъ отъ себя, но типографія, оставшись безъ опытнаго заправителя дѣлъ, скоро пришла въ полный упадокъ. Но и въ эту тяжелую пору Кулишъ не палъ духомъ и нашелъ утѣшеніе

въ литературномъ трудѣ, взявшись за переводъ „Исторіи Англіи“, „Маколея“ [1]) съ тѣмъ, чтобы издатель печаталъ переводъ въ его типографіи, платя за бумагу и наборъ, а все, что Кулишу приходилось получить за его труды, онъ раздавалъ рабочимъ. Затративъ на основаніе типографіи до трехъ тысячъ рублей, Кулишъ мечталъ «только, чтобы получить обратно хоть двѣ», но и этого ему не удалось.

XXXIX.

Въ 1861 году, послѣ всѣхъ названныхъ неудачъ, Кулишъ снова искалъ нравственнаго отдыха и облегченія тамъ, гдѣ привыкъ находить его въ прежніе годы; онъ снова поѣхалъ заграницу, для купанья въ морѣ, причемъ на этотъ разъ его спутникомъ былъ Костомаровъ, бывшій тогда уже профессоромъ петербургскаго университета. Это было счастливое время ихъ тѣсной, задушевной дружбы. Кулишъ, В. М. Бѣлозерскій и Костомаровъ часто сходились передъ тѣмъ по вечерамъ въ Петербургѣ и подолгу засиживались другъ у друга, проводя время въ одушевленной бесѣдѣ. Въ письмахъ и небольшихъ отрывочныхъ запискахъ Кулиша и Бѣлозерскаго мы нерѣдко встрѣчаемъ за это время слѣды ихъ близкихъ отношеній; «корректуру возвращу сегодня у Костомарова», «рукописи принесу съ собой къ Костомарову». Наши путешественники прожили вмѣстѣ около мѣсяца въ Ниццѣ и Монако, побывали въ Генуѣ, но потомъ пути ихъ раздѣлились; [2]) Костомаровъ вернулся въ Петербургъ къ началу лекцій въ университетѣ, которыя, однако,

---

[1]) Надъ этимъ переводомъ, какъ прежде надъ переводомъ «Исторіи испанской литературы Тикнора, по словамъ Ганны Барвинокъ, мужъ ея трудился до обмороковъ.—О журналѣ «Основа» см. въ «Исторіи русской этнографіи» А. Н. Пыпина, т. III., стр. 214—222.

[2]) См. объ этомъ подробнѣе въ «Воспоминаніяхъ о Н. И. Костомаровѣ» въ «Нови», 1895, № 13, стр. 71.

вскорѣ же прекратились вслѣдствіе извѣстной студенческой исторіи, а Кулишъ еще долго странствовалъ по Италіи, проѣхалъ въ Вѣну, оттуда пароходомъ по Дунаю направился въ Турцію; по возвращеніи въ Россію, основался на нѣкоторое время въ Васильевкѣ, у М. И. Гоголь, гдѣ чрезвычайно пріятно провелъ время, и въ серединѣ осени вернулся въ Петербургъ. Въ этотъ промежутокъ времени Кулишъ, много думавшій за границей о своей «Украйнѣ», началъ писать свои «Досвітки» и принялся усердно читать біографію и произведенія Данта. Иногда ему встрѣчались затрудненія въ изученіи нѣкоторыхъ тонкостей «Божественной Комедіи» или сонетовъ Данта и тогда онъ упорно размышлялъ и добивался разъясненія. Потомъ онъ написалъ «Великі Проводи» (произведеніе, сильно искаженное ножницами цензуры), и поэму «Настусю».

Очень много грустнаго чувствуется въ этихъ стихахъ Кулиша! И въ самомъ дѣлѣ, весь 1861 годъ былъ для него тяжелъ: кромѣ всего сказаннаго, достаточно только вспомнить, что это былъ годъ смерти Шевченка (26 февраля), надъ гробомъ котораго Кулишъ сказалъ слѣдующія прочувствованныя слова: «ты намъ оставывъ одынъ завитъ, Тарасе, ты говорывъ своій непорочній музи:

«Мы не лукавылы зъ тобою,
Мы просто йшлы—у насъ нема
Зерна неправды за собою»...

«Велыкый и святый завитъ! Будь же, Тарасе, певенъ, що мы его соблюдемо и николы не звернемо зъ дорогы. Колы жъ не стане въ насъ снагы твоимъ слидомъ простуваты, колы не можна буде намъ такъ, якъ ты, безтрепетно правду глаголаты, то лучче мы мовчатымемо». Когда же «гробъ поэта, поставленный на траурныя дроги, готовъ былъ двинуться къ своему новому погребенію на далекой родинѣ»,—разсказываетъ г. Мордовцевъ,—«тогда всѣ провожавшіе останки пѣвца Украйны стояли подъ гнетомъ сосредоточенной печали, одинъ Кулишъ возвысилъ го-

лосъ: „Що жъ се ты, батьку Тарасе, одъизжаешь на Вкраину безъ червонои китайкы, заслугы козацькои? Чымъ же нызшый ты одъ козацькыхъ лыцарывъ? Ны одынъ вильный козакъ не сходывъ зъ сёго свиту безъ сіей остатней чести". И гробъ покрылы червоною китайкою" [1]). Зашла рѣчь о памятникѣ Шевченку; Кулишъ сказалъ: „Шкода того кошту и заходу, Шевченкови треба спорудыты памъятныкъ нерукотворный". Въ самомъ дѣлѣ, по иниціативѣ Кулиша вскорѣ была сдѣлана подписка на школу имени Шевченка, но проектъ не былъ разрѣшенъ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ [2]).

Намъ нечего говорить, что, съ потерей Шевченка, для Кулиша тѣмъ дороже стали отношенія его къ Костомарову, за котораго онъ готовъ былъ горой стоять при каждомъ малѣйшемъ выраженіи съ чьей-нибудь стороны хотя бы незначительнаго неудовольствія: за своихъ друзей „горячій Кулишъ" всегда ратовалъ съ жаромъ. Такъ однажды у него чуть не произошла размолвка съ однимъ изъ старинѣйшихъ и ближайшихъ друзей, уже упомянутымъ выше Чуйкевичемъ: „Костомарова не обвиняй за молчаніе, а взгляни на все имъ напечатанное и сказанное на лекціяхъ, да и сообрази, сколькихъ тысячъ часовъ самаго энергическаго, а иногда и томительнаго труда все это стоило. Еслибы ты полюбилъ какой-нибудь предметъ такъ сильно, какъ Костомаровъ свое дѣло, тогда бы ты узналъ, что honores играли самую послѣднюю роль". Эта отповѣдь была вызвана упрекомъ Чуйкевича за любовь Кулиша и Костомарова къ овиціямъ: „Въ Черниговѣ и Полтавѣ не потому я гостилъ, что тамъ, какъ ты

---

[1]) «Всемірная Иллюстрація» 1897, № 19, стр. 440.

[2]) Въ томъ же году скончался и сильно любимый Кулишемъ, хотя, разумѣется, не такъ, какъ Шевченко, К. С. Аксаковъ. Когда Кулишъ узналъ о смерти его, онъ писалъ Бодянскому: «Жаль бѣднаго Консты. Онъ былъ одинъ изъ благородныхъ людей, какихъ только мнѣ случалось встрѣчать, но въ немъ многое было неестественно, и самая привязанность къ отцу, которая свела его въ могилу». («Кіевск. Стар.», 1897, Ш., стр. 469.

говоришь, воздавали мнѣ почести, а потому, что нашелъ хорошихъ людей, а „съ хорошимъ человѣкомъ", говоритъ Селифанъ, „поговорить можно".

XL.

Приведемъ теперь относящіяся къ началу шестидесятыхъ годовъ воспоминанія о Кулишѣ А. Я. Конисскаго:

„Лично съ Кулишомъ я познакомился 4 мая 1860 г. у Дмитрія Павловича Пильчикова, знавшаго его хорошо еще въ Кіевѣ въ 1844—1845 г.

„Когда Кулишъ 3 мая пріѣхалъ въ Полтаву, Пильчиковъ пригласилъ его къ себѣ на обѣдъ и въ то же время меня и другихъ молодыхъ своихъ товарищей.

„Первое наше впечатлѣніе было не въ пользу Кулиша; намъ казалось, что мы видѣли совсѣмъ не того Кулиша, о которомъ слышали отъ Пильчикова и котораго знали по „Черной Радѣ", „Запискамъ о Южной Руси" и въ особенности по журналу „Хата". Передъ нами былъ человѣкъ типично красивый, умный, хорошо образованный; но всѣ эти качества передъ молодыми энтузіастами-демократами затмѣвала какая-то надменность Кулиша, холодная сдержанность и большое самолюбіе, не допускавшее въ спорѣ даже съ Пильчиковымъ противорѣчій. Но болѣе всего намъ не понравилось то, что Кулишъ бесѣдовалъ съ нами по-русски, несмотря на то, что я и Пильчиковъ нѣсколько разъ начинали разговоръ по-украински. Но, не поддаваясь первому впечатлѣнію, мы, видя въ особѣ Кулиша, во-первыхъ, друга и союзника Шевченка, а во-вторыхъ—представителя нашей литературы, рѣшили въ тотъ же вечеръ устроить въ честь его публичный обѣдъ въ вокзалѣ городского сада. Подписная цѣна для того времени была довольно высокая, не ниже 3 р. съ особы. Подписка продолжалась три дня, и седьмого числа была закрыта, такъ какъ подписалось болѣе двухсотъ человѣкъ, а болѣе этого въ залѣ помѣститься не могло. Конечно,

обѣдъ былъ безсословный (это для того времени имѣло большое значеніе). На обѣдѣ были представители всѣхъ славянскихъ національностей, но преобладали, весьма натурально, украинцы. По содержанію и характеру застольныхъ рѣчей случилось какъ-то само собою такъ, что чествованіе принадлежало больше отсутствующему Шевченку, чѣмъ присутствующему Кулишу, и послѣдній былъ совершенно правъ, когда на другой день послѣ обѣда писалъ Шевченку (10 мая): „Сколько ни было на этомъ обѣдѣ рѣчей, во всѣхъ ихъ вспоминалось твое славное и высоко уважаемое имя; говорили о тебѣ, какъ въ родной семьѣ, какъ объ отцѣ, который гдѣ-то далеко на чужбинѣ. Увѣряю тебя, что нигдѣ не найдешь такихъ искреннихъ и преданныхъ тебѣ дѣтей, какъ въ Полтавѣ. Здѣсь каждый грамотный носится съ твоимъ „Кобзаремъ“, какъ съ драгоцѣннѣйшимъ сокровищемъ. Скоро имъ и книги не надо будетъ, потому что всѣ твои произведенія они выучатъ на память; да, кажется, они по „Кобзарю“ и Богу молятся“.

Обѣдъ окончился очень поздно и большинство публики проводило Кулиша въ его квартиру пѣшкомъ съ музыкой. Квартировалъ онъ въ домѣ Гр. Ив. Гавриленка, простого, но довольно развитого мѣщанина, столяра по ремеслу и друга покойнаго Котляревскаго. Вечеръ прошелъ въ оживленной бесѣдѣ исключительно объ украинской литературѣ—о предстоящемъ изданіи „Кобзаря“ и „Основы“. Мы, полтавцы, какъ люди молодые, энтузіасты, настаивали на томъ, чтобы „Основа“ издавалась исключительно на украинскомъ языкѣ; Кулишъ доказывалъ намъ невозможность такого изданія, и что языкъ нашъ еще не достаточно выработанъ. Когда же я, не соглашаясь съ Кулишомъ, выразилъ желаніе, чтобы кто-нибудь занялся переводомъ Шекспира на украинскій языкъ, Кулишъ—какъ теперь вижу—засмѣялся, говоря, что Шекспира на нашемъ языкѣ увидятъ развѣ правнуки. Но не прошло съ тѣхъ поръ двадцати лѣтъ, какъ онъ самъ же подарилъ Украйнѣ изданный въ Львовѣ первый томъ его переводовъ на нашъ языкъ произведеній Шекспира,

а послѣ смерти Кулиша остались приготовленными къ печати переводы всѣхъ большихъ и лучшихъ произведеній великаго драматурга".

„Утромъ 10 мая мы проводили Кулиша до первой станціи по дорогѣ къ матери Гоголя".

„Съ тѣхъ поръ между мною и Кулишомъ началась оживленная переписка, которая, впрочемъ, нѣсколько разъ впродолженіе болѣе тридцати лѣтъ то прерывалась, то возобновлялась. Къ сожалѣнію, уцѣлѣло изъ нея очень и очень немного: можно сказать, что $^{9}/_{10}$ писемъ ко мнѣ Кулиша съѣли если не крысы, то еще хуже крысъ, такъ называемыя „независящія обстоятельства".

„Въ другой разъ Кулишъ посѣтилъ Полтаву въ концѣ августа 1861 года, возвращаясь изъ-за границы. Онъ останавливался тогда въ квартирѣ мирового посредника, общаго нашего знакомаго, И. Д. Стефановича. Придя ко мнѣ утромъ, онъ пригласилъ къ себѣ меня, Пильчикова и начинающаго поэта В. С. Кулика послушать произведенія открытаго имъ гдѣ-то въ Добруджѣ новаго украинскаго поэта (потомка запорожца), который, по его словамъ, талантомъ не уступитъ Шевченку. Конечно, мы полетѣли. Кулишъ прочиталъ намъ сперва нѣсколько мелкихъ стихотвореній, потомъ „Дунайську думу" и большую поэму „Велыки Проводы". Читалъ онъ просто, хорошо; но читанное не производило никакого впечатлѣнія на слушателей и никто изъ насъ по окончаніи чтенія не выразилъ ни одобренія, ни порицанія новому поэту. Когда же Кулишъ спросилъ мое мнѣніе, я сказалъ откровенно, что въ прочитанныхъ стихотвореніяхъ никакой поэзіи нѣтъ—проза, да и проза не всегда хорошо риѳмованная. Кулишъ посмотрѣлъ на меня свысока и, ничего не отвѣчая мнѣ, положилъ рукопись въ чемоданъ".

„По отъѣздѣ онъ долгое время ничего ко мнѣ не писалъ. Причина молчанія разъяснилась только къ концу года, когда въ „Основѣ" появились читанныя намъ произведенія „новаго поэта" за подписью Кулиша. Тогда я понялъ, что самолюбіе автора

было задѣто высказаннымъ мною мнѣніемъ о его поэтическихъ произведеніяхъ". [1])

„Въ третій разъ Кулишъ пріѣзжалъ въ Полтаву, если не ошибаюсь, въ іюнѣ 1862 г., но оставался здѣсь недолго, а прожилъ недѣли двѣ-три въ мѣстечкѣ Старыхъ-Санжарахъ (верстъ 25 отъ Полтавы), гдѣ я и другіе его знакомые часто навѣщали его. Разъ насъ отправилось въ Санжары нѣсколько человѣкъ (помню Пильчикова, Кулика, Майкову и Саханскую). Мѣстечко Старыя Санжары, довольно старое, было когда-то сотеннымъ городкомъ, имѣло свое „укрѣпленіе" и представляло для насъ нѣкоторый интересъ въ историческомъ и этнографическомъ отношеніи. Всѣ мы, вмѣстѣ съ Г. И. Оболенскимъ и Кулишомъ, долго ходили по мѣстечку, осматривали старыя церкви и остатки „крѣпости". Дней черезъ пять къ губернатору Волкову поступилъ отъ помѣщика Д. доносъ о томъ, что Кулишъ съ „злонамѣренною цѣлью" поселился въ Старыхъ-Санжарахъ, собираетъ возлѣ себя неблагонамѣренныхъ людей; возбуждаетъ въ козачьемъ населеніи прежнія козацкія традиціи и, „сѣетъ сѣмена независимости Украйны". Полтавская администрація была напугана тогда петербургскими пожарами, возникавшими кое-гдѣ недоразумѣніями въ крестьянскомъ дѣлѣ, событіями въ Варшавѣ и т. д. и вездѣ видѣла „бунты и революцію". Волковъ же, къ сожалѣнію, былъ человѣкъ легковѣрный и вѣрилъ всякой сплетнѣ съ политическимъ оттѣнкомъ. Неудивительно, что онъ поспѣшилъ назначить „строгое секретное дознаніе". Производилъ его тогдашній исправникъ и, конечно, „узналъ" только то, что и безъ секретнаго дознанія всѣмъ было извѣстно, именно что, „губернскій секретарь Пантелеймонъ, Александровъ сынъ, Кулишъ, проживая въ мѣстечкѣ Старыхъ Санжарахъ, произво-

---

[1]) Между тѣмъ Кулишъ сообщалъ Д. С. Каменецкому объ успѣхѣ этого чтенія: «Прочелъ я въ Полтавѣ кой-кому сочиненія Дунайскаго поэта, и всѣ пришли въ восторгъ. Я радуюсь своей находкѣ». (Кіевская Старина, іюль-августъ, 1898, ст. 134, вторая пагинація. Ср. Кіевск. Стар., 1899, IV, примѣч.).

дилъ ежедневно двукратное купаніе въ рѣкѣ Ворсклѣ, но чтобы распространялъ революціонныя украинскія идеи, того никто изъ опрошенныхъ людей не показалъ".

„Тѣмъ не менѣе Кулишъ долженъ былъ ускорить свой отъѣздъ".

„Въ этотъ же пріѣздъ случился и другой забавный эпизодъ. Въ день своего пріѣзда въ Полтаву Кулишъ, придя ко мнѣ вечеромъ, сообщилъ мнѣ и бывшимъ у меня Д. П. Пильчикову и В. Л. Трунову, что въ послѣдніе дни предъ выѣздомъ въ Полтаву онъ случайно встрѣтился въ Кіевѣ съ замѣчательною личностью: это была, по его словамъ, дочь средняго помѣщика П—аго уѣзда, молоденькая пепиньерка К—аго института, дѣвушка замѣчательной красоты, ума и патріотизма, но, вслѣдствіе молодости и воспитанія, почти не имѣвшая характера; пользуясь слабостью ея воли, родители принуждали ее выйти замужъ за человѣка не любимаго, необразованнаго и деспота. Нужно было, слѣдовательно, „спасти ее", т. е. выкрасть изъ родительскаго дома и привезти въ Полтаву, а тутъ ужъ пристроить ее сперва гдѣ-нибудь въ образованномъ семействѣ, а потомъ классной дамой въ гимназію.."

„На разсвѣтѣ другого дня Труновъ уже уѣхалъ на почтовыхъ въ колескѣ Кулиша въ П—ій уѣздъ. По данной Кулишомъ инструкціи Труновъ пріѣхалъ въ деревню поздно вечеромъ; разыскалъ указанную ему няню и узналъ, что „барышня уже повѣнчана".

XLI.

Въ 1862 г. Кулишъ уѣхалъ опять въ Украйну, гдѣ могъ пока спокойно проживать на деньги, вырученныя за переводъ Маколея [1]) Но не желая остаться безъ дѣла, онъ воспользовался избраніемъ его въ дѣйствительные члены Географическаго Обще-

---

[1]) „Всемірная Иллюстрація", 1897 г. 3 мая, № 19.

ства по отдѣлу этнографіи и просилъ оффиціальнаго разрѣшенія совершить на собственный счетъ съ научной цѣлью поѣздки по Малороссіи. Разрѣшеніе ему дано не было. Оставшись такимъ образомъ безъ опредѣленныхъ занятій, онъ поселился въ Пиддубнѣ и занимался тамъ хозяйствомъ, не только наблюдая за разными постройками, но исполняя самъ черныя работы. Денежныя средства его, всегда ограниченныя, скоро совсѣмъ истощились, когда онъ лишился правильнаго заработка, тѣмъ болѣе что запутанныя дѣла помѣшали его другу и сотруднику, бывшему редактору „Основы“, вознаградить его за понесенные труды. Видя его въ затруднительномъ положеніи, Кулишъ самъ отрекся отъ долга въ размѣрѣ 700 рублей: „по нѣкоторымъ соображеніямъ“—писалъ онъ Виктору Мих. Бѣлозерскому:—„я отказался отъ долга, лежавшаго на Василіѣ Михайловичѣ за мои статьи въ „Основѣ“ и вознамѣрился заплатить за пиддубенскую землю наличными деньгами“.

Между тѣмъ Кулиша, при всемъ стѣснительномъ его положеніи, очень часто считали человѣкомъ обезпеченнымъ, даже въ то самое время, когда онъ самъ топилъ печки, а жена его готовила обѣдъ. Происходило такое недоразумѣніе частью потому, что онъ бодро переносилъ нужду и никогда никому на нее не жаловался, частью-же вслѣдствіе его щедрости и готовности помогать другимъ, [1]) а также благодаря временнымъ приливамъ денегъ въ его карманъ по напечатаніи и продажѣ какого-нибудь литературнаго труда.

Живя въ крайней нуждѣ на хуторѣ, Кулишъ работалъ надъ „Исторіей борьбы козаковъ съ поляками при Павлюкѣ и Остраницѣ“ и напечаталъ этотъ трудъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и въ „Библіотекѣ для чтенія“ П. Д. Боборыкина. Сношенія Кулиша съ послѣднимъ, къ сожалѣнію, относились уже къ порѣ, предшествовавшей полному упадку и ликвидаціи дѣлъ журнала, такъ что и съ этой стороны Кулишу не повезло. Весной 1864 г.,

---

[1]) Примѣры указаны въ „Правдѣ“ (См. 1868, стр. 324).

пріѣхавъ по своимъ литературнымъ дѣламъ въ Петербургъ, Кулишъ старался выхлопотать принадлежащія ему деньги [1]) отъ нѣкоего Максимова, а также отъ одного изъ довѣренныхъ лицъ Боборыкина, Акимова.

Какіе же замыслы волновали въ это время Кулиша? Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы, кажется, можемъ высказать весьма вѣроятное предположеніе, что цѣль поѣздки заключалась въ новыхъ хлопотахъ объ основаніи украинскаго журнала, хотя вскорѣ же ему пришлось убѣдиться, что нѣтъ никакой надежды на разрѣшеніе. Въ письмѣ къ Л. М. Жемчужникову Кулишъ говорилъ: „Кого тормошила жизнь больше нашего? И кто выигралъ въ жизни меньше? Крупные удары судьбы падаютъ на насъ, какъ и на прочихъ людей, но мелкія ежедневныя огорченія отъ многихъ и отъ многаго едва ли не мучительнѣе. Но мы держимся выжиданіемъ лучшаго времени. Всего убійственнѣе дѣйствовало на меня въ эти годы ничтожество нашихъ земляковъ. Оно поразительно въ своихъ фактахъ, которыхъ я не стану сообщать вамъ, какъ человѣку, отчасти съ ними знакомому. Но мысль украинскаго журнала возродилась на пепелищѣ, которое казалось давнымъ давно потухшимъ въ Червоной Руси. Тамъ издается „Мета“ (цѣль), какъ продолженіе того, что̀ начато украинскою литературою. Изданіе „Меты“ оживляетъ меня, а то на душѣ было очень скверно. Въ самомъ дѣлѣ, подъ австрійскою конституціей, которую напрасно такъ унижаютъ наши газетчики, украинскій вопросъ можетъ сдѣлать въ литературѣ великіе успѣхи, которые въ свое время будутъ оцѣнены и нашею ничтожною публикою“. И вотъ уже съ этихъ поръ взоръ и мысль Кулиша начинаютъ постепенно устремляться въ Галицію, на которую въ значительной степени переносится его симпатія.

---

[1]) О денежныхъ и вообще дѣловыхъ сношеніяхъ Кулиша съ «Библіотекой для чтенія» см. также Кіевскую Старину, 1898, іюль-августъ, стр. 136, вторая пагинація.

Денежныя заботы были въ то время для Кулиша также на видномъ планѣ, благодаря извѣстному намъ разстройству его дѣлъ, но, какъ всегда, самое большое значеніе имѣли для него литературные планы. [1]) Прося у Жемчужникова денегъ, онъ собирался „махнуть въ Питеръ и спасать честь родной земли; дѣло вѣдь дошло до потери самой чести".

XLII.

Наконецъ Кулишъ рѣшился поѣхать въ Петербургъ, чтобы поискать себѣ мѣсто. Вызванный друзьями и ободренный надеждами, онъ переживалъ тамъ однако тяжелые дни, исполненный треволненій. Однажды онъ писалъ женѣ: „Отъ людей, близкихъ Милютину, извѣстно, что онъ желаетъ принять меня на службу, но теперь онъ очень занятъ и еще не придумалъ для меня должности, т. е. рода занятій. На службу въ Варшаву поѣду охотно. Теперь всѣ мои литературныя занятія таковы, что мнѣ надобно пользоваться архивомъ варшавскимъ и публичною библіотекою". Но въ тоже время въ университетскомъ кругу вновь возникло предположеніе воспользоваться обширными познаніями и дарованіями Кулиша и пригласить его на каѳедру, [2]) что казалось тѣмъ умѣстнѣе, что онъ уже прежде отчасти принадлежалъ нѣкоторое время къ профессорскому сословію въ

[1]) Между прочимъ Кулишъ собиралъ матеріалы для «Малороссійскаго Словаря».

[2]) Въ письмахъ Кулиша находимъ иногда разныя, касающіяся этого замѣтки, а равно и его собственныхъ предположеній и предположеній Костомарова о каѳедрѣ: «Вчера я съ Костомаровымъ провелъ вечеръ у Воронова и тамъ обсуждали, какъ поступить съ магистерствомъ»... «Костомаровъ выразилъ Иванишеву готовность переѣхать въ Кіевъ, а потомъ началъ ужасаться и тужить. Въ петербургскомъ же университетѣ Срезневскій повелъ противъ него интригу, внушая недовѣріе къ его ученымъ заслугамъ и опасеніе прогнѣвать правительство выборомъ его на каѳедру».

качествѣ лектора. Затрудненіе было въ томъ, что предварительно надо было сдать кандидатскій экзаменъ. Было, правда, предположеніе освободить Кулиша отъ формальностей, въ виду извѣстныхъ ученo-литературныхъ заслугъ его, а также давали понять Кулишу о возможности сдѣлать ему снисхожденіе, но онъ не пожелалъ пользоваться милостью [1]) и рѣшилъ, что честнѣе взять скромную должность инспектора или директора какой-нибудь гимназіи, [2]) какъ вдругъ дѣла его приняли новый и совершенно неожиданный оборотъ [3]). Н. А. Милютинъ также предлагалъ Кулишу занятія по учебной службѣ, но такъ какъ предполагалось дать ему мѣсто младшаго, а не старшаго директора школъ, то гордый Кулишъ отклонилъ сдѣланное ему предложеніе.

Съ другой стороны, Кулишъ хлопоталъ о полученіи службы въ Варшавѣ черезъ Жемчужникова, состоявшаго въ близкомъ родствѣ съ вліятельнымъ лицомъ, именно съ извѣстнымъ сенаторомъ Викторомъ Антоновичемъ Арцимовичемъ. Трудно было Кулишу остановиться на одномъ опредѣленномъ планѣ, такъ какъ ему сразу представлялось нѣсколько разныхъ и въ то же время невѣрныхъ перспективъ, [4]) но всѣ передряги въ значи-

---

[1]) Кулишъ не захотѣлъ воспользоваться обѣщанными ему льготами на экзаменѣ: «На предложеніе сохранить только видъ экзамена кандидатскаго, такъ какъ профессорамъ совѣстно было бы экзаменовать человѣка съ литературною репутаціей, я сперва согласился, но потомъ отказался, потому что все-таки это была-бы со стороны профессоровъ милость, а не уваженіе».

[2]) Впрочемъ на эту дѣятельность у него былъ странный взглядъ: „еслибы“ — говорилъ онъ — «профессорство оказалось для меня тягостнымъ, то, послуживъ немного, мнѣ легко будетъ сдѣлаться директоромъ гимназіи, что будетъ равняться архіерейству на покоѣ.»

[3]) Въ тоже время въ разныхъ университетахъ предлагали каѳедру и Костомарову: «Костомаровъ получилъ отъ Казанскаго университета приглашеніе на каѳедру, но ужасается ѣхать туда въ качествѣ архіерея, отправляющагося на покой. Послалъ телеграмму въ Кіевъ, чтобы отвѣчали ему на предложенныя имъ условія». Но и Кіевъ его пугаетъ.

[4]) Кромѣ указанныхъ, Кулишъ имѣлъ еще иныя. Такъ въ его пользу дѣйствовалъ въ Петербургѣ Н. Я. Макаровъ. Въ одномъ изъ

тельной мѣрѣ искупались возможностью подвигать литературныя работы занятіями въ Публичной библіотекѣ: „Я не падаю духомъ нисколько и работаю для будущаго въ публичной библіотекѣ. Рано или поздно мнѣ придется быть редакторомъ журнала и тогда мои выписки будутъ мнѣ очень полезны.[1]) Не вѣчно будетъ неистовствовать цензура! Жизнь не останавливается и промываетъ всѣ подобныя засоренія. Передъ выѣздомъ въ Петербургъ я готовъ былъ воротиться въ Пиддубень, если соберу рублей 600. Теперь я на жизнь смотрю иначе. Во первыхъ, я шести сотъ рублей не соберу вдругъ, да еслибъ и собралъ, то хуторской бытъ въ такой скудной формѣ представляется мнѣ добровольнымъ самоубійствомъ. Конечно, назначеніе мое въ Варшаву или что-нибудь подобное могло бы дать нашимъ обстоятельствамъ другой видъ, но ни за что нельзя поручиться; сидя здѣсь безъ денегъ, можно хоть надѣяться чего-нибудь дождаться, а сидя въ хуторѣ, только вычеркнешь себя изъ памяти живыхъ людей. Однимъ словомъ, такъ худо, какъ только могли бы желать мои многочисленные враги".

Въ Петербургѣ Кулишу пришлось перенести много матеріальныхъ затрудненій, но онъ рѣшился выдержать все и даже, въ случаѣ крайности, принять на время какую-нибудь незначительную должность: „Политика заставляетъ меня являть видъ

своихъ писемъ онъ сообщалъ: «Относительно опредѣленія васъ ревизоромъ Гротъ (Константинъ Карловичъ) отказалъ мнѣ, потому что ваканцій нѣтъ, потому что онѣ рѣдко открываются и потому что у него есть въ виду два или три кандидата, которыхъ считаетъ себя обязаннымъ опредѣлить на первыя имѣющія открыться ваканціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гротъ взялся самъ переговорить съ Н. А. Милютинымъ объ опредѣленіи васъ на службу въ Варшаву; а третьяго дня Гротъ сказалъ мнѣ, что Милютинъ охотно принимаетъ васъ и проситъ васъ немедленно пріѣхать въ Петербургъ». При этомъ разговорѣ, какъ видно изъ письма Макарова, Гротъ охотно вспоминалъ о встрѣчахъ съ Кулишомъ у Плетнева.

[1]) О мечтахъ Кулиша издавать малороссійскій журналъ см. также «Кіевск. Стар.», 1899, IX, 352.

человѣка, знающаго себѣ цѣну; но когда выскажется посторонняя оцѣнка или возможность сдѣлать для меня что-нибудь при моемъ ничтожномъ чинѣ и испорченномъ гражданскомъ положеніи, тогда я начну конкуррировать съ малыми зёмли и стану крохоборствовать, отложа въ сторону всякую гордость". Въ Петербургѣ Кулишъ надѣялся также найти защиту отъ полицейскихъ стѣсненій въ болѣе культурной средѣ, тогда какъ въ Малороссіи въ то время тайнымъ способомъ было разрѣшено полиціи разыскиваніе лицъ, присутствіе которыхъ было опасно для общественнаго спокойствія, чѣмъ въ любое время могъ воспользоваться какой угодно врагъ Кулиша.

Желаніе жить въ Варшавѣ, по словамъ Кулиша, явилось у него нѣсколько времени назадъ, еще до возстанія, когда его звалъ туда Грабовскій, и тогда еще—говоритъ Кулишъ—„я началъ тосковать по Варшавѣ и ея главномъ архивѣ царства польскаго". Несмотря на подозрительность отношенія къ Кулишу со стороны высшихъ правительственныхъ сферъ, надежды его держались на довольно прочныхъ основаніяхъ, какъ по его отношеніямъ къ Милютину и Арцимовичу, такъ еще болѣе по его превосходному знанію польскаго языка, тогда какъ въ такихъ людяхъ русскаго происхожденія чувствовалась въ это время самая настоятельная нужда. Въ мартѣ 1864 г. Кулишъ писалъ Жемчужникову: „Видѣлся я съ вашимъ зятемъ Арцимовичемъ и просилъ его доставить мнѣ возможность пожить въ Варшавѣ. Онъ, кажется, благосклонно взглянулъ на мое желаніе, но, какъ видно, еще не можетъ приступить къ составленію своего будущаго штата. Все дѣло покамѣстъ находится въ рукахъ Милютина. Между тѣмъ я хотѣлъ бы служить преимущественно подъ начальствомъ Арцимовича. Кромѣ ближайшихъ моихъ интересовъ—интересовъ науки—мнѣ хочется кой-чему научиться у такихъ людей, какъ вашъ зять, котораго общественная репутація стоитъ такъ высоко". Но вопросъ касался также политическихъ взглядовъ Кулиша, и на этотъ счетъ онъ старался успокоить своего будущаго начальника посредствомъ откровеннаго объясненія съ Жемчужниковымъ: „Что касается до политическихъ убѣжденій,

то каковы бы они ни были (а они, можетъ быть, совпадаютъ съ его убѣжденіями),—при моей молчаливости и изолированной дѣятельности, онъ не можетъ быть мною компроментированъ. Ни въ общественной жизни, ни въ литературѣ я не сдѣлалъ шагу, который бы противорѣчилъ характеру его службы. Это для меня тѣмъ возможнѣе, что въ настоящее время я посвящаю себя надолго собиранію и изученію матеріаловъ для обширнаго сочиненія о Польшѣ и юго-западной Руси. [1]) Пока я не сознаю себя способнымъ сказать прочное слово объ этомъ запутанномъ и многосложномъ предметѣ, я ничего печатать не стану. По всей вѣроятности, онъ будетъ играть важную и самостоятельную роль въ Царствѣ Польскомъ. Ему нужны будутъ такіе люди, какъ я, и вы, послуживъ моимъ интересамъ въ качествѣ друга, окажете и ему услугу въ качествѣ родственника". Дѣйствительно, дружеская просьба была исполнена, но мѣсто уже было получено Кулишомъ въ учредительномъ комитетѣ; [2]) во всякомъ

---

[1]) Это было одно изъ важнѣйшихъ побужденій для Кулиша принять службу въ Варшавѣ. Д. С. Каменецкому онъ писалъ: „Жизнь въ Варшавѣ для меня такъ-же пріятна, какъ заграницею. Мѣсяцъ пробѣжалъ чрезвычайно быстро. Каждый день исполненъ новаго интереса. То читаешь подлинныя письма какого нибудь козака XVII вѣка, о которомъ до сихъ поръ кое-что зналъ только по книгамъ, то слушаешь разсказы о тысячѣ занимательнѣйшихъ вещей, то работаешь что-нибудь стоющее вниманія по дѣламъ реорганизаціи мѣстнаго устройства, то сидишь въ театрѣ". Кіевская Старина", 1898. іюль-августъ, стр. 139, вторая пагинація: тамъ же: «здѣсь ученые люди оказываютъ мнѣ разныя услуги по предмету моихъ историческихъ изслѣдованій, закидываютъ меня драгоцѣнными рукописями» (и проч.).

[2]) Противъ назначенія Кулиша, какъ видно изъ писемъ его къ Каменецкому, „сдѣлано было нѣкоторымъ чиномъ возраженіе, потому что сей чинъ рекомендовалъ двоихъ въ деректоры, и они не приняты на томъ основаніи, что ихъ не знаютъ лично. Такъ какъ меня"—продолжаетъ онъ—«лично тоже не знаютъ, то великій чинъ и поразилъ малого чина его же оружіемъ, отказавшись утвердить мое назначеніе», („Кіевская Старина", 1898, іюль-августъ, 138, вторая пагинація), но послѣ дѣло все-таки уладилось.

случаѣ ходатайство Жемчужникова оказалось чрезвычайно полезнымъ для Кулиша, такъ какъ, предложивъ Кулишу жалованье въ три тысячи рублей, Арцимовичъ тѣмъ самымъ невольно косвеннымъ образомъ способствовалъ назначенію въ такихъ же размѣрахъ жалованья Кулишу въ учредительномъ комитетѣ.

XLIII.

Такимъ образомъ, Кулишъ перешелъ Рубиконъ, сдѣлавъ шагъ, имѣвшій огромное значеніе для него и повліявшій на всю его дальнѣйшую судьбу; поступленіе его на службу въ Варшаву повлекло за собой разочарованіе и отчужденіе отъ него прежнихъ единомышленниковъ, что не могло не произвести на него тяжелаго впечатлѣнія а, съ другой стороны, правительство и оффиціальныя сферы попрежнему продолжали относиться къ нему въ высшей степени подозрительно. По прежней дѣятельности Кулиша ему уже невозможно были занять нейтральное положеніе, котораго онъ теперь жаждалъ отъ всей души, разочаровавшись въ прежнихъ надеждахъ. Колебанія Кулиша начались постепенно и, кажется, незамѣтно для него самого. Прежде всего они обнаружились въ возобновленіи сношеній съ Юзефовичемъ въ 1855 г., когда Кулишъ, встрѣчая со всѣхъ сторонъ препятствія, вновь обратился къ послѣднему съ просьбой помочь ему въ цензурныхъ затрудненіяхъ, называя его „почтеннѣйшимъ другомъ юности“ и объясняя ужаснымъ заблужденіемъ временное прекращеніе съ нимъ всякихъ отношеній. [1]) Какъ будто совершенно забывъ неблаговидный поступокъ Юзефовича съ нимъ и съ его единомышленниками, Кулишъ снова пріятельски переписывается съ нимъ, даже обмѣнивается мыслями о самыхъ важныхъ для себя предметахъ, приноситъ ему сѣтованіе на ложные шаги В. М. Бѣлозерскаго въ редактированіи „Основы“, наконецъ выслушиваетъ мнѣнія и совѣты Юзефовича. Послѣдній

---

[1]) „Кіевская Старина“, 1899, III, 311—312

однажды писалъ ему: „Ваше дружеское вниманіе къ моимъ совѣтамъ меня искренно тронуло и вмѣстѣ порадовало: значитъ, мы не такъ чужды другъ другу на почвѣ нашего національнаго вопроса“ и далѣе говорилъ объ успокоеніи „горячечныхъ увлеченій“. [1]) Юзефовичъ принимаетъ на себя далѣе какъ бы роль друга-руководителя и авторитетнаго совѣтника, высказывая мнѣнія относительно повѣсти, помѣщенной Кулишемъ въ, ‚Вѣстникѣ юго-западной и западной Россіи“ Говорскаго. [2]) Юзефовичъ явно старается дѣйствовать на чувствительную струнку самолюбія, рекомендуя Кулишу выполненіе важной исторической задачи—установленія надлежащей связи между „обѣими племенными личностями“. „Въ области слова“—говоритъ Юзефовичъ—„эта задача принадлежитъ теперь вамъ, и чуть ли не вамъ одному“. [3])

Другимъ неосторожнымъ и уже, несомнѣнно, ложнымъ шагомъ Кулиша было сближеніе его съ такими органами печати, какъ „Русскій Вѣстникъ“ Каткова, въ которомъ онъ еще въ 1859 г. помѣстилъ повѣсть „Майоръ“, и особенно „Вѣстникъ юго-западной Россіи“. Причиной сношенія съ этими изданіями для Кулиша, кажется, былъ его разрывъ съ „Современникомъ“ и недовольство „Основой“. Настоящей ареной своей журнальной дѣятельности Кулишъ хотѣлъ считать собственный малороссійскій журналъ [4]) за неимѣніемъ котораго безъ строгаго разбора обращался въ самыя разнообразныя редакціи, не взвѣсивъ достаточно ихъ роли въ литературѣ и даже возможности самаго продолженія начатыхъ отношеній. До нѣкоторой степени это происходило также отъ слишкомъ высокомѣрнаго и презрительнаго взгляда его на „литературную биржу“, какъ Кулишъ прямо выражается въ одномъ письмѣ къ Д. С. Каменецкому, которому онъ объяснялъ, что „такъ какъ въ книжной торговлѣ

---

[1]) Тамъ же, стр. 323.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же.

[4]) См. о предложеніяхъ Кулиша относительно этого журнала въ «Кіевской Старинѣ». іюль-августъ, 136—137, вторая пагинація.

важную роль играютъ журналы, то я рѣшился повернуть нѣкоторые изъ нихъ въ свою пользу". „Для этого—продолжаетъ онъ—„послана Маркову статья для помѣщенія въ любомъ (!) журналѣ и еще кое-что помѣщу этимъ способомъ. Пускай каждый смотритъ на меня какъ на могущаго быть его сотрудникомъ". [1]) За такой взглядъ Кулишу скоро пришлось жестоко поплатиться нравственно и матеріально.

До какой степени пришлось ему горько разочароваться въ редакторѣ „юго-западной Россіи", показываютъ слѣдующія строки одного изъ интереснѣйшихъ писемъ къ женѣ въ 1865 году: „Я слышалъ, что кіевскому генералъ-губернатору разрѣшено разыскивать по всей Малороссіи тайнымъ способомъ, нѣтъ ли гдѣ лицъ, которыхъ присутствіе опасно для общественнаго спокойствія. Если эта молва не выдумка, то стоитъ какому-нибудь Говорскому шепнуть одному-другому чиновнику, что̀ ему вздумается, и меня не призадумаются отправить на край свѣта. А надобно тебѣ знать, что я получилъ, въ отвѣтъ на мое требованіе долга, отъ Говорскаго безстыднѣйшее письмо: теперь ужъ не только онъ не долженъ мнѣ ничего за мои статьи, но еще въ претензіи на меня, что я будто бы уронилъ его журналъ въ глазахъ начальства, а ты знаешь, какъ онъ меня благодарилъ за гепоттée, которое я доставилъ „Вѣстнику юго-западной Россіи", и какія сулилъ онъ мнѣ благодарности сверхъ условленной платы. [2]) Я не долженъ пренебречь никакимъ кускомъ хлѣба, если мнѣ еще дадутъ его, но до сихъ поръ всѣ мои старанія остаются безуспѣшны. Я согласенъ, что служба въ Варшавѣ имѣетъ важныя для меня неудобства, а пожалуй и опасности со стороны польскихъ фанатиковъ. Но что̀ лучше: подвергаться ли опасности отъ убійцъ, или, сидя въ хуторѣ, каждый день думать, что завтра тебя могутъ взять, какъ безсловесную овцу, по наговору какого-

---

[1]) «Кіевская Старина», 1898 г. іюль-августъ стр. 132.

[2]) Впослѣдствіи Кулишъ не иначе называлъ этотъ журналъ, какъ «пакостнымъ» и «паскуднымъ» и говорилъ, что онъ хорошъ только тѣмъ, что его никто не читаетъ.

нибудь Говорскаго. Нѣтъ, по моему, ужъ лучше служить въ дѣйствующей арміи и каждый день слышать надъ ухомъ свистъ пули, чѣмъ воображать безпрестанно, что ты обреченъ на жертву самому безмысленному клеветнику".

Въ другомъ, не менѣе откровенномъ письмѣ (къ Н. Д. Бѣлозерскому) Кулишъ такъ объясняетъ поступленіе на службу въ Варшаву: „Я объявилъ, что въ Варшавѣ мнѣ нужно быть для продолженія моихъ историческихъ изслѣдованій о русскомъ переводѣ польской исторіи, что я, желая поставить себя подъ охрану правительства, предлагая ему свои услуги, какъ знающій польскій языкъ, за свою службу желаю получать приличное вознагражденіе. Земляки либералы смущены моей готовностью ѣхать въ Польшу, но что на нихъ смотрѣть! Политика—не наше дѣло: для этого надо быть богатымъ и сильнымъ; а терпѣть нужду и гоненія изъ-за неопредѣленныхъ надеждъ на перемѣну обстоятельствъ глупо. Двадцать лѣтъ я дѣйствовалъ въ такъ называемыхъ національныхъ интересахъ—и какихъ же результатовъ достигнулъ! Теперь ограничиваюсь просто наукою, простымъ изученіемъ того, что было въ старину, а какое примѣненіе сдѣлаетъ новое поколѣніе изъ моихъ литературныхъ трудовъ—это его дѣло. Между тѣмъ, примиряясь съ правительствомъ, я, можетъ быть, получу разрѣшеніе издавать журналъ въ широкихъ размѣрахъ—и спасу себя для литературы, тогда какъ, идя прежнимъ путемъ, погибну подъ гнетомъ одной матеріальной нужды".

Между тѣмъ шурья Кулиша, Василій и Олимпій Бѣлозерскій, хотѣли во что бы то ни стало отстоять свои любимыя идеи и кромѣ того выразили Милютину „свое разномысліе съ видами правительства относительно Польши". Осуждая ихъ „браваду", Кулишъ пишетъ Н. Д. Бѣлозерскому: „Говорятъ, что общественное мнѣніе строго осуждаетъ людей либеральныхъ, заявляющихъ службою въ Польшѣ свое единомысліе съ правительствомъ. Гдѣ органы этого общественнаго мнѣнія? кто представитель этого общественнаго мнѣнія? Эта боязнь относится къ нѣсколькимъ говорунамъ, созидающимъ въ своемъ воображеніи

украинскую націю, которой я нигдѣ не нахожу отъ Петербурга до Одессы. Мы составляемъ націю въ смыслѣ этнографическомъ, но вовсе не въ политическомъ. Толки о будущей отдѣльности Украйны исходили всегда отъ людей наименѣе работавшихъ надъ языкомъ и исторіею этой проблематической страны. Неизвѣстно, приведутъ ли они общество къ сознанію своей политической задачи, но покамѣстъ несомнѣнно то, что литературно-общественный вопросъ украинскій страдаетъ всего больше отъ этихъ праздныхъ толковъ. Они пугаютъ воображеніе вліятельныхъ людей, не знающихъ Украйны, и вслѣдствіе того вызываютъ противъ насъ силу, противъ которой мы не имѣемъ никакихъ средствъ бороться. Теперь шумятъ въ англійскомъ клубѣ и вездѣ въ аристократическихъ кругахъ о завзятости украинцевъ по поводу бравады Василія и Олимпія". Нѣсколько дальше Кулишъ продолжаетъ: „Что̀ касается до Украйны, то, допуская даже распаденіе Россіи (sic!), я не вижу для нея другой участи, какъ сдѣлаться игралищемъ сосѣднихъ націй. Совсѣмъ другое было бы дѣло, когда бы мы едиными устами и единымъ сердцемъ работали надъ пробужденіемъ общественно-національнаго сознанія въ Украйнѣ и уступали бы другъ другу въ томъ, что̀ дорого для нашего самолюбія, но вредно для успѣха дѣла. Даже самые пламенные украинцы обвиняютъ Васю въ удержаніи за собою „Основы". Послушать его— такъ онъ чуть не святъ въ этомъ дѣлѣ; но никто его не оправдываетъ. И при такомъ патріотизмѣ мы еще хотимъ достигать какихъ-то великихъ политическихъ цѣлей. Нѣтъ, я радъ уѣхать въ Варшаву отъ нашихъ Катоновъ. Одно изданіе журнала остановило бы меня; но пока я не увижу собранныхъ денегъ, я не вѣрую въ исполненіе великолѣпныхъ обѣщаній".

Такимъ образомъ въ украинофильской партіи произошелъ расколъ и обнаружилось взаимное недовольство. Кулишъ недоволенъ былъ уже не только Бѣлозерскимъ, но и Костомаровымъ, и ихъ будущее охлажденіе уже начинаетъ теперь постепенно обозначаться. „Костомаровъ ветшаетъ", писалъ Кулишъ въ мартѣ 1866 г. Н. Д. Бѣлозерскому: „я про-

велъ съ нимъ наединѣ цѣлый день и не слышалъ отъ него ничего животворнаго. Онъ дѣлается чѣмъ-то безразличнымъ, и ко всему относится, точно свѣтскій человѣкъ, а не ученый. Въ учебникахъ онъ сбился съ дороги и не знаетъ, что̀ ему дѣлать. Въ ожиданіи чего-то непредѣленнаго онъ не дѣлаетъ ничего. Земляки на него ропщутъ и нѣкоторые совсѣмъ его оставили. Но земляки, въ свою очередь, до того ничтожны въ своихъ дѣлахъ (на словахъ это великіе люди!), что и у меня нѣтъ ни малѣйшей охоты собирать ихъ въ кружокъ и тратить время на направленіе ихъ къ чему-нибудь путному".

Въ такомъ неутѣшительномъ настроеніи находился Кулишъ наканунѣ перехода своего на службу въ Варшаву. Это была пора временнаго ослабленія его надеждъ, что выразилось также въ одномъ изъ писемъ къ Н. Д. Бѣлозерскому въ осмѣяніи не только попытки нѣкоего Климковича перевести на малороссійскій языкъ стихами „Иліаду", но и самой „мысли, носящейся въ галицкорусскомъ воздухѣ, объ усвоеніи украинской словесности великихъ произведеній древнегреческой литературы".

XLIV.

Между тѣмъ происшедшая въ Кулишѣ перемѣна сильно огорчила и разочаровала многихъ его почитателей. „У насъ"—писалъ мнѣ А. Я. Конисскій—„произошла съ Кулишомъ довольно крупная размолвка, когда онъ началъ печататься въ „Вѣстникѣ Западной и Юго-Западной Россіи", который издавалъ въ Кіевѣ Ксенофонтъ Говорскій, учитель семинаріи, человѣкъ невѣжественный, обскурантъ въ полномъ смыслѣ слова и врагъ тѣхъ украинскихъ національныхъ идей, которымъ служилъ тогда Кулишъ. Журналъ получалъ тогда субсидію отъ мѣстной администраціи. Участіе Кулиша въ этомъ изданіи вызвало среди полтавцевъ изумленіе и негодованіе. Мнѣ поручено было объясниться по этому случаю съ Кулишомъ, и я спросилъ его, правда ли и то, что онъ возобновилъ дружбу съ Юзефовичемъ, который

въ 1847 г. въ дѣлѣ Костомарова, Шевченка и его же Кулиша такъ позорно злоупотребилъ довѣріемъ? Кулишъ отвѣчалъ мнѣ коротко, весьма раздражительнымъ тономъ, что, участвуя въ журналѣ Говорскаго, онъ не зналъ, что̀ такое самъ Говорскій и его изданіе. Когда же я указалъ ему на факты, которыхъ онъ не могъ не знать, онъ написалъ ко мнѣ въ еще болѣе раздражительномъ тонѣ; о Юзефовичѣ и на этотъ разъ промолчалъ. По порученію товарищей, я передалъ ему наше неодобреніе сотрудничества его въ „Вѣстникѣ“ Говорскаго и вновь спросилъ его о Юзефовичѣ. На этотъ разъ отвѣта не послѣдовало, да и что̀ было отвѣчать, когда отъ родственника Юзефовича, покойнаго В. В. Тарновскаго (отца), мы навѣрное знали, что Кулишъ, бывши въ Кіевѣ, посѣтилъ Юзефовича и давно возобновилъ съ нимъ пріятельскія отношенія и переписку» [1]).

„Въ 1864 г. я узналъ поразившую меня новость—что Кулишъ и Бѣлозерскій... на службѣ въ Варшавѣ“...

„Въ сентябрѣ 1865 г. мнѣ было дано разрѣшеніе на поѣздку за границу; по пути я остановился въ Петербургѣ и при свиданіи съ Н. И. Костомаровымъ узналъ, что Кулишъ занимаетъ видное мѣсто директора департамента народнаго просвѣщенія и настаиваетъ на томъ, чтобы въ народныхъ школахъ тѣхъ деревень, которыя имѣютъ украинское населеніе, преподаваніе шло на русскомъ языкѣ. Разсказывая объ этомъ, Костомаровъ не скрывалъ своего негодованія противъ Кулиша и просилъ меня повидаться съ послѣднимъ въ Варшавѣ и повліять на него въ смыслѣ перемѣны его мнѣнія по школьному вопросу. Конечно, не мнѣ было вліять на Кулиша и я категорически не принялъ такого порученія, обѣщавъ лишь повидаться съ нимъ и побесѣдовать“.

„Въ Варшавѣ мы встрѣтились съ Кулишомъ по пріятельски и на другой день вечеромъ собрались у Бѣлозерскаго. Когда Кулишъ узналъ мое мнѣніе о переходѣ его на службу въ Вар-

---

[1]) Теперь она напечатана въ мартовской книжкѣ „Кіевской Старины“ за 1899 г.

шаву, онъ началъ говорить, что молодое поколѣніе совсѣмъ не понимаетъ того направленія, по которому онъ идетъ, и потому удивляется его службѣ въ Варшавѣ. Приведя массу историческихъ фактовъ, онъ доказывалъ мнѣ почти совершенно противоположное тому, что̀ я и другіе слышали отъ него въ 1860 г. Болѣе всего меня удивила перемѣна взглядовъ его на значеніе козачества; но она тогда не была такъ рѣзка, какъ высказалась позднѣе въ произведеніяхъ Кулиша, а объ украинской демократіи онъ отозвался, что она „не была насадительницею культуры“..

„Переходъ свой на службу въ Варшаву онъ болѣе всего оправдывалъ стремленіемъ революціонной польской партіи возстановить шляхетскую Польшу въ границахъ 1774 г. „Такая Польша погубила бы навѣки Украйну“ [1]).

„Наконецъ, когда рѣчь зашла о народныхъ школахъ въ малорусскихъ населеніяхъ, Кулишъ съ большимъ апломбомъ замѣтилъ, что вопросъ о школьномъ языкѣ князь Черкасскій отдалъ всецѣло на его рѣшеніе и онъ рѣшилъ учить на русскомъ языкѣ съ перваго дня поступленія дѣтей въ школу.

— „Педагогично ли это?“ спросилъ я.

— „Если и не педагогично, зато политично“, отвѣчалъ Кулишъ: „*мы должны провести сколь можно болѣе глубокую межу между украинцами и поляками*; такою межою и будетъ русскій языкъ“ [2]).

Однако Кулишу недоставало твердой увѣренности въ томъ, что новый избранный имъ путь приведетъ къ благимъ результатамъ для Украйны, и онъ отчасти искалъ усыпленія своихъ жгучихъ сомнѣній и сердечныхъ тревогъ въ усиленной дѣятель-

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ взглядѣ Кулиша см. въ письмѣ къ Д. С. Каменецкому въ «Кіевской Старинѣ», іюль—августъ, 138 (вторая пагинація).

[2]) Между тѣмъ въ 1861 г. Кулишъ интересовался судьбой какой-то безплатной школы, несомнѣнно малороссійской, которой былъ заинтересованъ также родственникъ Шевченка. (См. «Кіевскую Старину», 1898, іюль—августъ, стр. 134, (вторая пагинація).

ности. Такъ онъ однажды писалъ Хильчевскому: „Такая неправильная душа, какъ у меня, не можетъ быть спокойна. Я надѣлалъ много промаховъ въ жизни, много глупостей, много пошлостей. Все это меня мучитъ... Одно для меня спасеніе—сильная дѣятельность. Безъ службы такая дѣятельность въ Россіи—по крайней мѣрѣ для меня—невозможна. Вотъ почему служу я, да еще потому, что хочу расплатиться съ долгами [1]). Достигнувъ этой послѣдней цѣли, я, можетъ быть, выбьюсь изъ силъ и заберусь въ хуторскую свою конуру, чтобы умереть по запорожски, т. е. вдали отъ шума“ [2]).

Въ самый разгаръ увлеченія служебной дѣятельностью въ Варшавѣ Кулишъ мечталъ о тихой жизни въ Кіевѣ, вдали отъ служебныхъ и политическихъ волненій, и упрашивалъ Хильчевскаго поискать ему такое желанное убѣжище для своей приближающейся старости...

Вся разгадка секрета—въ томъ, что, при крайнемъ недовольствѣ настоящимъ, впереди Кулишу рисовалась въ самыхъ отрадныхъ краскахъ перспектива изданія журнала, при помощи котораго онъ надѣялся выступить на путь активной дѣятельности; его манила мечта, не осуществившаяся и во многомъ ему повредившая, потому что ради нея онъ пренебрегалъ настоящимъ и шелъ на разные компромиссы. Еще до Варшавы онъ писалъ женѣ: „Украинскій вопросъ въ загонѣ, и потому мы съ Костомаровымъ хотимъ основать журналъ *всероссійскій*, въ который войдетъ и вопросъ *украинскій* [3]). Но по правдѣ скажу,

---

[1]) О долгахъ и вообще денежныхъ дѣлахъ Кулиша въ это время см. въ письмахъ къ Хильчевскому «Кіевская Старина», 1898, I, 88, 89, также 1898, VII—VIII, 143—144, (вторая пагинація).

[2]) «Кіевская Старина», 1898, I, стр. 87.

[3]) (Въ другомъ мѣстѣ: «Литература теперь крайне стѣснена, особенно по украинскому вопросу: поневолѣ надо бездѣйствовать. По крайней мѣрѣ хоть заработаю кусокъ хлѣба на старость». «Теперь все оказалось мечтами, которыя только тѣмъ и хороши, что напоминаютъ счастливое время».

Костомаровъ плохой помощникъ въ этомъ дѣлѣ, и я долженъ весьма искусно отдѣлываться отъ его помощи, и соединяюсь съ нимъ единственно ради того, чтобы онъ нигдѣ больше не печаталъ своихъ сочиненій, чего иначе нельзя достигнуть, какъ посредствомъ одного общаго обоимъ намъ журнала". Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: „я не падаю духомъ нисколько и работаю для будущаго въ публичной библіотекѣ. Рано или поздно мнѣ придется быть редакторомъ журнала, и тогда мои выписки будутъ очень полезны. Не вѣчно же будетъ неистовствовать цензура!"... „Я каждый день въ публичной библіотекѣ... Здѣсь такъ всѣ рады, кого ни встрѣтишь, точно здѣсь моя родина, а не на Украйнѣ! И дѣйствительно, здѣсь у насъ общія понятія и интересы; здѣсь я членъ умственно работающей семьи, а тамъ кому и на что я нуженъ? Всего два-три человѣка найдется, съ которыми можно говорить полюдски! Нескоро, нескоро ворочусь въ Украйну!"... «Сидя здѣсь безъ денегъ и безъ мѣста, при самыхъ скверныхъ политическихъ обстоятельствахъ, я чувствую, что живу, а тамъ я погибалъ съ каждымъ безпутнымъ днемъ»!

Получивъ мѣсто въ Варшавѣ, Кулишъ опять былъ занятъ все той же мечтой: „Литературное мое дѣло"—писалъ онъ женѣ—„нимало не потерпитъ отъ службы въ Варшавѣ, а напротивъ сдѣлается прочнѣе отъ примиренія съ правительствомъ, которое имѣетъ противъ меня неосновательныя предубѣжденія". Въ другомъ письмѣ онъ такъ жалуется на эти предубѣжденія: „Обо мнѣ говорятъ, какъ о какомъ-то Ринальдо-Ринальдини, тогда какъ нѣтъ человѣка спокойнѣе меня" [1]).

---

[1]) Приведемъ еще нѣсколько выдержекъ, касающихся Костомарова. «Съ Костомаровымъ живемъ въ большомъ ладу; видаемся каждый день. Часто зоветъ онъ меня къ себѣ обѣдать. Онъ одинокъ посреди людей и радъ, что есть съ кѣмъ поговорить объ исторіи. Мечтаетъ о снаряженіи экспедиціи ученой въ Галицію и простодушно воображаетъ, что могутъ послать насъ обоихъ на казенный счетъ. Это несбыточно, хотя никто изъ живущихъ въ Россіи не со-

XLV.

Впечатлѣніе отъ своей новой дѣятельности въ Варшавѣ Кулишъ вынесъ тѣмъ не менѣе самое благопріятное, и вообще можно сказать, что для него наступила чуть ли не лучшая пора его жизни, оставившая въ немъ навсегда пріятныя воспоминанія. Живое дѣло подъ начальствомъ просвѣщеннаго сановника и въ сотрудничествѣ людей съ свѣтлымъ взглядомъ на вещи въ высшей степени вдохновляло Кулиша. „Работы много"—писалъ онъ,—„тружусь безпрестанно въ полномъ смыслѣ слова; но дѣлу я сочувствую, и потому работа для меня пріятна. Притомъ же я освобожденъ отъ хожденія въ канцелярію и имѣю съ нею сношенія только посредствомъ курьеровъ. Больше всего меня радуетъ то, что мой начальникъ, строгій блюститель бюрократическихъ формъ, часто назначаетъ мои бумаги къ перепискѣ набѣло, не измѣнивши ни одного слова, что рѣдко у него случается и заматорѣлымъ въ службѣ чиновникамъ. Но торжество это достается мнѣ недешево: оно требуетъ величайшаго вниманія къ разнообразнымъ условіямъ дѣлопроизводства".

Другу своему Чуйкевичу онъ сообщалъ о своей службѣ: „Тяжело очень, но зато я имѣю дѣло съ умнѣйшимъ человѣкомъ, какого до сихъ поръ встрѣчалъ въ жизни,—кн. Черкасскимъ. Наслажденіе его умомъ заставляетъ меня забывать о вознѣ съ утра до вечера и о докладахъ въ часъ ночи. Все это переносится безъ малѣйшаго ропота въ душѣ; только бы хватило физическихъ силъ, а поработаемъ отъ всего сердца во славу русскаго имени! „Хильчевскому онъ пишетъ: „Время мое при-

---

вершилъ бы такого полезнаго путешествія по Червонной Руси, какъ мы вдвоемъ»... «Костомаровъ читалъ мнѣ начало своей исторіи Смутнаго времени и прочтетъ всю рукопись. Очень интересная будетъ книга для многихъ, но крайне досадная для москвофиловъ, потому что правда къ нимъ безпощаднѣе, и чѣмъ вѣрнѣе будутъ изучены источники, тѣмъ для нихъ будетъ досаднѣе».

надлежитъ кн. Черкасскому, а кн. Черкасскій есть не что иное, какъ буря дѣятельности, которая и меня увлекла въ свой кругъ. Съ восторгомъ повинуюсь этому необыкновенному человѣку. Очень трудно, тяжело, мучительно, но это моя сфера". Ему же Кулишъ прямо говорилъ: „кн. Черкасскій сдѣлалъ премудрое дѣло, пригласивъ меня въ сотрудники" [1]). Впослѣдствіи, на склонѣ лѣтъ, вспоминая объ этой живой и радостной порѣ своей служебной дѣятельности, Кулишъ писалъ д-ру Павлику: „Самихъ „Административныхъ Постановленій Царства Польскаго" выдаю під своею редакціею (у російскому перекладі) більше 60 томив за недовгий час побуту мого в Варшаві" [2]). Кулишъ признавалъ это время своей дѣятельности не только плодотворнымъ, но и наиболѣе производительнымъ въ смыслѣ необычайнаго напряженія энергіи. Но дѣйствуя столь энергично въ учредительномъ комитетѣ, Кулишъ работалъ и для В. А. Арцимовича, издавшаго тогда матеріалы для устройства мѣстной администраціи и пожелавшаго воспользоваться для этой цѣли литературнымъ талантомъ Кулиша и его основательнымъ знаніемъ польскаго языка. Эта послѣдняя работа, будучи хорошо оплачиваема, снова внушила Кулишу желаніе и надежду совершить путешествіе по Западной Европѣ, возобновлявшуюся при каждомъ удобномъ случаѣ.

XLVI.

Разсказъ о послѣдующихъ затѣмъ фактахъ заимствуемъ изъ слѣдующей собственно-ручной замѣтки Кулиша: „Отдыхая въ Парижѣ отъ служебныхъ трудовъ и противорѣчій, узналъ я

---

[1]) «Кіевская Старина», 1898, I, 86.

[2]) См. также «Кіевск. Стар.,» 1898, I, 86; также «Кіевскую Стар.,» 1898, VII—VIII, стр. 141, 143 (вторая пагинація).

изъ газетъ о смерти Н. М. Милютина и вернулся въ Варшаву до срока. Тамъ не засталъ я уже князя Черкасскаго. Зная, что безъ поддержки Милютина не устоять ему въ борьбѣ съ намѣстникомъ, графомъ Бергомъ, онъ уѣхалъ въ Петербургъ и вышелъ въ отставку".

Затѣмъ разсказываетъ Кулишъ въ письмѣ къ Л. М. Жемчужникову: „Первымъ моимъ дѣломъ было заявить, что служить больше не желаю и прошу дать мнѣ содержаніе, обѣщанное Его Величествомъ чиновникамъ, которые останутся за штатомъ. Вмѣсто исполненія моей просьбы, меня прикомандировали къ Учредительному Комитету съ уменьшеннымъ окладомъ жалованья. Это устроено Соловьевымъ, который давно купилъ Берга самыми подлыми подачками его жадности по увеличенію его майоратныхъ владѣній, а устроено потому, что въ бумагахъ Милютина найдены мои письма, въ которыхъ я, по словесному съ нимъ условію, представлялъ, какъ Соловьевъ мѣшалъ мнѣ дѣлать дѣло по должности чиновника особыхъ порученій, и вслѣдствіе которыхъ Милютинымъ не разъ были исправляемы высочайшія повелѣнія для направленія порученнаго мнѣ дѣла въ указанную мною сторону. Соловьевъ, увидѣвши, что игралъ между мной и Милютинымъ роль пошлаго бюрократа, рѣшился мстить мнѣ, сколько это возможно для чиновника, и вотъ почему насильно привлекъ меня подъ свое начальство".

„Въ это самое время галицкіе семинаристы прислали мнѣ патріотическій адресъ на украинскомъ языкѣ. Онъ былъ перехваченъ нѣкіимъ—Витте, малымъ крайне ничтожнымъ, и сообщенъ Соловьеву. По докладѣ намѣстнику, Соловьевъ предложилъ мнѣ: или отречься печатно отъ всѣхъ моихъ украинскихъ убѣжденій, какія когда-либо были выражены мною въ литературѣ, или оставить службу. Я отвѣчалъ: что, несмотря на мое бывшее украинофильство, правительство удостоило меня своего довѣрія и довольствуется тѣмъ, что я все свое время отдаю службѣ, соблюдая всѣ его интересы, а требованіе отреченія сочинено имъ самимъ отъ лица правительства. Я прибавилъ, что

даже графъ Бергъ не способенъ предложить мнѣ подобный поступокъ, который опозорилъ бы мое имя, не принеся пользы правительству, и что тогда только повѣрю ему, Соловьеву, что требованіе исходитъ отъ намѣстника, когда намѣстникъ пришлетъ мнѣ его за своею подписью.

Результатомъ этой контраверсіи было увольненіе меня отъ службы безъ прошенія, якобы по болѣзни".

Въ раньше цитированной собственноручной замѣткѣ Кулиша въ болѣе сокращенномъ видѣ изложено то же самое и затѣмъ слѣдуетъ: „Я уѣхалъ за границу. Тамъ напечаталъ я во Львовѣ переводъ на украинскій языкъ Моисеева Пятикнижія, стихотворный переводъ Псалтири, такой же переводъ Пѣснипѣсней, а въ Вѣнѣ, вмѣстѣ съ галичаниномъ, докторомъ Пулюемъ, перевелъ и напечаталъ по-украински Новый Завѣтъ.

Возвратясь въ Россію, занялся я изученіемъ польско-русской старины и издалъ три тома „Исторіи возсоединенія Руси" да одинъ томъ „Матеріаловъ" къ нимъ".

Такимъ образомъ въ половинѣ 1867 года снова появились тучи на горизонтѣ служебной дѣятельности Кулиша и столь счастливо, повидимому, устроившаяся карьера порвалась, благодаря интригамъ Соловьева. Въ одномъ изъ писемъ Кулиша къ Чуйкевичу находимъ нѣкоторыя любопытныя подробности, относящіяся къ исторіи препирательства его съ Соловьевымъ: „Я еще разъ былъ у намѣстника по дѣлу съ Соловьевымъ—для врученія ему письма, которое онъ поручилъ мнѣ написать. Письмомъ онъ остался доволенъ, а когда я поблагодарилъ его за защиту, то онъ сказалъ мнѣ слѣдующее: „Вѣдь я желалъ, чтобы вы продолжали службу. Вы очень трудолюбивы и способны. Я вѣдь умѣю это цѣнить. Не знаю, какъ устроятся дѣла, но вы понимаете, что мнѣ такіе люди нужны". Всего важнѣе въ этой аудіенціи было то, что о Соловьевѣ не было сказано ни единаго слова, а вѣдь онъ игралъ роль моего начальника. Такимъ образомъ я получилъ полное удовлетвореніе за грубую выходку этого обскуранта... Дѣла служебныя находятся здѣсь въ переходномъ со-

стояніи. Я кое-что работаю, сидя дома, по редакціонной части. Соловьевъ боится присылать ко мнѣ бумаги или пригласить меня къ себѣ домой по дѣламъ, потому что видъ мой для него по истинѣ ужасенъ, какъ для оставшагося въ дурняхъ, и при томъ онъ теперь знаетъ, какимъ тономъ я бы сталъ говорить съ нимъ".

Но Соловьевъ, какъ мы знаемъ, не задумался поразить Кулиша извѣстнымъ намъ безпощаднымъ орудіемъ. Ни мало не колеблясь, Кулишъ рѣшилъ предложенный ему выборъ и, подобно Тургеневскому Рудину [1]), послѣ нѣсколькихъ лѣтъ сравнительнаго матеріальнаго благосостоянія, предпочелъ котомку нравственному униженію, и снова сдѣлался безпріютнымъ скитальцемъ, частью же скромнымъ обитателемъ глухого малороссійскаго хутора. 30 октября 1867 года онъ получилъ оффиціальное увольненіе по болѣзни отъ занимаемыхъ имъ должностей.

Приведемъ здѣсь разсказъ объ этой порѣ жизни Кулиша одного изъ его друзей: „Узнавъ, что Кулишъ и Бѣлозерскій состоятъ на службѣ въ Варшавѣ, я отправился въ Варшаву и представилъ Кулишу одно изъ первыхъ моихъ произведеній для просмотра и для передачи въ Галицію, въ редакцію малорусскаго журнала „Правда". Кулишъ въ это время потерялъ мѣсто директора духовныхъ дѣлъ и состоялъ членомъ комиссіи по переводу польскихъ законовъ. Онъ получалъ жалованье въ 1500 р. Я нашелъ его въ небольшой, но очень опрятной квартиркѣ. Ему въ то время было не болѣе 45 лѣтъ. Съ виду онъ былъ еще молодъ, съ блестящими острыми глазами, но страдалъ кашлемъ и жаловался на болѣзнь груди. Года черезъ два доктора

---

[1]) Сравненіе это, быть можетъ, было бы оскорбительно для памяти Кулиша, человѣка не только идеи, но и энергичной и живой дѣятельности, но мы здѣсь имѣемъ въ виду преимущественно слова Тургенева: «Хорошо тому, у кого есть теплый уголъ... И да поможетъ Господь всѣмъ безпріютнымъ скитальцамъ!», — и еще, что Рудинъ при своихъ блестящихъ дарованіяхъ *умѣлъ* остаться нищимъ.

послали его на зимній сезонъ въ Венецію. Двѣ зимы сряду онъ проживалъ въ Венеціи, а лѣто проводилъ въ Вѣнѣ, занимаясь переводомъ Новаго Завѣта съ еврейскаго языка на украинскій. На столѣ лежала стопа исписанныхъ листовъ перевода, которымъ онъ, по словамъ его жены, добрѣйшей Александры Михайловны, занимался аккуратно каждый день. Зашла рѣчь о пророчествахъ, о лицѣ Іисуса Христа. Я полюбопытствовалъ прочесть эти мѣста, чтобы убѣдиться, не сдѣлано-ли какого-нибудь искаженія въ пророчествахъ Даніила о седминахъ, въ пророчествахъ Исаіи, Захаріи и проч., тѣмъ болѣе что Кулишъ перевелъ эти мѣста стихами, какъ они написаны стихами въ еврейскомъ оригиналѣ. Я началъ перелистывать рукопись, отыскивая эти мѣста.

— „Навіщо вы шукаете? Я вам і так йіхъ прочитаю“, сказавъ Кулишъ и прочиталъ мнѣ на память всѣ пророчества въ стихахъ. Я спросилъ его, какъ онъ перевелъ болѣе важные псалмы. Онъ опять началъ читать мнѣ наизустъ эти псалмы одинъ за другимъ, переведенные стихами, какъ будто онъ выучилъ ихъ предварительно на память отъ слова до слова. Онъ ихъ не училъ; только перевелъ—и затвердилъ до буквы. Память Кулиша поразила меня. Дѣйствительно, память у него была феноменальная, какъ у индусовъ браминовъ, о которыхъ пишутъ, что еслибы по какому-нибудь случаю пропала вся санскритская литература, то ученые индусы возстановили бы ее всю по памяти. Въ Краковѣ на вокзалѣ, по дорогѣ въ Вѣну, у Кулиша украли саквояжъ, въ которомъ находилась рукопись псалтыри, переведенной стихами. Пріѣхавъ въ Вѣну, Кулишъ возстановилъ утраченный переводъ почти по памяти. „Це для ёго було нетрудно“, говорилъ мнѣ потомъ Бѣлозерскій: „въ ёго така память, що було въ школи він вчить стихи, заданні на урокъ, передъ приходомъ учителя въ классъ: разъ прочитав, тай налить на память. Въ Відні Кулішъ загаяв якійсь там час тільки на писання псалтирі, та й годи“.

О служ ѣ Кулиша въ Царствѣ Польскомъ находимъ слѣдующія оффиціальныя свѣдѣнія въ выданномъ ему въ 1875 г.

аттестатѣ изъ Департамента общихъ дѣлъ Министерства путей сообщенія: „Опредѣленъ въ учредительный Комитетъ въ Царствѣ Польскомъ съ назначеніемъ состоящимъ при комитетѣ 1864 г. декабря 23; получилъ темно-бронзовую медаль въ память польскаго мятежа 1863-4 г. и въ 1865 г. по всеподданнѣйшему докладу министра статсъ-секретаря Царства Польскаго объ отлично усердной и полезной службѣ, засвидѣтельствованной министромъ Государственныхъ имуществъ и намѣстникомъ въ Царствѣ Польскомъ 10-го іюня 1865 г. Высочайше повелѣно: виновность Кулиша по дѣлу объ Украйно-Славянскомъ Обществѣ, за которую онъ былъ выдержанъ въ крѣпости и потомъ высланъ на службу въ Тулу, съ учрежденіемъ надъ нимъ строжайшаго полицейскаго надзора, не считать препятствіемъ къ производству его въ слѣдующіе чины, равно къ представленію ему всѣхъ прочихъ правъ и преимуществъ по службѣ, кромѣ ордена Св. Владиміра 4 степени за выслугу лѣтъ и знака отличія за безпорочную службу". Едва прошелъ годъ съ начала службы Кулиша въ Варшавѣ, какъ онъ получилъ серебряную медаль за труды по устройству крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ, а вскорѣ ему была выдана награда 1200 р., отъ князя Черкасскаго, человѣка также высокочтимаго имъ до послѣднихъ дней (Черкасскаго, благородной памяти котораго, какъ намъ извѣстно, онъ предполагалъ посвятить свой послѣдній крупный историческій трудъ: „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши"), приглашеніе занять должность директора отдѣленія духовныхъ дѣлъ, гдѣ впрочемъ оставался недолго, продолжая въ это же время свою службу при учредительномъ комитетѣ.

XLVII.

Въ 1868 году Кулишъ совершилъ заграничное путешествіе; зиму онъ провелъ въ Италіи, а съ наступленіемъ тепла переселился въ Германію, гдѣ особенное для него значеніе имѣлъ осмотръ Дрезденской галлереи [1]). Онъ продолжалъ въ заграничныхъ архивахъ свои работы по собиранію матеріаловъ для составленія „Малороссійскаго словаря“ (въ Прагѣ, Вѣнѣ, Венеціи); занимался псалтирью. Любопытно, что Кулишъ предавался притомъ тщательному изученію комментаріевъ, полагая, что „для читателей нашей Библіи необходимо имѣть особое изданіе „Пѣсни Пѣсней“ съ комментаріями, чтобы не впадать вмѣсто обыкновеннаго мистицизма въ соблазнъ на счетъ этого драгоцѣннаго произведенія древней еврейской словесности. Замѣчательны слова Нибура, которыя онъ сказалъ молодому пастору, сожалѣвшему, что въ библейскій канонъ приходится включать любовныя пѣсни: „Что̀ касается до меня, то я бы считалъ Библію неполною, еслибы изъ нея исключить выраженіе самыхъ глубокихъ и сильныхъ чувствъ въ человѣчествѣ“.

---

[1]) Любопытенъ взглядъ Кулиша на Сикстинскую Мадонну, въ которомъ живо отразилось его тогдашнее настроеніе. «Такія лица есть у насъ на Украйнѣ. Этотъ типъ очень распространенъ между сельскими маленькими дивчатами. Удивительное выраженіе лица. Ни одна гравюра его не передаетъ, и живописныя копіи также слабы. По крайней мѣрѣ я ни одною не былъ доволенъ. Вмѣстѣ полудѣтское спокойствіе и грусть о много-испытанномъ, какая бываетъ только у человѣка, который много видѣлъ всякаго зла на землѣ. Или это мнѣ такъ кажется. Теперь я особенно полонъ чувствомъ зла, которое мнѣ приходилось видѣть въ разнообразныхъ его проявленіяхъ: «Questa vita noiosa. Non e degna de si gentil cosa!» Въ лицѣ Мадонны нѣтъ увѣренности, что міръ пойдетъ за нею слѣдомъ; она какъ будто оставила міръ въ увѣренности что для него ничего не сдѣлала. Въ самомъ дѣлѣ, кто сдѣлалъ что-нибудь для міра вообще? *Можно сдѣлать что-нибудь для немногихъ, но не для міра*».

„Мнѣ надобно жить долго", говорилъ Кулишъ,—„не для одного только того, чтобы выполнить программу моихъ литературныхъ занятій, но гораздо болѣе для того, чтобы подготовить продолжателей моихъ работъ". А „жизненное дѣло" Кулиша принимало все болѣе широкіе размѣры, осложняясь его новыми отношеніями къ русинамъ: „Львовскіе русины, отстаивающіе русскую народность противъ посягательства полонизма, не ожидаютъ прибытія въ Львовъ генеральнаго агента Лондонскаго библейскаго общества по дѣлу о разсмотрѣніи экспертами перевода Моисеева Пятикнижія". Все это было связано съ тогдашнею дѣятельностію Кулиша и показываетъ его возростающій интересъ къ русинамъ подъ вліяніемъ невозможности посвящать свои силы и свои пламенныя идеальныя стремленія горячо любимой Украйнѣ и разочарованія въ друзьяхъ украйнофилахъ.

Въ дорогѣ Кулишъ серьезно заболѣлъ отъ переутомленія вслѣдствіе многолѣтнихъ усиленныхъ трудовъ и ежедневныхъ тревогъ и слегъ въ Прагѣ, гдѣ, находясь подъ страшной угрозой приближающейся смерти, онъ отдалъ въ Пражскій національный Музей многія бывшія съ нимъ цѣнныя бумаги и въ томъ числѣ письма къ Гоголю А. С. Смирновой, за что въ восьмидесятыхъ годахъ онъ заднимъ числомъ не разъ подвергался въ печати суровымъ упрекамъ со стороны дочери послѣдней [1]).

Въ Прагѣ Кулишъ былъ принятъ съ большимъ почетомъ: „Чехи"—писалъ онъ Н. Д. Бѣлозерскому—„такъ любезны, что ставятъ иногда въ затрудненіе. Напримѣръ, я выѣзжаю въ Дрезденъ въ 8 часовъ утра и уже меня провожаютъ на желѣзную дорогу, чтобы облегчить мнѣ весьма обыкновенныя хлопоты. Противъ обыкновенія мнѣ предлагаютъ брать сколько угодно книгъ не только на городскую квартиру, но даже и на дачу, еслибы я рѣшился жить за городомъ. Квартиры ищутъ мнѣ гуртомъ и проч. Въ Прагѣ Кулишъ посѣтилъ Палацкаго и многихъ другихъ замѣчательныхъ людей.

---

[1]) См. «Сѣверный Вѣстникъ», 1893, II, 243 стр., 2 примѣч.

По возвращеніи изъ за-границы Кулишъ былъ въ томъ же 1869 г. избранъ почетнымъ мировымъ судьей города Борзны, но оставался на этой службѣ самое непродолжительное время: [1]) ни его историческія занятія, ни условія матеріальныя не позволяли ему остановиться надолго на такого рода служебномъ поприщѣ. Мы знаемъ, что его всегда страшила перспектива хуторскаго прозябанія, но теперь еще больше, чѣмъ прежде, потому что розовыя мечты молодости остались уже далеко позади; уже нѣсколько лѣтъ раньше Кулишъ добродушно и горько шутилъ надъ своимъ былымъ оптимизмомъ, хотя онъ оставался оптимистомъ, лишь *въ меньшей мѣрѣ*, до конца жизни. Въ числѣ другихъ надеждъ не осуществились (или осуществились, но не надолго) и упованія на лучшія матеріальныя условія, и Кулишъ, задолжавъ еще съ начала 60-хъ годовъ, не могъ расплатиться съ своими долгами. Что̀ касается ученыхъ трудовъ Кулиша, то они мало-по-малу принимаютъ иное направленіе. Въ бытность свою въ Варшавѣ, работая въ архивахъ, Кулишъ мало-по-малу выработалъ себѣ новыя воззрѣнія относительно роли козачества въ малороссійской исторіи. Быть можетъ, онъ слишкомъ увлекся встрѣтившимися ему при изученіи такихъ историческихъ документовъ неблагопріятными для козаковъ данными, но въ душѣ его началась тяжелая борьба между прежними вѣрованіями и позднѣйшими убѣжденіями. Изъ-за измѣнившихся убѣжденій ему предстояло порвать отношенія и съ прежними друзьями. Работая надъ „Исторіей Возсоединенія Руси“, Кулишъ все больше отдалялся отъ своихъ прежнихъ взглядовъ. Сначала Кулишъ стремился и своихъ друзей склонить къ принятію новыхъ своихъ воззрѣній, но ему не удалось передать имъ свои убѣжденія, слѣдствіемъ чего постепенно явилось охлажденіе къ нему Костомарова, Мордовцева, Жемчужникова, Гатцука и другихъ [2]). Трудно указать въ точности на

---

[1]) См. между прочимъ письма къ Хильчевскому, напр. „Кіевская Старина“, 1898, I, стр. 103.

[2]) Впрочемъ эта рознь не отражалась на личныхъ отношеніяхъ и напр. въ 1876 г. Кулишъ часто бывалъ у Костомарова въ Лоскут-

основаніи писемъ, когда началось охлажденіе Кулиша къ Костомарову. Въ серединѣ 60-хъ годовъ мы еще видимъ ихъ самыми задушевными друзьями. Однажды, напр., Кулишъ писалъ: „Я былъ такъ утомленъ, что былъ въ силахъ только съѣздить утромъ къ Костомарову. Проговорили все утро; потомъ онъ просилъ меня въ четыре часа обѣдать. Мнѣ хотѣлось на покой, но онъ такъ усердно просилъ, что я пошелъ еще разъ къ нему".

Къ этому времени у Кулиша сложилось убѣжденіе въ превосходствѣ великорусскаго элемента надъ малороссійскимъ и началось отрицаніе его прежней идеализаціи козачества. Разойдясь во взглядахъ съ Л. М. Жемчужниковымъ и замѣтивъ съ его стороны охлажденіе послѣ одного своего рѣзкаго отзыва о Шевченкѣ, Кулишъ почувствовалъ потребность въ чистосердечной исповѣди передъ своимъ прежнимъ другомъ и въ этой исповѣди такъ объяснилъ происшедшую въ его взглядахъ перемѣну: „Во времена оны я самъ указалъ вамъ на книгу Костомарова о Богданѣ Хмельницкомъ, какъ на послѣднее слово русско-украинской исторіографіи,—въ Варшавѣ открылась вся ея несостоятельность. Когда пріѣхалъ туда Костомаровъ, я не скрывалъ отъ него своего мнѣнія, только выразилъ его въ формѣ указаній на слабыя мѣста, требующія обработки по неизвѣстнымъ ему источникамъ. Источники эти были ему частію вручены, частію указаны какъ нельзя обстоятельнѣе. Онъ былъ очень обрадованъ, и я увѣренъ, что не притворно. Онъ обѣщалъ въ третьемъ изданіи своего „Богдана Хмельницкаго" воспользоваться и печатными книгами, и рукописями, которыя, по моему мнѣнію, должны были привести его къ иному воззрѣнію на козачество. Но онъ не воспользовался ничѣмъ, а выпустилъ 3-е изданіе „Богдана Хмельницкаго" съ прибавкой новыхъ нелѣпостей въ родѣ того, что, „козаки были

ной гостинницѣ въ Москвѣ и они встрѣчались также у Жемчужникова. Съ Гатцукомъ же у Кулиша была ссора вслѣдствіе неисполненія первымъ условій при печатаніи «Исторіи Возсоединенія», о чемъ ниже.

единственными борцами за вѣру православную и народность русскую. Это подлинныя слова, служащія основаніемъ его книги"... Въ Варшавѣ же, по признанію Кулиша, усилились его сношенія съ русинами, на поддержку изданій которыхъ онъ тратилъ тогда большія суммы, пока ему позволяли это дѣлать занимаемыя имъ должности и получаемое большое жалованье. Кулишъ вспомнилъ далѣе въ томъ же письмѣ къ Жемчужникову о поданной имъ запискѣ Милютину и кн. Черкасскому относительно необходимости перехода Галиціи подъ власть русскаго императора. Когда же все порвалось вслѣдствіе интригъ Соловьева, Кулишъ принялся за переводъ для русиновъ Библіи Ветхаго и Новаго Завѣта и напечаталъ Моисеево Пятикнижіе и четырехъ евангелистовъ и усиленно поддерживалъ журналъ „Правда".

Итакъ, одной изъ главныхъ причинъ, подававшихъ поводъ Соловьеву къ нападеніямъ на Кулиша, были завязавшіяся тогда отношенія его съ галицкими русинами. Разочаровавшись въ своихъ землякахъ малороссахъ, онъ постепенно перенесъ симпатіи на Галичину и завелъ сношенія съ журналомъ „Правда".

„Уже въ 1865 г.", говоритъ г. Конисскій, „прощаясь, Кулишъ совѣтовалъ мнѣ познакомиться въ Львовѣ съ его „другомъ", профессоромъ Головацкимъ, къ которому и далъ мнѣ рекомендательное письмо. Когда, по пріѣздѣ въ Львовъ, я познакомился съ Головацкимъ и съ людьми противоположныхъ ему взглядовъ, которые также считали Кулиша своимъ другомъ, я понялъ опасность положенія его. Такъ и случилось: Головацкій—не знаю какимъ образомъ,—досталъ одно изъ писемъ Кулиша въ Львовѣ къ человѣку изъ лагеря, противнаго Головацкому, куда-то представилъ это письмо... и Кулишъ въ 1867 г. былъ уволенъ".

Между тѣмъ въ своихъ письмахъ къ Хильчевскому Кулишъ разсказываетъ объ усиленныхъ занятіяхъ еврейскимъ языкомъ и о томъ, что онъ печатаетъ въ „Правдѣ" псалмы и пѣсни Моисеевы и занимается переводомъ Библіи. „Очень ошибаешься, друже Иване",—говорилъ онъ,—„воображая, что, живши

я на родинѣ, я могъ бы имѣть благотворное вліяніе на моихъ земляковъ; перебравши въ жизни много людей, я пришелъ къ заключенію, что моихъ земляковъ, т. е. представителей интеллигенціи, надобоо предоставить ихъ ничтожной судьбѣ“ [1]). „У васъ въ Кіевѣ не понимаютъ“,—говорилъ Кулишъ въ томъ же письмѣ, „что теперь тамъ (т. е. въ Галиціи) вся суть русскаго вопроса, т. е. коренного русскаго“ [2]).

О потерѣ Кулишомъ мѣста въ Варшавѣ и его сношеніяхъ съ галичанами г. Левицкій сообщаетъ слѣдующее: „Въ то время національное возрожденіе въ Галиціи входило въ силу: въ Львовѣ издавалась довольно большая газета „Слово“ на довольно чистомъ малорусскомъ языкѣ, а не на томъ старомъ галицкомъ языкѣ, на которомъ прежніе піиты бряцали свои напыщенныя оды. Противъ этого національнаго литературнаго движенія въ Галиціи началась агитація изъ Россіи въ пользу русскаго языка. Многіе галичане говорили мнѣ въ Львовѣ, что вся редакція „Слова“ была куплена за 15000 р. вмѣстѣ съ профессоромъ Яковомъ Головацкимъ... Въ то же время „Слово“ неожиданно измѣнило фронтъ: вмѣсто малорусскаго языка стало выходить на старомъ галицкомъ, такъ называемое теперь „язычіе“—этотъ послѣдній отголосокъ стараго малорусскаго языка кіевскихъ ученыхъ XVII в., выработаннаго изъ церковно-славянскаго съ нижнимъ этажемъ малорусскимъ. Такъ какъ Кантемиръ и Ломоносовъ заимствовали этотъ кіевскій книжный языкъ, „вычистивъ“ его, по словамъ Тредьяковскаго, т. е. выбросивъ изъ него малорусскій элементъ и полонизмы,—то естественно, что это „язычіе“ все-таки было ближе къ нынѣшнему русскому языку, чѣмъ чистый народный языкъ „Слова“, и порядочно таки смахивало на русскій языкъ. Молодые галичане

---

[1]) «Кіевская Старина», 1898, I, 90—91.

[2]) Изъ писемъ Кулиша къ С. Д. Каменецкому мы видимъ, что еще въ 1864 г. у него были сношенія со Львовомъ («Кіевская Старина», 1898, VII—VIII, 135); подробнѣе см. «Кіевская Старина», 1898, X, стр. 83—117; тамъ же его соборное посланіе галичанамъ.

заявили протестъ противъ „Слова“ и начали сперва издавать журналъ „Мету“, а потомъ „Правду“—опять на чистомъ народномъ языкѣ. Они послали въ Варшаву сочувственный адресъ Кулишу. Адресъ попалъ въ руки не къ Кулишу, а къ графу Бергу. Между ними вышло недоразумѣніе, и Кулишъ оставилъ службу“.

„Бергъ предложилъ Кулишу печатно отказаться отъ украинофильскихъ симпатій, угрожая въ противномъ случаѣ „котомкой“, т. е. отрѣшеніемъ отъ должности. Кулишъ выбралъ „котомку“ [1]).

„Изъ Варшавы“—продолжаетъ г. Левицкій—„Кулишъ выѣхалъ на зиму въ Венецію по совѣту докторовъ. Двѣ зимы онъ провелъ въ Венеціи, а лѣтомъ проживалъ въ Вѣнѣ, гдѣ я его встрѣтилъ черезъ два года. Онъ жилъ на предмѣстьи Вѣны, занималъ одну маленькую чистенькую комнатку съ постелью и молокомъ на завтракъ, съ платою по восьми гульденовъ въ мѣсяцъ. Въ это-то время Кулишъ съ Пулюемъ занимались переводомъ Новаго Завѣта съ еврейскаго на украинскій языкъ“.

XLVIII.

Все это происходило въ концѣ 60-хъ годовъ и въ самомъ началѣ семидесятыхъ, когда, во время своихъ странствованій, Кулишъ уже оставлялъ Чуйкевичу и другимъ друзьямъ свой львовскій адресъ. Чуйкевичъ не могъ скоро стать на новую точку зрѣнія Кулиша и, не понимая теперь его взглядовъ и цѣлей, довольно безцеремонно, по старой дружбѣ, называлъ его поѣздки „праздношатательствомъ“ [2]), но Кулишъ, напро-

---

[1]) Ср. разсказъ о томъ же Кулиша въ статьѣ г. Лободовскаго въ «Кіевской Старинѣ», 1897, IV. 172.

[2]) Это выраженіе совсѣмъ не идетъ къ Кулишу, даже въ шутку, такъ какъ онъ былъ человѣкъ необычайнаго трудолюбія, никогда не терявшій времени даромъ. Въ одномъ письмѣ къ Хиль-

тивъ, хотѣлъ и его втянуть въ это „праздношатательство“, зовя его купаться въ морѣ, совѣтоваться съ знаменитыми заграничными докторами. Соблазнительно рисуя ему дешевизну и удобства заграничной жизни, Кулишъ совѣтовалъ ему направиться первоначально въ Львовъ, притомъ непремѣнно говорить на языкѣ предковъ и вмѣстѣ предостерегалъ, что по системѣ Каткова тамъ развелся „страшный іезуитизмъ“; далѣе онъ звалъ его съ собой въ Прагу и наконецъ въ Венецію.

Отъ послѣдней Кулишъ былъ особенно въ восторгѣ [1]): его поэтическая, чуткая ко всему изящному, душа не могла не оцѣнить обаянія этого единственнаго въ своемъ родѣ и въ цѣломъ мірѣ города; но его описанія Венеціи въ дружескихъ письмахъ такъ увлекательны и полны красокъ, что мы позволимъ себѣ привести изъ нихъ небольшой отрывокъ: „В вас вода замерзае, а ми тут мов въ раю. Солнце сяе, вода коло мармурових берегів не ліетця, вітерець ледве-ледве подихае; у ночі місяць купаетця въ морі серед огників, що поринають або з лихтарів изъ беріжних, або з гондол, що туда и сюда плавають. Ще ж до того з усіх кутків вечорами граютъ та співають; то на світі жити дуже любо—не так, як у нашій сумній та запакощеній Україні“. „Тамъ ганяютъ кіньми мов скажені, а тут ходиш собі скризь якъ по світлиці, ни кизяка не поба-

---

чевскому онъ говоритъ: «Докторъ, осмотрѣвъ меня весьма тщательно объявилъ, что мнѣ можно работать еще 25 лѣтъ. Работаю я постоянно—это нормальное мое состояніе. Иначе я бы пропалъ отъ скуки. Нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха, а Магометъ пророкъ его. Нѣтъ жизни внѣ труда, а я—черезъ часъ послѣ праздной бесѣды уже скучаю». («Кіевск. Стар.», 1898, I, стр. 96).

[1]) Но карнавалъ произвелъ на него самое непріятное впечатлѣніе; онъ называетъ его въ письмѣ къ Н. Д. Бѣлозерскому „гнуснымъ“, пошлымъ, „богопротивнымъ“, а также замѣчаетъ, „что россейскія балаганныя забавы—родныя чада итальянскимъ карнаваламъ, и удивительно, какая толпа дураковъ на свѣтѣ“! (Ср. отзывъ о карнавалѣ въ письмѣ къ Хильчевскому („Кіевск. Стар.“, 1898, I, 93).

чиш, ні гикання не почуеш. Тут живеш як дома и вже черезъ те одно що ти forestiere, усі тебе раді на рукахъ носити. Так провів би день за днем днів тисяч з десять, чи скількі доля мині судила". „Тамъ далеко въ самомъ разгарѣ идетъ франко-прусская война, тамъ неистовствуютъ темныя силы милитаризма, а здѣсь душа наслаждается тишиной и райскими красотами природы".

Но не смотря на все это, сердце патріота обращалось на сѣверъ, какъ къ магниту, и жаль ему становилось среди блеска Венеціи „бідолашнёго люду" украинскаго, такъ что въ концѣ письма онъ говоритъ уже: „Оттак то в сій Венеціи жити та по Вкраіні тужити! Сонечко любе та море синеньке, тількі од вас і пільга серьцю сумному. Дивисся на ваше игранне вкупі, та й не надивисся, та й хочецця ростопитись таким золотим туманомъ, як ви собі из ранку висновуете. Колиб же то так можно"!

XLIX.

Но всему бываетъ конецъ, и отъ волшебнаго обаянія чудесами итальянскаго неба пришлось вернуться къ петербургскимъ туманамъ и прозѣ монотоннаго будничнаго существованія. Кулишу была обѣщана служба по министерству путей сообщенія, но товарищъ министра долженъ былъ дожидаться возвращенія министра, графа Бобринскаго, и Кулишъ счелъ за лучшее вновь обратиться къ протекціи своего друга Л. М. Жемчужникова, который могъ дѣйствовать въ его пользу черезъ своего старшаго брата Владиміра; при томъ онъ просилъ рекомендаціи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Скажите ему, что этотъ человѣкъ" (т. е. самъ Кулишъ) „работаетъ прилежно, прямитъ (sic) интересамъ службы, какъ слѣдуетъ, и что, молъ, такихъ людей слѣдуетъ привлекать къ дѣлу на пользу общества и государства. Виктора Антоновича нѣтъ въ Петербургѣ, а то бы и онъ могъ свидѣтельствовать, что онъ вовсе не ищетъ тот-

часъ жалованья, „имѣя собственные ресурсы для существованія въ Петербургѣ“,—„покамѣсть“—говорилъ онъ—„меня узнаютъ на дѣлѣ, стою ли я куска хлѣба“. Просьба Кулиша была исполнена, и братъ Л. М. Жемчужникова выхлопоталъ ему у Бобринскаго 3000 годового содержанія.

Но, устроившись въ матеріальномъ отношеніи, Кулишъ страшно страдалъ въ нравственномъ, вслѣдствіе разлада съ Костомаровымъ, о которомъ онъ такъ писалъ тому же Л. М. Жемчужникову: „Я подвергся наибольшему оскорбленію, какое когда-либо испытывалъ. Костомаровъ, котораго я съ такимъ усердіемъ направлялъ на документальную дорогу исторіографіи, сталъ меня третировать съ величайшимъ благоволеніемъ [1]). Не могу иначе выразиться. Когда я посѣщалъ его, онъ обходился со мною благосклонно, отнюдь не вдаваясь въ бесѣду о предметѣ, составляющемъ предметъ обоюдной нашей спеціальности; во все время новаго моего пребыванія въ Петербургѣ онъ ни разу у меня не былъ, ни единаго разу, бывая черезъ день у Кожанчикова (sic) и весьма часто у жившаго напротивъ меня Мордовцева. Я съ своей стороны сталъ бывать у него рѣдко, наконецъ, и совсѣмъ его оставилъ... Отрѣзанный отъ міра и терпя нелѣпѣйшія притѣсненія по службѣ, я зналъ только Императорскую Публичную библіотеку да свою квартиру“. Такимъ образомъ, Кулишъ снова съ разбитымъ сердцемъ—былъ ли онъ правъ или виноватъ—замкнулся и зажилъ анахоретомъ [2]).

---

[1]) Н. И. Костомаровъ въ своей статьѣ о „Крашанкѣ“ Кулиша говоритъ: „Въ 1874 году г. Кулишъ *нежданно* для всѣхъ измѣнился. Не показывавшись до того уже нѣсколько лѣтъ съ своимъ именемъ, онъ явился съ сочиненіемъ, носившимъ названіе: „Исторія возсоединенія Руси“ („Вѣстн. Евр.“, 1882, VIII, стр. 129), но *лично* для него перемѣна во взглядахъ Кулиша не была неожиданной.

[2]) О тогдашнемъ состояніи оффиціальной науки въ Россіи Кулишъ былъ невысокаго мнѣнія: „Россійское Общество“—говорилъ онъ—„не скоро станетъ на ноги послѣ пониженія всѣхъ учебныхъ заведеній въ Россіи сообразно господствующему нынѣ въ правительственныхъ сферахъ іезуитству. Лучшіе умы нынѣ въ Россіи po za obrubem науки и литературы“.

Желая забыться въ работѣ, онъ предпринялъ было трудъ о церковной уніи, „на которую“—говорилъ онъ—„я имѣю взглядъ не костомаровскій“, но, такъ какъ та же мысль приходила ему уже раньше, то онъ имѣлъ неосторожность увезти тогда съ собой относящіяся къ этому вопросу свои книги за границу, гдѣ, однако, по собственному сознанію, и не развернулъ ихъ. Поэтому онъ рѣшилъ выписать вновь эти книги и погрузиться въ работу, стараясь отгонять отсюда беллетристическія искушенія на томъ основаніи, что „это сдѣлаютъ многіе, а Нестором нашимъ украинскаго вопроса могу быть одинъ я“. Въ то же время въ „Вѣстникѣ Европы“ печатался его обширный трудъ о колонизаціи, который долженъ былъ служить и началомъ большого историческаго труда, въ который войдетъ и церковная унія“. Но, кромѣ того, какъ видно изъ одного письма къ В. В. Тарновскому-сыну, Кулишъ въ началѣ 70-хъ годовъ издалъ въ Львовѣ малороссійскій переводъ книги Іова, а въ Вѣнѣ—четвероевангеліе и былъ занятъ переводомъ Псалтыри и вообще Священнаго Писанія.

L.

Съ 1870 г. Кулишъ постоянно стремился поселиться въ Мотроновкѣ. Онъ писалъ И. Ф. Хильчевскому: „Ограничиваюсь однимъ хуторомъ и въ немъ сосредоточиваю всю свою дѣятельность, да и то все хозяйство предоставилъ я Александрѣ Михайловнѣ, а самъ знаю однѣ книги“.[1]) Но въ 1871 г., какъ мы знаемъ, онъ опять былъ заграницей, а по возвращеніи снова началъ думать о жизни на хуторѣ, для чего предпринялъ планъ покупки Мотроновки, а чтобы имѣть возможность исполнить его, снова сталъ думать о службѣ. „Мотроновка“—писалъ онъ Хильчевскому въ 1872 г.—„будетъ куплена: для этого я

---

[1]) „Кіевская Старина“, 1898, 1—100.

готовъ, на худой конецъ, запрятать себя въ одну изъ петербургскихъ канцелярій, гдѣ, при всей враждебности къ моему repentirée, дадутъ мнѣ хорошее жалованье. Къ этому жалованью я въ тотъ же годъ прибавлю другое такое же своимъ перомъ, пошившись въ переводчики, компиляторы, публицисты и т. п., на что теперь, изъ-за своей Библіи, смотрю съ пренебреженіемъ, равно какъ и на канцелярскую работу. Но это будетъ, повторяю, на худой конецъ. Покамѣстъ я имѣю свои рессурсы въ виду". [1]) Хильчевскій старался охладить пылъ Кулиша, доказывая, что для покупки хутора понадобится столько денегъ, что Кулишъ едва могъ бы покрыть расходы не ранѣе двадцати лѣтъ, на что послѣдній отвѣчалъ: „если бы я долженъ былъ уплатить и 20 тысячъ государственными ассигнаціями, то и тогда для этого нужно было бы не двадцать, а только пять лѣтъ. Мнѣ на первый разъ могутъ дать жалованья minimum 1500 р. въ годъ". Но раньше надо было предпринять новую поѣздку заграницу для печатанія Библіи, рѣшивши, однако, пріостановить дѣло, „еслибы понадобилось вернуться на время домой, для веденія земельныхъ дѣлъ"... „Засяду да примусь работать и надъ Библіей и—если будутъ промежутки—надъ историческими этюдами". [2]) Дѣйствительно, скоро пришлось ѣхать обратно вслѣдствіе ссоръ между братьями Бѣлозерскими, которые раздумали продавать Мотроновку.

Въ 1873 г. Кулишъ отправился въ Петербургъ и безъ всякой протекціи явился къ товарищу министра путей сообщенія, „котораго не зналъ и имени не слышалъ". „Онъ же",—говоритъ Кулишъ—„меня по слуху или по печати зналъ, а потому принялъ меня дружески и выразилъ всяческую готовность мнѣ содѣйствовать". [3]) Товарищъ министра (г. Селифонтовъ) познакомилъ Кулиша съ начальникомъ статистическаго отдѣла Головачевымъ, извѣстнымъ авторомъ книги „Десять лѣтъ реформъ",

---

[1]) Тамъ же, стр. 110.

[2]) Тамъ же, стр. 113.

[3]) Тамъ же, стр. 117.

„которому графъ Бобринскій поручилъ сформировать личный составъ отдѣла". Головачевъ прекрасно обошелся съ Кулишомъ и своимъ умомъ и характеромъ произвелъ на него самое благопріятное впечатлѣніе, такъ что Кулишъ потомъ сравнивалъ его во многихъ отношеніяхъ съ Плетневымъ, [1]) но могъ ему предложить только 1500 р. жалованья до утвержденія новыхъ штатотъ, которое должно было послѣдовать съ начала слѣдующаго, 1874, года. Условіе это съ радостью было принято Кулишемъ, которому при томъ было тѣмъ болѣе пріятно, что „графъ благодарилъ Головачева, что вслѣдъ за нимъ въ министерство *идутъ просвѣщенные люди, какъ Кулишъ*", и еще въ виду того, что, „независимо отъ этой службы, Костомаровъ старался сдѣлать Кулиша членомъ археографической комиссіи, съ полученіемъ въ годъ 1500 р. въ видѣ награды за редакціонные труды. [2]) Кулишу скоро весьма пригодилось его знаніе иностранныхъ языковъ и ему было поручено изданіе журнала Министерства Путей Сообщенія. Графъ Бобринскій и Головачевъ высоко цѣнили въ немъ человѣка съ головой и ревностнаго и толковаго сотрудника. Казалось бы, для Кулиша должна была наступить снова счастливая эра, но этого не случилось, прежде всего потому, что было отложено учрежденіе новыхъ штатовъ, а главное— вслѣдствіе перемѣны части высшаго служебнаго персонала министерства. Сначала, склонный всегда къ оптимизму, Кулишъ не могъ себѣ представить никакихъ досадныхъ помѣхъ на новомъ, столь счастливо начатомъ поприщѣ, и нѣкоторое время у

---

[1]) Кулишъ о немъ отзывается такъ: «Онъ любезнѣйшій по природѣ господинъ, и семья у него самая симпатичная, такъ что между ними чувствуешь себя какъ дома. Это напоминаетъ мнѣ времена «Плетневскія» (тамъ же, стр. 121). О Плетневѣ же Кулишъ отзывался впрежнему восторженно и въ сочувственномъ отношеніи къ нему вмѣстѣ съ Н. И. Костомаровымъ, который въ своей статьѣ «П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность» почти во всемъ расходится съ Кулишемъ, но его отзывъ о Плетневѣ находитъ прекраснымъ и вѣрнымъ (См. „Кіевск. Стар". 1883, I, стр. 225).

[2]) Тамъ же, стр. 118.

него продолжалось шутливое препирательство съ Хильчевскимъ, которому, въ отвѣтъ на его сомнѣнія, Кулишъ отвѣчалъ заявленіемъ самыхъ широкихъ надеждъ, обѣщая выхлопотать и ему черезъ Головачева прекрасное мѣсто на Курско-Кіевской или Кіево-Брестской желѣзной дорогѣ, а относительно собственныхъ дѣлъ Кулишъ держался полной увѣренности, что все будетъ хорошо и удачно. Но въ іюнѣ 1874 г. въ его перепискѣ слегка промелькнула первая тѣнь опасенія за будущее. „Въ послѣднее время"—писалъ Кулишъ—„вѣсы начали склоняться въ нашу сторону, а то ходили по городу слухи, приводившіе насъ въ унынie. Если бы министръ, недовольный торжествомъ неправды, не захотѣлъ служить больше, то и намъ сдѣлалось бы жутко. Перевѣсъ покамѣстъ на нашей сторонѣ, и выразился порадовавшею насъ замѣткою въ газетахъ, что нѣкій изъ сильныхъ земли „оставляетъ Петербургъ и ѣдетъ лѣчиться". Да процвѣтаетъ его чрево, лишь бы не мѣшалъ намъ дѣлать дѣло и хотя сколько-нибудь защитить казну отъ расхищенія не тысячами, а цѣлыми милліонами". [1]) Еще годъ впрочемъ Кулишъ пробылъ въ Петербургѣ, работая надъ „Исторіей возсоединенія Руси", трудомъ, который, по его словамъ, „былъ проникнутъ идеей сліянія русскаго народа". [2]) Трудъ этотъ былъ задуманъ въ весьма обширныхъ размѣрахъ (предполагалось девять томовъ). Изданіе его взяло на себя Товарищество Общественной пользы. [3]) Но Кулиша уже вновь тянетъ въ Мотроновку. „Добьюсь ли я чего въ Петербургѣ"—говорилъ онъ—"и какой цѣной—неизвѣстно, а тутъ зимою вдоволь начитаешься, а лѣтомъ налю-

---

[1]) Тамъ-же, стр. 131.

[2]) Тамъ-же, стр. 136.

[3]) Сначала Кулишъ сталъ печатать въ типографіи Гатцука, съ которымъ очень сошелся (было даже предположено, что Кулишъ будетъ редактировать «большой календарь» Гатцука), но у послѣдняго произошелъ пожаръ въ типографіи, послѣ котораго онъ сталъ сильно урѣзывать плату своихъ сотрудниковъ.

буешься зеленью, цвѣтами и животными". [1]) Теперь онъ уже окончательно вступилъ на тотъ путь въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ, на которомъ оставался до конца жизни, совершенно разошедшись съ Костомаровымъ; его онъ называлъ уже „иноплеменникомъ" (въ смыслѣ: великороссъ) и которому вслѣдствіе того приписывалъ непониманіе исторіи. „Почему истинѣ не быть на моей сторонѣ?"—писалъ онъ. „Не потому-ли, что я одинъ противъ многихъ? Когда же это бывало, чтобъ истина въ своемъ откровеніи избирала большинство? Общественное мнѣніе устанавливается въ средѣ умовъ пассивныхъ". „Вы хотите", продолжалъ онъ, обращаясь въ лицѣ Хильчевскаго къ сторонникамъ взглядовъ Костомарова,—„чтобы было двѣ истины, а она только на одной сторонѣ. Если моя книга неправда, зачѣмъ ее читаютъ? Если же я не ошибся въ изображеніи моего народа, то зачѣмъ читать его карикатурную исторію? Ты хочешь совмѣстить несовмѣстимое—иноплеменника съ туземцемъ" и наконецъ, „лучше думать правду въ одиночку, чѣмъ ораторствовать передъ публикой, потерявшей чутье къ своему настоящему и прошедшему". Отсюда у Кулиша является желаніе уединиться отъ житейской сутолоки и всецѣло посвятить себя чтенію и историческимъ трудамъ: „Слава Богу, что я могу, ничѣмъ не занимаясь обязательно, читать и читать; этого удовольствія я не испытывалъ давно, находясь постоянно въ борьбѣ съ житейскими мелочами". [2]) Въ то же самое время Кулишъ на вопросъ И. И. Бѣлозерскаго по поводу слуховъ о томъ, что онъ „намѣренъ издавать журналъ съ цѣлью противодѣйствовать украинофильству", отвѣчалъ, объясняя недоразумѣніе: „насколько въ украинофильство вошло ложныхъ фактовъ и понятій, настолько я долженъ ему противодѣйствовать. А то какъ же? Люди создали себѣ въ умѣ небывальщину, да такъ ее и проповѣдывать изъ рода въ родъ!"... „Умственная лѣнь малорусской и червонорус-

---

[1]) «Кіевск. Стар.», 1898, I, стр. 140.

[2]) „Кіевская Старина, 1898, 1, стр. 141—142.

ской молодости рукоплещетъ идеаламъ дикой фантазіи и не хочетъ видѣть иныхъ путей къ возведенію русской народности къ благотворному значенію".

Подъ вліяніемъ такого настроенія Кулишъ и удалился въ свой хуторъ и началъ вести замкнутый образъ жизни: „нечитанныхъ книгъ"—говорилъ онъ—„у меня горы, и мнѣ гораздо пріятнѣе быть читателемъ умныхъ книгъ, нежели писателемъ для недоумковъ". Свой новый образъ жизни онъ описывалъ такъ: „Я, въ качествѣ туриста, лѣнясь, читаю что-нибудь въ постели, доколѣ не сдѣлается совѣстно, что кофе меня ждетъ, послѣ кофе запираюсь въ своей комнатѣ и нѣсколько часовъ изумляю міръ своимъ глубокомысліемъ, которое, однакожъ, прерываю по временамъ, или для того, чтобы освободиться отъ кошачьихъ просьбъ, или вспомню вдругъ, что цуцыкъ Бовкунъ еще не позавтракалъ, а иной разъ, видя, что Александра Михайловна хлопочетъ въ саду, соблазняюсь сіяніемъ солнца и соловьиными пѣснями, которыя лучше всяческаго глубокомыслія" [1]).

Это отшельническое пустынножительство и отрѣшенность отъ міра печали и слезъ помогло ему съ стоическимъ хладнокровіемъ перенести неистовыя нападенія Каткова и Аксакова, которыя могутъ быть оставлены нами въ сторонѣ.

LI.

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ Кулишъ оставилъ Петербургъ, приготовивъ къ печати третью часть „Исторіи возсоединенія". Онъ окончательно разошелся съ Костомаровымъ, съ которымъ провелъ въ послѣдній разъ время въ Лоскутной гостинницѣ въ Москвѣ въ 1877 г. Въ это время онъ переселился было въ древнюю столицу, приглашенный А. А. Гатцукомъ, которому онъ помогалъ въ изданіи его „Газеты Гатцука" и долженъ былъ, какъ предполагалось, сдѣлаться его сотрудникомъ или даже со-

---

[1]) Тамъ-же, стр. 143.

редакторомъ по изданію „большого“ календаря (въ отличіе отъ общераспространеннаго и дешеваго, такъ называемаго „Крестнаго календаря). [1]) Гатцукъ, вызвавъ къ себѣ Кулиша, принялъ его съ распростертыми объятіями и мечталъ заключить съ новымъ своимъ компаньономъ самый тѣсный литературный союзъ. Ихъ дѣйствительно связывала общая обоимъ любовь къ Малороссіи, но затѣмъ это были двѣ совершенно несходныя натуры: Кулишъ былъ идеалистъ и—если угодно—мечтатель, конечно, въ благородномъ смыслѣ этого слова; Гатцукъ—практикъ до мозга костей, умный и весьма образованный, но прежде всего дѣлецъ и предприниматель. Гатцукъ видѣлъ или желалъ видѣть въ Кулишѣ талантливаго журнальнаго работника, способнаго придать блескъ его изданію, Кулишъ возлагалъ на Гатцука надежды въ смыслѣ товарищества въ пропагандѣ излюбленныхъ имъ идей. Скоро выяснилось, что они совсѣмъ не подходили другъ къ другу. Понятно, что они скоро разочаровались одинъ въ другомъ и, какъ бываетъ въ такихъ случаяхъ, страшно поссорились. Кулишъ горько жаловался въ письмахъ на Гатцука, что „при его неправильности онъ истреблялъ мое время безсознательно такъ, что работа, требовавшая двухъ часовъ въ сутки, нерѣдко поглощала цѣлые дни совершенно попусту: то опоздаетъ прислать газеты, то неизвѣстно куда самъ дѣнется, то спитъ, когда надо дѣлать дѣло“. Ко всему этому присоединились и денежныя недоразумѣнія.

И въ эту-то тяжелую для Кулиша пору, когда два историка, онъ и Костомаровъ, снова много и часто бесѣдовали другъ съ другомъ, но когда отношенія ихъ едва удерживала только тѣнь былого единодушія и разногласіе въ историческихъ вопросахъ все сильнѣе давало себя знать, [2])—чувствуя потребность въ

---

[1]) Въ письмѣ отъ 5 іюля 1874 г. къ Хильчевскому Кулишъ сообщаетъ: «Печатаю Гатцуковъ рублевый календарь на 1875 годъ въ Петербургѣ. Его коштъ, мои труды» („Кіевская Старина“, 1898. I, стр. 131).

[2]) Съ „осени“—сообщалъ Кулишъ въ 1877 г. Бестужеву-Рюмину—„мы работали въ архивѣ вмѣстѣ съ Костомаровымъ, но я отъ

научныхъ симпатіяхъ и отзывѣ о своемъ новомъ трудѣ авторитетнаго и безпристрастнаго историка, Кулишъ обратился къ высокоталантливому профессору петербургскаго университета К. Н. Бестужеву-Рюмину, послав ему свое изслѣдованіе въ рукописи, и прося его, въ случаѣ согласія во взглядахъ и одобренія, принять на себя нѣкоторыя хлопоты по устройству дѣлъ съ типографіей и по заключенію съ ней условій. Профессоръ Бестужевъ-Рюминъ, по своему обыкновенію, отнесся къ собрату съ самымъ живымъ и сердечнымъ участіемъ, высоко при томъ цѣня и его дарованія и любовь къ наукѣ, къ труду и къ истинѣ. Въ почти восторженныхъ выраженіяхъ отозвался онъ о сочиненіи Кулиша и съ свойственными добротой и обязательностью взялъ на себя даже практическія хлопоты по этому дѣлу, но энергично отговаривалъ его отъ полемики съ людьми разномыслящими, т. е. главнымъ образомъ съ Костомаровымъ.

Первыя сношенія Кулиша съ Бестужевымъ начались еще раньше, вѣроятно когда послѣдній еще жилъ въ Петербургѣ, такъ какъ въ первомъ же извѣстномъ намъ письмѣ къ Бестужеву Кулишъ ссылается уже на выраженную имъ готовность помогать въ предпринятомъ трудѣ; въ этомъ же письмѣ Кулишъ просилъ его снестись съ типографіей Товарищества „Обществен-

---

времени до времени сообщалъ ему о своихъ изысканіяхъ и всегда находилъ его въ оборонительной позиціи. Когда онъ пріѣхалъ въ Москву вторично, я во время нашего свиданія не сказалъ ему о своихъ умозаключеніяхъ ни слова, точно какъ будто и не занимался исторіей русскаго юга—и онъ ни разу не заговорилъ о предметѣ моихъ занятій". Въ это время Костомаровъ уже приготовлялъ полемическую статью противъ Кулиша «О козакахъ», напечатанную въ мартовской книгѣ Русской Старины за 1878 годъ. П. И. Костомаровъ расходился съ Кулишемъ также по вопросу о переводѣ произведеній Шекспира на украинскій языкъ, находя этотъ трудъ ненужнымъ для образованныхъ малороссовъ, которые всѣ достаточно владѣютъ русскимъ языкомъ—но, конечно, допускалъ значеніе этихъ переводовъ для галичанъ; дѣятельности же Кулиша, посвященной галичанамъ, онъ также не сочувствовалъ. (См. «Кіевск. Стар.», 1883, I, статья «П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность стр. 222 и пр.).

ная Польза" и предложить въ какой-нибудь журналъ одну главу изъ его монографіи подъ заглавіемъ „Западная наука и православіе въ эпоху Іова Борецкаго", прибавляя при этомъ: „впрочемъ я покорнѣйше прошу васъ объ этомъ только въ такомъ случаѣ, когда бы вы признали полезнымъ такъ распорядиться въ интересахъ идеи, а не въ интересахъ автора. При томъ, если для журнала понадобилось бы сократить ее больше, чѣмъ для отдѣльнаго изданія, то я совершенно отказываюсь отъ выраженнаго мною желанія". Бестужевъ же отвѣчалъ ему: „Прочелъ все вами присланное. Въ цѣломъ картина выходитъ очень рельефная, и неожиданно выходитъ на первый планъ много такого, что̀ затушевалось историками: такъ совершенно иными являются русскіе въ польскихъ кафтанахъ въ родѣ Жолкѣвскаго. Блестящая глава о плѣнныхъ въ Турціи, вѣроятно, обратитъ на себя общее вниманіе историковъ. Вообще, благодаря тому, что всѣ интересы исторіи не сосредоточиваются на однихъ козакахъ, а обращено вниманіе и на другія стороны, исторія Руси Западной выясняется значительнѣе".

Теплый отзывъ Бестужева-Рюмина побудилъ Кулиша вступить съ нимъ въ болѣе интимныя отношенія, поощряемыя благородной готовностью профессора относиться съ полнымъ участіемъ къ дѣламъ и интересамъ собрата по наукѣ. Бестужевъ-Рюминъ старался между прочимъ удержать Кулиша отъ излишней полемики, совѣтуя ему возражать фактами въ самой книгѣ, но не вступать въ пререканія: „Прочитавъ ваши часто вдохновенныя страницы, я думалъ, что здѣсь нерѣдко зерна полнаго пониманія, а потому слѣды полемики очень грустны, тѣмъ болѣе что, при неразвитости нашего общества, на нихъ накинутся прежде, чѣмъ на что-нибудь другое". Въ виду такого расположенія къ нему Бестужева, Кулишъ даже надѣялся при его содѣйствіи вновь устроиться на нѣкоторое время въ Петербургѣ для того, чтобы расплатиться съ главнымъ тогдашнимъ своимъ кредиторомъ А. А. Гатцукомъ, одно время, какъ сказано, чрезвычайно сблизившимся было съ Кулишомъ и перезвавшимъ его въ Москву для совмѣстной дѣятельности въ основанной имъ газетѣ, но по-

томъ скоро разсорившимся съ нимъ и даже подавшимъ на него жалобу въ нѣжинскій окружной судъ. Въ эту пору Кулишъ называлъ Бестужева своимъ „единственнымъ цѣлителемъ"; онъ даже просилъ его пріискать ему какую-нибудь должность, говоря: „Я полагаю, что найти мнѣ должность легче для васъ, чѣмъ увѣрить нашу интеллигенцію, что козаки были добычники". Черезъ Бестужева-Рюмина Кулишъ вступилъ въ сношенія съ знаменитымъ французскимъ ученымъ Рамбо, который, подъ впечатлѣніемъ лестной рекомендаціи петербургскаго профессора, захотѣлъ было ознакомиться съ историческими трудами Кулиша, что было вполнѣ возможно благодаря его знанію русскаго языка. Рамбо вынесъ съ своей стороны самое выгодное мнѣніе о дарованіяхъ Кулиша и достоинствахъ его ученыхъ трудовъ; въ своей перепискѣ съ нимъ, онъ высказываетъ готовность всесторонне помогать ему въ его начинаніяхъ, но это благое желаніе ему не удалось осуществить, такъ какъ Кулишъ поставилъ его въ нѣкоторое затрудненіе, выразивъ желаніе видѣть, благодаря его содѣйствію въ сношеніяхъ съ переводчиками и типографіями, нѣкоторыя изъ своихъ главныхъ работъ на французскомъ языкѣ. Желаніе это было, конечно, очень непрактично и далеко не согласовалось съ дѣйствительными условіями: въ самомъ дѣлѣ, Рамбо въ своихъ отвѣтныхъ письмахъ, отдавая полную дань уваженія Кулишу, какъ талантливому историку, въ то же время долженъ былъ указать ему на совершенную невѣроятность успѣха среди французскаго общества многотомныхъ и серьезныхъ трудовъ по исторіи Малороссіи, когда такіе труды не пользуются популярностью даже и въ русской читающей публикѣ, слѣдовательно тѣмъ болѣе совершенно не могутъ быть доступны для французовъ, мало знакомыхъ съ исторіей Украйны въ самыхъ общихъ чертахъ. Притомъ для французовъ, страдающихъ недостаткомъ элементарныхъ знаній о Россіи и Малороссіи, естественно должны быть вполнѣ непонятными различія между московской или украинской точкой зрѣнія на данные вопросы, тогда какъ ясное пониманіе этого различія уже предполагается въ самомъ изложеніи въ книгахъ Кулиша. Понятно, что Рамбо былъ

безусловно правъ, съ чѣмъ и долженъ былъ Кулишъ согласиться. Факты и соображенія, имъ приводимые, были слишкомъ убѣдительны; такъ онъ ссылался, напримѣръ, на то, что даже для „Войны и мира“ Толстого, романа въ значительной степени касающагося событій французской исторіи и въ которомъ есть между дѣйствующими лицами французы, хотя нашелся переводчикъ (до того времени), но не нашлось ни одного издателя.

Любопытно при этомъ, что Кулишъ, вооружаясь противъ иллюзій, распространяемыхъ по его мнѣнію, сочиненіями украйнофиловъ относительно значенія и исторической роли козачества, больше всего былъ склоненъ обвинять Шевченка, который, по его словамъ, „долго, дольше самого Костомарова, загораживалъ дорогу къ уразумѣнію международныхъ отношеній Польши, Малороссіи и Россіи“ [1]). Планъ собственнаго труда обозначался тогда въ умѣ Кулиша въ слѣдующихъ чертахъ: „Хмельницкій“—говорилъ онъ—является у меня уже въ третьемъ томѣ; въ четвертомъ опредѣляется въ изображеніи его среды, какъ характеръ, а съ пятаго тома начинается уже Хмельнищина, которою возсоединеніе окончится“. Любопытны также соображенія, по которымъ Кулишъ избѣгалъ печатать свой трудъ въ Кіевѣ: „тамошній цензоръ могъ бы уничтожить всѣ тѣни, брошенныя мною на духовенство для возвышенія блеска святыхъ его сторонъ, и живопись превратилась бы въ иконопись“. Но, въ свою очередь, и самъ Кулишъ опасался, отдалившись отъ центровъ культуры, впасть въ какую-либо односторонность, о чемъ весьма довѣрчиво и откровенно говорилъ Бестужеву-Рюмину, выразившему свое задушевное сочувствіе по поводу положенія, въ которомъ онъ находился: „Ваше „грустно!“ я вполнѣ понимаю. Поймите же и вы невозможность въ изолированномъ и отверженномъ положеніи

[1]) Съ Костомаровымъ Кулишъ разошелся тогда до такой степени, что Костомаровъ написалъ противъ него полемическую статью въ „Русской Старинѣ“ подъ заглавіемъ: «О кацапахъ» (1878, III, стр. 385—402). См. также статью Костомарова въ „Кіевской Старинѣ“, 1883, т. I, стр. 221—234.

сохранить свое достоинство человѣческой мысли и ея выраженія. Вы знаете, чѣмъ кончаютъ самые талантливые живописцы, подвергнутые долголѣтнему заключенію". Кулишъ горько жаловался на невыгоды своего положенія хуторянина, благодаря которому для него были недоступны библіотеки и бесѣды съ спеціалистами. О своемъ разладѣ съ представителями администраціи Кулишъ говорилъ такъ: „Мнѣ запрещено издавать въ Кіевѣ журналъ, тогда какъ главному управленію по дѣламъ печати слѣдовало бы умолять меня объ этомъ, чтобы излѣчить мѣстную интеллигенцію отъ такого недуга, въ какой впалъ, наконецъ, и Драгомановъ". То же онъ высказывалъ по другому поводу, говоря мимоходомъ, что „за невозможностью пребывать въ центрѣ просвѣщенія, согласенъ жить на окраинѣ, но не въ глуши, гдѣ никому нѣтъ дѣла ни до возсоединенія, ни до сепаратизма".

В. Шенрокъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

СЕРЕДЪ ТЕМНОЙ НОЧЫ.[1]

Повисть.

ЧАСТЫНА ТРЕТЯ.

Левантына.

I.

Левантына не знала, куды саме ій иты. Ишла въ сусидне село,—може знайде тамъ роботу. Теперъ жнива, то скризь рукъ треба. До села було тилькы пъятнадцять верстовъ, и вона вступыла въ ёго ще до снидання. Промынула килькы першыхъ дворивъ и спынылася передъ велыкою, на дви половыни, новою хатою, зъ дворомъ, забудованымъ по хозяйському зробленымы повиткою, возивнею й хливамы. Середъ двору стоявъ запряженый кинь.

— Мабуть заможный господарь жыве,—подумала дивчына.—Зайду до ёго.

Несмилыво вступыла у двиръ, и саме въ ту мыть зъ хаты выйшовъ господарь, кремезный, прóсывый чоловикъ зъ коротко пидстрыженою шпычкуватою бородою, зъ кудлатымы бровамы. Лагодывся сидаты йихаты на поле и вздривъ Левантыну.

— А чого тоби, дивчыно?

---

[1]) См. Кіев. Ст. № 6.

Вона нызенько вклонылася, здоровкаючыся, и тремтячымъ голосомъ сказала:

— Роботы шукаю... Чы не треба вамъ наймычкы?

— Роботы? А звидкыля жъ ты?—спытавъ господарь, позыраючы на неи неймовирнымы очыма зъ пидъ кудлатыхъ бривъ.

— Зъ Дыблывъ.

— А чыя жъ ты?—и такъ винъ выпытувавъ про все въ Левантыны, роспытався й про те—черезъ що кынула хазяивъ. Вона сказала, що занедужала, а тымъ часомъ хазяи взялы иншу наймычку. Хазяинъ ще подывывся на ii билетъ,—выдымо пысьменный бувъ,—вернувъ ёго, а тоди сказавъ:

— То що, заставайсь хочъ и въ насъ... Роботы теперъ багато... Дамъ тоби тры карбованци на мисяць.

— Дядьку, а теперъ же дорожче роблють,—насмилылась озватыся дивчына.

— Може де й роблють, дакъ иды ще, пошукай—покы ёго знайдешъ тiеи дорожчои цины! А тутъ робота готова.

Подумала Левантына: и справди,—покы ще ёго знайдешъ! Може довго ще попоходышъ. Згодылась.

— Иды жъ у хату та снидай та пойидемо заразъ на поле!

Пишла Левантына въ хату. Немолода жинка поралась тамъ.

— Оце, стара, несподивано Богъ пославъ наймычку,—озвався до неи хазяинъ.—Давай ii снидаты та визьму ii на поле.

Хазяйка прывитала ii ласкаво, посадовыла снидаты.

Потимъ пойихалы на поле...

И не счулася Левантына, якъ промынувъ мисяць на роботи въ Бовкунивъ (такъ звалыся си люде). Праця була тяжка, якъ звычайно по селахъ у жныва, та Левантына хочъ и була соби утла й тендитна, але не боялася ниякои праци. Хазяи и хазяйськи сыны й дочка, бачучы, що вона добра робитныця, а дивчына звычайна й соромляжа, булы до неи добри. А що за

працею не геть було колы й думаты про щось инше, оприче роботы, то Левантына такы трохы заспокоилася й на серци,— не такъ неначе сталы ій дошкуляты оти кляти думкы про мынули лыха та зла. Про подію у Чорному Яру и про все, що потимъ у Дыбляхъ сталося, вона ничого не знала—се зробылося вже писля неи. Тутъ сёго ничого не було чуты. Левантына думала, що й довго жытыме въ Бовкунивъ, але помылылась.

Одного разу, якъ уси сыдилы за сниданнемъ, рыпнулы двери, и въ хату ввійшла якась дивчына:

— Здорови булы! Ось и я вернулася.

— Ге! Параска!—зрадилы хазяи.

Выявылося, що тая Параска, се—Бовкунова наймычка. Занедужала въ неи маты, дакъ вона й пишла на якый часъ до-дому, а теперъ маты подужчала, то вона й назадъ.

Левантына зоставалася ни въ сихъ, ни въ тыхъ, бо господари знову бралы Параску. Вона не вдержалась:

— Чомъ же вы, дядьку, не сказалы, що у васъ наймычка е? Може бъ я тоди у васъ и не стала, а де-инде шукала службы.

— Эге, дивчыно! Того жъ я й не казавъ, що ты тоди не стала бъ, а мени,—сама бачышъ,—рукъ було треба, ажъ крычало,—по щыросты визказавъ Бовкунъ.—Та не журысь! Я оце завтра йиду въ городъ, а въ мене тамъ е родычъ, братъ у першыхъ, бакаліею торгуе... Я оце якъ бувъ у ёго, дакъ винъ мени казавъ, що ёму треба наймычкы. Йидьмо завтра въ городъ, то я тебе одвезу до ёго: може винъ не знайшовъ ище дивкы, то тебе визьме. А не визьме винъ, то визьме хто иншый: у городи людей багато.

Чы въ городъ, то й у городъ!—подумала соби Левантына. Вона тамъ зроду не була, дакъ ій трохы страшно було туды йихаты, але жъ тамъ бувъ заробитокъ, а тутъ уже видбулы жныва, то не дуже треба найманыхъ рукъ. Вранци пойихала зъ Бовкуномъ у городъ.

Чомусь той городъ здався ій не такымъ пышнымъ, якъ вона думала. Таки будынкы вона бачыла и въ панивъ у своему

сели, тилькы що тутъ ихъ було дуже багато: деревъяныхъ, камъяныхъ, сирыхъ, билыхъ, жовтыхъ... такъ и мыгають увъ очу́... Та все одынъ до одного попрытулювани—ни горо̀дывъ, ни садкивъ. По вулыцяхъ сновыгають салдаты та паны, лаються якись москали; визъ торохтыть по каминню та пидкыдае по ямкахъ—ажъ не всыдышъ. Не подобалося те все Левантыни.

— Тпру!—прыпынывъ Бовкунъ кони.

Сталы биля невелычкои крамныци.

— А ну злазь, Левантыно, бо оце вже мы й прыйихалы.

Бовкунъ прывъязавъ кони до лыхтарного стовпа и вдвохъ увійшлы въ крамныцю.

Крамныця була пидхожа до тіеи, що Левантына бачыла и въ себе на сели, тилькы бильша. По ій крутывся хазяинъ, Степанъ Ивановычъ Квасюкъ, чы то пакъ—Квасюковъ,—се вже такъ винъ себе теперъ звавъ. Чорнявый, зъ банькатымы очыма, зъ пидстрыженою по городянському боридкою, не дуже гарный зъ себе, та й не поганый.

— Здоровъ бувъ, Степане Ивановычу!—прывитався гисть.

— А, здрастуйте, здрастуйте, Платоне Грыгоровычу! Зайиздить же въ двиръ,—чого вы на вулыци сталы?—запрохувавъ хазяинъ.

— Нема колы, треба на базарь поспишатыся, видказавъ Бовкунъ.—А ось я, колы хочете, дивчыну вамъ прывизъ. Чы може вже нанялы соби?

— Ни, ни, ще.

— Дакъ оця хоче у васъ статы. Служыла въ мене мисяць,—добра робитныця. Я й дали бъ зоставывъ, та не можна,—и винъ почавъ розсказуваты, черезъ вищо мусывъ Левантыну видислаты. А Квасюкъ тымъ часомъ поглядавъ на неи своимы банькатымы очыма, и Левантыни чомусь не подобався той поглядъ.

— А яку цину визьмешъ, дивчыно?—спытавъ винъ.

— Тры съ половыною на мисяць,—несмилыво сказала Левантына.

Въ городи жылы по чотыри та по пъять карбованцивъ, але Квасюкъ побачывъ, що Левантына того не знае, и сказавъ, що бильшъ якъ тры карбованци не дасть, та ще щобъ вона й на своій одежи була. Левантына не довго думала й поедналась. Квасюкъ забравъ у неи пашпортъ и одвивъ іи въ кухню до своеи жинкы.

Квасючка, высока й худа жинка, дуже стариша за свого чоловика, глянула такымы сердытымы очыма на Левантыну, такъ до неи озвалась, що въ тіеи ажъ у души похололо.

— Боже мій!—думала вона.—Яки жъ тутъ непрывитни люде! Якъ я тутъ жытыму?

Хазяйка заразъ же поставыла іи за роботу до печы. Килькы разивъ налаяла, що селючка и ничого не тямыть, хочъ Левантына робыла все якъ треба. Левантына ій неподобалася, бо була молода й гарна. Квасюкъ бувъ на десять рокивъ молодшый за жинку и оженывся зъ нею черезъ грошы. Ти грошы винъ давно забравъ соби до рукъ, завивъ на ихъ сю крамныцю, а жинкою почавъ поштуркуваты. Вона ёму вже напрыкрылася, бо була стара й негарна. Якъ винъ наймавъ молоду наймычку, то Квасючка лютувала и сылкувалася вытрышкаты іи геть усякымы прычепкамы та знущаннемъ. Волила бъ старыхъ наймычокъ, бо до тыхъ цей клятый бабій не въязъ бы. Але Квасюкъ проганявъ старыхъ такъ саме, якъ вона молодыхъ. И черезъ те въ ихъ у хати завсигда кыпило, якъ у казани.

Того жъ вечора вона сказала чоловикови, що Левантына селючка, ничого не тямыть, то вона іи видишле. Але Квасюкъ знавъ уже черезъ що се.

— Не вередуй!—крыкнувъ.—Черезъ тебе наймычкы не вдержышъ. Що мисяця нова. Одишлешъ цю,—зостанешся зовсимъ безъ наймычкы, бо ніякои тоди не найму.

— Про мене краще безъ наймычки, нижъ изъ такою, якъ ся!—крычала розлютована Квасючка, бо въ ихъ ще ни однои наймычкы не було такои чепурнои, якъ ся.

— Та мени байдуже до тебе,—чортъ тебе беры, хочъ бы й сама все робыла—якъ кобыла здорова! Дакъ же не поробышъ усёго сама, то мени черезъ твои вереды кумерціи *вредъ* буде.

— Кумерціи *вредъ*! Якъ разъ тоби кумерція въ голови! Знаю чого треба! Дакъ я за тобою и въ ночы слидкомъ ходытыму.

Двое дитей—хлопець шесты рокивъ и дивчына семы—попрокыдалыся и слухалы сварку, слухалы не вперше. Не зважаючы на ихъ, Квасючка крычала:

— Я тебе въ ночы зъ постели не пущу! Не думай, що тоби пособыться, колы ты ій зоставышъ.

— Тю на тебе, скажену! Я тоби кажу: одправышъ цю дивчыну,—я ій знову,—тоби на злисть—изнайду, а тебе зъ хаты выжену,—иды геть икъ твоему дурному батькови, що пустывъ на свитъ таку прышелепувату дочку!

Квасючка замовкла, памъятаючы, що вже одного разу чоловикъ ій выгнавъ бувъ, а батько не дуже прывитавъ, то ій довелося вертатыся до-дому й корытыся чоловикови. Вона знышкла, але наважылась такъ дошкуляты Левантыну, щобъ та, не вытерпившы, сама втекла.

И справди дошкуляла. Левантыни просвитку не було за роботою, за лайкою, та за штурханцямы. Сердыта Стручыха була така добра проты ціеи худои якъ суха тараня, носатои, рудои крамаркы, роспаленои заздристю й невирою до чоловика. Левантына мусыла вставаты вдосвита, якъ ще темно було, а лягала о пивночы,—и увесь день на роботи. И що ни зробыть, якъ ни ступыть,—усе було не такъ, усе не до ладу, за все гриманне, а то й штурханець межы плечы. Квасюкъ же бувъ до неи добрый и, якъ не було жинкы, то все такъ поглядавъ на неи, якъ китъ на сало. Левантыни видъ того погляду ставало такъ моторошно, що вона тоди бажала, щобъ швыдче повернулася Квасючка зъ своею лайкою. Вона сылкувалася не стриватыся зъ нымъ на самоти, а винъ робывся до неи ласкавы́шый та ласкавы́шый и нышкомъ сыломиць пхавъ ій у руку

килькы разивъ цукеркы зъ крамныци. Левантына любыла ласощи, але си цукеркы було ій чогось гыдко йисты, и вона видавала ихъ дитямъ, або выкыдала. А одного разу хотивъ подаруваты ій гарну червону стричку. Вона не взяла и втекла видъ ёго.

Промынувъ мисяць. Левантына стомылася такъ, що наважылася кынуты службу и сказала про се хазяинови. Той здывувався:

— Чого? черезъ що?

Вона почала казаты, що дуже важко жыты, що николы спочынку нема, сама лайка, а то й бійка. Але Квасюкъ ніякъ не хотивъ іи пускаты.

— И не выгадуй! и не выдумлюй! Що се ты? Яке жъ ты маешъ право кынуты мене безъ наймычкы? Мусышъ буты, ажъ поки я нову знайду. А що тоби важко, такъ сёго бильше не буде.

Мусыла Левантына зостатыся, и справди ій покращало: хазяйка вже не годувала іи потылышнykамы и менше лаяла, хочъ позырала на неи ще лютишымы очыма, бо якъ засварывся зъ нею чоловикъ за Левантыну, то ажъ попобывъ іи.

Але самъ Квасюкъ почавъ чеплятыся дужче. Скоро Квасючка одвыхнеться зъ дому,—винъ заразъ посадыть дитей у крамныци, а самъ до неи та й почынае пидлабузнюватыся. Одного разу хотивъ обняты, такъ вона ёму такого стусана дала, що ажъ поточывся.

— Оце, яка сердыта!—каже, немовъ ласкавéнько, а въ самого банькати очы такъ и зайнялыся.

— Не въязнить, дядьку,—закрычала Левантына,—бо ій бо втечу!

— Дурна ты!—видказавъ Квасюкъ, знову пидходючы до неи та заступаючы ій дорогу такъ, що вона опынылася ажъ у кутку биля печы.—Чого тоби тикаты? Не будь така сердыта до мене, то я тебе якъ лялечку водытыму, а жинка не посміе надъ тобою верховодыты. Любытыму тебе такъ, що ажъ!..—И ёго нахабни очы зажеврилы, впываючыся въ неи.

— Не займайте мене, бо крычатыму!

— Ото жъ такы! Чы я звиръ якый, чы що, щобъ одъ мене крычаты! Та я й не займатыму тебе, колы ты не схочешъ. Я до тебе добрый, то й ты будь до мене добра.

Левантына почала соваты рогачемъ у печы, а винъ тымъ часомъ ущыпнувъ ii за руку.

— Отъ одійдить, дядьку, бо ій бо оцымъ рогачемъ такъ и дамъ!—скрыкнула вже зовсимъ сердыто Левантына.

— А я рогачъ у тебе видниму, а тоди тебе поцилую.

— У васъ е жинка,—ii й цилуйте, а не мене!

— Стану я таку погану цилуваты!

— А на що жъ бралы?

— Бо дурный тоди бувъ.

— Ну то будьте жъ теперъ розумни та не въязнить до мене.

Въ другій хати почулася Квасюччына хода, и Квасюкъ зныкъ зъ кухни въ дверъ.

Прыйде Левантына въ крамныцю чогось узяты въ хазяйство,—винъ ій зновъ те спивае. Вона вже була рада, що Квасючка не допускала ii до крамныци, а сама туды ходыла. Да те мало пособляло, бо винъ завсигды такъ прырозуміе, щобъ де саму ій застукаты.

— Дядьку,—казала Левантына,—колы вы до мене чепляетесь, то давайте мени рощотъ!

— Не дамъ!

— То я втечу,—хай вамъ и грошы зостаються.

— Не втечешъ, бо въ мене твій пашпортъ, а безъ пашпорту тебе заразъ у полицію визьмуть.

Левантына бачыла, що вона въ неволи, и все думала, якъ бы зъ тіеи неволи вызволытыся, и не могла ничого выгадаты.

II.

Якъ хазяинъ выходывъ чого зъ крамныци, то замисто ёго сыдила хазяйка, а якъ и хазяйкы не було, або було ій николы,

то на другый мисяць службы Левантынои, Квасюкъ ставъ посылаты туды Левантыну. Замкне шухляду зъ гришмы та й посадыть дивчыну, покы самъ увійде. Згодомъ, прывчывшыся, вона було часомъ де що й продасть иноди—таке, що ёму цину знае.

Одного разу вона сыдила отакъ у крамныци, колы ввійшло щось. Бувъ осинній хмарный вечиръ, а скупи Квасюкы шкодувалы рано свитыты,—у крамныци було по-ночы,—и Левантына тилькы й побачыла высоку постать якогось чоловика въ пальти.

— А дайте мени чвертку табаку!—попрохавъ покупець.

Левантына здригнулася вся, всіею своею истотою.

Передъ нею стоявъ Романъ.

И винъ пизнавъ ій и спынывся здывованый, навить ураженый, не знаючы що казаты. Та швыдко схаменувся.

— Левантына! чы ты ба! Якымъ се ты робомъ тутъ опынылася?

Вона стояла передъ нымъ нерухома и щось не давало ій дыхаты, не давало говорыты.

— Служышъ тутъ, чы що?

— Служу...—ледви вымовыла вона и въ сю мыть увійшовъ Квасюкъ.

Романъ заразъ же кынувъ розмовляты зъ Левантыною, и вона пишла зъ крамныци. Але Квасюкъ, увиходючы, дочувся, якъ воны розмовлялы, поклыкавъ згодомъ Левантыну и почавъ ій допытуватыся—хто сей парубокъ и черезъ що вона ёго знае. Вона сказала, що зъ одного зъ нымъ села.

Здавалася зовсимъ спокійною, хочъ уся холодила. Дожыдала ночы якъ Бога, щобъ зостатыся самій. Зосталася, та не полекшало. Не могла заснуты. Все мынуле, все тяжке й болюче встало, ожыло новымъ жыттемъ и пекло ій, мордувало.

Прысягання, божиння и тоди зрада и ганьба, неслава, соромъ!.. А винъ жыве тутъ, никуды не пойихавъ, гарно вбраный... жыве добре мабуть... и покынувъ ій, забувъ, мовъ то не винъ прысягався, не винъ занапастывъ ій жытте!..

На що доля знову имъ зустритыся судыла? Краще бъ вона ёго не бачыла, не чула про ёго ничого,—тоди бъ вона думала; що може винъ умеръ, або жыве десь далеко, у злыдняхъ, у гори, и ничымъ не може ій пособыты. Тоди бъ ій було лекше. А теперъ!..

Пекучый жаль обнимавъ ій за молодымъ занапащеннымъ жыттемъ... жаль на себе й на ёго... зрадныка!..

Самый жаль на ёго. Якъ бы вона могла ёго клясты,—може бъ ій було лекше. Але вона не могла.

Вона казала соби, що не любыть ёго бильше писля того, якъ винъ такъ зъ нею зробывъ, але зла, зненáвысты не було въ неи до ёго.

А си згадкы, си прокляти згадкы мынулого, недовгого и такъ страшно розбытого щастя!.. Це жъ усе мынуло, ёго немае й не буде вже николы... На вищо жъ ій згадуеться, якъ ёго очы зазыралы ій у вичы пры мисяшному сяеви?.. бачыть сей поглядъ... чуе ёго палки уста на своихъ устахъ... и якъ ёго дужи рукы, обнявшы ій, забравшы ій всю, цилкомъ, прыгортають такъ могуче и такъ болюче-солодко!..

Безщасна кыдалася по лижку, сонъ утикъ одъ неи далеко, зляканый палкымы неспокійнымы ɔбразамы... ɔбразы мынулого щастя мишалыся зъ ɔбразамы перебутои ганьбы й соромà... ишлы одынъ за однымъ, якъ хвыли въ ричци, и не було въ неи сылы прыпынyты ихъ, прогнаты видъ себе и хочъ на мыть угамуваты сю муку.

И довго се дiялось...

Кризь маленьке виконце вже почынало сириты першымъ уранишнимъ свитомъ. Чуты було, якъ хтось уже пройихавъ улыцею, а Левантына ще не спала, знеможена безъ краю своимы думкамы. Лежала, заплющывшы очы, а ёго очы стоялы передъ нею и дывылысь, дывылысь на неи... пыльно нерухомо... таки велыки... ажъ горять на чорному Романовому облыччи... Яке воно страшне стало!.. А очы все бильшають и все наблыжаються и печуть ій, печуть!.. Хоче скрыкнуты,—не може, хоче ворухнутыся,—не здужае. А воны вже печуть ажъ у

саме серце, ажъ у саму середыну серця, и ёго страшна рука, чорна така, якъ и облычче, бере ii бидне серце и стыскае дуже, дуже и хоче вырваты зъ грудей...

Крыкнувшы, зирвалася на ривни ногы и стала середъ хаты, вся тремтючы.

То бувъ сонъ, що на мыть одну до неи злетивъ, але якый же страшный сонъ!..

Стояла и тремтила.

— Левантыно! чого высыпляешся? На базарь треба!— озвалася зъ другои хаты Квасючка.

Левантына схаменулася. Провела тремтячою рукою по чолу и стала вбираться.

Убралася, взяла кошыкъ и выйшла. На двори вже було зовсимъ выдко, скризь ишлы на базарь люде.

Ледви завернула за ригъ своеи вулыци на другу,—передъ нею ставъ Романъ.

Зъ несподиванкы злякалася такъ, що ажъ спынылася, и на мыть чорне облычче зъ мынулого сна промайнуло передъ нею, та заразъ же й зныкло, бо жывый Романъ ни трохы не нагадувавъ тіеи страшнои прымары. Винъ стоявъ передъ нею зъ билымъ выкоханнымъ облыччемъ, ще чепурнишымъ, нижъ воно було на сели, и всмихався:

— Здорова була, Левантыно!

Винъ выдымо дожыдався на неи, стоявъ тутъ поки вона выйде.

— Здоровъ...—одказала вона, не дывлючысь на ёго.

— А що, не сподивалась мене заразъ бачыты?

— Ни...

— Дакъ ты служышъ у городи... Та чого жъ мы сталы? Иды, куды йдешъ, а я трохы пройду зъ тобою... Дакъ давно служышъ?

— Третій мисяць...

Вона видказувала тыхо, спустывшы очы до-долу, йдучы зъ имъ поручъ.

— Сторія! Отъ не сподивався!.. Якымъ-же се ты робомъ потрапыла сюды?

Винъ ще пытаеться!..

Але перемогла себе и видповидала, сылкуючыся говорыты спокійно:

— Якъ умерла... наша дочка... то я й не схотила вже зоставатыся въ своему сели... и пишла по наймахъ...

— Дакъ дочка була... вмерла!..—сказавъ Романъ, трохы помовчавшы.—Ну, царство ій небесне!.. Се вона й добре зробыла.

— На що ты такъ кажешъ, Романе?

— А хыба бъ краще було, якъ бы вона завъязала тоби свитъ?

— Не вона мени завъязала свитъ, а... мій дурный розумъ та... ты, Романе...

— Отъ же й не нападайся на мене! Хыба я про тебе не думавъ? Може бъ я бигцемъ до тебе бигъ, дакъ чого жъ бы я побигъ? Бывся якъ рыба объ лидъ, бувало таке, що й голодный по кильку день сыдивъ... Чы я бъ тебе на голодуванне мавъ клыкаты? У мене хата була така—садъ на ничъ, а на день—базарь та вулыця. Куды бъ же я тебе взявъ? Оце не давненько тилькы пощастыло службу таку-сяку знайты, думавъ: розжывусь трохы, а тоди вже й до тебе звистку подамъ, щобъ прыходыла.

— Невже ты думавъ мене клыкаты?—спыталася Левантына и радіючы, и виры не ймучы.

— Ну, оттакои! А то жъ якъ? Хыба ты думаешъ—я якый?

И винъ почавъ ій розсказуваты, що винъ за нею журывся, та якъ винъ шукавъ роботы та бидувавъ, и скризь прыбилшувавъ свое лыхо та ростягавъ ёго на довшый часъ.

— А я Боже жъ тебе дожыдала на Риздво!

— Ну й чудна ты! Якъ же бъ я до тебе прыйшовъ, колы мене дома злодіемъ изроблено?

— Дакъ хочъ бы звисточку подавъ—де й що ты, щобъ я хочъ знала.

— Ну й чудна ты! Ну й яку бъ я подавъ тоби звисточку? Що голодный, та холодный? Не стоить того дила! А то ще й такъ сказаты: не хотивъ озыватыся, щобъ на сели Денысъ та волосни не довидалыся де я,—воны бъ же мене тоди заразъ у холодну запакувалы, а то й у тюрягу. Хыба жъ я дурный, щобъ лыхови въ пельку лизты?

Левантыни все, що винъ казавъ, здавалося правдою. Да тилькы гирко, що воно такъ усе зробылося.

— А щожъ ты теперъ робышъ, Романе?—спыталася вона.

Романъ загомонивъ швыдко, мовъ поспишаючыся мерщій промынуты се пытанне:

— Та бачышъ, я тутъ на служби служу... Тутъ, знаешъ есть такый лисный складъ, дакъ я тамъ... за прыкащыка... Не дуже гарно жыты, ну, та ничого соби.

Сю казку винъ усимъ розсказувавъ, хто не знавъ ёго.

— Огутъ недалечко й жыву,—у Ривчакахъ... Прыходь колы нэбудь!..

Левантына махнула рукою. Мынулося! Буде вже й того, що зазнала.

Винъ почавъ упевняты, що зовсимъ лыха ій не хотивъ, що робывъ зъ нею по щыросты. Говорывъ ласкаво, прыхыльно, и Левантыни здавалося, що передъ нею ожывавъ той давній Романъ, якого вона такъ кохала...

А винъ усе прохавъ прыйты до ёго.

Що винъ выгадуе? Хыба вона яка, щобъ до парубка въ хату йты? Да й колы бъ вона йшла? Ій просвитлои годыны нема за роботою.

Але винъ не покыдавъ свого. Колы до ёго прыйты не хоче, то нехай выпросыться въ хазяйкы въ недилю. Воны пишлы бъ удвохъ на прохидку,—отъ хочъ бы въ городськый садъ... Винъ ій такъ багато мае розсказаты. Вона ёго робыть выннымъ, а винъ невыненъ,—треба жъ ёму выправдатыся... бо винъ ій любыть и не хоче, щобъ вона такъ про ёго думала.

Вона мовъ того не чула.

— Куды се мы зайшлы? Отъ, я за балачкамы замисто базарю Бо'зна куды пишла.

— Поспіешъ ище на базарь!

— Не можна,—хазяйка лаятыме.

Воны повернулы до базарю, и винъ ще трохы ій провивъ, усе просючы выйты. На пфы кинци сказавъ, що въ недилю ввечери, годынъ у пъять, дожыдатыметься ій коло воритъ миського саду, и зъ тымъ пишовъ.

Вона не видказала ёму ничого. Але ввесь тыждень думала про се. Питы, чы не питы? Писля того всёго, що винъ ій заподіявъ? И чого? Винъ клыкавъ ій, але ни словомъ не озвався—що теперъ думае робыты! И чого жъ вона пиде?

Чудна вона. Стрилася зъ имъ разъ на вулыци на якусь тамъ часынку и хоче, щобъ уже все зробылося. Може жъ винъ на те й клыче ій, щобъ це все розсказаты да порадытыся, якъ зробыты.

Думкы хылялыся туды й сюды. Не знала на чому статы и рада була, думаючы, що однакъ хазяйка ій не пустыть. Та зовсимъ несподивано сталося инакше. Въ субботу прыйихавъ зъ свого хутора хазяйчынъ батько и забравъ дочку до себе та й надовго: ій маты занедужала.

Въ недилю Левантына не мала за думкамы спокою зъ самисинького ранку. Просытыся, чы не просытыся въ хазяина? Сей певне пустыть. Ни, мабуть не треба. Колы Романъ не зводыть, а справди по щыросты хоче що зробыты, то зробыть, а ій нема чого назустричъ ёму бигты.

Може й такъ, а може й не такъ. Якъ теперъ вона не выйде, винъ подумае, що вона й зовсимъ одкынулася видъ ёго, та й облышыть усе. И впустыть вона зъ рукъ те, що могла бъ маты.

Врешти надумала: выйду, чы не выйду до ёго, а попросюся въ хазяина. И справди попросылася погуляты, подавшы ввечери самуварь. Квасюкъ, бажаючы прыдобрытыся до неи, заразъ же пустывъ, тилькы наказавъ не довго ходыты.

Прыпявшы самуварь, Левантына вбралася въ що було краще и пишла зъ дому.

Выйшла на вулыцю, а все зъ тіею думкою, що може выйде до ёго въ миськый садъ, а може й ни.

Помалу йшла вулыцямы, не дуже й дывлючысь куды йде, и опынылась передъ мережчатою брамою велыкого саду.

Видчыныла браму и ввійшла.

Въ саду никого не було. Почалася вже осинь, накрапалы часомъ дощи, и городяне кынулы ходыты въ цей садъ, що розрисся ажъ на краю города, а товклыся по посыпаныхъ пискомъ стежкахъ бульвару въ середыни миста. Не було никого й сёгодни, хочъ на двори була й годына.

Передъ Левантыною лежала стежка, що вганялася въ глыбъ гаю гарныхъ велыкыхъ деревъ. Постояла трохы и пишла нею.

И видразу голосъ знаёмый промовывъ надъ ухомъ:

— Спасыби, серденько, що прыйшла!

Винъ уже йшовъ биля неи, выйшовшы зъ маленькои стежечкы збоку. Обвывъ іи станъ рукою, але вона тыхо вызволылася зъ тыхъ обіймивъ, и воны пишлы поручъ пидъ рясным верховиттемъ старыхъ высокыхъ деревъ. На двори вже смеркалося, и на стежци було темно.

Дійшлы до якоись будивли.

— Отутъ я ночувавъ, якъ не було грошей на ночлижный,—показавъ на будивлю Романъ.

— Бидне́нькый!—промовыла Левантына и схотила подывытыся въ середыну.

Романъ одигнувъ гвиздокъ той, що имъ забыто було дверци, и воны ввійшлы въ порожній партеръ. Передъ Левантыною ледви мрилы въ темряви стины, а тамъ, у тій чорній пащи, де була сцена, якись стовпы... Воны пидійшлы блыжче до мисця, де бувъ оркестръ, хода ихъ гучно озывалася по дощаному помосту, котылася луною туды, въ темряву, и щось тамъ затрищало,—мабуть двери зарыпилы...

— Ухъ, якъ страшно!—скрыкнула Левантына и несамохить прытулылася до Романа.

Винъ знову хотивъ ïи обняты, але вона заразъ же повернулася й выбигла зъ театру.

— Боже!.. И якъ тоби не страшно було тутъ ночуваты!— промовыла вона, идучы зъ имъ дали стежкою.—Я бъ зроду не пишла сюды,—краще бъ на вулыци!

— На вулыци полиція не дозволыть, то доводыться ховатыся туды, куды вона не зазырае.

И винъ знову почавъ розсказуваты про свое мынуле жытте въ гóроди, багато прыбрихуючы, и казавъ, що винъ ïи любыть и николы не покыдавъ любыты. Вона слухала те, и ій згадувалося, якъ винъ покынувъ ïи на поталу, на глумъ людямъ, але вона заразъ-же проганяла видъ себе ци згадкы, и воны зныкалы, а вона впывалася ёго солодкымы словамы... Винъ малювавъ ій краще жытте. Казавъ, що незабаромъ хазяинъ дасть ёму липшу посаду, винъ одбиратыме ажъ трыста рублывъ на рикъ, и тоди воны могтымуть жыты вкупи.

Левантыни здавалося, що воны моглы бъ жыты вкупи й теперъ, прынаймни теперъ-же звинчатыся, але вона се тилькы подумала, а чомусь не сказала...

Въ саду було таемнычо и тыхо, высоке склепинне зъ витъ схылялося надъ имы такъ захыстно-прыхыльно, и воны булы тилькы вдвохъ, и вона такъ хотила ёму вирыты. И сама не помитыла, якъ ёго рука обняла ïи за станъ, и дивчына вже не пручалася. Воны йшлы, блызько-блызько прытулывшысь одне до одного. Якась солодка знемога почынала опановуваты ïи всю видъ цёго доторкання, видъ ёго ласкавого голосу... И ёго губы нахылылысь до ïи устъ, и, заплющывшы очы, вона видповидала ёму на поцилунокъ.

И видразу розгорнулыся вгори виты, и темне, поважне, высоке небо глянуло на ихъ своимы очыма-зорямы. И сей поглядъ мовъ одразу розигнавъ Левантынины мары. Вона вырвалася видъ Романа, видскочыла и, простягшы попередъ себе рукы, мовъ хотила видъ ёго оборонытыся, скрыкнула:

— Ни, Романе! ни! Не займай мене!.. Не хочу!.. Зроду не хочу!..

Вона вся тремтила. Ще разъ сказала „Не хочу"! и пишла швыдко, мало не побигла, назадъ, мовъ боячысь ёго, мовъ утикаючы видъ ёго. Винъ поспишався слидкомъ за нею, кажучы, що вона дурна, що нема чого боятыся. Але вона йшла хутко, ничого не кажучы, не дывлючысь на ёго.

Незабаромъ выйшлы зъ саду. Левантына мовъ заспокоилася, пишла тыхше. Романъ почавъ говорыты про инше, розсказуваръ дивчыни, що винъ бувъ у театри, и якъ тамъ гарно, и що то театръ. Вона спершу тилькы слухала ёго, потимъ почала й роспытуватыся, зацикавывшыся. Про те, що було въ саду, вже бильше не згадувалы.

Винъ повивъ ii до-дому иншымы вулыцямы, не тудою, кудою вона йшла. Якъ проходылы прозъ одынъ двиръ, винъ показавъ на неведычку хатку:

— Отутъ я жыву.

Левантына ничого не сказала, тилькы швыдче пишла дали, мовъ боялася, щобъ винъ не повивъ ii до себе. Якъ выйшла на свою вулыцю, попрохала ёго не йты вже за нею и швыдко дійшла до-дому.

Вертаючыся Романъ одъ нея, сердывся, що ёму такъ не щастыло. Але це ще бильше роспалювало ёго. Винъ зовсимъ не сподивався, що Левантына буде така вперта. Думавъ, що якъ у городи, сама соби, то ще краще... Беры, каже, та винчайсь... Туды къ чортамъ! Саме теперъ ёму женытысь та дитей заводыты!

Але нехай не брышкае! Ёго рукъ не мыне.

И винъ почавъ учащаты въ крамныцю—чы не побачыть Левантыны. Але Квасюкъ помитывъ, що сей парубокъ не дурно зробывся охочый у ёго купуваты, и не ставъ зовсимъ покыдаты въ крамныци Левантыны. Романъ почавъ тоди стерегты дивчыну на вулыци въ той часъ, якъ вона мала йты на базаръ. Вона знала це и боялась тыхъ зустричывъ, разомъ и бажала ихъ. Першъ, нижъ выйты зъ хвиртки, страхаючысь, позырала, чы нема де Романа, обходыла иншымы вулыцямы, а не стрившы

ёго, почувалась такъ, мовъ ій надія одурыла... и сама гнивалася на себе за те почуванне...

Але иноди ёму щастыло переняты ій. Тоди винъ проводывъ ій до базарю, сылкуючыся спершу завесты дивчыну на яки иншы вулыци, щобъ довше ходыты. И все такъ гарно до неи говорывъ и прохавъ выйты...

Якъ бы вона не бачыла ёго, то ій бы лекше було, вона бъ ёго потроху забувала. Але оци зустричы, оци втикання видъ зустричывъ и жаль за имы, оци розмовы й думкы, думкы, думкы про ёго та про ёго слова—не давалы ій спокою.

Лыхо було Левантыны зъ Романомъ, а ще гирше зъ Квасюкомъ. За имъ не було ій просвитку. Видколы Квасючка пойихала,—въязъ до неи якъ шевська смола, лизъ обниматы й цилуваты ій. Вона звычайно штовхала ёго, втикала зъ хаты й сидала на двори, ажъ покы винъ ийшовъ знову до своеи бакалій. Добре хочъ те, що не мигъ довго сыдиты въ своій хати.

Вночы вона защипала на защипку двери зъ кухни въ свитлыци. Але одного разу прокынулася, почувшы биля себе когось. Зхопылася зъ просоння якъ божевильна.

— Не лякайсь! не лякайсь! се я...—озвався знаёмый гыдкый ій голосъ, и вона почула на соби ёго руку. Зирвалася зъ лавы та зъ хаты. Перебигла двиръ и заховалась ажъ у другому кинци ёго за сажнямы дровъ.

Була боса, въ самій сорочци та въ лыхенькій спиднычыни. Вона сыдила тамъ довго, тремтючы зъ страху й холоду, цокотючы зубамы. Сыдила, ажъ покы подубили зъ холоду ногы, и всю ій мовъ трясця трусыла. Тоди догадалася злизты на горыще надъ кинныцею и закопатыся въ сино. Тамъ зогрилася и, дримаючы та прокыдаючысь, пролежала до ранку.

Вранци, тилькы рыпнула дверыма въ кухню, Квасюкъ заразъ же й выйшовъ зъ другои хаты.

— Де се ты валасаешся по ночахъ? Давно треба по хазяйсту поратыся, а вона бигае!

Такъ говорывъ, мовъ бы самъ ничого й не зробывъ, а вона була выння. Не стала зъ имъ сперечатыся, тилькы сказала:

— Оддайте мени пашпортъ та зароблени грошы, то я пиду видъ васъ.

Винъ зареготався.

— Чы ты ба, яка розумна!.. Хазяйка пойихала зъ дому, а вона буде рощытуваться, безъ робитныци хазяйство покыдаты! Давъ бы я ій грошы й пашпортъ! Ничого не дамъ! Колы хочешъ иты—иды соби така, яка есть, то посыдышъ у полыціи, та по этапу до-дому пошлють.

Левантына боялась полыціи та этапу. Вона згадувала, якъ одну зъ ихъ села дивчыну прыведено до-дому по этапу. Боже, якого сорома було! А скилькы назнущалысь зъ бидолашнои въ полыціи!

— Чого ты, дурна такъ злякалася?—казавъ дали Квасюкъ.—Ну, колы ты така нижна, то я тебе бильше й не займатыму. Жывы соби,—я до тебе й не доторкнуся.

И почавъ божытыся й прысягатыся, що не займатыме. Вона не знала, чы вирыты ёму, чы ни. Якъ бы не той пашпортъ та грошы, то заразъ бы втекла. А такъ—щó вона робытыме?

Зважылася зостатыся, але того жъ дня купыла за свои грошы кильця до дверей и замокъ, бо защипку можна було видкынуты зъ Квасюковои хаты въ щилыну. Прыкрутыла кильця и замыкала на ничъ двери, але не могла спокійно спаты. Разъ-у-разъ прокыдалася, бо ій усе марылося, що хтось увиходыть до неи.

Стрившыся Левантына зъ Романомъ, похвалылася, що ій погано жыты, що хазяинъ до неи въязне.

— Такъ що? Кыдай тутъ та ставай на иншу службу!—порадывъ той.

— Якъ же я кыну, колы винъ ни пашпорта, ни грошей не виддае?

— Погана сторія: безъ пашпорта нихто не прыйме!.. Ну, а ты такы кидай та й переходь до мене жыты. А тымъ часомъ пожаліемося въ полыцію, що винъ пашпорта не виддае. Покы пашпорта видберешъ та службу знайдешъ, то жытымешъ у мене.

Левантына не прыставала на це и все думала що ёго робыты. Правда, ось уже кильки день хазяинъ ій не займае, але хто ёго знае, якъ воно дали буде.

И справди, дали не було ничого гарного. Квасюкъ нышкомъ высмыкнувъ зъ дверей кильце и знову ёго застромывъ,— абы держалося. Левантына не помитыла цёго.

Вночы винъ попхнувъ дверы, кильце выскочыло, и винъ увійшовъ у кухню. Левантына почула це вже тоди, якъ винъ обхопывъ ій рукамы. Вона скрыкнула, прокынувшись, и схопылася, але винъ заразъ же знову звалывъ ій на лижко. Вона почала видбыватыся зъ усіеи сылы, але тіеи сылы було мало, щобъ подужаты здорового чоловика. Вона вже знемогала въ останній боротьби. Ёго гыдка пыка лежала на ій облыччи. Сама не знаючы якъ, вхопыла ёго зубамы за щоку и стыснула зубы такъ дуже, що винъ скрыкнувъ зъ болю и рознявъ рукы. Вона видпхнула ёго и чула, якъ винъ упавъ до-долу, загрюкотившы. За мыть вона вже була на двори. Страхъ такъ опанувавъ ій, що вона выбигла зъ двору на вулыцю и тилькы тамъ пишла тыхше.

Ишла вулыцею и вся трусылася зъ страху, зъ турботы, зъ холоду. Писля першого выпадку зъ Квасюкомъ вона спала завсигды вбрана, але була боса, и холодъ дошкулявъ ій у ногы. Пишла швыдче вулыцямы безъ ніякои меты, не знаючы що робыты. Було вже не рано. На порожнихъ пивтемныхъ вулыцяхъ догорялы лыхтари, ледви блымаючы. Де-не-де блукалы стукачы, розганялы свій сонъ, калатаючы въ калаташку; а де-яки вже спалы, прыхылывшыся до дверей на якому рундучку.

Левантына йшла, все йшла вулыця за вулыцею, безъ ніякои меты, абы не стояты, абы йты. Ходыла такъ довго, ажъ поки втомылася и сила на ослинчыку пидъ чыимысь воритьмы, пидобгавшы пидъ себе задубили зъ холоду ногы. Не довго посыдила, бо заразъ же стукачъ прогнавъ ій звидты.

— Иды, йды! Багато васъ тутъ такыхъ валасаеться! Не огынайсь, бо свысну, то прыбижыть городовый,—забере въ полыцію.

Левантына пишла дали. Перейшла килькы кварталивъ и знову прытулылась уже на рундучку. Тутъ посыдила трохы довше, бо стукачъ зъ цёго кварталу десь заснувъ. Але врешти такы прогнавъ, ще й вылаявъ погано. Ходыла тоди знову зъ вулыци въ вулыцю, абы якось доблукаты до свиту. Хочъ не знала що вона мусыть робыты й свитомъ.

Вернутыся до Квасюка? Але тилькы подумала про це, то всю ій почало трусыты. Краще зъ голоду вмерты, замерзнуты, нижъ одъ ёго пропасты!.. Шиты зранку жъ наймatыся, статы на точку? Хто жъ ій тамъ визьме босу й простоволосу, ще й безпашпортну? Вернутыся до-дому въ свое село? Але туды ій такъ само не навертало, якъ и до Квасюка. Та покы вона дійде, то й задубіе на дорози.

Думкы мучылы ій такъ саме, якъ холодъ та втома. Вона вже килькы ничъ спала дуже потроху и теперъ почувала, що сонъ такъ и хыляе ій—отъ-отъ упаде й засне на вулыци. Зъ усіеи сылы бадёрыла сама себе и все йшла, йшла...

Все вулыци, вулыци, вулыци... Мертви вулыци... Таки чужи, якъ и люде... Ни душечкы риднои...

Яка одынока, яка покынута!.. На всёму свити!..

Безъ помочы, безъ надіи... Хочъ бы де куточокъ теплый!.. Хочъ бы людына добра!.. Тилькы вулыци темни, холодни и щось торохтыть-торохтыть-торохтыть...

Спиткнулася и трохы не впала. Вона спала, йдучы. Не спала, а такъ—голова туманіе... Люде йидуть на базаръ—торохтять. Уже почынае свитаты.

Хочъ бы прыхылытыся! Куды вона йде?.. Охъ, якъ тяжко,—все тило болыть!.. И душа... Хочъ бы и вмерты... Хочъ зъ мосту та въ воду—онъ зъ того мосту.

Зійшла на ёго, перехылылася черезъ поручата. Дывылася внызъ.

Сира нечыста вода плыве линыво, заспано пидъ ураниш-нимъ туманомъ... Така холодна, негарна... Дали, дали!..

Зовсимъ уже выдко, по гòроду метушаться люде. Де се вона? Неначе вона тутъ була, а не пизнаé... Стала й дывылася.

Хатки й погапеньки обшарпани будыночки тыслыся въ яру по-пидъ глынястою кручею. Згадала: се Ривчакы... Ти, де Романъ... Чы не ёго це й хата?..

Тепло у ёго въ хати... Питы бъ туды, бо тамъ тепло... И заснуты можна...

Хытаючыся перейшла двиръ и пишла въ хату.

III.

Романови зъ товариствомъ останнимы часамы не щастыло. Ишлы воны въ Дыбли и зовсимъ уже налагодылыся вывесты пару добрыхъ коней. Колы тутъ нечыста нагнала гуртъ пъяныхъ перезвянъ, и вся справа ляснула. Ажъ до свиту куёвдылася перезва на тій вулыци, де булы кони, и на блыжчыхъ, а товарышы мусылы сыдиты, прытаившыся въ суточкáхъ. Добре попотрусылыся, боячыся, що ихъ тамъ побачуть, а вже якъ бы побачылы пьяни чоловикы, то певне, що жывымы не пустылы бъ. Ледви пощастыло по-малу-малу выбратыся звидты та вынесты цилу душу.

Писля цёго, трохы згодомъ, Левдыкъ зъ двома хлопцямы подався въ Рипакы, и имъ дуже добре пощастыло вывесты трое коней. Але заразъ же за селомъ поровыста коняка скынула Лукаша и втекла въ поле. Мусывъ винъ плуганытыся въ городъ пишкы, а ти двое пойихалы, щобъ одвесты коней до Гапона. Та имъ на лыхо на двори бувъ туманъ такый густый, що воны зблукатыся, проблукалы всю ничъ, не потрапылы до Гапона, а зайихалы въ Чорноусъ и ажъ тоди схаменулыся, якъ побачылы передъ собою хаты. По вулыци вже вештались люде и заразъ же ихъ прыпынылы. Спершу чорноусци подумалы, що се просто соби зъ якои слободы люде зблукалыся, почалы ихъ роспытуваты видкиля, та куды, та чого йидуть. Ти щось не такъ одказалы, щось наплуталы,—воны ихъ у волость, почалы допытуватыся, а ти ще бильше плуталы, и выявылося, що се коноводы. Быто ихъ дуже, а потимъ одвезено до тюрмы.

Товарыство не боялося, що воны выкажуть на суди иншыхъ: то добри хлопци и цёго не зроблють. Але жъ ихъ замкнуть найменше на рикъ до тюрмы, а то такъ и зашлють, бо воны вже не вперше въ суди, а товарыство тоди втрачае двохъ добрячыхъ робитныкивъ. А друге—здобычъ выскочыла зъ рукъ ще разъ.

Писля цёго отаманъ зъ Романомъ та зъ Лукашемъ знову подалыся въ Дыбли, але й сёго разу нещаслыво: перешкодылы стукачы, бо всю ничъ ходылы по вулыцяхъ, не даючы пидступытыся ни до одного двору. Бо хочъ пъяни перезвяне и не догледылысь тоди коноводивъ, але потимъ у-день люде побачылы, що по горòдахъ походжено, и ходыло щось чуже. Догадалысь, яки то госты булы, и додалы варты.

И се вже такъ два мисяци товарыство сыдило безъ заробитку. Пообйидалыся й пообносювалыся такъ, що вже дали никуды. Тилькы Ярошъ жывъ, якъ попереду, бо винъ завсигды пывъ по троху и не дуже шынкувавъ гришмы, якъ воны ёму потраплялы до рукъ. Черезъ те вси теперъ до ёго прыходылы позычаты грошей, и винъ пособлявъ товарышамъ по-троху. Сáме за такою позычкою зайшлы до ёго ввечери Патроклъ Хвыгуровськый та похмурый Кучма. Сыдилы, нарикаючы на лыхи часы, колы почулы, що хтось ище йде, и незабаромъ у хату вскочывъ новый гисть—Лукашъ.

Винъ бувъ ще обидранйшый, нижъ попереду, а на довгыхъ ногахъ не було чобитъ: винъ уже давно ихъ пропывъ „зъ горя“ и теперъ ходывъ такъ, що одна нога була въ резыновій калоши, а друга обгорнена онучкою та увъязана мотузкомъ. Дарма, що такъ, а бувъ веселый, ускочывшы, махавъ рукамы й выгукувавъ:

— Здрастуйте вамъ! Чого пожурылысь? Дилà—первый сортъ—крычавъ винъ пъянымъ голосомъ и брязнувъ на стилъ килькомà срибнымы грошы́намы, що воны ажъ роскотылыся по столу и дви впало додолу. Перелякана дытына заплакала въ колысци, и блида й мовчазна Ярошыха нахылылась надъ нею, щось дытыни шепочучы, голублючы ій. А Лукашъ ставъ посе-

ѣдъ хаты зъ шапкою на потылыци, рукы въ бокы, и всмихався безглуздымъ пьянымъ усмихомъ.

Ярошъ изъ Кучмою глянулы, дывуючысь на ёго, а Патроклъ Хвыгуровськый пиднявъ ти монеты, що попадалы додолу.

— Чы ты ба!—скрыкнувъ,—гляньте лышъ: карбованець и тры четвертакы! Де це ты добувъ, хлопче? Може въ кого „загубывъ"?

— Овва! Якъ уже я, то и не можу добуты! Пальто було первый сортъ, а дверы лакей не замкнувъ, а я пальто надивъ та й пишовъ на базарь, якъ панъ.

— Еге! Лукашъ старовынку згадавъ, свое давне ремество.

— А чымъ старе мое ремество погане?—пытавъ задерыкуватo Лукашъ.—Отъ вы зъ своимъ новымъ безъ ничого сыдыте, а я зъ заробиткомъ.

— Велычается!—гарыкнувъ похмурый Кучма.—Поцупывъ якесь дранте та й радый. Чортъ вить що!

— Чого жъ воно—чортъ вить що?—пытавъ ображенный Лукашъ.

— А того, що чортъ вить що та й годи! Наше дило старовицьке, вильне... Вывивъ коня, сивъ на ёго—якъ майнувъ полемъ-степомъ... гей!.. А то лазь по викнахъ, та вытягай манатки! Пху!..

Кучма плюнувъ и сердыто одвернувся. Винъ бувъ старый коноводъ и не любывъ лыгатыся зъ звычайнымы миськи́мы злодіячкамы, що жылы зъ дрибнои крадижкы.

— Та годи вамъ сперечатыся!—перепынывъ Ярошъ.—Колы Лукашеви пощастыло, то й гаразъ.

— Нехай лышъ становыть могорыча!—озвався Патроклъ.

— За первый сортъ!—крыкнувъ Лукашъ. Ухопывъ грошы й метнувся зъ хаты.—Въ одынъ ментъ буде!

— Чуешъ, Лукашу!—гукнувъ ёму навздогинъ Ярошъ.—Поклычъ тамъ по дорози Романа!.. Чуешъ? Отъ же мабуть не почувъ бисивъ хлопець,—побигъ якъ скаженый... Ну, покы нема Лукаша, то розкажы, Патрокле Степановычу про Левдыка!—звеливъ Ярошъ.—Бачывъ ты Лазька?

Лазько—то бувъ рештантъ, що ходывъ зъ тюрмы на роботу въ городъ, черезъ ёго Левдыкъ подававъ про себе товарышамъ звисткы.

— Бачывъ... Я й забувъ пакъ росказаты... На бульвари винъ робывъ... Пишовъ и я на бульваръ: ципочокъ у рукы та й иду соби—отъ, кавалеръ на прогулянку,—туды-сюды паличкою крутю... А воны ямкы копають, щобъ дерево садыты. Ну, я сивъ на ослони заразъ биля Лазька—одпочываю бъ то. И винъ мене бачыть, и я ёго бачу, та проклятый салдатъ стырчыть... А, канисъ пекельный! Хочъ бы тебе трычы Тартаръ поглотывъ!.. Одначе дывлюсь—одходыть, одходыть салдатъ геть дали... Тоди вже Лазько й сказавъ..! Чепляються до Левдыка не за сами Рипакы, а ще й за Рижкивку,—памъятаете,—винъ тоди ходывъ? Дакъ каже,—треба, щобъ хто посвидчывъ, що ту ничъ винъ дома бувъ.

— Онъ якъ! Треба свидка... Кого жъ бы то?..—замыслывсь Ярошъ.

— А кого жъ? Хведорченка!—порадывъ Кучма.

— А й справди! Дакъ я завтра зайду до Хведорченка,—звелю ёму, щобъ готовый бувъ до слидствувателя йты, а Патроклъ Степановычъ пиде знову на бульваръ та перекаже Левдыкови.

— Гаразда!—одказавъ Хвыгуровськый.

Се була звычайна справа: коноводамъ, якъ воны потраплялы до тюрмы, треба було такыхъ свидкивъ, щобъ выправлялы ихъ. Здебилшого имъ щастыло переказуваты товарышамъ, чого сáме имъ треба, а ти постачалы свидкивъ зъ своихъ же людей.

Тымъ часомъ прыйшовъ Лукашъ зъ двома пляшкамы й зъ закускою, а за имъ и Романъ. Стилъ заставлялы пляшкамы, чаркамы, тарилкамы, заложылы всякою йижею. Патроклъ, не гаючысь, одиткнувъ поломаною двохзубою выделкою пляшку й налывъ. Почалы пыты й йисты.

Побачывшы, скилькы прынесено горилкы, Ярошева жинка подала мерщій на стилъ усе, що треба, а сама, поки ти пылы

й закусювалы, нышкомъ узяла дытыну, выскочыла зъ хаты та й подалась до сусиды. Вона звычайно такъ робыла, якъ Ярошъ гулявъ. Винъ пывъ не часто, але пидъ часъ велыкои гулянкы бувало, що й добре выпывавъ, и тоди бывъ ии й нивечывъ тяжко за те, що вона завсигды гребувала ёго диломъ и товарыствомъ.

— А чулы, що вже Мыкыта выйшовъ зъ острогу?—попытавъ Романъ.

— Хыба? Ни, не чувъ,—одмовывъ Патроклъ.

— Выйшовъ?—спытавъ злистно Кучма.—Шо жъ, оце ёму й мынеться?

— Ни,—видказавъ Ярошъ,—такъ не мынеться. Треба накараты. Отъ зберемось гуртомъ та порадымось, що зъ имъ робыты.

Мыкыта—се бувъ такожъ коноводъ зъ ихъ товарыства. Ёго пиймано, суджено, и винъ выказавъ ще на килькохъ душъ—ти й доси видбувалы кару въ острози. Звычайно коноводы не прощалы такои зрады.

— Треба такъ накараты,—говорывъ Кучма,—щобъ уже бильше не мигъ такого робыты. А то теперъ страху нилкого нема. Въ старовыну не такъ було,—въ старовыну строго було.

— Ну, а якъ же въ старовыну каралы?—спытавъ Лукашъ.

— А такъ!.. Одного разу... давно було... годъ десять... Тоди въ насъ бувъ отаманомъ Хоменко—отъ запальный бувъ!.. А гниздо въ насъ було пидъ Борзною. Дакъ одынъ на суди и прошкодывся такъ, що черезъ ёго двохъ у Сибиръ заслалы. Ну мы пидождалы, покы винъ выйшовъ зъ острогу. Выйшовъ винъ й не подае знаку, а самъ на Черниговъ побрався. А отаманъ каже: Невже жъ оце винъ и втече нашыхъ рукъ? Не попустимо, хлопци! Ну заразъ двое й обизвалось: одынъ та ще другый, молодый бувъ хлопець Грыцько... а здоровый бувъ, якъ туръ!..— Мы ёго, кажуть, прыставымо. И прыставылы!

— Та якъ же воны ёго прыставылы?

— А такъ, що на дорози перенялы. Перенялы та назадъ рукы скрутылы та рота ганчи[illegible]кою заткнулы, та й ведуть... До-

велы до нашого ярка... бувъ тамъ у насъ такый ярокъ, що мы въ ёму збиралыся... Одынъ же побигъ товарыство клыкаты, а Грыцько беретъ зостався.

— На що товарыство?

— Щобъ судъ бувъ... Не хотилы сами порядкуваты... Ну, збигавъ... Мало не все товарыство зибралося. Стало кружкà, а ёго посередыни... Одиткнулы ёму рота,—кажы, колы хочешъ!.. А винъ стоить проты мисяця—билый, билый та трусыться...

— Ну?

— Ну й прысудылы!..—и Кучма выхылывъ чарку.

— Що жъ ёму зробылы?

— Що зробылы, те зробылы, а тилькы вже бильше никого не паскудывъ!... Якъ закопалы на тому жъ мисти, то такъ и зогнывъ,—нихто й не шукавъ... А хочъ бы й знайшлы, то нихто бъ не выказавъ, бо вси булы хлопци добри та й былы вси... по черзи коженъ бравъ кіёкъ та й бывъ... щобъ усимъ выннымъ буты...

— И вы тамъ булы?—спытавъ Лукашъ.

— Може и бувъ, а може й ни,—одказавъ Кучма, налываючы нову чарку.—Такъ устаровыну було! А теперъ роспуста пишла, нихто не шануеться, нихто честы не знае: выказавъ на товарыша та й правъ и ходыть соби по воли, мовъ и ничого не зробывъ. Хиба що попобьють иноди, та й то не дуже...

— Ну, не дуже то й теперь простымо!...—стыха, але гостро промовывъ Ярошъ, и ёго холодни зли очы блыснулы.

— Ни, що не кажы, а въ старовыну не такъ було!—зновъ правывъ свое Кучма.—Тоди ты знавъ, що ты въ товарыстви воинъ и що вси за тебе якъ одынъ стоять! По правди робылы! А теперъ такого вже нема... И того не було, щобъ коноводъ поганывъ рукы палитóмъ якымъ, або що. Тоди коженъ знавъ—наше дило степъ! Тамъ ты соби вильный,—шукай витра въ поли! Та й коноводы жъ яки булы! Хоменко, отаманъ, дакъ той разъ за одну ничъ *самъ* вывивъ пъятеро коней!.. Ото люде!.. А теперъ що? Пху!.. Дрибнодухы вси!..

Кучма вже здорово выпывъ, а выпывшы, винъ завсигды выхвалявъ старовыну, що якъ то добре тоди було, и лаявъ молодыхъ...

— Брехня!—гримнувъ кулакомъ по столу Патроклъ, ажъ пляшкы й чаркы задзвенилы.—Брехня! Е й теперъ таки коноводы—орлы!

— А де жъ ты ихъ бачывъ?—спытавъ, глузуючы, Кучма.

— Де? На Кубани!

— А хыба ты тамъ бувъ?

— О, стультусъ малоумный! Да ты спытайся—де я не бувъ!

— А ну жъ, ну, розскажить про Кубань!—попрохавъ Романъ.

— Слухайте! Почну ab ovo, зъ початку. Отъ якъ турнулы мене зъ кондукторивъ, заходывся я торгуваты. Голкы-шпылькы, пундыкы-мундыкы, табачокъ-сирнычокъ—атъ, чортъ зна що! Бачу, що воно не пидходыть ни до мого имены, ни до моеи хвамыліи, ни до мене самого. Бо имъя въ мене геройське, хвамылія—образець, та й самъ я такый, що хочъ заразъ иды троянцивъ воюваты! А тутъ голкы-шпылькы!.. Чортъ зна що! Лыквыдація и аквавита.

— Що, що?—пыталы Романъ та Лукашъ.

— Азинусы й стультусы! Те, що продавъ свою бакалію, а грошы, зъ горя, прогулявъ. Ну, зоставсь у мене въ кышени, якось завалявся, карбованець. Подывывсь я на ёго: Ге-ге, братику, зъ тобою довго не прожывешъ!.. Ни, тисно тутъ жыты!.. Махну на Кубанськи степы! Хочъ изъ черкесомъ буду быться, —усе лучче, нижъ изъ пъяныцямы въ трахтыри. Ну, иду до знакомого кондуктора: пусты на Кубань! Посадовывъ у кондукторську, а на другый пойиздъ другому кондукторови здавъ... Отъ я вже й на Кубани...—Добра штука Кубань, да тилькы бида, що й останнёго карбованця въ дорози пройивъ. Найнявся до одного багатого пана, а въ ёго табунщыкъ Артемъ Гайда. А вы знаете що воно тамъ табунщыкъ? Чортъ, а не чоловикъ! Якъ вырветься у шырокый степъ зъ орканомъ у рукахъ, дакъ винъ тамъ орелъ! Скаженого коня-неука піймавъ, сивъ на ёго,

стыснувъ колиньмы—эхъ! ажъ степъ гуде! Кинь бъе и передомъ и задомъ, та де ёму скынуты Артема! Зъ скаженого—овечкою стане! А вже ничыя чужа коняка не стривайся зъ Артемомъ у степу—ёго буде. И було въ насъ товарыство добре: шестеро насъ, та таки!.. Одного разу трынадцятеро коней вывелы, за одну ничъ за двисти верстовъ перекынулы, продалы и въ обидъ другого дни дома булы.

— Ну, та невже?—почулыся здывовани голосы.—Та якъ же се вы зробылы?

— Уже знали якъ!.. Эхъ, отамъ справа! тамъ коноводъ не злодiячка—такый, що передъ полыцiею трусыться, якъ отъ мы, клапоухи азинусы. Тамъ винъ никого не боиться, а ёго вси бояться. Выйдемо на ярмарокъ—гуляй душа безъ кунтуша!.. Моремъ коло насъ горилка, танци, музыкы биля яткы на майдани, а люде збираються, а дивчата задывляються!.. Ахъ, сто чортивъ!.. А мы гуляемо, гопака вытынаемо, до дивчатъ залыцяемось, та велычаемось, та хвалымось—якъ коней перемкнулы та яки булы кони...

— Ну, це вже брехня!—перепынывъ Кучма.—То бъ то сталы розсказуваты де кони бралы? Та заразъ бы й васъ самыхъ забралы.

— Суса тупорылого у хвистъ поцилувалы бъ, а насъ не забралы бъ! Тамъ не на насъ, а видъ насъ страхъ бувъ. Тамъ на всю округу звисно—хто такый Артемъ Гайда, а ёго зроду нихто не займе, люде шапкы ёму скыдають, бо бояться. А панъ ажъ просыть: оставайся въ мене, Артеме, жыты! Бо панъ знае, що якъ у ёго свiй коноводъ жытыме, дакъ цили будуть кони свои, а до чужыхъ ёму байдуже.

— Оттамъ жытте!—скрыкнувъ Романъ.

— Вильне, веселе жытте!.. Колы, бувало, й нападуть на насъ, дакъ мы зналы, якъ оборонятыся... Разъ якъ застукалы насъ въ очеретахъ!.. Два дни оборонялыся... рушныця добра въ Артема була и пыстоли въ мене... Воны до насъ посунуться, а мы—бахъ! Воны й заховаються, бо кулька не дулька,—якъ уразыть, то заболыть. А на третiй день умкнулы видъ ихъ, ще

й зъ киньмы... Го-го-го! Ажъ степъ застогнавъ, якъ у копыта вдарылы!.. Гей, роскишъ-воля!.. Сто чортивъ!..

И винъ знову гримнувъ кулакомъ по столу. Станъ ёму выпростався, вся ёго кудлата велыка постать дывно видминылася пидъ уплывомъ згадокъ про мынуле, дыкою степовою сылою справди повіяло видъ неи. И облычче сёго пъяныци й злодія мовъ осявъ якыйсь свитъ, очы ёму заблыщалы дывнымъ блыскомъ...

Вси глядилы на ёго зчудовани. Романъ увесь часъ слухавъ, втупывшы въ ёго свои палки очы, боячыся словечко згубыты. И якъ ударывъ постолу здоровенный Патрокливъ кулакъ, парубокъ уразъ такъ и кынувся й скрыкнувъ:

— А що жъ справди? Хыба жъ и мы не люде? Хыба жъ уже якъ мы, дакъ и не зуміемо ничого зробыть? Да я вамъ таку штуку вшкварю, що на всю губерню бахну, а въ кышеняхъ грошы забряжчать! Хочете? Завтра въ Дыбли и пъятеро коней визьмемо.

— Ну, ну, ты не дуже зарывайся!—промовывъ Ярошъ непрыхыльно.—Бачылы вже якъ тамъ браты!..

— А я вамъ кажу, що возьмемо! Слухайте! Биля мого батька жыве сусида Струкъ. А въ ёго на шпыли клуня. И такъ вона стоить, що зъ усёго села ій выдко. Ну, я запалю вамъ клуню, народъ побижыть на пожежу, а вы тымъ часомъ выведете кони.

На хвылыну вси стыхлы, а тоди вразъ—Ура!—зареветувалы Патроклъ, Кучма й Лукашъ.

— Тыхше! Цытьте! Зъ вулыци почують!—прыпынявъ Ярошъ.

— Дарма! чортъ ихъ беры! Нехай чують!—не вгававъ Патроклъ.—Романе! братику! амикусъ любезный! дай я тебе поцилую!

И ёго велычезни лапы обхопылы Романа, а щетыняста пыка прытыслася до парубкового облычча.

— Выпыймо жъ!.. Выпыймо жъ ище!..—

И винъ пывъ самъ, налывавъ Романови.

— Отъ такъ молодець!.. Це понимаю!..—Щобъ наша слава не пропадала!.. А, прокляти дерiи!—репетувавъ уже зовсимъ пъяный Патроклъ.—Вы ради бъ насъ у ложци воды втопыты, бо мы злодiи, а вы чесни! Брешете! Самы вы злодiи, усе по закону крадете. А мы не злодiи!.. Треба йисты,—прыходымо й беремо!.. Такъ, беремо!.. И воюемось зъ вамы!.. Вы насъ убываете, а мы зъ вамы воюемось!.. Хто подужае!.. Я, Патроклъ Хвыгуровськый, кажу вамъ: хто подужае, той и правъ. Homo homini lupus est. А хто воюе, той—герой!.. А вы чортъ зна що, мужлаи!.. А я—Патроклъ Хвыгуровськый... Патроклъ—герой, Хвыгура—образець...

И ёго пъяна голова вже схылялася на стилъ.

IV.

Романъ хочъ и лигъ звечора пъяный, але хазяи, клопочучысь пидъ викномъ, збудылы ёго дуже рано. Ледви прокынувся, згадавъ про вчорашнiй свiй замиръ, и думка про се нове дило вже не дала ёму спаты. Ёму не лежалося. Винъ схопывся, одягся... Въ цю мыть почувъ, що хтось береться за двери и хоче до ёго ввiйты. Двери видчынылыся.

— Левантына!..

— Романочку! братику! Не займай мене!.. Дай мени видпочыты!.. Я видъ хазяина втекла. Всю ничъ блукала... Не займай мене!.. Забожысь, що не займешъ!..

— Огъ iй бо й не торкнусь! Та нехай мене хрестъ побъе, колы займу!..—забожывся швыдче Романъ, израдившы.—Иды, та лягай спаты! Огъ бидолошна!..

Ёго маленька свитлычка перебыта була въ кинци, и за тiею перѣсичкою шылёвошною винъ спавъ. Туды винъ и повивъ Левантыну. Вона впала на лижко и заразъ-же заснула. Винъ постоявъ, подывывся на неи, усмихнувся, тоди зачынывъ за нею двери въ свитлыцю и пишовъ зъ дому, замкнувшы кватырю.

Ишовъ вулыцею такый задовольненый та радый. Сама прыбигла! Ну, нехай выспыться,—однакъ вона ёго рукъ не мыне.

Та теперъ ёму й не до неи. Адже винъ учора забожывся, що сёгодни пидуть у Дыбли. Треба вмовытысь, щобъ хлопци булы готови.

Винъ пишовъ до Яроша, але того не було дома. Не знала й жинка куды пишовъ. Романъ зазырнувъ до „чайнойи“,—и тамъ ёго не знайшовъ. И де винъ у чорта подився?

Романъ пишовъ блукаты по гóроду по всякыхъ закуткахъ, де мигъ зустриты Яроша. Нихто ниде ёго не бачывъ...

А Левантына тымъ часомъ спала. Спала довго, до пизнёго обиду. Щось ій врешти збудыло. Росплющыла очы, глянула на хату и спершу не могла врозумиты де вона. Чы се не ничъ? У маленькій комирчыни темно. Ни, онъ кризь не зовсимъ прыхылени двери выдко щилыну свиту. Чы се ій сныться? Ба ни, за дверыма щось гомонить... Романивъ голосъ... Видразу згадала все.

— Я въ тебе двичы бувъ и скризь тебе шукавъ,—казавъ комусь Романъ.

— Ходывъ до Хведорченка, щобъ за свидка бувъ,—одповидавъ хтось невидомый.

— А я пакъ и забувъ за се... Ну, а въ Дыбли хлопци готови?

Дыбли? Левантыныне село?

— А хыба таки ты думаешъ?—пытався незнаёмый голосъ.— А якъ не пощастыть?

— Ще й якъ пощастыть!—одказавъ Романъ и почавъ упевняты свого гостя: росказувавъ усе, якъ треба зробыты, доводывъ...

Спершу Левантына мало що розумила. Але де дали все выразнише й врозумилише выявлялося ій те дило, яке мало статыся...

— Я васъ покыну въ ярку,—сказавъ нарешти Романъ.— Якъ запалю, то вы трохы перечасуйте покы народъ згвалтуеться та побижыть на пожежу. Тоди вже й вы... Найкраще берить у третій хати зкраю по ливій перій—се Панасъ Гаманъ,—у ёго дуже добри кони—трое. Оце трёмъ и буде робота. А скильки всихъ насъ буде?

— Оприче тебе,—пъятеро.

— Отъ и добре. Дакъ тымъ двомъ накажы, щобъ силы ажъ биля млына. Знаешъ? Тамъ сàме коло млына у Середенка кони—велыка хата, а биля неи тополя... Уси люде й сторожи будуть на пожежи, то вильно вамъ буде.

— Гляды, самъ не попадысь!—перестерегавъ гисть.—Бо теперъ воны знають хто въ ихъ кони бравъ, то пыльнуваты-муть тебе.

— Чортового батька попадуть мене!—видказавъ Романъ.—Я знаю куды тикаты... Атъ, чортъ!—схаменувся винъ.

— Чого ты?

— Та я й забувъ, що мы не сами въ хати.

Винъ пидійшовъ до дверей и зазырнувъ у щилыну.

— Ни, спыть.

— А хто тамъ у тебе?

— Дивка одна.

— Чортова тинь оцей Романъ! Чомъ же ты не сказавъ? Отъ роззява! Усимъ бы ты мастакъ бувъ, якъ бы тилькы не такъ панькався зъ бабамы. Ну що, якъ чула?

— Ни вона такъ спыть, що не почуе.

— Ходимъ у сины, або що!

Воны выйшлы и розмовлялы довгенько ще въ синяхъ. Тоди Романъ вернувся въ хату, мабуть по шапку, и кудысь у двохъ пишлы.

А Левантына чула вже досыть, щобъ зрозумиты все.. Теперъ вона знала чымъ зробывся Романъ и хто бравъ у ихъ на сели кони... Коноводъ!.. Злодій!..

Боже едыный! За що Ты такъ караешъ ии? Покаравъ коханнемъ, покаравъ и коханымъ!..

Злодія покохала!..

Тяжкымъ болемъ проймало ій душу, розрывало серце. Мало вона зазнала, дакъ ще се!..

Зирвалася зъ лижка: тикаты! Тикаты звидсы!

Побигла до дверей, торкнулася до ихъ,—дверы булы замкнени. Кынулася до викна,—воно не видчынялося.

Вона сыдила якъ у тюрми.

Вона жъ мусыть тикаты видсиля швыдче, швыдче! Мусыть бигты въ свое село, перестеретгы Струка, перестеретгы людей, щобъ береглыся, щобъ запобиглы лыхови. Вона повынна сказаты...

Що сказаты?

Що Романъ злодій, палій? И ёго визьмуть до тюрмы, судытымуть, може й на Сибыръ зашлють... И вона пошле ёго на Сибыръ?

Ця думка видибрала въ неи вразъ усю ту сылу, що була прокынулась. Знеможена видразу, сила и схылылась на стилъ.

Не вважаючы на все, що було, у неи въ серци завсигды жеврила искра кохання до Романа и останнимы днямы ся искра розгорялася все бильше й бильше. Эге, вона теперъ такъ добре, такъ выразно почувала, що вона ёго кохае, що вона николы не покыдала ёго кохаты.

И вона пошле на Сибыръ того, кого кохае!

Того, кого кохае? Ни! Вона кохала Романа, хочъ и гришного проты неи, але чесного парубка, а не коновода, не злодія, не палія! А теперъ вона вже ёго не...

Але жъ ни! Вона ёго любыть, любыть такого, якъ винъ есть, и не може вырваты, выкынуты зъ себе того!

Любыть! А на що жъ вона ёго любыть, що зъ тіеи любовы буде? Хыба винъ буде ій дружыною? Хыба вона пиде за злодія, за палія?

Що жъ ій робыты? Що?!..

Ухопылася за голову рукамы. Голова палала, розскакувалась одъ думокъ, але не давала порады.

А може... Булы всяки гришныкы та й каялысь... Чому жъ бы Романъ не мигъ покаятыся и знову чеснымъ зробытыся?

Вона ёго прохатыме, благатыме, вона ёму рукы цилуватыме, абы тильки винъ не робывъ того, не йшовъ туды, покынувъ своихъ товарышивъ!.. Вона благатыме ёго доты, ажъ поки винъ послухаеться іи, покыне все, и тоди воны будуть знову щаслыви...

А якъ же не послухаеться?

И щось почынало ій казаты, що даремна ій надія, що не мае вона такои сылы, щобъ вырваты Романа зъ того багна, въ якому винъ опынывся. Вона сылкувалася задавыты сей голосъ, та не могла...

Чы послухаеться, чы ни, а вона ёго благатыме. Колы не пособыть, то тоди—дійся воля Божа! Вона вже ничого не здоліе тутъ зробыты.

Якъ то? То винъ тоди пиде, пидпалыть село, обкрадатымуть людей? И вона те знатыме и ничымъ не перешкодыть тому, не обороныть людей? Та хыба жъ тоди не впаде й на неи той грихъ? Люде кыдаються въ полумъе, рятуючы людей, а вона не обрятуе ихъ, хочъ ій и въ полумъе не треба кыдатыся, а тилькы побигты въ Дыбли й сказаты...

Грихъ, страшенный, непрощеный грихъ—за для свого кохання попустыты занапащаты людей. И вона хоче зробыты сей грихъ?

Але жъ Боже мій!.. Вона жъ ёго любыть!

Былась головою объ стилъ, не знаючы якъ поеднаты кохання зъ повыннистю, зъ тымъ, чого вымагало сумлинне.

Врешти навяжылась. Вона благатыме ёго, а колы винъ не послухаеться, побижыть у Дыбли.

Сымъ трохы заспокоилася. Та не надовго. Бо нова думка знову розбыла ввесь той спокій?

Колы вона скаже ёму, що все знае, то винъ же не пустыть ій зъ хаты, зъяже ій, замкне... Якъ же вона тоди побижыть у Дыбли?

И мучылась ціею новою думкою довго...

Врешти зачула, якъ брязкае на дверяхъ замокъ. Утекла въ темну хатчыну и сила на лижко.

Увійшовъ у хату, видхылывъ до неи двери.

— Устала вже?

Сивъ на лижкови биля неи.

— Отъ уже не сподивався, щобъ ты до мене прыйшла сёгодни! И въ голову соби того не клавъ. Якъ же се сталося? Що тамъ зъ хазяиномъ?

Вона почала росказуваты—все, якъ було...

— О, дурненьке, дурненьке! Чого жъ ты просто до мене не прыйшла?

— Та... адже прыйшла...

Винъ обнявъ ій й поцилувавъ. Першый рухъ ій бувъ—выпручатыся. Але заразъ же вона прыпынила сама себе и скорылась ёго поцилункови одному, другому. Винъ радивъ зъ ціеи несподиванои ласкы, вона це бачыла, и нова надія прокынулась у неи: вона *цымъ* не пустыть ёго видъ себе.

— А я тоби йисты прынисъ. Хочешъ? Ходимъ!

Выйшлы вдвохъ. Настоли лежалы пырогы, ковбаса, хлибъ, яблука. Надіючысь Романъ на здобычъ, позычывъ грошей у Яроша.

— Я тутъ въ одного чоловика харчуюсь, да сёгодни хочу зъ тобою обидаты, дакъ оце й прынисъ того-сёго.

— Спасыби, мое серденько,

Посидалы за стилъ. Винъ йивъ добре. Ій шматокъ не йшовъ у горло, та сылувала себе йисты.

Вона тулылася до ёго, зазырала ёму въ вичы, всмихалася, хочъ у неи холодилы й тремтилы рукы. Вона зажывала всихъ хытрощивъ, на яки була здатна, бо се бувъ останній спосибъ затрыматы, вдержаты ёго, зберегты ёго за для себе. И зважылась иты до краю... Сёгодни не пустыть ёго, а тамъ... побачыть що робытыме.

Короткый осинній день уже наблыжався до вечора, якъ воны пообидалы.

— Якъ мени гарно, Романочку, що мы вдвохъ и будемо вдвохъ увесь день сёгодни... Адже не проженешъ мене, колы я зостануся въ тебе ночуваты?

— Чого бъ то я тебе проганявъ? Та я такый радый!.. Шкода тилькы, що мени не доведеться сёгодни дома ночуваты. Оце скоро треба вже йты.

— Чого? Куды?

— Хазяинъ посылае... На машыну треба...

— На довго?

— Завтра вдень вернуся.

— Ой, Романочку! Якъ же я сама буду? Не йизды!

— Не можна, Левантыно: хазяинъ велыть.

— Отъ, велыке лыхо, що хазяинъ велыть! А ты занедужавъ та й не можешъ йихаты.

— Ни, ніякъ не можно.

— Романочку! голубчыку! братику! Не йиды! Зостанься зо мною! Будь зо мною увесь день сёгодни, всю ничъ!

— Завтра буду ввесь день и всю ничъ и завсегды потимъ.

— Що завтра! Сёгодни я хочу!

Вона обвылась кругъ ёго якъ хмелыночка, зазырала ёму въ вичы, цилувала ёго, обсыпала ёго ласкавымы закоханымы словамы чаривнымы, обхоплена непереможнимъ, мало не божевильнымъ бажаннемъ затрыматы ёго, не пустыты... Іи роспаленій, знеможеній думкамы голови здавалося чомусь, що въ сій ночи вся сыла, абы тилькы винъ сёгодни зоставсь, абы сёгодни, а тоди вже все, все добре буде!

Николы ще вона зъ имъ не була така,—навить тамъ, на сели. У ёго туманила голова.

— Не можна, серце!.. Прымивъ бы,—все зробывъ, але сёго не можу.

— Якый недобрый!.. Зостанься, Романочку, серденько дороге! Що хочъ зо мною робы, цилуватымы тебе, мылуватымы тебе, тилькы не ходы сю ничъ!

— Та що се тоби ся ничъ така дорога? Чого се такъ?

— Такъ хочу! Хочу, щобъ ты ни зъ кымъ сёгодни не бувъ, тилькы зо мною! Мы таки щаслыви, таки щаслыви будемо, якъ що ты зостанешся зо мною сю ничъ. И теперъ, и потимъ щаслыви будемо!

Винъ прыгортавъ іи, цилувавъ, але вырвався врешти.

— Годи! Треба йты!

Вона такъ и прыпала до ёго.

— Не ходы! Не пущу! Зоставайся зо мною!

И цилувала ёго безъ лику, сылкуючыся тымы поцилунками спъяныты ёго, прымусыты забуты про все, зостатыся въ нею.

— Колы зостанешся сю ничъ зо мною,—буду твоею, не пиду видъ тебе. А пидешъ,—утечу заразъ. Сю ничъ! Тилькы сю ничъ!

Въ цихъ, стилькы разивъ уже сказаныхъ, словахъ „сю ничъ“ чуты було стилькы благання й натыску, що Романъ почавъ прыслухатыся до ихъ пыльнише. Винъ ще державъ іи въ себе, якъ малу дытыну, на колинахъ, цилувавъ ій очы, губы, шыю, голова ще туманила, а вже якась непевна думка ворушылась тамъ. И видразу винъ повернувъ іи облыче до себе.

— А ну, глянь мени въ вичы!

Вона глянула.

— Левантыно, ты не спала тоди, якъ я прыходывъ уперше!

Вона почервонила вразъ, піймана на гарячому вчынку.

— Дакъ онъ воно що!—Винъ ссадывъ іи зъ колинъ.—Що жъ ты чула?

Все загынуло, все!.. Тилькы одно зостается...

Вона кынулася передъ нымъ навколишкы, обхопыла ёго колина рукамы.

— Романе! братику! риднѐнькый! не робы сёго!.. Не ходы зъ имы!.. Не занапащай людей!.. Не занапащай своеи душы!.. Покынь ихъ!.. тыхъ, недобрыхъ!.. Забудь усе те!.. Будемъ чесно жыты!.. По викъ вичный не розлучуся зъ тобою!.. Тилькы не ходы!.. Втечемо видъ ихъ!.. Утечемо заразъ!..

Романъ уставъ, одирвавъ іи рукы видъ своихъ колинъ и видійшовъ.

— Годи чортъ батька зна що потякаты!

— Ни, Романочку, не кажы такъ!—Вона лизла за нымъ навколишкахъ, чепляючысь за ёго.—То жъ грихъ!.. Пидпалыты!.. Красты!.. Боже мій!.. Чы я жъ думала?.. Не пущу тебе!.. Покайся!.. Треба, Романочку, покаятыся, спокутуваты свій грихъ!..

— Геть!

— Не видпыхай мене!.. Мій братику! Мій риднѐнькый!.. Ты жъ мени мылымъ бувъ!.. Я жъ тебе якъ душу любыла!.. Я жъ тебе благаю!.. Та помылуй же ты себе!.. Та помылуй же ты й мене!.. И людей же! Воны жъ не выннi!.. Хыба жъ не

можна зъ иншого жыты?.. Мы будемъ працюваты, заробляты... Я робытыму... нóчы не спатыму... Романочку!.. Романочку!..

И не пускала ёго колинъ зъ рукъ, дывылася на ёго знызу, благаючы словамы, очыма, слёзамы...

— Левантыно! Не дурій! Устань заразъ! Слухай, що я тоби казатыму!

Вона пидвелася.

— Що ты чула, що бачыла,—щобъ тилькы ты сама ёго чула й бачыла. Щобъ нихто бильше! Колы жъ ты хочъ однымъ словомъ кому пробовкнешся, хочъ натякнешъ, то задавлю, оцымы своимы рукамы тебе задавлю и крыкнуты не дамъ!

Стыснувшы кулакы, увесь трусячыся зъ гнивá, винъ стоявъ передъ нею такый страшный, нелюдськый... А ii мовъ гримъ побывалы ти ёго слова, однималы въ неи мову, рухы...

— Чула?

— Чула...

— Гляды жъ! Абó мовчы, абó на свити не жытымешъ! Памъятай: се не жарты! Я не вмію жартуваты. Зоставайся тутъ и сыды до завтрёго. Тикаты не думай! Я тебе замкну и накажу хазяинови, щобъ доглядавъ... Колы бъ тилькы здумала втекты, то винъ тебе зъяже: у ёго ключъ одъ хаты буде. Розумiешъ?

— Розумію...

— Ото жъ колы хочешъ на свити жыты, то сыды нышкомъ. Не сыдитымешъ,—задавлю и въ ричку вкыну. Ну, маршъ туды въ закамарокъ и не смiй видтиля выходыты!

Слухняно пишла. Винъ зачынывъ за нею двери и замкнувъ ихъ на замокъ. Самъ ище щось узявъ и пишовъ зъ хаты. Левантына чула, якъ винъ замкнувъ и други двери.

Прыслухалася до того, якъ пишовъ. Сыдила на лижкови прыгничена, зламана усимъ тымъ, що сталося. Чы могла жъ вона сёго сподиватыся! Винъ, Романъ, похвалиться задавыты ii! Винъ—пропащый злодiй.

Все, що було въ неи въ души гарного, ясного, кýпчылося въ ii згадкахъ про того давнёго Романа зъ першыхъ днивъ

кохання. И винъ ростоптавъ те все немылосердною и нечыстою ногою!..

Думка знову верталася до подій сіеи ночы. И що жъ се воно буде? Винъ запалыть село, погорять люде, пограбують ихъ. И вона ничымъ не може запобигты лыхови!..

Вона схопылася зъ мисця. Та не можна жъ такъ!.. Вона буде крычаты, стукаты, поки іи выпустють,—тоди побижыть...

Але жъ винъ оддавъ хазяинови ключъ. Хыба жъ іи хазяинъ выпустыть? Ни, не такъ, а треба нышкомъ утекты.

Але жъ іи двичы замкнено!

Вона пидійшла до тоненькыхъ шылевошныхъ дверей и поторсала ихъ. Зъ того боку биля ныхъ булы кильця, замкнени невелычкымъ замкомъ,—се було выдко, бо двери трохы видхылялыся,—вона могла просунуты въ щилыну палець.

Левантына въ усіеи сылы натыснула на двери плечемъ разъ, удруге, втрете, сылкуючыся, чы не вырве такымъ робомъ кильця. Двери трищалы, але кильця не вырывалыся. Вона спытувала ще килькы разивъ, напружуючыся що-сылы, але ничого не пособылося. Задыхана, сила знову на лижко.

Якъ бы въ неи тутъ було щось—сокыра, молотокъ,—вона бъ тоди знала що зробыты. Почала нышпорыты по закамарку, мацаючы въ темряви рукамы, але не знаходыла ничого. Врешти писля довгои шуканыны, ажъ у далекому кутку, пидъ лижкомъ, налапала якусь зализну ричъ. Вытягла іи на свитъ до дверей: се булы стари общенькы.

Левантына спробувала просунуты ихъ кризь двери, але воны не пролазылы. Повернула тонкымы кинцямы и змогла заложыты ихъ у кильце. Тоди почала росхытуваты ёго. Робыты було дуже незручно, кильце хыталось вельмы мало, але такы хыталось. Ще трохы такои роботы, и кильце выскочыло зъ дверей. Двери видчынылыся, Левантына була въ другій хати.

Кынулась до другыхъ дверей. Але си вже не на кильцяхъ замыкалыся. Важки, дебели двери зачынени булы щильно и замкнени мабуть на засувъ, або що. Левантына поторсала, але ничого не зрушыла ихъ.

— Буду штовхаты плечемъ,—подумала соби,—а може видхылються хочъ трохы, щобъ просунуты обценькы.

Почала штовхаты, сылкуючысь яко мога тыхше робыты. Спершу натыскала не поспишаючысь, але въ усіеи сылы. Двери стоялы нерухомо. Почала тоди штовхаты палкише, бьючы объ двери своимы пличмы, оббываючы ихъ до сынякивъ, до кровы пидъ рукавомъ сорочкы. Забула, що іи можуть почуты, и была на одчай плечыма, ликтямы, мало почуваючы въ запали биль, сама розуміючы, що се не пособляе, але не можучы покынуты, бо хочучы вырватыся зъ ціеи тюрмы. Былася объ мицни двери, якъ пташка-невильныця бьется объ невблагани кграты клитки-тюрмы.

Врешти, знеможена, знесылена, спынылася, похылывшысь на ти двери, важко дыхаючы. Побыти плечы й ликти дуже болилы. Видпочывала такъ килькы часу:

Кризь невелычке викно бачыла, що на двори вже смеркалося. Пидійшла до викна и стала ёго оглядаты.

Шыбкы булы таки маленьки, що якъ бы выдавыты одну, то не можна булобъ пролизты, а зроблено викно було такъ, що не видчынялося. Поламаты ёго?

Чы вона подужае те? А колы бъ и здолила, то почують же хазяй, якъ трищатыме викно, бряжчатымуть побыти шыбкы. Почала роздывлятыся въ викно на двиръ и побачыла передъ собою якусь замкнену шопу, чы возивню. Людей не бачыла щобъ ходылы. Але можуть поблызу ходыты, отутъ заразъ такы, то й почують іи.

А якъ бы все викно выпхаты,—може бъ се тыхше було?

Воно було прыбыте знадвору гвиздкамы. Але гвиздкы ти давно вже поиржавилы, и якъ Левантына натыснула на викно зъ одного боку, то воны поламалыся, и викно заразъ-же почало выпыратыся зъ лутокъ.

— И якого тоби чорта треба?—гримнувъ пидъ викномъ просто Левантыны сердытый товстый голосъ.

Дивчына вмыть захылылася за стину и стояла вся похоловшы, тремтючы. Се жъ побачылы вже іи, се жъ хазяинъ!

— Ходы ночы, вышукуй! Чортъ батька зна що!—казавъ той голосъ знову, и Левантына почула, якъ забрязкавъ замокъ биля возивни.

— Та вона тутъ скраю заразъ и лежыть,—одповидавъ жиночый голосъ.

Левантыни полекшало: се не до неи, се мабуть хазяинъ зъ хазяйкою щось изъ возивни беруть. Прыслухалася, якъ воны видимкнулы, ввійшлы въ возивню, сперечаючыся знайшлы якусь ричъ, замкнулы и пишлы геть. Все знову затыхло.

Перечасувавшы Левантына трохы, знову заходылася биля викна. Обережно, помалу натыскаючы, вона выхытала викно зъ лутокъ такъ, що могла въ щилыну просунуты руку спершу зъ одного боку, тоди зъ другого. Выняты викно и поставыты ёго на землю на двори було вже тоди лехко.

Тымъ часомъ на двори вже зовсимъ стемнило. Прыслухалась одну мыть, чы не чуты кого, и лехко й обережно вылизла зъ хаты въ двиръ.

Тремтючы зъ страху, що зустрине заразъ когось, выйшла зъ хаты. Въ двори никого не було и нихто не беригъ ии, бо то Романъ збрехавъ, шо виддасть ключъ хазяинови. Перейшла двиръ хутко й опынылась на вулыци.

Вона биглабъ, та боялась, що ии прыпынють, догадаються, що тикае. Але пишла такъ швыдко, якъ могла, сылкуючысь иты въ темряви вулыць, и незабаромъ була за мистомъ.

Спынылась на хвылыну передыхнуты и побигла по дорози до Дыбливъ. Пробигла верстовъ зо дви.

И вразъ думка одна прыпынила ии: та й воны жъ цимъ шляхомъ итымуть. Що, якъ наженуть ии? А що якъ воны вже попередъ неи? Що, якъ вона спизнылася?

Вона знала иншу дорогу: черезъ лисъ, тоди черезъ байракъ. Ся дорога була корочча дуже, але туды нихто не йиздывъ, бо не було шляху, тилькы ходылы люде вузенькою стежкою. Левантына тежъ нею ходыла, але вдень, зъ людьмы, а теперъ... Иты вночы лисомъ—се було занадто страшно.

А йты тутъ, то зновъ: або вона спизныться, або ии наженуть, Романъ пиймае ии,—и що тоди буде?

Глянула ливоручъ,—тамъ лисъ чорнивъ темною похмурою хмарою на кинци неба. Збочыла зъ шляху и побигла туды.

Покы бигла полемъ,—було ничого. Але якъ пидийшла до сёго, вночы такого понурого, лису, обнявъ ии страхъ. Вона знала куды йты, вона стояла на початку стежкы, але ця стежка втопала въ таку чорну й страшну темряву, що въ биднои Левантыны стыскалося передъ нею серце.

Але вагалася не довго. Перехрестылася и вступыла въ лисъ.

Тутъ уже не бигла, бо разъ, що втомылася, а вдруге, що боялася збигты зъ тропы й зблукатыся. Але йшла швыдко помижъ велычезнымы стовбурамы старого лису. Зридка тилькы розрывалося вгори посплутуване гилле, и тоди выдко було ий клаптыкъ неба зъ двома-трёма зиркамы. Зважылась не дывытыся набикъ, не прыслухатыся, а все йты, йты...

Але очы несамохить зазыралы иноди вбикъ, уха ловылы таемнычый голосъ велыкого лису. А винъ озывався тыхымы шептамы, шелестамы й зитханнямы, и коженъ такый згукъ одбывався голосно, гостро въ напруженому вуси бидолашнои дивчыны.

Вона все йшла. Осинь уже струсыла зъ деревъ частыну ихъ литнёго вбрання и насыпала на землю мнякый кылымъ мертвого лыстя. Левантыни добре було ступаты по стежци, хочъ вона часто боляче была свои боси ногы объ невыдне ий коринне. Та вона на те не зважала и все йшла.

Часомъ передъ очыма мриялысь якись чорни велычезни постати, часомъ ий здавалося, що отъ-отъ засвитються передъ нею дви свичкы вовчыхъ очей... Вона тоди заплющувала свои очы...

Вона часто ходыла въ цей лисъ зъ дивчатамы по ягоды, якъ жыла въ наймахъ у блызькому видъ лису сели, и добре ёго знала. Колы бъ не се, то зблукалась бы давно.

Врешти ій здалося, що вже пидходыть до краю. Тоди, сама не знаючы черезъ що, вразъ кынулася бигты, розбываючы до кровы ногы, обдряпуючы соби гилкамы рукы, облычче. Бигла, бо гнавъ іи велыкый страхъ,—ажъ покы выскочыла на поле. Втомлена впала на землю и трохы полежала, видпочываючы. Але не довго. Зирвалась и пишла знову. Та не пишла вже черезъ байракъ, а збочыла праворучъ и выйшла знову на шляхъ. Се було трохы дали, але жъ байракъ бувъ ій ще страшнишый за лисъ.

Ногы почыналы дуже болиты, але вона не смила спынытыся. Кожна хвылына вгайкы могла занапастыты всю справу. Треба йты й хочъ трохы, тыхше. Скилькы ще ій зосталося? Верстовъ чотыри?

Ишла... Щось замрило ливоручъ. Оце-жъ и байракъ пидъ Дыблямы. Ще верства, и вона въ сели.

Що се?

Темне осинне небо зажеврило зкраю, тамъ, надъ селомъ. Се мисяць зиходыть? Эге, мабуть мисяць... Такъ ни жъ бо, мисяць не звидтиля сходыть... Усе бильше й бильше... Вогняни пасма выбываються вгору, стриляють по небу. Пожежа!..

Левантына скрыкнула якъ несамовыта и побигла назустричъ страшному червоному промiттю...

V.

Ярошъ такы трохы боявся тiеи штукы, що выгадавъ Романъ. Дыбляне сталы вже таки зли на коноводивъ и такъ ихъ пыльнувалы, що було небезпешно такъ скоро туды потыкаться. Але Патроклови Хвыгуровському та й усёму товарыству до вподобы прыпала тая выгадка. Патроклъ, трохы выпывшы зъ вечора, всю дорогу, покы йшлы до Дыбливъ, бувъ страшенно веселый, смишывъ товарышивъ своимы жартамы й лайкамы и все зачипавъ похмурого чогось отамана. Але той мовчавъ на вси ёго выгадкы. Подилылыся воны такъ: Ярошъ зъ Патрок-

ломъ та зъ Лукашемъ въ одному гурти силы въ ярку, чыгаючы на трое коней Панасовыхъ Гамановыхъ, а Кучма зъ однымъ хлопцемъ заховався биля млына, взявшы на свій пай пару Середенковыхъ. Романъ, пидпалывшы, повыненъ бувъ заразъ-же тикаты въ гòродъ.

Трёмъ у яру було дуже добре сыдиты, бо не выдко було ихъ никóму, але воны бачылы той шпыль, де мала буты Струкова клуня и звидкы Романъ повыненъ податы имъ свое вогнёве гасло. Хочъ отаманъ и не дозволявъ розмовляты, але въ голови въ Патрокла ще гуло видъ горилухы, то й языкъ у ёго ніякъ не хотивъ одпочываты, а все шепотивъ щось до Лукаша. Той пырхавъ зо смиху, а розлютованый Ярошъ нарешти не вытрымавъ:

— Отъ якъ дамъ тоби шкворинемъ пó-голови, то ты швыдко змовкнешъ!—прошепотивъ винъ, штовхнувшы тымъ шкворинемъ парубка въ бикъ.

Тоди обыдва замовклы, знаючы добре, що зъ отаманомъ не завсигды можна жартуваты, бо часомъ заробышъ за жарты такого, що й до вику згадуватымешъ.

Вси сыдилы мовчкы, втупывшы очы въ той бикъ, звидкиля дожыдалысь ознакы.

Сыдючы такъ довгенько, помититы врешти, що имъ стало выдко далеки вербы на почервонилому неби. И незабаромъ жаркѐ полумъе вдарыло вгору, осяваючы купы сонныхъ хатъ и деревъ. Скризь по селу загаласувалы, забигалы люде, загавкалы собакы. Спершу крыкы й тупотняву чуты було й поблызу, але згодомъ усе вщухло тутъ, и тилькы тамъ, де ясно шугало вгору полумъе, чуты було невгавный поплутаный галасъ людського стовпыща. Коноводы зрозумилы, що люде зъ блызькыхъ до краю вулыць уже побиглы на пожежу.

— А ну лышъ!—промовывъ тыхо Ярошъ.—Та швыдко!..

Мало не бижучы, перейшлы невелычкый клапоть выгону видъ яру до першыхъ хатъ. По ливій перій третя хата скраю—Панасъ Гаманъ.

Швыдко й мовчкы ввійшлы въ покынути видчыненымы ворота, вступылы въ двиръ. Велыка повитка зъ киньмы була передъ нымы. Въ двори никóго не було, тилькы собака выскочыла зъ пидъ хаты и кынулась, загарчавшы, просто на Яроша. Винъ убывъ ій за однымъ махомъ, розбывшы ій голову шкворинемъ. За одну хвылыну винъ своею дужою рукою, заложывшы за прыбои шкворинь, одирвавъ ихъ и кинныця видчынылася. Лукашъ изъ Патрокломъ убиглы въ серѐдыну и не довго барылыся, вывившы трое коней. Скочылы на ихъ и булы вси вже за воритьмы.

— А ну прыпусты!—сказавъ отаманъ.

Але въ сю мыть сталося несподиване.

Четверо людей вйиздыло верхы зъ поля въ вулыцю. Се ночлижане, побачывшы зъ лукы пожежу, кынулысь у село.

— Хто йиде?—гукнувъ передній.

Ярошъ ударывъ свого коня, и тры злодіи мовчкы проскочылы прозъ ночлижанъ. Ти не видразу розибралы що це, а зрозумившы, погналы за имы слидкомъ, гукаючы:

— Ловы!.. злодіи!.. коноводы!..

Ярошъ бывъ коня безъ жалю шкворинемъ, а Лукашъ та Патроклъ шмагалы своихъ нагаямы. Кони биглы зъ усіеи сылы. Але выдко було, що въ ночлижанъ кони кращи, чы не таки потомлени. Воны насидалы на шыю коноводамъ, ось-ось наздоганялы ихъ. Ярошъ озырнувся й побачывъ, що даремна ричъ утикаты. Треба було иншымъ робомъ ратуватыся.

— Пускай кони!.. самы—въ яръ!—крыкнувъ до товарышивъ

Саме добигалы до яру. Стрыбнулы на одчай душы до-долу. Кони порснулы въ поле, а за нымы й ночлижане.

Трое коноводивъ попадалы на землю трохы не пидъ копыта конямъ, та, на ихъ щасте, тилькы Лукаша зачепывъ кинь заднимъ копытомъ. Попадалы сáме надъ краемъ и, не встаючы, не можучы вдержатысь, покотылыся внызъ у яръ. Та имъ сёго й треба було. Спынылыся ажъ на дни и заразъ же посхоплювалысь на ногы. Не чулы, що й забылыся, хочъ гуп-

нувся коженъ здорово. Але булы цили, ничого не поламалы соби.

— Яромъ дали!—звеливъ Ярошъ.

Побиглы яромъ и думалы бижучы, що кудысь же той яръ выходыть, то туды й воны выйдуть. Пробигшы чымало, почулы, що въ ихъ пидъ ногамы вже не земля, а каминне. Яръ ныжчавъ, глыбшавъ и вразъ воны опынылыся въ якійсь камъяній ями, а передъ нымы стримко й высоко, якъ кручы, стоялы камъяни стины глыбокого яру, и ниде не було выходу.

Задыхани втикачы спынылыся.

Воны піймалыся въ пастку, не знаючы сёго проклятого зрадного яру.

— Назадъ! Може ще встыгнемо выхопытыся!—крыкнувъ Ярошъ.

И вси трое повернулы назадъ и побиглы скилькы сылы. Не перебиглы й половыны яру, ажъ передъ нымы зачорнило килькы верхывныхъ и людськыхъ постативъ пишо. Се двое ночлижанъ, побачывшы, що коноводы вскочылы въ яръ, покынулы гнатыся за киньмы, лышаючы ихъ двомъ своимъ товарышамъ, и вернулыся до яру. До ихъ тымъ часомъ набигло килькы чоловика зъ села, почувшы ихъ гуканне, бо увесь часъ воны ве покыдалы лементуваты, склыкаючы людей.

Не сподиваючыся того, коноводы такъ и наскочылы на ихъ у темряви.

— Бый! бый! воны!..—загукано вразъ, и килькы кійкивъ гупнуло по плечахъ и по рукахъ коноводамъ. Воны видскочылы назадъ, повернулысь и, якъ захоплени въ суточкахъ звиры, не знаючы вже зъ одчаю що робыты, побиглы видъ ворогивъ зновъ туды, въ камъяный кутокъ яру.

Теперъ селяне булы певни, що воны видъ ихъ не втечуть. Въ цёму яру панъ бывъ колысь каминь на свою камъяныцю та й выбывъ оту глыбоку яму зъ кручуватымы стинамы. Звидты вже не выскочышъ.

Галасуючы, побиглы вси слидкомъ за коноводамы.

А ти вскочылы зновъ у ту яму и посталы нерухомо, щобъ хочъ передыхнуты.

— Отъ колы такъ пропалы!—промовывъ Лукашъ.

— Ну, ты! патякай!..—вызвирывсь на ёго Ярошъ.

Хмары розійшлыся и зъ-за ныхъ вызырнувъ мисяць, осявающы все навкругы. Втикачы булы середъ набытого дрибного й велыкого каминня. Деяке було поскладане сажнямы, деяке згорнене просто купамы. Въ одному мисци, мало не биля самои стины, каминне було наложене стовпомъ сажнивъ на пивтора. Патроклъ глянувъ на ёго.

— Берить каминне, накыдайте, щобъ можна було злизты на це!—скомандувавъ винъ.

— На що?—спытавъ Лукашъ.

— Стультусяка чортивъ! Беры швыдче!—и винъ загрибъ своимы лапыщамы цилу купу каминня и потягъ до стовпа, муруючы тамъ немовъ схидци. Лукашъ пособлявъ ёму.

Та тилькы почалы робыты, а вже дибляне набиглы, махаючы кійкамы й ломаками та гукаючы:

— А, бисовы шкуродеры, попалыся!..

Биглы просто на коноводивъ. Имъ не выдко було за стовпомъ що робылы Патроклъ та Лукашъ, але воны бачылы Яроша. Вытягшы зъ халявы велыкого ножа, винъ державъ ёго въ ливій руци, а въ правій бувъ на поготови зализный шкворинь. И якъ селяне, зъ розгону набигшы, булы видъ ёго за три-чотыри ступни, винъ скрыкнувъ, стрыбнувъ напередъ и вдарывъ переднёго своею простою, але въ ёго рукахъ страшною зброею. Чоловикъ ойкнувъ, захытався... Ярошъ одскочывъ. Селяне тежъ на мыть подалысь назадъ, одбиглы, але заразъ же схаменулысь.

— Дакъ вы такъ!—загукалы розлютовани.— Бый ихъ! Бый на смерть!..

И воны кынулысь зновъ съ пиднятымы вгору кійкамы.

— А, падлюкы, псы!—ревнувъ страшный Патрокливъ басъ, и ту-жъ мыть здоровезна постать выскочыла попередъ Яроша, шыроко розмахнулася рукою и пошпурыла важку каминюку.

Одынъ зъ селянъ скрыкнувъ, ухопывшыся рукамы за жывитъ, та такъ и сивъ на землю.

— Разъ!—ревнувъ Патроклъ.—А оце вамъ два!—Нова каминюка прымусыла селянъ одбигты ще дали.

— Назадъ, канисы куцохвосты, бо и ребра й зубы вамъ сокрушу!—гукавъ Патроклъ.—Беры й ты, отамане! Чого стоишъ дурно?

Ярошъ и соби жбурнувъ каминюку, але заразъ-же скрыкнувъ:

— Бережысь!

Ледви встыглы заховатыся за каминне, бо селяне кынулы на ихъ кійкамы й ломакамы. Луснулы й затрищалы объ камъяни купы кійкы, роскыдаючы дрибне каминне, але шкоды коноводамъ не зробылы ніякои.

— Кыдайте! чортъ васъ беры! Вашымъ ломаччемъ вамъ же й гòловы порозбываемо,—гукавъ на своихъ ворогивъ Патроклъ.

Хмара знову набигла на мисяць. Потемнило вразъ. Селянамъ стало зовсимъ не выдко коноводивъ. Певни булы, що ти не втечуть зъ глыбокои ямы, але не моглы добраты розуму якъ ихъ узяты. Зналы й бачылы, що коноводы, не сподиваючысь мылосердя, боронытымуться до загыну, и двохъ селянъ добре вже було вдарено каминнемъ, а третій бувъ увесь у кровы писля Ярошевого шкворня. Кынутыся на ихъ у темряви, дакъ ще й гиршого добудешъ.

— Побигты въ село по рушныцю та й постриляты ихъ!—радывъ хтось.

— Уцилышъ у темряви!

— А хочъ и вцилышъ, дакъ на Сибиръ пидешъ. Треба жывцемъ узяты та даты такого гарту, щобъ острогъ ихъ жывымы взявъ, та жывымы не выпустывъ.

— Дакъ пидождемо до свиту.

— А тамъ село горыть!

— То не зъ нашого краю.

— А тамъ и до насъ дійде, якъ не погасють.

— Витру нема.

Врешти наважылысь послаты парубка верхы на село, щобъ подывывсь якъ тамъ пожежа, а колы можна, то ще й людей на помичъ поклыкавъ. Певни булы, що пожежа до ихъ хатъ не дійде, и малы вартуваты до ранку: по выдному зручнише буде браты.

Ледви парубокъ побигъ, колы вразъ одна каминюка, друга, третя гупнула поблызу селянъ.

— Чы ты ба! знову кыдають чорты!

— Хай кыдають,—сюды не сягнуть.

А каминне все гупало. Никого, що правда, не зачипало, але все падало...

А це коивъ Патроклъ.

Поки ото мужыкы радылыся, и коноводы не гаялы по дурному часу и наскладалы цили схидци вгору на камъяный стовпъ.

— А ну скочъ, хлопче, на каминне,—звеливъ Лукашеви Патроклъ,—чы сягнешъ рукою ажъ на гору, до берега!

Лукашъ скочывъ.

— Зъ аршынъ не стае.

— Дурныця! На каминня, беры, муруй тамъ!.. Ни, не такъ! Ты, Яроше, подавай ёму каминне, а я шпурлятыму на той плебсъ свынячый, щобъ не помитывъ нашои роботы.

И ото почалася кыданына. Патроклъ зовсимъ не сылкувався влучаючы, та й не мигъ бы сёго зробыты, бо селяне стоялы досыть далеко и було темно. Ёму не того й треба було: винъ кыдавъ, абы ти знялы, що воны въ ями, и думалы, що воны тильки те й роблють, що каминне кыдають. Швыргавъ и до кожного разу додававъ словамы:

— Оце тоби галушка у твій свынячый ротъ! Що? подавывся?—А оце тоби крашанка межы очи въ лобъ,—бодай тоби зъ ёго твои чортови слипакы повылазылы!—Маете ще, азинусы,—ось!..

— Готово!—озвавсь Лукашъ стыха.

— На гору, братця!.. Та ждить мене тамъ,—я заразъ.

И вхопывшы дви здоровенни каминюкы, Патроклъ выскочывъ зъ ямы, надбигъ у темряви блыжче до своихъ ворогивъ и кынувъ одну каминюку за другою. И мабуть когось улучывъ, бо середъ селянъ крыкнуто. Патроклъ засміявся, мурчачы соби стыха:

— Що? до смаку прыпала? Ну, грызить соби на здоровле, цуцыкы слыняви! Не выскалюйте зубивъ, люпусы задрипани, бо не вкусыте!

Мурмотавъ и вылазывъ на гору.

— Огамане?

— Тутъ.

— Гайда!

Але въ сю мыть хмары знову розирвалыся, и зрадливый мисяць сяйнувъ на втикачивъ. Крыкъ счынився середъ селянъ.

— Тикають! тикають! Ловы!..

Полемъ затупотило тры пары моторныхъ нигъ, а слидкомъ за втикачамы, выдыраючыся зъ яру на гору, кынувся гуртъ селянъ....

VI.

Стручыси не спалося. То думкы всяки розганялы сонъ, то блохы напосидалыся. Вона крутылася по полу, штовхала чоловика, сердючыся, що винъ такъ спыть, ажъ хропе. Уже вона передумала й те, скилькы въ ихъ хлиба на сей рикъ буде, и скилькы полотна вытчется зъ того прядыва, що натипала, и догадувалася, яке теля прыведе іи влюбленныця Лыска. Уже іи почынала знову дратуваты вчорашня сварка зъ зызоокою Юхымыхою и вона жалила, що не встыгла усёго ій выказаты... Сáме на цёму на двори загавкала собака.

— Чого се Шарка гавкае?—подумала Стручыха.—Вона по дурному николы не гавкае.

Хочъ Шарка гавкала звычайно по багато разивъ на ничъ, абы зачула, що десь озвалыся собакы, та Стручыси

кортило збудыты чоловика, и вона почала штовхаты ёго въ бикъ.

— Мусію! Мусію! Чы ты чуешъ?

Мусій ничого не чувъ и черезъ те не озывався. Се вже зовсимъ росердыло Стручыху. Вона торсонула ёго такъ, що мусывъ почуты.

— Одчепысь, Охриме, не замай мене!—пробубнивъ зъ просоння Струкъ.

— Який я тоби Охримъ? Уставай, бисова сонюго! Чы не чуешъ хыба, якъ Шарка гавкае?—и вона такъ ёго стусонула въ ребра, що винъ ажъ схопывся.

— Га? Що? що тамъ таке?

— Шарка гавкае.

— Що?

— Шарка гавкае, я тоби кажу.

— Гавкае, кажешъ?

— Ажъ залываеться.

— Добра собака!.. Нехай же гавкае, спасыби ій!..

И впавъ сонный.

— Це мени лыхо, а не чоловикъ! Тильны бъ спавъ, а нема того, щобъ свого добра доглянуты! Це не хазяинъ, а якась колода, якась сплюга опивнична!.. Та ёго й ломакою не зведешъ, якъ розиспыться!..

А Шарка тымъ часомъ гавкала дужче, и Стручыха вже й справди почынала цикавытыся нею. Не дождавшыся Мусія, вона, якъ була боса й роздягнена, такъ и выскочыла зъ хаты.

Въ двори не було никого. Побачывшы хазяйку, Шарка загавкала ще дужче и побигла до перелазу на тикъ. Стручыха й соби за нею. Шарка зипъялася на перелазъ и гавкала туды. Стручыха зазырнула на тикъ. И тамъ никого. Скырты хлиба чорныли середъ току якъ и попереду, за имы клуня вытыкалася своимъ верхомъ. И видразу Стручыси здалося, що тамъ зъ-за скыртивъ, коло клуни, чы що, блыснувъ якыйсь огныкъ... Сирныкъ може хто засвитывъ, або що...

— Злодіи хлибъ крадуть!—подумала жинка и прожогомъ ускочыла въ хату.

— Вставай, проклятый лежню! Злодіи!..

Вона вхопыла чоловика за ногы и въ одынъ ментъ истягла ёго мало не зовсимъ зъ полу. Винъ уразъ прокынувся зъ такои нисподиванкы.

— Тю, дурна! Чого ты?

— Злодіи хлибъ крадуть.

— Ну?!—винъ такъ и похоловъ.

— Чого ставъ? Бижы швыдче!

Воны выскочылы вдвохъ зъ хаты и кынулыся до перелазу. Замисто злодіивъ воны побачылы на току вогонь. Теперъ уже выдко було, якъ винъ выбывався зъ пидъ стрихы и червонымы пасмамы бигъ по соломъяній клуни.

— Ратуйте, люде добри!.. Пожежа!..—крыкнувъ Струкъ и кынувся на тикъ. Але заразъ же заплутався у якыйсь хмызъ и впавъ. Устаючы, винъ чувъ, якъ ёго жынка гукала вже въ Сывашевому двори: „Ратуйте!“ и грюкала въ викно, ажъ шыбкы бряжчалы. Потимъ побигла по вулыци, стукаючы въ викна й крычучы:

— Ратуйте!.. Горымо!.. Ратуйте!..

Струкъ тымъ часомъ пидбигъ до клуни. Увесь задній ригъ ій вже горивъ, полахкаючы полумъемъ та дымомъ. Вже ажъ пидбигшы до полумъя, Струкъ зрозумивъ, що не може ничого зробыты, бо прыбигъ зъ порожнимы рукамы. Метнувся назадъ по воду. Вхопывъ у хати видра, збудывъ дочку й наймычку, що спалы въ синяхъ.

Тымъ часомъ Денысъ та Зинько, прокынувшыся видъ Стручышыного грюкоту й крыку, повыскакувалы зъ хаты. Зырнувшы на тикъ, воны побачылы на своій клуни одсвитъ одъ Струковои пожежы и подумалы спершу, що горыть ихъ власна клуня. Але надбигшы до половыны току, побачылы, що помылылыся: садкы Сывашивъ та Струкивъ, що булы мижъ двома клунямы, выдко було наскризь отъ пожежы на току въ сусиды. Похапавшы видра зъ водою, браты кынулысь до Струка.

Прыбиглы на пожежу разомъ зъ нымъ и выхлюпнулы на вогонь вси трое по видру воды. Бухнуло вгору дымомъ, але за мыть вогонь заграв ще дужче, ясно осяваючы тикъ, дворы, вулыцю. Провулкомъ, вулыцею й городамы вже скризь збигався народъ, збудывшыся видъ Стручышыного лементу. Бильша частына бигла зъ видрамы, хто зъ сокырою, а хто й зъ порожнимы рукамы. Почався крыкъ, плачъ, метушня. Де хто метнувся по пожарку. Стручыха бигала й голосыла. Струкъ ходывъ одъ чоловика до чоловика й благавъ:

— Люде добри, поратуйте! Тамъ же мій хлибъ!.. И на току хлибъ!.. Мы жъ у старци пидемо!..

Але що моглы зробыты си люде? Бигалы, носылы видрамы воду, хлюпалы на вогонь, а винъ горивъ усе дужче. Суха солома, якъ порохъ, бралася вразъ огнемъ, скоро винъ до неи доторкався. Пожаркы все не було.

Тымъ часомъ Денысъ кынувъ гасыты, бо вже й безъ ёго народу товпылось багато, та й сипнувъ свата Манойла за рукавъ:

— Треба паліивъ шукаты. Це немынуче пидпалъ.

Горило такъ ясно, шо скризь було выдко якъ у-день. Воны почалы дывытыся, чы не выдко де слидивъ. Биля самои клуни вже ничого не можна було розибраты, бо скризь позатоптувалы люде. Воны видійшлы трохы дали—Денысъ до горбдивъ на нызъ, а сватъ Манойло до садка—и почалы прыдывлятыся.

— Ось! ось!—крыкнувъ уразъ Манойло.

Денысъ пидбигъ до ёго. На сырій видъ осиньои вахкосты земли выразно вытыскалыся слиды пары городянськыхъ чобитъ на крывый копылъ, зъ высокымы коркамы.

У Деныса й очы засвитылыся, якъ винъ побачывъ ихъ. Винъ побигъ до-дому и прынисъ лыхтарь. Пыльнуючы слиду, пишлы за имъ ажъ до перелазу въ Струкивъ садокъ. Зазырнулы черезъ перелазъ—слидъ и тамъ. Денысъ, поспишаючысь, перескочывъ черезъ перелазъ, воны перешлы увесь Струкивъ садокъ, тоди Сывашивъ и врешти перелизлы на Сывашивъ тикъ. Слидъ йшовъ черезъ тикъ наче до воритъ, що булы зъ току

въ провулокъ, але тоди выразно завертавъ до Сывашевои клуни, обходывъ ии кругомъ и зныкавъ передъ воритьмы въ неи. Въ клуни хлиба вже не було, вона була незамкнена, але Денысъ добре памъятавъ, що винъ замисто замка заложывъ килокъ. Теперъ килочокъ було вытягнено, выдко було що ворота видчынювано.

— Бачыте?—пошынкы казавъ Денысъ.—Винъ тутъ. Хотивъ утекты воритьмы въ провулокъ, та мабуть або насъ изъ Зинькомъ на току побачывъ, або вже люде провулкомъ биглы, дакъ винъ завернувся та сюды й сховався. Я постою тутъ, а вы бижить людей клычте.

Манойло побигъ, а Денысъ накынувъ знову ворота и заложывъ килкомъ. Винъ бувъ цилкомъ певный, що піймавъ злодія, и боявся, щобъ той, одразу выхопывшыся, не втикъ у ёго зъ рукъ.

Манойло повернувся незабаромъ, ведучи за собою чоловика пъять людей.

— А що? де? якъ?—пыталыся вси.

— Тутъ вовчыкъ! Піймався!—казавъ Денысъ.—Увиходьте обережно, щобъ не выскочывъ.

Не дуже видчыняючы ворота, вси поввиходылы и знову ихъ зачынылы. Тоди почалы обдывлятыся скризь у клуни. Никого не було выдко.

— Шукайте въ соломи!—сказавъ Денысъ.—Свитить лышъ!

Почалы роскыдаты солому, топтатыся по ій,—никого не було.

— Що за знакъ? здывувалыся люде.—Отъ же чы не помылывся ты, Денысе?

Але Денысъ певный бувъ, що не помылывся.

— А отъ ходить туды!—сказавъ винъ и повивъ людей у найдальшый кутокъ, де такожъ лежала купа соломы. Манойло прысвитывъ, а Денысъ одкынувъ верхній шаръ соломы. Передъ шукачамы зачорнила людська спына й голова. Чоловикъ лежавъ ныць, урывшыся въ солому, сховавшы облычче въ рукы.

— А ну лышъ уставай!—крыкнувъ Денысъ и вдарывъ невидомого чоботомъ у бикъ.

Той здригнувся, але не вставъ.

— Треба ёго звесты,—сказавъ Тонконоженко и вдвохъ изъ Денысомъ ухопывъ чоловика пидъ груды, зводючы ёго на ногы. Невидомый не пручався, але й не встававъ, а бувъ здоровый, и воны вдвохъ ледви здужалы поставыты ёго. Винъ стоявъ, але не видтулявъ видъ облычча рукъ.

— Чы ба! неначе дивка на сватанни,—засоромывся!—сказавъ Денысъ.—А ну бо покажиться панычу, яки вы есть!

И винъ вразъ ирвонувъ ёму рукы видъ облычча.

Тоди видступывъ ураженый: передъ имъ стоявъ Романъ.

— Э-ге-ге! та се Романъ!—скрыкнувъ Манойло, а за имъ и инши люде.—Дакъ онъ хто! Ну, вовчыку-братику, теперъ попався!

— Чого вы до мене прычепылысь?—озвався Романъ хрыпкымъ голосомъ, дывлячыся несамовытымъ поглядомъ.—Що я вамъ изробывъ? Я ничого не знаю... Я прыйшовъ у село и тутъ хотивъ заночуваты...

— Добре! добре! Колы ты не знаешъ, то мы тоби покажемо, що ты зробывъ. Ходимъ лышъ!

Килькы рукъ ухопыло ёго мицно и потягло зъ клуни до пожежы.

Винъ не пручався, йшовъ, перелазывъ черезъ перелазы, але часомъ казавъ:

— Пустить мене до батька... Я прыйшовъ до батька и заночувавъ у клуни...

— Эге!—глузувалы зъ ёго,—бувъ бы жъ у хату йшовъ, а не въ клуню!.. Колы за батька озвався!.. А то такъ не знавъ, чы е въ ёго батько.

Якъ воны пидводылы Романа до пожежы, то вже всю клуню обнимавъ огонь и вона палахкотила до темного неба велычезнымъ огнянымъ стовпомъ. Маленька пожарка брызкала на неи тоненькою течійкою воды, и та вода, ничого не погасывшы, зразъ же бралася парою и зныкала, вкупи зъ дымомъ у по-

витри. Килькы душъ чеплялы двома гакамы за клуню, сылкуючыся ии ростягты, але ничого не пособлялося, бо сухе пересыпане соломою дерево горило, упавшы купою на землю.

— Бережысь! Бережысь!..—роскотылыся середъ стовпыща перелякани голосы.

Пидгорили кроквы затрищалы зъ одного боку, вся покривля вразъ скрывылася на бикъ, посунулась однымъ прычилкомъ унызъ, спынылася на хвылыну, потимъ страшенно затрищала зъ другыхъ бокивъ и провалылась на нызъ, у середыну, розвалявшы стины стодоли. Бухнувъ дымъ чорною хмарою, покрываючы собою й полумья; на вси боки повияло рясным дощемъ велычезныхъ искоръ, шматкивъ горючои соломы, розкыдаючы ихъ на людей и по за людей. Стовпыще опынылося середъ завирюхы дыму й искоръ, залементувало, закрычало й шарахнуло видъ клуни геть. Але полумье вже знову звылося высоко, жарко лыжучы чорни челюсты вночышнёго темного неба. Дымъ розвiявся, и люде знову насунулы блыжче, галасуючы, клопочучысь и ничого путнёго не роблючы, безсыли щось изробыты. Въ цю мыть по-задъ ихъ загукано:

— Пустить! Пустить!.. Палія ведемо.

И продыскаючыся по мижъ натовпомъ, купка лыдей вытягла Романа ажъ до самого вогню.

— Хто се?.. Хто?.. Романъ!.. Сывашенко Романъ!—почувся крыкъ, и люде, зацикавлени й розлютовани, насувалы блыжче, щобъ подывытыся на злочынця. Тонконоженко зъ Манойломъ поставылы Романа саме передъ огнемъ. Старый, увесь сывый, дидъ Карпо стоявъ передъ Романомъ.

— Романе!—сказавъ винъ, показуючы на пожежу,—чы твiй то грихъ?

— Ни.

— А хто жъ бы то зробывъ, колы бъ не ты? Прызнайся, твiй то грихъ?

— Ни.

Вразъ, зовсимъ зъ другого боку, почулыся якись крыкы и скудовченый, задыханный чоловикъ выбигъ на передъ, репетуючы:

— Кони поведено!.. Кони!..

— Кони?.. Яки кони? Шо ты кажешъ?—озвалося навкругы.

— Трое коней... У Панаса... Вывелы та й подалысь... Наши побиглы верхы навздогинъ.

Люде на мыть затыхлы. Тоди мовъ буря вдарыла своимъ дужымъ крыломъ по хвыляхъ, и заревлы воны, зашумилы,— такъ у-разъ озвалося, загаласувало, зелементувало, лютуючы, стовпыще:

— Дакъ онъ воно що!.. Одынъ палыть, а други тымъ часомъ кони ведуть!.. Убыть ёго!.. Якъ собаку!..

Розлютована юрма насувала на Романа, а двое здоровенныхъ чоловикивъ мицно держало ёго. Червони видъ полумъя облычча, повырячувани страшни очы, стыснены въ кулакъ рукы... ще мыть—и кынулысь бы вси, щобъ розирваты того, хто теперъ не мавъ уже сылы ни шкодыты, ни боронытыся.

Але дидъ Карпо, махнувъ рукою:

— Стрывайте, стрывайте!—гукнувъ на людей.

На мыть уси спынылыся, а винъ знову почавъ пытаты Романа.

— Романе! Прызнайсь хочъ теперъ! Твое се дило?

Романъ одну мыть мовчавъ... Якъ блыскавка швыдка, промайнула въ ёго въ голови думка: Выявылось!.. Колы прызнаеться,—може не катуватымуть. И винъ промовывъ хрыпкымъ здавленнымъ голосомъ:

— Мое... Выненъ...

И вразъ учымылося щось незрозумиле й несподиване, щось безъ миры не людське.

Натовпъ знову сколыхнувся, залементувавъ, завывъ... Десятки рукъ простяглыся до Романа, вырвалы ёго въ тыхъ, хто державъ, и штовхнулы, мало не кынулы ёго туды, прсто въ полумъе.

Чоловикъ пирнувъ въ огонь, щезъ у ёму, и тилькы страшный крыкъ озвався звидтиля.

Але за мыть винъ уже выскочывъ назадъ, дымлючы, тліючы одежею, волоссемъ.

Але стривъ передъ собою несамовыти по-звирячому люти облычча, и дужи немынучи рукы знову кынулы ёго въ пекло.

Винъ такъ сàме выскочывъ удруге. Винъ уже горивъ.

— Скажени! Що вы робыте?—скрыкнувъ Карпо и, вхопывшы видро воды, вылывъ на Романа. Одежа погасла, тилькы дымила.

Безщасный стоявъ и трусився зъ болю, зъ нелюдського страху.

— И правда,—озвався хось,—на що ёго палыть? Тилькы одвичать будемо.

— А що жъ, помылуваты ёго, чы якъ?—крычалы инши.

— Намъ треба, щобъ винъ свое товарыство выказавъ, щобъ гниздо вовче выдушыты.

— Правда! Правда!

— Ну дакъ чого жъ вы дывытысь? Розуйте паныча гарненько та погрійте ёму панськи нижкы—покы прызнаеться.

Ще порадныкъ не доказавъ до краю, а вже зъ Романа стягнено обгорили чоботы, хтось розгрибъ купу жару. Четверо людей ухопыло недогорилого чоловика и поставыло босымы ногамы на жаръ. Мордованный пручався, одбывався, звывався якъ вужъ у рукахъ у своихъ ворогивъ, але въ натовпу була бильша сыла, нижъ у ёго самого. И въ той часъ, якъ ногы ёму горилы, ёго страшны зъ мукы очы бачылы передъ себе спокійну Денысову постать...

— Прызнавайсь! Ты попереду кравъ кони?

— Я.

— Хто въ тебе товарыши булы?

— Я самъ! Все, що у васъ було попереду крадене, все то я самъ!.. Все!.. Никого товарышивъ не було!.. Пустить мене!.. Пустить!..

Те страшне „Пустить!“ покотылося далеко, и ёго почувъ Зинько. Такъ трапылось, що винъ саме въ цей часъ бувъ далеко,—то коло хаты, то биля стогивъ, укрываючы ихъ мокрымы ряднамы, и ничого не знавъ про Романа. Почувшы теперъ те

нелюдське „Пустить!“, винъ кынувся кризь натовпъ, роскыдаючы, валяючы людей.

Романъ, босымы ногамы на жару бывся въ рукахъ у своихъ кативъ, а Денысъ стоявъ проты ёго и мовчкы дывився.

Однымъ скокомъ Зинько штовхновъ двохъ одъ Романа, а двое другыхъ, зъ несподиванкы, пустылы мордованого зъ рукъ. Винъ выскочывъ зъ жару.

— Каине проклятый!—крыкнувъ Зинько на Деныса,—брата вбываешъ! А вы, дошогубы!—повернувся до людей,—катюгы! Що вы робыте? Чы вы забулы Бога й совисть? Геть, звиры люти, бо першого, хто ёго займе, я самого кыну въ полумъе!

Вражене стовпыще на мыть прытыхло. Але тилькы на мыть.

— Що вы ёго слухаете? Такого вовцюгу жалиты? Печить, покы выкаже всихъ!

И зновъ штовхнулы Романа, и винъ упавъ рукамы просто на жаръ...

И вразъ стовпыще мовъ розбылось на двое, пропускаючы когось, хто бигъ сюды, мовъ ёго гнала якась надмирна сыла. Дивчына задыхана, зъ розмаяным одъ довгого й швыдкого бигу волоссемъ, выскочыла передъ пожежу... Романъ пидводывся зъ огню... Дыкя очы, зминене тяжкымъ болемъ облычче, почорнила голова й рукы, си страшни попечени, пошмугляни въ боротьби кривави рукы, а зъ ихъ высила обгорила шкура...

Голосъ вырвався зъ грудей зъ надлюдськоюсылою, покрываючы и гоминъ стовпыща, и гуготъ пожежы однымъ несамовытымъ, божевильнымъ крыкомъ, и дивчына впала якъ мертва до-долу, пидъ ногы стовпыщеви.

ЭПИЛОГЪ.

Трое суддивъ, прокуроръ судовый и секретарь посидалы за довгый стилъ, покрытый червонымъ сукномъ. Ливоручъ одъ ихъ, на двохъ мнякыхъ канапахъ, сыдилы прысяжни. Просто суддивъ, за ба-

ріеромъ, посила пу́блика, кильки панночокъ и паній, що, не вдовольняючыся зъ эротычно-патологичныхъ друкованыхъ повистей, прыйшлы, чы не пощастыть послухаты ще кращыхъ зъ жывыхъ устъ на суди; двое-трое панычивъ, якыйсь репортеръ, кильки мищанъ... Праворучъ стояло зроблене зъ дерева щось пидхоже до клитки зъ двома загородкамы; въ одній було ще порожнё, а въ другій, зипершысь на пультъ, сыдивъ оборонець одъ суду.

Звелено ввесты обвыноваченныхъ.

Первый увійшовъ высокый кремезный чоловикъ у сирій рештанській куцыни, зъ чорною, въ тюрми зрослою, бородою. Увійшовъ и ставъ ривно, выпроставшысь якъ салдатъ на муштри. Сылкувався трыматыся непорушно, але ёго очы турботно перебигалы видъ суддивъ до прысяжныхъ и знову до суддивъ.

За имъ увійшла дивчына. Насунута наперед била хустка ледви давала бачыты худе змучене облычче; іи очы дывылыся до-долу, и довги віи выразно лягалы на билыхъ якъ биль щокахъ. Нервово закрывала свои схудли груды гыдкою сирою рештанською свытою.

Пытають ихъ про имъя. Ёго звуть Романъ Сывашъ, іи—вона каже: Левантына, суддя выправляе—Валентына Тополивна.

Выбрано прысяжныхъ: двое мужыкивъ, чотыри миськи крамари, а то якись панкы-урядовци. Секретарь чытае про обвыноваченныхъ—чымъ воны выннi.

Розсказуеться усе поряду, якъ Романа Сываша піймано на пидпали, якъ самъ винъ прызнався въ злочынстви та ще й у тому, що кравъ кони. Мають судыты ёго за пидпалъ и за кони.

Валентына Тополивна пособляла ёму. Се було выдко ось изъ чого. Вона мусыла буты въ гóроди, у хазяина въ наймахъ, а опынылася въ Дыбляхъ, на пожежи. Тамъ іи такъ уразыло мордуваннi надъ Романомъ Сывашемъ, що впала непрытомна и зъ мисяць була писля того хвора. Дослиджуючы справы Сывашевои, слидчый натрапывъ на сю подію и выяснывъ, що Тополивна була коханкою Сывашеви, що іи бачено разъ-у разъ

изъ имъ, що вона жыла въ Струкивъ, була зла на ихъ, бо воны не виддалы ій усихъ зароблennыхъ грошей; знаючы все въ двори у ихъ, могла провесты туды Сываша на пидпалъ. Дійшовшы до цёго высновку, слидчый звеливъ забраты Тополивну до тюрмы, скоро вона одужала, и оце теперъ мають іи судыты.

Романъ Сывашъ каже, що винъ выненъ, але самъ винъ, бильше никого зъ имъ не було. Хочъ ёго тоди мордовано такъ, що потимъ два мисяци въ ликарни гбено, але й тоди, и теперъ винъ каже одно: тилькы винъ самъ и выненъ, бильше нихто.

Левантына Тополивна каже ледви чутнымъ голосомъ, що вона не вынна.

Прыводють свидкивъ. Середъ ихъ нема ни одного, хто мигъ бы сказаты щось доброго про Романа або про Левантыну. Слидчый дбае про те, щобъ обвыновачено, а не про те, щобъ выявлено невыннисть тыхъ, кого винъ посылае въ судъ.

Першый свидокъ—Денысъ Сывашъ. Судъ каже, що винъ може не свидчыты, бо винъ братъ обвыноваченому, але Денысъ самъ того хоче. Винъ почынае росказуваты про брата, якъ той ничого не робывъ, обкрадавъ усихъ и врешти пидпалывъ. Оповидае всю подію зъ пожежею, але каже, що Романа нихто прыёму не мордувавъ, що самъ винъ прызнався въ своихъ злочынствахъ. За имъ идуть инши свидкы, селяне зъ Дыбливъ, и вси воны кажуть те, що й Денысъ. Про Левантыну вси говорють, що вона справди була коханкою Романови, мала видъ ёго дытыну, пишла слидкомъ за имъ у гбродъ и вернулася на село тіои жъ ночы, що й Романъ.

Писля селянъ — городяне. Се найсампередъ Квасюкъ. Винъ каже, що не одынъ разъ бачывъ, якъ Романъ прыходывъ до Левантыны, бачывъ, якъ воны вдвохъ по гброду ходылы, а за ничъ передъ пожежею Левантына втекла видъ ёго не знаты зъ чого. Квасючка свидчыть, що Левантына була дивчына негарна, гуляща, линыва; що якъ вона покынула ихъ, то чымало де-чого въ хазяйстви не стало.

— Бога бійтесь, хазяйко...—почынае щось Левантына, але найстаршый суддя спыняе ій, кажучы, що вона може пытаты свидкивъ тилькы черезъ ёго. Левантына не розуміе, змовкае и вже бильше не пытае ничого, а тымъ часомъ свидчыть той хазяинъ, де Романъ на квatери бувъ, що бачывъ Левантыну въ Романа вранци—лыбонь вона въ ёго й ночувала.

Якыйсь прысяжный пытается въ Левантыны—чого вона опынылася тіеи ночы въ Дыбляхъ? Вона каже, що хотила перестерегты про пожежу.—По чому же вона про це знала?—Довидалась видъ Романа.—А чого вона була въ Романа?—Вона червоніе й мовчыть. Прысяжни й судди певни, що вона все бреше.

Почынае говорыты прокуроръ. Ёму лехко обвыновачуваты Романа Сываша, бо выдко ёго провыны. Але якъ на ёго думку, то й Левантына не може буты невынною. Зопсована линыва дивчына покыдае однихъ хазяивъ, покыдае другыхъ, охоча до того, щобъ и чуже заняты, вона знаходыть соби такого жъ коханця, якъ и сама, иде за имъ слидкомъ у городъ и хочъ жыве окремо, але разъ-у-разъ изъ имъ бачыться, а врешти й пособляе ёму въ страшній злочынській подіи—запалыты село, щобъ покрасты кони. Що жъ до ій певнення, мовъ бы то вона прыбигла на село перестерегты про пожежу, то, знаючы все инше, мы можемо тилькы дывуватыся тій безсоромности, яка дозволяе ій такъ нахабно перекручуваты правду. Выдко цилковыто зопсовану душу, и не можна таку небезпечну громадянству людыну лышаты на воли, щобъ вона могла й дали шкодыты людямъ. Не можна виддаваты нашъ безпорадный убогый народъ на хыжацьтво цимъ ворогамъ людського добробуту. Паліи й коноводы, се—найбильши ворогы нашому мужыкови, и кому дороге ёго щасте, кому дорога мужыцька кривава праця, той мусыть обвыноватыты не самого Романа, а й Левантыну, бо скилькы зъ погляду вона невынна й гарна, стилькы вона злочынныця въ души. Черезъ те винъ сподивается, що прысяжни не дадуть ніякои пильгы имъ обомъ. Винъ говорыть гарно, малёвнычо, зъ запаломъ и сидае вдоволеный зъ себе, рахуючы самъ соби, що колы пры-

сяжни послухаются ёго, то Сывашъ пиде на каторгу, а Левантына на засланне въ Сибиръ.

Встае оборонець. Винъ самъ (думкою) за малымъ не цилкомъ згожувався зъ прокуроромъ що до провынъ обохъ обвыноваченыхъ, але мае обороняты ихъ и говорыты проты прокурора, то й говорыть, сылкуючыся зкорыстуватыся зъ усёго, зъ чого можна, щобъ якось выправыты тыхъ, кого бороныть.

Пытають обвыноваченыхъ, чы не скажуть ще чого. Романъ мовчыть, Левантына говорыть тилькы:

— Я ничого не знаю... Я ничого не робыла... и змовкае, плачучы.

Говорыть довго найстаршый суддя. Каже, що хоча Романа й помордовано, але за се выннi видбудуть належну кару, а прысяжныхъ се мордуванне не повынно спыняты, колы бъ воны схотилы обвыноватыты Романа: се мордуванне не есть обвыноваченому кара, бо воно беззаконне, черезъ те ёго не можна рахуваты, ёго передъ закономъ нема, а треба Сывашеви накынуты кару законну...

Выходють прысяжни, судъ, зъ половыны й публыка. Романъ та Левантына зостаются тамъ, де й булы, и коло ихъ два салдаты зъ шаблямы.

Левантына сидае знеможена. Вона ничого не зрозумила зъ усiеи цiеи судовои справы. Розумила тилькы, що iи хочуть покараты. Але вона сыдила у тюрми, и тамъ ужъ iй росказано що значыть, колы прысяжни визьмуть паперъ и пидуть у свою хату.

Вона мае ждаты прысуду.

Вона ёго дожыдала вже пъять мисяцивъ у тюрми. Пъять довгыхъ страшныхъ мисяцивъ.

Тяжко видбуваты кару навить за зроблену провыну. Ще тяжче видбуваты iи невынному. А надто тяжко, а страшно якъ загынъ душы—видбуваты iи видъ людей за те, що схотивъ пособыты людямъ.

Левантына видбувала iи за це.

Вона все житте видбувала кару.

Малою—якъ була попыхачемъ-байстрючкою, ображуваною й крывдженою.

Дорослою сыротою,—тыняючыся по наймахъ, зазнаючы тяжкои роботы, бійкы, лайкы и того, що гирше за все це.

Коханкою,—виддавшы все тому, хто занапастывъ ій.

А врешти теперъ, — схотивши оборонытыся людей видъ ворожого заходу.

Це бувъ кинець и винець ій земныхъ прыгодъ, найвыща болюча нота въ тужлывій писни ій змученного жыття.

Найвыща и остання.

Гостро вдарывъ дзвонык.

Сповнылась свитлыця людьмы.

Ввійшлы прысяжни.

Воны обвыноватылы Романа, а Левантыну... Воны булы добри: вси, опричь одного, булы певни, що вона выння, не може не буты выння, але пожалилы ій, помылувалы...

Але що ій зъ того?

Вона вернулася до тюрмы, щобъ скынуты рештаньску одежу, и скоро дійшла до свого мисця, що на ёму промучылась убываючы свое тило й душу, пъять мисяцивъ, упала и не могла встаты. Занедужала тяжко и вже не звелась на ногы николы. Зинько, прыйихавшы по неи зъ села, не побачывъ навить ій могылкы.

Умерла середъ похмурыхъ огыдныхъ стинъ зъ кратамы.

Ни одынъ соняшный проминь не осявъ ій облычча въ часъ смертный.

Ни одна ридна щыра рука не стыснула ій рукы.

Надъ нею схылылысь тилькы попсовани неволею й грихомъ облычча.

Се булы облычча такыхъ безщастныхъ, якъ и вона... хочъ и не такыхъ прекрасныхъ и чыстыхъ душею.

Тыхо и тяжко и сумно безъ миры затыхала й затыхла писня покрывдженого людського жыття.

Безъ сонця затыхла, и те, що творыло ту писню, сховалося въ земли пидъ невелычкою могылкою на острожному кладовыщу.

Безъ сонця вмерла дивчина, и тилькы ій могылку цилуе сонце. Воно свитыть ясно и добрымъ, и злымъ; свитыть и на ій могылку, и Романови въ далекому Сибиру, и тымъ, що видбувають кару за ёго мордуванне, и тымъ, кого судють, и тыкъ, хто судыть. Сяе однаково и надъ хатамы, и надъ городянськымы будынкамы—скризь, де люде зробылы соби зъ шырокого й ясного свиту тисный свитъ неволи й темрявы, звирячои боротьбы за шматокъ хлиба, за право жыты—тамъ, де щедра рука могучои прыроды розлыла багатство жыття и способивъ до жыття, и де люде сылкуются всима можлывымы заходамы завдаты одынъ одному яко мога бильше мукъ, неволи й крывды.

Думкы про се не покыдають и Зинька.

Сумно теперъ у Сывашевій симьи.

Деныса вже тамъ давно нема: не моглы простыты ёму, що не оборонывъ Романа, самъ оддавъ на мордуванне. Жыве Денысъ окремо, багатіе. Старый батько згорбывся, билый якъ молоко зробывся, за малый часъ зовсимъ постарився. Осумнивъ и Зинько и, вкупи зъ батькомъ та зъ матиррю, часто згадуе и Левантыну бидолашну, и безщасного Романа, що блукае въ холодному Сибиру, нудьгуючы за риднымъ краемъ. И думае Зинько про те, чы то Божа воля, чы то люде самы такый ладъ про мижъ себе завелы, що якъ кому такъ и гарно середъ ёго жыты, а якъ кому, дакъ ніякъ не можна. И треба бъ, щобъ краще зробыты, та якъ?

Думае по простому, по мужыцькому, але ёго думкы займають зглыбока те, що не дае спокою всимъ чеснымъ душамъ, всимъ благороднымъ серцямъ, намученымъ загадкою людського жыття, натомленнымъ працею за для здійстненя людського щастя...

В. Гринченко.

У Чернигови, 1900.

Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII ст.

(*Продолженіе*) [1]).

22. Позорное клеймленіе прелюбодѣевъ.

Просматривая протоколы козацкихъ судовъ, легко прійти къ мысли, что изъ всѣхъ заповѣдей Моисеева десятословія въ старой Малороссіи чаще другихъ нарушалась седьмая. Среди тогдашнихъ уголовныхъ дѣлъ едва-ли не самый значительный процентъ составляютъ дѣла о прелюбодѣяніи. Между тѣмъ самая многочисленность такихъ дѣлъ ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что этотъ порокъ отнюдь не пользовался привилегіей безнаказанности; напротивъ, и тогдашніе суды, и общественное мнѣніе съ патріархальною строгостью относились ко всякимъ проявленіямъ разврата и распущенности. Строже всего каралось чужеложство: мужчина за это присуждался къ смертной казни, а женщина —къ сѣченію у позорнаго столба на базарной площади и къ расторженію ея брака, если только ничего не имѣлъ противъ этого ея невиновный мужъ [2]). Простое прелюбодѣяніе, т. е. связь между свободными отъ брачнаго союза лицами, также иногда каралось смертью, но чаще—сѣченіемъ на площади, выставленіемъ у позорнаго столба, изгнаніемъ изъ

[1]) См. Кіевск. Стар. 1901 г. № 5.

[2]) Подробнѣе объ этомъ—см. выше, очерки 12 и 13.

города, и въ рѣдкихъ случаяхъ—денежнымъ штрафомъ. Въ интересныхъ запискахъ извѣстнаго путешественника Павла Алепскаго, дважды посѣтившаго Малороссію при Богданѣ Хмельницкомъ, упоминается еще объ одномъ родѣ наказанія за прелюбодѣяніе. „Намъ говорили,—пишетъ онъ,—что всякій разъ, какъ поймаютъ въ этой козацкой странѣ въ прелюбодѣяніи мужчину и женщину, тотчасъ собираются около нихъ, обнажаютъ ихъ и садятъ какъ цѣль для пушекъ; это у нихъ неизмѣнный законъ, и никогда никто не увернется отъ этого наказанія". Но такого наказанія, т. е. разстрѣлянія изъ пушки, не существовало, и въ данномъ случаѣ Алепскій впалъ въ невольную ошибку. Очевидно, ему говорили о привязываніи виновныхъ къ позорному столбу или, то же, о приковываніи къ пушкѣ, а онъ могъ переиначить слышанное. Достойно вниманія, что въ концѣ XVII ст. въ Малороссіи жива была еще въ народѣ память о необыкновенно суровой карѣ за чужеложство, очевидно практиковавшейся въ болѣе раннее время, когда населеніе не знало еще другого суда и „права", кромѣ своего, „громадскаго",—именно о закапываніи виновныхъ въ землю заживо. Въ одномъ процессѣ 1693 г. есть упоминаніе о томъ, какъ мать предостерегала любовника своей замужней дочери, чтобы онъ никому не проговорился объ этой связи: „бо якъ дознается про те старшына, то певно черезъ те, що у тебе своя жона, а у дочкы моеи мужъ есть, будете обое на ростани (т. е. на перекрестной дорогѣ) укопани". Въ этихъ словахъ звучитъ не только память о быломъ, но и увѣренность, что этотъ стародавній обычай еще можетъ имѣть примѣненіе.

Но судебныя кары, какъ бы ни были суровы, могутъ обуздывать развратъ въ его наружномъ проявленіи, но не въ силахъ преслѣдовать его, когда онъ скрывается подъ покровомъ тайны и потому легко ускользаетъ отъ самаго бдительнаго полицейскаго надзора. Но, какъ мы уже упоминали [1]), въ то патріархальное время правосудіе въ борьбѣ съ преступленіями имѣло дѣятель-

[1]) См. выше, очеркъ 2.

наго союзника въ лицѣ самого общества, вѣрнѣе—всей народной массы, неусыпный контроль которой надъ каждымъ изъ своихъ членовъ служилъ могучимъ средствомъ противъ размноженія всякаго рода преступленій. Для этого всевидящаго и всепроникающаго контроля нѣтъ и не можетъ быть ничего тайнаго, сокровеннаго. Извѣстно, какъ трудно и теперь еще въ условіяхъ сельской жизни укрыться отъ постороннихъ глазъ малѣйшей любовной шашнѣ, самому осторожному роману. Но современная народная масса, долгимъ опытомъ отъученная отъ вмѣшательства въ чужія дѣла, поневолѣ пассивно относится къ творящимся на ея глазахъ безобразіямъ и ограничивается лишь пересудами по поводу ихъ, а въ иныхъ случаяхъ и это дѣлать опасается. Не то было въ XVII ст., когда народныя понятія о дозволенномъ и недозволенномъ въ сущности и были правовымъ кодексомъ, обязательнымъ и для суда. А прелюбодѣяніе въ глазахъ народа искони почиталось тяжкимъ грѣхомъ, оскорбляющимъ Бога, навлекающимъ гнѣвъ Его и потому подлежащимъ строгому преслѣдованію. Поэтому всякій, кому было вѣдомо о чьихъ-либо безнравственныхъ поступкахъ, имѣлъ право прійти въ судъ и открыто выступить съ обвиненіемъ, памятуя лишь объ одномъ, что отъ него потребуютъ представленія неопровержимыхъ уликъ, въ противномъ случаѣ онъ будетъ признанъ „потварцею“, клеветникомъ, и долженъ подвергнуться такому наказанію, какое по закону угрожало оговореннымъ имъ лицамъ. Чтобы запастись такими уликами, обычай дозволялъ обвинителю подстеречь подозрѣваемыхъ въ преступной связи и, пригласивъ свидѣтелей (а еще лучше—предупредивъ мѣстный урядъ), накрыть на мѣстѣ преступленія („застаты на злому учынку“) и при этомъ обрѣзать обоимъ полы бѣлья или платья. Пойманные немедленно препровождались на урядъ для заключенія подъ стражу, а отрѣзанные куски платья представлялись въ судъ въ качествѣ „лица“, или „признаки“, считавшейся непререкаемой уликой въ дѣлахъ этого рода. Кто возбуждалъ обвиненіе, не запасшись такой уликой, тотъ, въ случаѣ запирательства обвиняемыхъ, всегда проигрывалъ дѣло;

наоборотъ,—кому обрѣзали полы, тѣ ничѣмъ уже не могли „отвестись“ отъ обвиненія, ибо въ крайнемъ случаѣ обвинитель совмѣстно съ свидѣтелями, „якіе булы при застатьи“, могли „присягою довести“ справедливость обвиненія и этимъ окончательно „поконати“ виновныхъ; но до присяги дѣло рѣдко доходило.

Ни въ Литовскомъ Статутѣ, ни въ Магдебургскомъ правѣ нѣтъ и помину о такомъ способѣ клейменія лицъ, уличенныхъ въ прелюбодѣяніи. Несомнѣнно, это чисто мѣстный, народный обычай, какихъ много было выработано вѣковой практикой народнаго суда, но далеко не всѣ они впослѣдствіи были санкціонированы Статутомъ. Въ этомъ обычаѣ нужно различать двѣ существенныя черты: добываніе „лица“ и клейменіе захваченныхъ на преступленіи. „Лице“, т. е. поличное, играетъ весьма важную роль въ южнорусскомъ обычномъ правѣ. Лит. Статутъ трактуетъ о важности „лица“ лишь въ дѣлахъ о кражѣ и разбоѣ [1]), но въ практикѣ обычнаго права его примѣненіе можно указать почти во всѣхъ уголовныхъ дѣлахъ; такъ, напримѣръ, убійцу привязывали къ трупу убитаго и оставляли въ такомъ положеніи до суда, что̀ имѣло значеніе „лица“. Въ тѣсной связи съ „лицемъ“ находился обычай „личкованья“; о немъ нѣтъ и упоминанія въ Статутѣ, между тѣмъ мы встрѣчаемъ его именно въ практикѣ статутовыхъ судовъ въ правобережной Малороссіи. Если владѣлецъ отыскивалъ украденныхъ у него или сбѣжавшихъ домашнихъ животныхъ, а тотъ, у кого они оказались, не хотѣлъ выдать ихъ безъ суда, то въ такихъ случаяхъ приглашался возный, и въ присутствіи свидѣтелей животныя подвергались „личкованію“, т. е. имъ надрѣзывали уши (лошадямъ) или лапки (птицамъ) и это „личко“ (отрѣзанныя части) вручалось возному для храненія „до права“, что, очевидно, дѣлалось съ тою цѣлью, чтобы животныя, о которыхъ

[1]) Статутъ 1588 г., разд. XIV, арт. 3, 5, 7 и др. и разд. XI, арт. 31 и 32.

шелъ споръ, не были подмѣнены другими [1]). Подвергали „личкованію“ и преступниковъ, т. е. отрѣзывали имъ одно или оба уха, но это уже было однимъ изъ видовъ позорнаго наказанія за воровство. Малорусскій народный обычай отрѣзыванія полъ у лицъ, захваченныхъ на прелюбодѣяніи, одновременно совмѣщалъ въ себѣ и признаки „лица“, т. е. преступленія, и „личкованія“, т. е. клейменія съ цѣлью лишить преступниковъ возможности замѣнить себя на судѣ другими лицами [2]), и наконецъ—позорнаго наказанія. Послѣдній характеръ этотъ обычай удержалъ до конца своего существованія, т. е. почти до нашихъ дней. Еще лѣтъ тридцать-сорокъ назадъ въ глухихъ углахъ Малороссіи нерѣдко водили по селу въ позорной процессіи лицъ, захваченныхъ на прелюбодѣяніи, предварительно обрѣзавъ имъ „пелену“, т. е передній подолъ сорочки.

—

Весною 1694 года въ с. Ивончинцахъ, что близъ Полтавы, распространился слухъ, что къ мѣстной козачкѣ-вдовѣ Педорѣ Пилипихѣ „що-вечора“ ходитъ козакъ Васыль Кибаленко. Дошелъ этотъ слухъ и до Ивончинецкаго атамана Руденка, и вотъ онъ заходитъ поздно вечеромъ къ мѣстнымъ жителямъ Юрку Коломійченку и Ѳедору Уласенку и говоритъ имъ:

— Пидите и піймайте Пылыпыху зъ Кыбаленкомъ, бо теперъ, якъ люде повидаютъ, певне застанете обохъ на сквернимъ учынку. Я вамъ и третёго осавульця до того прыдамъ.

Пошли они втроемъ на дворъ къ Пилипихѣ, посмотрѣли въ хату—тамъ никого не оказалось. Подошли затѣмъ къ „комбрѣ“—слышно, внутри кто-то шепчется.

— Такъ и есть! рѣшили соглядатаи: Це жъ Педора зъ Васылемъ. А ну, Юрку, свиты лыхтарь (фонарь), та будемо высажуваты двери.

---

[1]) Актовая книга Луцкаго гродскаго суда 1573 г., № 2047, л. 378.

[2]) Весьма возможно, что захваченные прелюбодѣи и на судъ представали съ отрѣзанными полами, хотя прямого указанія на это въ актахъ мы еще не встрѣтили.

Подошли съ фонаремъ—и что же? Дверь оказалась запертой снаружи висячимъ замкомъ. Оторопѣли на минуту согледатаи. Какъ же такъ? Въ коморѣ какъ-будто есть кто-то, а на дверяхъ виситъ замокъ! Ужъ не почудилось ли имъ, будто тамъ кто-то шептался? И хотѣли было уходить ни съ чѣмъ, но Педора сама себя выдала. Узнавъ по голосамъ пришедшихъ и догадываясь, зачѣмъ они пришли, она начала бранить ихъ:

— Або я якая нецнота, що до дому мого ходыте мене перестерыгаты?

Теперъ посланцы уже не сомнѣвались ни въ чемъ: если Педора какимъ-то чудомъ оказалась въ запертой снаружи коморѣ, то навѣрное она тамъ не одна.

— А ну, Юрку, бижы за сокырою та будемо выстановляты двери.

Видя, что дальнѣйшее запирательство приведетъ лишь къ тому, что ей напрасно сломаютъ дверь, Пилипиха перемѣнила тонъ и стала просить:

— Люде добри! Не псуйте дверей, а визьмите въ хати за мысныкомъ ключъ.

Достали ключъ и вошли въ комору. Тамъ оказалась не одна хозяйка, но и Васыль Кибаленко. Имъ обоимъ тотчасъ обрѣзали полы платья.

— Люде добри, змылуйтесь! Нате вамъ пивчварта золотого, тилко не ведить насъ до старшыны.

Тѣ обѣщали отпустить ихъ съ мирокъ и никому не говорить о случившемся, но, получивъ деньги, обманули и отвели „до сильского ратушу“. А на другой день Пилипиха съ Кибаленкомъ подъ стражей были доставлены въ Полтаву и предстали предъ полковымъ судомъ.

Судьи допросили свидѣтелей „поединцемъ“ (отдѣльно каждаго) о томъ, какъ именно были „зъимани“ подсудимые, и тѣ согласно разсказали обстоятельства дѣла и при этомъ „презентовали“ суду „лице“, т. е. отрѣзанныя полы. Были спрошены и подсудимые:

— Для чого бы такъ, на Пана Бога и на карность посполитую не уважаючы, допустылыся злого порубства?

Педора Пилипиха отвѣтила:

— А що-жъ, панове, грихъ мене спиткавъ: хотила-мъ оного Васыля за мужа поняты и для того ёму прыпустылася на грихъ, за которымъ власне зъ тыждень жыла. Вильно вамъ, панове, що хотиты зъ намы чыныты: проступылысьмо Богу и карности годни есьмо.

Васыль Кибаленко ничего не сказалъ въ свое оправданіе.

Судъ постановилъ декретъ: „запобигаючы, абы впередъ Кибаленко и Пилыпыха булы одъ злого повстягнени (удержаны) и до спросностей злыхъ не удавалысь, наказуемъ оныхъ значною публикою, то есть столповымъ вязенямъ, обохъ скараты, пры заплаченю вины належытои панскои и врядовои".

—

Итакъ, не смотря на суровыя кары закона и всеобщій надзоръ, презирая страхъ ежеминутно грозившаго позора, находились все-таки женщины (о мужчинахъ скажемъ послѣ), отваживавшіяся на крайне опасный въ то время путь любовныхъ увлеченій. Но это не были жрицы свободной любви. Не склонность къ разврату или половая распущенность, а несовершенства тогдашняго семейнаго и общественнаго строя чаще всего толкали ихъ на эту опасную дорогу. Это были на первомъ планѣ—вдовы. Извѣстно, каково безпомощное положеніе вдовы въ теперешнемъ крестьянскомъ быту; не лучше была ея участь и въ старое время. Эта горькая безпомощность и понуждала вдову всѣми мѣрами найти себѣ мужа, и ее не трудно было обольстить, посуливъ ей законный бракъ. Не знаемъ, какихъ именно лѣтъ была Педора Пилипиха, когда затѣяла романъ съ Кибаленкомъ; но вотъ предъ нами вдова—пожилая женщина, однако и она прибѣгла къ тому же опасному средству, чтобъ только залучить себѣ мужа, хотя бы и невѣнчанаго.

23. Вдова, не получившая дозволенія вступить въ четвертый бракъ.

Въ январѣ 1694 г. пришелъ въ ратушу полтавскій житель, козакъ Дорошъ Андрущенко и говоритъ бурмистру:

— Колы бъ послаты до удовы Мартыныхы Крыворотои миськыхъ слугъ, моглы бъ воны зъиматы еи на чужолозтви, бо видаю певно, що у неи Иванъ Трохыменко, сердюкъ пихотного полку пана Кожуховського, ночуе.

Бурмистръ доложилъ объ этомъ войту, и тотъ далъ дозволеніе послать: Семена, сторожа арматного, Гнылку, „воротного“ замкового, и Леська „асаульця“; это и были „слуги мѣскіе“, состоявшіе въ распоряженіи магистратскаго уряда и нерѣдко исполнявшіе полицейскія обязанности.

Въ полночь эти слуги, вмѣстѣ съ Андрущенкомъ, отправились въ домъ Мартыныхи, отбили дверь и нашли сердюка Трохименка на чердакѣ, босого и „въ едній кошули“, а его жупанъ и „чоботы“ оказались „на лижку“ (кровати) Мартыныхиномъ. Ему дали одѣться, затѣмъ обрѣзали обоимъ полы платья и отвезли въ ратушу.

На другой день интересная пара предстала на судъ. Мартыныху Криворотую спросили:

— Чому бъ ты такъ, не памятаючы на боязнь Божую и на карность посполытую, важылася пры старости литъ своихъ до такои спросности удатыся? И одъ которого часу зъ тымъ Сердюкомъ, пополняючы таковый грихъ, ты жыла?

Мартыныха „безъ усякого заприняся“ (запирательства) признялась:

— А що жъ, панове, грихъ мене спиткавъ тяжкый. Просыла я пречестного отца протопопу полтавского, щобъ мене зъ запорожцемъ четвертымъ бракомъ звинчавъ, але ёго мылость отець протопопъ въ тимъ мени пречывъ (отказалъ). Одъ того часу я, не памятаючы на Пана Бога и встыду людского не дбаючы, прыпустылася сёму Иванови, пихотынцеви, до поповненя чужолозтва, и вже тому недиль зъ чотыри есть, якъ

стала жыты зъ нымъ въ спросности, такъ безпечне, якъ бы зъ своимъ мужемъ, чого Господь Богъ мени, неужытій, не терпячы и моимъ злымъ диламъ, рачывъ мене выдаты на тяжкую публи́ку (позоръ). Вольно вамъ, панове, худобою мене карайте, тилько такій публи́ци не давайте, якои я година.

Но судъ не уважилъ этой просьбы и, слѣдуя „выразному самого добродія его милости пана полковныка (Герцыка) росказаню", постановилъ декретъ: „Мартыныху Крыворотую и Ивана Сердюка публице въ понедилковый торгъ до стовна даты (т. е. въ базарный день выставить у позорнаго столба), якою карностю обохъ наказавшы, одпустыты", взявъ съ нихъ „вину панскую и врядовую".

—

Слѣдуетъ отмѣтить любопытную подробность. Домогаясь вступить въ четвертый бракъ, вопреки церковнымъ правиламъ, Мартыныха имѣла опору своему домогательству въ дѣйствовавшемъ законѣ и обычаѣ. Въ Магдебургскомъ правѣ объ этомъ прямо сказано: „Вольно каждому жениться столько разъ, сколько пожелаетъ, пока безъ жены оставаться не можетъ или не хочетъ, хотя бы ихъ умерло у него три или четыре; такъ точно и женщинѣ, по смерти мужей своихъ, вольно пойти замужъ за иного" [1]). Въ правобережной Малороссіи (именно на Волыни) въ XVI—XVII вв. можно указать нѣсколько примѣровъ четверобрачія и даже пятибрачія, не вызывавшихъ никакого протеста со стороны духовенства. Но въ лѣвобережной Малороссіи духовенство, какъ видно, старалось противодѣйствовать этому обычаю, что и порождало грѣховные эксцессы вродѣ того, за какой Мартыныха понесла наказаніе.

---

24. Вдова и компанѣецъ.

Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ войско являлось элементомъ болѣе или менѣе разрушительнымъ по отношенію къ

[1]) Speculum Saxon. albo Prawo Saskie y Magdeburskie, Павла Щербича, подъ словомъ: Małżenstwo.

чистотѣ семейныхъ нравовъ, спокойствію домашняго очага, женскому цѣломудрію. Собственно малороссійское войско, то есть городовое козачество, меньше другихъ виновно въ этомъ, такъ какъ оно состояло изъ людей осѣдлыхъ, семейныхъ, оставлявшихъ свой домашній очагъ лишь изрѣдка, во время походовъ. Но и въ Малороссіи существовали полки, не распускавшіеся и въ мирное время и рекрутировавшіеся преимущественно изъ бездомной и безсемейной голытьбы; это были такъ называемые „охотницкіе“ или „компанѣйскіе“ полки, конные и пѣшіе, располагавшіеся постоемъ по селамъ и городамъ гетманщины. Эти „компанѣйцы“ и являлись по большей части героями сельскихъ романовъ. Оставляя обыкновенно въ покоѣ замужнихъ женщинъ, такъ какъ за нихъ было кому вступиться, они направляли атаку преимущественно на вдовъ, горѣвшихъ желаніемъ выйти замужъ и имѣвшихъ какія-либо матеріальныя средства. Какъ ни престарѣла была Мартыныха Криворотая, но и она, какъ мы видѣли, нашла себѣ обожателя въ лицѣ компанѣйца,—такъ мало разборчивъ, очевидно, былъ этотъ бездомный народъ.

Весною 1697 года одинъ изъ компанѣйскихъ полковъ расположился постоемъ въ полтавскомъ полку. Нѣсколько козаковъ изъ хоругви п. Ростковскаго [1]) было поставлено въ с. Мильцахъ, близъ Полтавы. Одинъ изъ нихъ, Кирикъ Лещенко немедленно свелъ близкое знакомство съ бездѣтной вдовой Параскою „Тубулцевою невисткою“. По цѣлымъ днямъ они вмѣстѣ пьянствовали то у нея въ домѣ, то по корчмамъ, благо у Параски были достаточныя средства для пьянственной жизни и не было близкихъ родичей, которые удержали бы ее отъ такого легкомысленнаго поведенія. Но въ домѣ у нея жилъ нѣкто Марко, въ званіи „господаря“, завѣдывавшій ея хозяйствомъ и, кажется, имѣвшій виды сдѣлаться со временемъ полнымъ „господаремъ“ и мужемъ легкомысленной вдовы. Сближеніе ея съ компанѣйцемъ было ему не по душѣ, и онъ сначала донесъ „о Парас-

---

[1]) Ив. Ростковскій былъ хорунжимъ въ конномъ охотницкомъ полку Ильи Новицкаго.

чиномъ нестатку и зломъ мешканю" ея деверю, Микитѣ Кривому, чтобы тотъ ее „въ томъ постròфовалъ" (сдѣлалъ выговоръ, обличилъ), но Микита отказался это сдѣлать въ томъ убѣжденіи, что она его не послушается. Тогда Марко сталъ разсказывать стороннимъ людямъ о связи Параски съ Кирикомъ компанѣйцемъ, наконецъ отправился къ мѣстному священнику о. Зѣновію и сказалъ:

— Паноче! Подобно, у васъ никого жывого въ сели немашъ, що такымъ нецнотамъ допускается въ спросности (въ непотребствѣ) бродыты. Учора Параска превъ цилый день первій у корчми пыла зъ Кырыкомъ, де оную Кырыкъ нещадно и побывъ, якого бою терплыве зносыла, нибы отъ мужа свого, потимъ прыйшлы до дому и пьючы долягòма, тамъ и заночовавъ Кырыкъ. И теперъ обое пьютъ, певно и ночуватымуть вкупи. Колы бъ вы, паноче, дозволылы ихъ зловыты на такому учынку, я бъ и часъ показавъ, колы ихъ застаты.

На это о. Зѣновій отвѣтилъ:

— Не моя то ричъ, сыну, до того интересоватыся; тое можуть учыныты тіи, кому прылычно.

Но бывшій при этомъ пономарь Михайло былъ другого мнѣнія объ этомъ предметѣ. Онъ позвалъ мѣстнаго осавульца, пригласилъ еще двухъ свидѣтелей и убѣдилъ ихъ отправиться „ловыты Параску на злому учинку". Марко ввелъ ихъ тихонько въ домъ, зажегъ свѣчу—и они точно застали хозяйку съ компанѣйцемъ въ одной комнатѣ, но спящими на разныхъ мѣстахъ. Въ виду этого они не рѣшились рѣзать имъ полы, а только связали и привели ихъ въ сельскую ратушу. А на другой день ихъ представили въ полтавскій полковый судъ.

Здѣсь свидѣтелей подвергли „кождого зъособно" допросу: „якъ тую пару піймалы и якымъ способомъ: на учынку, чы на розныхъ мистяхъ побралы"? и они согласно показали слѣдующее:

— Одъ того часу, панове, якъ компанія въ полку нашому стала и козакивъ чотырёхъ и въ наше село на станцію дано, Кырыкъ Лещенко зъ Параскою, Тубулцевою невисткою, зчаста

пидпываючы по корчмахъ, взявъ такее зъ нею обознаня, що не пильнуючы своеи господы, завше ночуетъ у Параскы; о которыхъ повисты носылыся такіи, якобы той Кырыкъ зъ Параскою въ спросности гриховній живетъ. Теперь зась, колы Марко донисъ о такомъ ихъ мешканю видаты ризнымъ людямъ и священыкови отцю Зиновію, абы ихъ велено було зловыты, за повторнымъ ёго, Марковымъ, даньемъ знаты, прыйшлы-сьмо у ночи до двору Парасчыного, и учувшы Марко нашъ прыходъ, одчынывъ двери синныи и сказавъ, що вкупи ночуютъ обое. Увойшедшы у хату, велилы-сьмо свичку засвитыты, и скоро свичка була засвичена, взялысьмо Кырыка въ едній кошули и босого на земли сыдячого, а вона була на постели. Не встыгнувшы и кибалокъ [1]) ухватыты, лежачыхъ на лави, ведле Кырыка, купно зъ плахтою и запаскою, Параска умкнулася зъ хаты простоволосая; еднакъ оную тамъ же взявшы, далы-сьмо йій такъ кибалкы, яко и плахту зъ запаскою, щобъ убралася, и повязавшы обохъ, прывели тамъ же, у Мыльцяхъ, до ратуша, а теперъ ихъ и сюды прыпровадылы-сьмо.

Спросили и Марка, „за чіимъ извищеннямъ тое поиманя сталося“, но онъ почему-то сталъ вилять и далъ такой уклончивый отвѣтъ:

— Я про те, панове, досконале не видаю, чы есть межъ нымы якый учынокъ злый, або нитъ. Тилко правда, що той Кырыкъ що дня зъ нею такъ у корчмахъ пываетъ, якъ и въ дому гуляючы зчаста ночуетъ, якобы маючы межи собою намиреніе въ станъ малженскій сочетатыся. А щобъ ихъ теперъ побрано на еднимъ мистци и будто за моимъ извищеннямъ,— то неправда: бо винъ, Кырыкъ, въ пекарни зо мною ночувавъ, а Параска въ другій хати була такъ зъ запаскою и плахтою, якъ и зъ кибалкою; также и постели пидъ Кырыкомъ жаднои не було, крымъ курты штаметовои Парасчыноі, якую винъ самъ, пьяный, взявшы на столи, постлавъ соби доли. И знаты

---

[1]) *Кибалкы*, чаще въ единств. ч. *кибалка* — головной уборъ замужнихъ женщинъ.

я о Парасчинимъ мешканю отцю Зиновію а ни Мыкыти Крывому не дававъ.

Но тутъ выступилъ Иванъ Мостовый, въ домѣ котораго проживалъ о. Зиновій, и энергично сталъ уличать Марка, что онъ самъ приходилъ къ священнику и домогался, чтобы велѣно было „зловыты Параску и компанійця на учынку", но о. Зиновій уклонился отъ этого.

Спрошены были наконецъ и сами обвиняемые: грѣшили ли они противъ седьмой заповѣди? Параска съ Кирикомъ „въ томъ прѣлися" (отрицали это), утверждая, что „межи ними жадного не було учынку", но не скрывали того, что имѣли намѣреніе вступить въ законный бракъ; „та и теперъ (прибавили они), поневажъ такъ сталося, що такій попалысьмося публи́ци, едно другого опустыты не хочемо, але циле соедынытыся малженствомъ готови-сьмо".

Судъ, „познавши вину оскаржоныхъ—едно зъ повистій людскыхъ, другое—ижъ и самы пойманыи, хотячы той свій злый учынокъ покрыты, за малженство теперъ вже сягаютъ", тѣмъ не менѣе воздержался пока отъ окончательнаго приговора—вѣроятно, въ виду отсутствія „лица" (поличнаго) и запирательства подсудимыхъ,—и „поступуючы подлугъ права посполитого", велѣлъ четыремъ свидѣтелямъ, схватившимъ обвиняемыхъ, учинить формальную присягу въ томъ, что они „не зъ злости якои, або не зъ ненависти" возбудили это дѣло, и что „на учынку ихъ застали". Присяга была отсрочена на четвертый день.

Въ назначенный срокъ всѣ свидѣтели, согласно обычаю, „положивъ каждый два пальца великихъ на св. крестѣ", не колеблясь выполнили присягу,—и судъ немедленно постановилъ декретъ: „абы Параска зъ Кырыкомъ, яко вшетечники (прелюбодѣи), за такый свій злый учынокъ", были выставлены на рынкѣ у позорнаго столба и затѣмъ съ позоромъ прогнаны изъ города, „а Марко, за фалшивое свое свидоцство, абы отнисъ кіевую карность".

—

Можетъ быть, насъ спросятъ: почему же судъ такъ упорно игнорировалъ заявленіе подсудимыхъ объ ихъ намѣреніи сочетаться законнымъ бракомъ, тогда какъ современный народный судъ (волостной) въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно самъ понуждаетъ провинившихся покрыть честнымъ вѣнцомъ свой гдѣхъ?. Отвѣчаемъ: потому что Магдебургское право принціально не одобряло браковъ между лицами, впавшими въ грѣхъ прелюбодѣянія. Въ Speculum Saxonum прямо говорится: „если бы кто взялъ въ замужество женщину, съ которою раньше явно чужеложилъ или ее изнасиловалъ, тотъ никогда не можетъ имѣть отъ нея дѣтей честнаго ложа“, т. е. дѣти, родившіяся отъ такого брака, должны считаться незаконнорожденными [1]). Конечно, это предписаніе не могло имѣть обязательной силы для южнорусскаго населенія, руководившагося въ брачныхъ дѣлахъ церковными правилами и своими обычаями, и судъ не имѣлъ власти воспретить прелюбодѣямъ сочетаться бракомъ, но онъ никогда не покровительствовалъ и не поощрялъ подобные браки. Въ этомъ можно видѣть одинъ изъ фактовъ вліянія чужеземнаго кодекса на правовыя понятія малорусской старшины.

---

25. Обезчещенная вдова.

Обрѣзать кому-либо полы—значило заклеймить это лицо такимъ несмываемымъ позоромъ, что право и обычай дозволяли прибѣгать къ этому средству лишь съ крайнею осмотрительностью, по отношенію къ несомнѣннымъ прелюбодѣямъ, виновность которыхъ должна быть затѣмъ доказана передъ судомъ. Но находились легкомысленные люди, полагавшіе, что разъ женщина ведетъ себя „нестатечно“, напримѣръ—напивается до безчувствія, пьяная шатается ночью по корчмамъ, пристаетъ къ мужчинамъ и т. под., то ее уже за одно это можно было клей-

---

[1]) Speculum Saxon. lib. 1, artic. XXXVII.

мить такъ, какъ обыкновенно клеймили уличенныхъ прелюбодѣевъ. Такъ думали и поступали обыкновенно легкомысленные „молодыки“ (парни), подобно тому, какъ и нынѣшніе сельскіе „парубки“ иногда необдуманно позорятъ ославленную „нечестною“ дѣвушку или вдову, смазывая дегтемъ ворота ея двора, за что и платятся передъ судомъ. Не проходили даромъ такіе проказы и „молодыкамъ“ въ стародавніе годы.

Въ 1689 г. въ сотенномъ городѣ Кобелякѣ, во время ярмарки, одна вдова Марья Климыха такъ много пьянствовала, день и ночь волочась по шинкамъ, что когда утромъ сынъ ея отправился розыскивать пропавшую мать, то нашелъ ее гдѣ-то за городомъ валявшеюся въ безчувственномъ состояніи и съ обрѣзанными полами. Очнувшись, она съ трудомъ могла припомнить, что наканунѣ, ночью, какіе-то „молодыки“ вызвались проводить ее, пьяную, домой, и вѣрно это они такъ грубо и жестоко посмѣялись надъ ней. Тяжело было бѣдному сыну перенести материнскій позоръ, и онъ, разузнавъ, кто именно были эти „молодыки“, и заявивъ о томъ мѣстному уряду, повезъ мать въ Полтаву и заставилъ пожаловаться полковому суду.

При разборѣ дѣла Марья Климыха такъ повѣдала о постигшемъ ее несчастьи:

— Панове! Въ теперешнимъ року, на день св. Параскевеи (14 окт.), о ярмарку Кобеляцкимъ, смеркомъ, пидпылая будучы, ишла я къ дому моему, ажъ тутъ зустрилыся зо мною Грыцько Бурмистренко зъ Сыроватченкомъ и зъ иншымъ товарыствомъ. Я, повирывшы имъ, яко знаемымъ, пишла зъ нымы. Воны жъ взялы мене, повелы за мисто (за городъ), за пидваркы къ Билыкамъ, и затулывшы ротъ, що хотилы справовалы вшетечный смертелный грихъ, и семрягъ на мени дви пидризалы и кынулы за мертву. Було жъ ихъ тамъ много, але я тилко отыхъ реченыхъ двохъ памятаю.

Тутъ изъ толпы обвиняемыхъ „молодыковъ“ выступилъ Степанъ Сыроватченко и такъ сказалъ:

— Чому жъ то, Клымыхо, обмыльне говорышъ? Аже жъ ты, барзо пизно пьючы за мистомъ, молодыкивъ циловала; мо-

лодыкы жъ на улыци зосталы, а ты мене сама у яръ повела. Тоди я, варуй (храни) Боже, жадного гриху не строячы,—бодай мене жывого червы иззилы и нехай я гиршои напасты не уйду!—и крви тоби не розлывавъ,—нехай мене Богъ на души и на тили убьетъ! А тилко то моя нестатечность, що я тоби своеволне семрягъ дви пидризавъ, видячы твою нестатечность, що пидъ часъ ярмарковый у ночи по корчмахъ волочышся и молодыкивъ цилуешъ, и тое учынывъ я тоби безъ пополненя вшетечного гриха. А молодыкы, на которыхъ ты безчестя наволикаешъ, яко то на Грыцька Бурмистренка и на иншыхъ, воны зо мною не булы: я самъ обризавъ тоби полы обохъ семрягъ, моя въ тимъ вына, а не чія иншая.

Судъ далъ полную вѣру этому чистосердечному признанію и, устранивъ вовсе обвиненіе въ изнасилованіи, призналъ виновнымъ одного лишь Сыроватченка въ томъ, что онъ „важывся своевольне поступыты, вризуючы полы ночнымъ способомъ“, и за это велѣлъ ему „погодыты Клымыху, навязкы йій давшы висимъ копъ“, и сверхъ того вернуть ей „правныи наклады“ и заплатить судебный доходъ въ пользу полковника.

---

26. Обманутая шинкарка.

Гораздо чаще, нежели вдовы, въ дѣлахъ о прелюбодѣяніи фигурировали шинкарки. Съ одной изъ представительницъ этой профессіи мы уже встрѣчались въ лицѣ полтавской шинкарки Гапки, кружившей голову женатому человѣку и безпутно погибшей отъ его рукъ [1]). Не мѣшаетъ ближе познакомиться съ этимъ интереснымъ типомъ, воспѣтымъ и въ козацкомъ эпосѣ въ лицѣ извѣстной „Насти Горовои, шинкарки молодои“.

Въ старой Малороссіи, при изобиліи и дешевизнѣ хлѣба и полной свободѣ винокуренія, выкуривалось очень много спирта, а для его распродажи существовало безчисленное количество шин-

---

[1]) См. очеркъ № 7.

ковъ. Старшины и простые „заможные“ козаки, мѣщане и духовенство, цехи и братства, а паче всѣхъ монастыри—другъ передъ другомъ старались заводить какъ можно больше корчемъ и „шинковыхъ дворовъ“ въ городахъ и селахъ, на большихъ дорогахъ и перевозахъ. Попытки гетманскаго правительства ограничить этотъ промыселъ введеніемъ арендъ вызывали общее озлобленіе и при Мазепѣ были оставлены. Благодаря конкуренціи, водка, медъ и пиво продавались по баснословно дешевымъ цѣнамъ; но такъ какъ каждый предприниматель продавалъ въ своихъ шинкахъ лишь напитки собственнаго производства, то и при дешевыхъ продажныхъ цѣнахъ промыселъ этотъ оказывался все-таки очень прибыльнымъ. Та же конкуренція понуждала предпринимателей проявлять особенную заботливость относительно выбора лицъ, которымъ поручалась продажа напитковъ, такъ какъ отъ ихъ ловкости, умѣнья обойтись съ потребителями и даже привлечь ихъ въ большей или меньшей степени зависѣла прибыльность предпріятія. При тогдашней многочисленности шинковъ, на службѣ у питейнаго дѣла состоялъ не менѣе многочисленный классъ людей, спеціально посвящавшихъ себя этой профессіи; но въ то время, какъ въ Великороссіи этотъ промыселъ создалъ характерный типъ „сидѣльца“, въ Малороссіи женщина оттерла на этомъ поприщѣ мужчину, и „шинокъ“ сдѣлался областью почти исключительнаго господства „шинкарки“. Помимо того, что украинская женщина вообще болѣе способна къ торговому дѣлу, нежели мужчина, это предпочтеніе женскаго труда отчасти обусловливалось еще и специфическими свойствами данной профессіи. Малорусскій шинокъ того времени не былъ лишь винной лавкой, но исполнялъ немало и другихъ функцій. Въ воскресные или праздничные дни сюда, какъ въ народный клубъ, сходились не одни пьяницы, но и степенные люди, мужчины и женщины, повидаться съ пріятелями, узнать новости, поглядѣть на людей; даже духовныя лица, какъ мы видѣли, [1]) не считали зазорнымъ заходить въ шинокъ для прія-

[1]) См. очеркъ 6-й.

тельской бесѣды. Проѣзжіе или прохожіе, нуждавшіеся въ ночлегѣ или въ отдыхѣ, то и другое находили въ шинкѣ, ибо онъ служилъ обыкновенно и постоялымъ дворомъ. У кого не было своего семейнаго угла, кто тяготился одиночествомъ, кого грызла „журьба-печаль“, тотъ также шелъ въ шинокъ, чтобы размыкать на людяхъ тоску, затуманить голову хмѣлемъ или же утѣшиться ласковымъ взглядомъ чернобровой шинкарки, какъ поется въ одной чумацкой пѣснѣ:

Журба мене зъ нигъ валяе,
А я зъ тугы та зъ печали
Пиду въ корчму загуляю,
Шинкарочку одвидаю.
—Шынкарочко молода,
Усыпъ меду ще й вына,
Усыпъ меду ще й горилкы—
Теперъ въ мене нема жинкы!

Наконецъ, прохожіе козаки, проѣзжіе чумаки, „мандрованые дьяки“, „волочащіеся чернецы“—весь этотъ народъ одинаково умѣлъ цѣнить какъ доброкачественность напитковъ, такъ и ласковость шинкарки. Чтобы угодить столь разнообразнымъ гостямъ и посѣтителямъ, требовалось немало ума, женской изворотливости и извѣстная доля беззастѣнчивости. О правилахъ строгой нравственности, обязательныхъ для всякой другой женщины, не могло быть и рѣчи по отношенію къ шинкаркѣ: всѣ считали ее „нецнотою“, способною на дурныя дѣла. И точно, судебные акты даютъ немало указаній на то, что шинкарки нерѣдко находились въ связи съ „нетягами“, „прибышами“ и другимъ темнымъ людомъ, припрятывали у себя „злодійскую“ добычу и помогали сбывать краденое; а по свидѣтельству современника, извѣстнаго стихотворца Климентія, многіе корчемные дома „въ градѣхъ, а наипаче где въ поляхъ“, вдали отъ урядоваго надзора, представляли настоящіе блудные притоны [1]).

[1]) Основа, 1861 г., январь, стр. 193.

Понятно, что за такую профессію, пользовавшуюся въ обществѣ самою дурною репутаціею, не могли браться женщины, сколько-нибудь дорожившія добрымъ именемъ; сюда шли лишь тѣ, кому въ этомъ отношеніи нечего уже было терять: покинутыя мужьями жены, опороченныя вдовы и „покрытки", т. е. незамужнія женщины, прижившія дѣтей. Изъ нихъ лишь самыя легкомысленныя могли болѣе или менѣе продолжительное время находить прелесть въ безшабашной корчемной жизни, съ ея вѣчною сутолокою, пьянымъ весельемъ и грязными амурными приключеніями; большинство же, предаваясь даже всѣмъ излишествамъ и порокамъ, стремилось вырваться изъ этой нездоровой атмосферы и вернуться на путь честнаго, хотя-бы и тяжелаго труда. Лучшимъ и едвали не единственнымъ средствомъ къ этому считалось замужество; только подъ защитою мужа, въ званіи „мужней жоны", бывшая шинкарка могла вернуть утраченныя ею права честной женщины.

Искала для себя мужа и полтавская шинкарка Хвенна и думала, что наконецъ нашла его въ лицѣ нѣкоего Грыцька Бондаренка, безпутнаго забулдыги, котораго Хвенна поила и кормила, жупаны ему справляла, вѣря его обѣщаніямъ взять ее въ замужество. Это легкомысленное довѣріе давно уже перешло должныя границы, а Грыць все откладывалъ „весилья". Убѣдившись наконецъ, что она сдѣлалась жертвою обмана со стороны безсовѣстнаго пройдохи, Хвенна не побоялась сраму и прибѣжала въ полковый судъ (въ февралѣ 1691 года).

— Панове!—жаловалась она,—любо (хотя) той Грыцько мени кгвалту жадного до чужолозтва не чынывъ, однакъ уже зайшовъ третій мисяць, якъ зійшлысьмося на той грихъ, бо винъ пиднявся бувъ взяты мене за жону. Которымы словами его я упевнывшыся, була ёму поволна, и черезъ немалый часъ мешкавъ винъ, Грыцько, зо мною, не безъ того, щобъ и дытыны мени не прыплодывъ. А теперъ, якъ бачу, смихъ той зъ мене учынывшы, ни на що мене зводытъ. Прошу зъ оного Грыцька, якъ мылость ваша уважыте, святои справедлывосты".

Скоро на судъ былъ „припроваженый“ и Грыцько Бондаренко. Сначала онъ „тыхъ нестатечныхъ своихъ поступкивъ таився“, но когда судьи приказали было его „подъ кіевое карання дати“, Грыцько сталъ виниться:

— Правда то есть, панове, гришывъ я зъ тою Хвенною молодыцею одъ того часу, якъ и вона говорытъ,—тыхъ своихъ нестатечныхъ поступкивъ не могу ся затаиты. Есть и тое, що я оную Хвенну пиднимався за жону взяты; а колы такъ сталося, що слово свое одминывъ, воля есть ваша що хотиты чыныты.

Грыцько, повидимому, полагалъ, что судъ обяжетъ его жениться на шинкаркѣ, и съ фаталистическимъ равнодушіемъ рѣшилъ уже подчиниться этой непріятности. Но каковъ былъ его ужасъ, когда объявленъ былъ слѣдующій декретъ: „повскромляючы тое, абы ся люды спроснымы и такъ нестатечнымы поступкамы обходыты не смилы, прыказуемъ декретомъ нашымъ, абы оный Грыцько Бондаренко посередъ миста смертне кіямы бувъ бытый за такее свое значное проступство“.

Протоколъ умалчиваетъ о томъ, какъ сама Хвенна отнеслась къ этому суровому вердикту, но безъ сомнѣнія онъ не удовлетворилъ ее. Не гибели своему безпутному Грыцю она пришла сюда добиваться, а лишь того, чтобы его понудили исполнить обѣщаніе. Но мы уже знаемъ, какъ малорусскіе суды, подъ вліяніемъ идей Магдебургскаго права, несочувственно относились къ браку, которому предшествовало прелюбодѣяніе.

Все жъ таки данный приговоръ былъ безмѣрно суровымъ. Такимъ онъ показался и многимъ изъ присутствовавшихъ, и они стали просить, „абы Бондаренко посередъ миста не бувъ караный“. Судъ немедленно измѣнилъ приговоръ: „давшы мистце прозби людей зацныхъ, даровалысьмо оного Грыцька тымъ годнымъ (заслуженнымъ) караннямъ, однакъ панская и наша врядовая вына плачена маетъ быти конечне“.

Удивительно, что Хвенна оставленна безъ всякаго наказанія. Это едвали не единственный случай, что истица въ подобной „справѣ“ ушла изъ суда не наказанной.

27. Мельникъ и шинкарка.

Село Брусія, близъ Полтавы, славилось водяными мельницами на р. Ворсклѣ. Если гдѣ-либо въ предѣлахъ полтавскаго полка возникалъ споръ по поводу неправильнаго устройства водяныхъ мельницъ, задержанія воды и т. под., то судъ чаще всего посылалъ туда, въ качествѣ экспертовъ, Брусійскихъ мельниковъ, какъ спеціалистовъ, „добре на водномъ строеніи знаючихся“. Но за мельниками, или „мырошныками“, вообще въ Малороссіи издавна установилась репутація людей „добре знаючихся“ и въ другомъ искусствѣ—въ ловеласничествѣ, въ умѣніи сводить съ ума молодыхъ вдовъ и легкомысленныхъ „мужнихъ жонъ“. Брусійскій мельникъ Кондратъ своимъ поведеніемъ достаточно оправдывалъ эту репутацію. Все село говорило о его черезчуръ близкихъ отношеніяхъ съ мѣстной шинкаркой Гапкой, молодой—не то вдовой, не то „безмужней женой“, такъ какъ въ теченіе уже нѣсколькихъ лѣтъ ни она сама, ни кто другой не могли съ точностью сказать, гдѣ именно „валасается“ (шатается) ея законный мужъ и существуетъ ли онъ еще на свѣтѣ. Были у Кондрата озлобленные соперники, засаживавшіеся на него по ночамъ и горѣвшіе желаніемъ обрѣзать ему полы и надѣлать сраму; но хитрый мельникъ былъ остороженъ и не давался легко въ руки. Вырвался было сгоряча козакъ Иванъ Забила и сталъ передъ судомъ обвинять Кондрата, что онъ съ Гапкою „вшетеченство пополнялъ“, но судъ потребовалъ отъ обвинителя „слушныхъ доводовъ“, именно—„полъ вризаня показаты“, и такъ какъ Забила не представилъ такихъ „доводовъ“, то его присудили за клевету „еднаты“ Кондрата, и это ему не дешево стоило. Съ тѣхъ поръ Забила поклялся—не давать своимъ очамъ сна, ни вѣждамъ дреманія, пока не урѣжетъ полы Кондрату и не вернетъ съ лихвой понесенные изъ-за него убытки.

Какъ ни береглись Кондратъ съ Гапкою, имъ не удалось таки укрыться отъ мстительнаго ока ихъ преслѣдователя. Какъ-то, въ декабрѣ 1688 года, сошлись они для свиданія въ чу-

жомъ погребѣ и подперли дверь надежнымъ коломъ,—а черезъ нѣсколько минутъ Забила привелъ сюда толпу людей, во главѣ съ мѣстнымъ атаманомъ. Кондрату и Гапкѣ обрѣзали полы и связанными отправили къ сотнику.

На судѣ Забила торжественно „презентовалъ лице“: кусокъ Кондратового „кожуха“ и полу изъ Гапчиной сорочки, и домогался, чтобы ему были возвращены убытки, „що передъ тымъ утратывъ, еднаючы Кондрата“.

Спросили Гапку: „Чы ты мила той грихъ зъ Киндратомъ пополняты?“

— А що жъ, панове—винилась она—любо жъ то и теперъ мію мужа и не видаю, де винъ по ризныхъ мисцяхъ тулеется; а що грихъ вшетечный зъ Киндратомъ пополняла, такъ есть и було, бо винъ мивъ мене за жону взяты. Билшъ мене ни о чимъ не пытайте.

Кондратъ также не отрицалъ связи съ Гапкою, но утверждалъ, что въ погребѣ, гдѣ ихъ схвачено, ничего предосудительнаго не происходило. Въ виду этого, судъ велѣлъ на мѣстѣ, въ Брусіи, произвести дознаніе, „хто бъ досконале видавъ о зловеню Кондрата на чужолозстви зъ Гапкою“. Тамъ были допрошены свидѣтели, изъ коихъ Лесько мельникъ, пріятель Кондратовъ, показалъ:

— Киндратовыхъ дій не бачывъ, але кгвалтъ чувъ и шынкарку простоволосую бачывъ.

Другой свидѣтель „вызналъ:“

— Киндратъ, пры пойманю въ погреби, въ убраню якъ въ кайданахъ ходывъ по погребу.

Остальные свидѣтели прибавили ко всему этому, что Кондратъ, „пры пойманю, еднавъ Забилу: дававъ ёму десять талярывъ, не допускаючы до уряду“.

Судъ справился съ закономъ и въ книгѣ „Порядокъ“(часть IV, листъ 139) нашелъ предписаніе, что уличенные въ данномъ проступкѣ—„которыи убогшіи суть, выганемъ зъ поспольства какарани маютъ быти, а богатшіи—виною пѣняжною“, и на этомъ основаніи постановили декретъ: „поневажъ Кондратъ мелникъ

каранемъ смертелнымъ дарованъ, міетъ Ивану Забили утрату его нагородыты, на чимъ бы той шкодовавъ, а особливе выну панскую міетъ платыты, а вшетечныцю Гапку велилы-сьмо зъ миста вынудыты", т. е. подвергнуть позорному изгнанію изъ города.

---

28. Грѣхъ съ кумою.

Въ маѣ 1688 года прибыли изъ села Ивашекъ, близъ Полтавы, мѣстный атаманъ Иванъ Пушкаренко съ „товарыствомъ", жителями Ивашковскими, и подали полковнику Ѳедору Жученку слѣдующую „атестацію":

„Мылостывый добродію нашъ, пане полковныку полтавскій! Подъ сумленемъ душъ нашыхъ повидаемо, що Петро, зять Дмытровъ, содомскій и Богу мерзкій учынокъ черезъ многіе часы зъ Тетяною Павловною, кумою его, пополняючы, строилы, о чимъ давно видомо намъ було; а теперъ Богъ объявывъ ёго, Петра, съ кумою ёго Тетяною грихъ, которыхъ піймано на горищу, и взялы мы прызнакъ зъ Петра кожухъ, а зъ Тетяны плахту, обохъ давшы до вязеня сильского. А теперъ того вшетечныка и вшетечныцю передъ вамы становымо".

Полковникъ передалъ эту „атестацію" въ судъ, гдѣ она при разборѣ дѣла и была въ слухъ всѣмъ прочитана, послѣ чего атаманъ предъявилъ суду „прызнакъ", или „лыце", т. е. кожухъ и плахту. Судьи поинтересовались узнать: какимъ же именно способомъ „Богъ объявывъ" столь тяжкій грѣхъ кума съ кумою? Тутъ выступилъ почтеннаго вида старикъ Мартынъ Кушниръ и сказалъ:

— Панове! Якъ мене бачыте подейшлого въ литахъ моихъ, и готуюся я въ дорогу поклонытыся мисцямъ святымъ Кіевопечерскымъ, то Боже дай, щобъ я съ тои дорогы не вернувся, колы бъ то на Петра и на куму ёго несправедлыво мавъ повидаты, але самую истыну. Ишовъ я зъ жоною моею, и Кулычыха стара зъ намы йшла, и колы прыходылы мы до тіеи пусткы,

ажъ бачымо—Тетяна, кума Петрова, съ горища скочыла. Тоди моя Кулына мовыла мени: „Стань, Мартыне, на прысыпу и глянь, чы нема тамъ на горищи нашои куркы". Я глянувъ, ажъ тамъ лежытъ Петро на постели и прыкрывся кожухомъ. Тоди Петро почавъ насъ слезне просыты: „Сусиды мои мылыи, покрыйте по мени той грихъ сей разъ". Мы бъ и покрылы, такъ уже на тое позорыще зибралось багато людей, що трудно було того покрыты".

Обстоятельства дѣла были ясны, обвиняемые не отрицали своей вины и лишь молили о милосердіи, поэтому судьи приступили къ составленію декрета. Всѣ они согласны были въ томъ, что къ данному проступку слѣдуетъ отнестись съ особенною строгостью, „не допускаючы плюгавого того вшетеченства въ сродстви плодыты и поскромляючы той содомскій грихъ", поэтому рѣшили примѣнить 73-й артыкулъ Права Цисарскаго и артыкулъ изъ книги „Порядокъ" (часть 4-я, листъ 131), гласящій: „чужоложникъ мечемъ абы былъ каранъ, а чужоложница у пронкга (позорнаго столба) абы быта була и одъ права малженскаго одсужена". Но тутъ подняли громкій плачъ дѣти Петровы, которыхъ было у него много, и между ними находились и совсѣмъ „недорослыи", лѣтъ пяти-шести. Призадумались судьи, услышавъ этотъ горькій плачъ: съ кѣмъ же останутся эти жалкіе сироты, у которыхъ не было матери, а теперь хотятъ отнять у нихъ и отца? И „зглянувшись на плачливіи прозьбы дитей Петровыхъ", судъ „учинилъ его вольнымъ одъ смертнои карности" и „вынайшовъ другой артыкулъ изъ того же права, гласящій: „убогшіе выгнанемъ зъ поспольства, а богатшіе виною пѣняжною карани быти мѣютъ". Къ послѣднему взысканію и были приговорены „Петро вшетечникъ зъ кумою ёго, вшетечницею".

Любопытно, что съ той поры эта Тетяна Павловна,—очевидно „покрытка", не имѣвшая иного прозвища, кромѣ отчества,—навсегда получила насмѣшливое прозвище Кумы, сдѣлавшееся для нея фамильнымъ. Два года спустя въ актахъ полтавскаго полкового суда записано, что приходила „Тетяна,

по прозвищу Кума" жаловаться на нѣкоего Василія Бута, который обманнымъ увѣреніемъ, будто женится на ней, склонилъ ее къ блудному сожительству, „приплодилъ" ей дитя, а теперь отказывается исполнить обѣщаніе. Слѣдствіемъ былъ удостовѣренъ фактъ сожительства Бута съ жалобщицею, но такъ какъ онъ заявилъ, что не хочетъ „тоеи вшетечници за жону собѣ мѣти", то судъ приговорилъ „оного Бута виною панскою и врядовою скарати, такъ тежъ и тую вшетечницу Татяну Куму, поневажъ первѣй зъ кумомъ грихъ смертелный плодила и поймана була на вшетеченстви, а теперъ зъ Василемъ Бутомъ". Очевидно, у этой Кумы имѣлись достаточныя матеріальныя средства для двукратной уплаты судебныхъ „винъ", иначе ее, какъ неисправимую грѣшницу, подвергли бы позорному наказанію и „выгнаню зъ поспольства".

---

29. Кишиньскій Донжуанъ.

Въ сотенномъ городѣ Кишинькѣ должность городового атамана занималъ долгое время „значный" козакъ Степанъ Москаль. Имѣлъ онъ и другую, болѣе шляхетскую фамилію—Раецкій, но въ Кишинькѣ всѣ его именовали „Москаль" или даже „Москалець", да и самъ онъ обыкновенно подписывался этою фамиліею, вѣроятно указывающею на великорусское происхожденіе его рода. А нужно знать, что Степанъ Москаль, или Раецкій, былъ не только грамотнымъ (иначе не быть бы ему атаманомъ), но и порядочно таки вышколеннымъ и хорошо начитаннымъ грамотѣемъ, какъ можно судить по его письму. Былъ онъ уже не молодымъ человѣкомъ, имѣлъ взрослыхъ сыновей, нажилъ коекакое добро и пріобрѣлъ такое неограниченное вліяніе на слабаго сотника, что фактически самъ правилъ сотнею, при чемъ позволялъ себѣ разныя злоупотребленія, за которыя въ началѣ 1693 г. попалъ подъ судъ, сидѣлъ въ Полтавѣ въ тюрьмѣ и избѣжалъ наказанія лишь тѣмъ, что далъ полковому суду торжественное обѣщаніе пойти въ монастырь. Получивъ свободу,

Москаль не спѣшилъ исполненіемъ невольнаго обѣта, а занялся приведеніемъ въ порядокъ своихъ „господарскихъ“ дѣлъ, изрядно разстроенныхъ послѣднимъ процессомъ. Онъ занялся барышничествомъ, сталъ ѣздить по ярмаркамъ и надѣялся, что, при своемъ умѣ и ловкости, онъ скоро поправитъ свое состояніе. Но недогадливый Москаль позабылъ о томъ, что въ его прошлой жизни накопилось слишкомъ много темныхъ дѣлишекъ, которыя оставались скрытыми лишь до тѣхъ поръ, пока онъ былъ въ силѣ, пользовался значеніемъ и всѣ его боялись, но теперь ничто не мѣшало имъ всплыть наружу. Такъ и случилось.

Въ началѣ іюля того же 1693 года въ Кишиньскій сотенный судъ пришелъ мѣстный козакъ Василь Шабалда, „зять Петращишинъ“, и сталъ жаловаться:

— Панове вряде и вы, пановое товарыство! Сталася въ дому моемъ, безъ бытности моеи, шкода въ истъ святого апостола Филипа, о святителю чудотворци Ныколаю, що нема висты де ся подило намысто зъ кимнаты, каралевое, червоное, зъ трёма червонымы золотымы полталярковымы, за якое намысто жона моя матку свою рожоную не разъ и не два укаряла, думаючы, що вона взяла и дитямъ дядьковымъ дала, и дивку Васылышыну крамарчину хотила до права позываты. Я тежъ и самъ, вельмы по тій шкоди жалкуючы, одъ того часу и по сее время терпивъ и державъ на пыльномъ баченю, чы не мигъ бы я де тое намысто пизнаты. А теперъ я перечувъ, якъ пидъ часъ ярмарку, бувшою въ насъ, въ Кишиньци, Грыцько Гречыненко, пьючы съ товарыствомъ, зъ якоись прычыны проговорывся, що „бачывъ я, каже, тое намысто у Степана Москаля, якъ винъ пывъ у братерскимъ дому, на кануни“. Чувшы тую мову одъ Гречыненка, Савка Гороховский прыйшовъ до моёго дому и сказавъ мени. Я, тое одъ Савкы почувшы и вельмы съ того обрадовавшыся, освидчаю тую мою крадижъ, теперъ прослынувшуюся, мылостямъ вашымъ и прошу святои справедлывости“.

Судъ приступилъ къ слѣдствію. Былъ призванъ Грыцько Гречыненко и спрошенъ: видѣлъ ли онъ пропавшее монисто у

Степана Москаля и когда именно? Грыцько, „Божий на себе взываючи срокгий декретъ“, если скажетъ неправду, показалъ:

— Выдилемъ, панове, тое намысто такымъ способомъ. Бувъ я въ той часъ канунныкомъ [1]) и колы выйшовъ съ погреба, тогди и Степанъ Москаль ишовъ зъ надвíрья, а кынувшыся до своеи кишени, вынявъ зъ онои намысто Васылевои господыни (жены жалобщика). Еднакъ, не смивъ я ёму, Москалцеви, говорыты ничого, а давшы товарышови своему медъ зъ конвою, пишовъ до господы. Незабаромъ знову повернулемся въ домъ братерский, а мешкаючая въ томъ же двори старушка сказала мени: „тутъ, прави, показувавъ Москалець намысто Васылышыне; чы ты, прави, не бачывъ?“ Я хочъ и бачывъ, а сказавъ ій: „Ни, не бачывъ“. Потимъ тая старушка сказала: „Москалець, носячы тое намысто, говорытъ: „Оттакъ козакъ добувся у Шабалдыхы! Тилько дайте мени ножа: пійду и другіи еще зъ шыи одрижу“. Я, почувшы тыи слова одъ бабы, не отказуючы ій ничого а ни пытаючись еи объ тое, свое орудовавъ, на що бувъ отъ братства прыставленъ“.

Призвана была „старушка“ Евдокія и спрошена: видѣла ли она монисто Василишино у Москаля? Она такъ „посвѣдчила“:

— Панове! Часу того, якъ бувъ канунъ братерскій, едного разу и Москаль пывъ на ономъ кануни дней зъ пять и якось, прыйшовшы у хату, показуетъ намысто и говорытъ: „Добувъ я тое намысто у Шабалдыхы“, и просытъ у Дація Сыдоренка ножа, щобъ пійты до Васылыхы и другее одризаты. Я тежъ, мало не що-дня буваючы у Васыля, познала, що то есть истынное Васылышыне намысто, и говорыла Греченкови Грыцькови, чы не бачывъ и винъ того намыста. На завтришній день, почувшы, що Васылыха матиръ свою за тое намысто ганытъ, а дивку Крамарчыну хочетъ до права прытягнуты, упоминала-мъ (уговаривала) еи, Васылыху, такъ мовячы: „Васылыхо, не гришы на матку и дивкы не турбуй.“ А хочай и знала-мъ про те намысто, що зостаетъ у Степана Москаля, тилько жъ, боячысь ёго, бо

[1]) Т. е. распорядителемъ по продажѣ канунныхъ напитковъ.

бувъ винъ въ той часъ атаманомъ городовымъ, видаючы о своимъ убожестви, не сказала про тое.

Тѣмъ и ограничилась первая „инквѣзиція“, такъ какъ Степана Москаля не было на ту пору въ Кишинькѣ.

Когда онъ „прыбувъ зъ дороги“, его жена Киліяна, съ которой у него были вѣчные нелады, съ нескрываемымъ злорадствомъ оповѣстила его о томъ, что происходило въ судѣ. Степана какъ громомъ поразило это извѣстіе. Вѣдь Шабалда, его жена Вуцька (Евдокія) и жившая съ ними теща Ганна Петращиха [1])—это были первѣйшіе его пріятели. Правда, съ самимъ Шабалдой у него нерѣдко происходили пререканія: какъ напьется онъ до невмѣняемости, такъ и начнетъ, бывало, приставать къ Степану: „мовятъ люде, що ты зъ моею жонок чужоложышъ“, и при этомъ лѣзетъ въ драку; но протрезвившись, первымъ приходитъ мириться. Впрочемъ, Василь Шабалда рѣдко и дома бывалъ: онъ занимался прасольствомъ и почти всегда находился въ отлучкѣ. Но съ Вуцькой Шабалдыхой и ея матерью Степанъ былъ въ тѣснѣйшей дружбѣ. Обѣ онѣ были веселаго, беззаботнаго нрава, охотницы пображничать, „зъ ничевя“ устроить бенкетъ, созвать „бе́сиду“,—такъ для Степана во всей Кишинькѣ не было лучшаго пріюта, какъ въ ихъ домѣ: тамъ онъ, по ядовитому выраженію Киліяны, „и напывся, и наився, и спаты уклався“. И вотъ теперь эти милые пріятели хотятъ устроить ему скандалъ, опозорить предъ всей Кишинькой, публично обвинить его—въ чемъ же? въ кражѣ какого-то „намыста“! Вѣдь онѣ же знаютъ, какимъ путемъ оно ему досталось. Глупый Шабалда, точно, невѣдаетъ ничего и, пожалуй, радъ теперь свести съ нимъ счеты по старымъ подозрѣніямъ; но какъ же Вуцька и ея мать допускаютъ его до этого? Неужели онѣ разсчитываютъ на то, что онъ, Степанъ, не осмѣлится на судѣ разсказать по правдѣ, какъ ему это намисто досталось? Или это старая Петращиха мститъ ему за то, что, поссорившись какъ-то съ нею въ пьяномъ видѣ, онъ при

---

[1]) Та сама, о которой идетъ рѣчь въ очеркѣ № 5.

всей честной компаніи сбилъ съ ея головы очипокъ? Старая вѣдьма ужасно тогда разъярилась и поклялась передъ образомъ, что вовѣкъ ему этого не проститъ. Степанъ рѣшилъ, что завтра же отнесетъ ей купленный въ Миргородѣ гостинецъ и напрямикъ объяснится съ нею и съ Вуцькою, чего онѣ хотятъ отъ него; да надо будетъ возвратить Вуцькѣ и это глупое намысто.

Но на утро, не успѣлъ еще Степанъ хорошенько „поснидать“, какъ за нимъ пришли „асаульци“ и стали торопить его:

— Иды, мосьпане, до ратуша: тамъ уже урядъ засивъ для докончення твоеи справы съ Петрашшынымъ зятемъ.

Пришелъ Степанъ въ ратушу, а туда набилось уже столько народа, что и онъ съ трудомъ протиснулся. Видно было, что затѣянный Шабалдою процессъ заинтересовалъ весь городъ. Тутъ было наперечетъ все „значное товарыство“ Кишиньское, „славетное мѣщанство и всечестное духовенство“; каждому хотѣлось послушать, какъ будутъ судить вчерашняго атамана за кражу намиста у своей же пріятельницы. Сколько здѣсь было недавнихъ друзей и „щирыхъ“ пріятелей павшаго атамана, которые, бывало, заискивающими глазами ловили его взглядъ, наперерывъ спѣшили сказать ему „добрыдень“! Теперь же съ нимъ здоровались нехотя, точно стыдились его знакомства.

Началось слѣдствіе. Призваны были прежніе свидѣтели и вторично допрошены въ присутствіи обвиняемаго. Грыцько Гречиненко показалъ:

— Мои ласкавыи панове! Якъ первей говорилемъ, такъ и теперъ, при самомъ Степану, правдыве повидаю, що выдилемъ у Москальця намисто червоное, тилько жъ ёму, Степанови, ничого не говорылемъ. Поты мого свидителства.

— Другой „свидокъ“, Евдокія старушка „такъ ему, Москалеви, у вичи говорыла“:

— Степане! Богъ мене скараетъ, колы я на тебе кламлыве говорыла; але правдыве повидаю, що выдила-мъ тое въ тебе намысто тогди власне, якъ прыйшовъ ты зъ дому Васылевого. Того часу и господыня твоя стояла пидъ викномъ Васылевымъ зъ Игнаткомъ (сыномъ), зазыраючы въ хату.

Теперь судьи обратились и къ Степану:

— А що, мосьпане, на такіи слушне на тебе показуючіися доводы що ты маешъ одвитуваты и чымъ одводытыся?

Степанъ видимо растерялся; не успѣвъ предварительно переговорить съ женою и тещою истца, онъ совсѣмъ не зналъ, какъ ему оправдываться. Сначала онъ „прысягався“, что молъ „я того не видаю“, но когда свидѣтели стали уличать его, онъ не выдержалъ роли и вдругъ „передъ всимъ товарыствомъ“ началъ просить Шабалду прекратить дѣло, „обовязуючысь тое намысто заплатыты“. Это было равносильно открытому сознанію въ кражѣ. Такъ это и поняли судьи и присутствовавшая публика. Шабалда ловко воспользовался промахомъ противника и, отказавшись мириться съ нимъ, попросилъ судей занести въ протоколъ выраженное Москалемъ обязательство уплатить ему стоимость пропавшаго мониста. Судьи исполнили его желаніе и, признавая данное дѣло себѣ неподсуднымъ, составили протоколъ, ствердили его „звыклою мѣскою“ печатью и вручили „поводовой сторонѣ“ (истцу) для представленія „до зверхнѣйшого суду“, полкового полтавскаго.

Получивъ эту „атестацію“, или „инквѣзицію“, Васыль Шабалда тотчасъ же отправился въ Полтаву, а черезъ нѣсколько дней оттуда на имя Кишиньскаго сотника полученъ былъ полковничій приказъ арестовать Степана Москаля и препроводить его въ Полтаву „до туремного вязеня“.

Это означало, что въ Полтавѣ не забыли его прежнихъ „злыхъ учинковъ“, и не предвѣщало ему ничего добраго. Предварительный арестъ обвиняемаго практиковался обыкновенно въ „горловыхъ справахъ“, то есть въ такихъ уголовныхъ дѣлахъ, когда подсудимому могъ угрожать смертный декретъ; но по тогдашнимъ законамъ можно было казнить преступника и за простую кражу. А на милосердіе судей Степанъ не могъ разсчитывать: онъ хорошо помнилъ, какихъ усилій стоило его пріятелямъ—сотникамъ, съѣхавшимся въ Полтаву для обычнаго поздравленія пана полковника съ „великодными святками“, выпросить ему прощеніе, и какъ послѣдній неохотно уважилъ ихъ

ходатайство. Теперь и обѣтъ иночества не спасетъ его. Но если ужъ суждено ему не сносить головы, то лучше и достойнѣе испить смертную чашу въ искупленіе дѣйствительныхъ грѣховъ своихъ, которыхъ такъ много на его совѣсти, а не болтаться на „шибеницѣ“ въ качествѣ превзрѣннаго „злодія“, польстившагося на какую-то глупую «цяцьку». Много тяжкихъ грѣховъ совершилъ онъ на вѣку, но отъ воровства все-таки Богъ миловалъ его. И Вуцька Шабалдыха, и ея мать хорошо это знаютъ, и если теперь безсовѣстно взводятъ на него „злодійство“, желая погубить его, то дѣйствуютъ такъ лишь въ томъ разсчетѣ, что у него не хватитъ смѣлости откровенно разсказать на судѣ, какъ ему досталось это злополучное „намысто“. Правда, ему придется при при этомъ повиниться въ другомъ, болѣе тяжкомъ и позорномъ грѣхѣ, о которомъ никто не знаетъ и за который тоже ожидаетъ его смерть, но зато онъ очиститъ свою совѣсть, чистосердечно покается предъ Богомъ и предъ людьми въ дѣйствительномъ прегрѣшеніи и оправдается въ томъ позорномъ поступкѣ, который ему безсовѣстно приписываютъ. А можетъ быть панъ полковникъ и остальные судьи, видя его чистосердечное раскаяніе, смилуются надъ нимъ. А ужъ Вуцька и старая Петращиха навѣрное „сказятся“ отъ злости и срама, когда онъ разскажетъ всю правду.

Съ такими мыслями Степанъ легче переносилъ и тяжкое «вязеня», а отправляясь въ Полтаву наказалъ женѣ не возвращать Щабалдыхѣ „намыста“, а оставить его у себя, какъ свою собственность.

— Хай уже воно тоби на подзвиння! не приминула и въ эту минуту уколоть мужа безсердечная Киліяна.

Она не высказывала нималѣйшаго участія къ его злосчастному положенію и хотя разливалась въ слезахъ и громко причитывала, провожая Степана, но при этомъ кляла его всѣми „проклѣнами“ за то, что своими „злыми учинками“ онъ довелъ семью до позора и разоренія. Сыновья тоже угрюмо простились съ отцемъ.

Сидя въ полтавской „вязныци“, Степанъ Москаль задумалъ изложить письменно свою исповѣдь, въ формѣ „супплѣки“ на имя полковника Павла Семеновича Герцыка. Приводимъ этотъ документъ въ подлинникѣ, лишь съ незначительными текстуальными измѣненіями, именно съ устраненіемъ немногихъ слишкомъ книжныхъ словъ и выраженій и съ замѣной тогдашняго безсистемнаго правописанія фонетическимъ.

„Мосци пане полковныку полтавскій, мой велце ласкавый пане и найласкавшій добродію!

„Хочай вже явне гришныкомъ черезъ искони вселукавого и во мыру дійствуючого врага дыявола, якъ выдыте, ставъ я, однакъ, на Бога маючы надію, и вашои мылосты, пана и добродія мого, не отчаиваюся ласкы, а паче Божои, который прыйшовъ въ мыръ не призваты праведныхъ, а гришныхъ на покаяніе. Такъ и я, міючы уфность (увѣренность) въ Бози, велце покорно кланяючысь, прошу слезно вашои, добродія, мылосты, абы и мене, недостойного и паче всихъ окаянного гришныка (выслухавшы мого доводу, якымъ початкомъ стався скутокъ гриха) помыловано. А то, мій мылостывый пане, було такъ. Сёго року прошлои зимы, на день святытеля Христова Ныколая, бувъ я въ дому братерскимъ на меду, видкиль пишовъ до Жадана, кума свого, просыты на медъ. Ажъ тутъ Вуцька Шабалдыха Васылыха невидомо куда иде и просыть мене, абы ій давъ таляра грошей: „куплю, мовытъ, соби полотна на кошулю“. Я ій ничого иншого не одказавъ, тилько веливъ себе на тимъ мистцу, де и просыла, пождаты. Прыйшовшы зась до Литовкы шынкаркы, которая въ мене брала медъ, заставъ тамъ и жону мою Кыліяну и пысаря городового, що пылы горилку. Казавъ я Лытовци, щобъ одличыла таляра. Пытае мене жона моя: „на що ты стилькы грошей берешъ?“ Я ій одказавъ: „Що тоби до того? Тоби того не потреба пытаты“. Однисъ я таляра Васылыси, а вона, взявшы того таляра зъ рукъ моихъ, казала мени изъ собою до своеи хаты пійты, и тамъ заразъ зъ нею, Вуцькою, запамятавшы страхъ Божій, вчынылы спросный (мерзкій) грихъ. Тоди жъ, въ своій господи, Вуцька зняла зъ рукы моеи

сегнитъ (перстень съ именною печатью) щырозлотный, а я зъ неи знявъ намысто, яке того жъ часу и показувавъ Грыцькови Гречыненкови въ братерскимъ кануни и баби тій, якая въ тимъ двори мешкаетъ. Прыйшовшы жъ додому, похвалывся своій жони, мовячы: „Отсе жъ, Киліяно, я и князь, да вже перстня нема—отдавъ Шабалдыси". На другый день Кыліяна посылала Лытовку до Шабалдыхы, абы вернула перстень, а потимъ, не вдержавшысь, и сама пишла; ажъ іи стритыла Лытовка и показала перстень и два золотыхъ грошій, що Вуцька Шабалдыха дала. Довго жъ вона, Вуцька, терпила, не правлячы въ мене того намыста. Ажъ сымы вже часамы первей Вуцька упомыналася оного намыста у мене,—отказавъ ій, що нема; а вдруге сама Петращыха пидъ своею вже хатою пытала про те намысто; я тежъ отказавъ и старій, що того намыста немае въ мене. Тоди просылы мене обыдви, абы того никому не открывавъ. Видала про те и жона моя; только жъ для того те намысто таилы-сьмо, що то есть ричъ не меншая (т. е. цѣнная), и дотого господарства свого щадячы. А оце вже недавнёго часу Грыцько Гречыненко и баба тая, которымъ я на кануни намысто показувавъ, пидпывшы, вызналы Гориховському, а Савка Гориховській отказавъ тое слово Гречыненково Васылеви Шабалди, Васыль же Шабалда, чувшы тое одъ Савкы, бигавъ ажъ до Зинькова за Гречыненкомъ пытаты, а прыбувшы зъ Зинькова, презентовавъ тее прызнатя на уряди. У якимъ признатю чувъ я, що просывъ яко бы то я у Дацька Сыдоренка ножа и ходывъ зъ ножемъ до Вуцька за другымъ намыстомъ. А я не чуюся въ тимъ, щобъ мавъ въ кого ножа прохаты и ходыты зъ ножемъ вдруге, и черезъ те повоппывъ я прызнатя Гречыненкове и прытаився того першого разу, що намыста не бравъ. А ранише я зъ нымъ не таився; и господыня моя, міючы жаль, що я зъ нею не бытковавъ, сказала мени: „що то есть за намысто?" и я передъ нею не таився.

„Въ якій мири маючы вышепысаныхъ злостей, вже не чыню себе свободнымъ. А що неправедно на мене клеплютъ и злодійство вернутъ, въ тимъ полецаю (поручаю) себе вашій пан-

ській мылости на выводъ и въ тимъ слезно прошу: якъ маете высокій розумъ и мылость, помылуйте мя по велыкій своій мылости. Бью чоломъ. Слуга и подножокъ Стефанъ Москаль".

Эта „супплика" не произвела на полковую старшину того впечатлѣнія, на какое авторъ разсчитывалъ. Тамъ, видно, давно составили о немъ опредѣленное представленіе, какъ о лживомъ и порочномъ человѣкѣ, и не повѣрили искренности его раскаянія, а признаніе въ новомъ преступленіи еще болѣе повредило его репутаціи. Впрочемъ, самъ полковникъ, на милосердіе котораго почему-то разсчитывалъ Степанъ, былъ занятъ въ это время другими дѣлами и не могъ принять личнаго участія въ судѣ надъ нимъ; свои предсѣдательскія полномочія онъ передалъ полковому обозному Адаму Ненаденку.

Судъ происходилъ 24 и 26 іюля того же 1693 года. Къ этому времени были вызваны изъ Кишиньки истецъ Василь Шабалда съ женою и тещею и свидѣтели. Оттуда же прибыла жена Степана Москаля съ сыновьями и нѣкоторые кишиньскіе обыватели—одни изъ любопытства, другіе же съ особыми цѣлями. Приступивъ къ разсмотрѣнію дѣла, судьи прежде всего отмѣтили „зелживость" обвиняемаго, усмотрѣнную ими въ томъ, что на предварительномъ слѣдствіи онъ обязался уплатить Шабалдѣ стоимость украденнаго у его жены или инымъ способомъ ему доставшагося мониста, а между тѣмъ доселѣ этого не исполнилъ. Затѣмъ послѣдовала интересная сцена очной ставки Степана съ Вуцькою Шабалдыхою. Первому было предложено, „абы онъ Евдокіи Патрашковни у вичи тое говорывъ, якъ и въ супплици подавъ"—какимъ способомъ добылъ онъ ея монисто. Степанъ смѣло началъ:

— Мои мылостывыи панове! Вольно вамъ за такый мій тяжкый грихъ, що я не еднократне чужоложывъ, и смертелне мене удекретоваты, чого я уже и годенъ, бо обитныцю тую, яку передъ страшнымъ маестатомъ Божымъ духовному моему обищавъ, прыймуючы зъ жоною моею тайну святого малженства, шлюбовавъ пры ній заховаты вшелякую святоблывость, теперъ черезъ чужоложство зламавъ, и мешкаючы въ спросности зъ чу-

жымы вшетечными (распутными) жонамы, ложе жоны моеи осквернывъ. А теперъ, передъ мылостямы вашымы стоячы, такъ говору: намыста того я не кравъ, але для порубства (прелюбодѣяния) и спросности гриха, пополнывшагося зъ Петрашкивною, зъ шыи ей знявъ, якъ и вона зъ рукы моеи перстень зняла, доброволне, бо тоди булы-сьмо едно другому, для злои сполычности (общенія), повольни. А на завтрешній день просыла мене старая Петращыха зъ дочкою своею, щобъ я того намыста никому не объявлявъ, „бо (мовытъ) то меншая ричъ есть намысто, а якъ довидается про те старшына, то певне черезъ те, що у тебе своя жона, а у дочкы моеи мужъ есть, будете обое на ростани укопани,[1]) та и худоба въ обохъ пропаде". Я такъ и учынывъ на ихъ прозьбу, никому про те намысто не объявлявъ. А колы теперъ воны на мене злодійство звернулы, то, хочъ моя жона, може, й вернула вже черезъ урядъ те намысто, однакъ я до злодійства не знаюся. Богъ мене нехай скараетъ и на души, колы говору неправду!"

Тутъ не сдержалась старая Петращиха. Она схватила зятя за руку, стремительно ринулась къ судейскому столу и заголосила.

— Наши мылостывыи панове! Невравду той смердячый песъ Степанъ Москалець на мою дочку а на жону Васыля, зятя мого, говорытъ. Власный винъ есть тому нашому намысту шкодца, бо те намысто зъ кимнаты въ насъ вкрадено. А щобъ Евдокія таке зъ нымъ чыныла, тому трычи брехня! Це винъ зъ своеи запамяталосты та зъ гниву на насъ говорытъ, щобъ того злодійства позабуты.

То же самое, хотя и безъ материнской запальчивости, подтвердила и Вуцька. Но Степанъ съ бѣшенствомъ перебилъ ее:

— Собако нечыстая! Сама жъ мене пидвела есы на те, що я таився. Мужъ твій Васыль, правда, про те не видае, бо на

---

[1]) Т. е. заживо закопаны на перекрестной дорогѣ. Любопытное указаніе на существовавшій нѣкогда въ Малороссіи родъ казни для прелюбодѣевъ.

той часъ и дома не буєъ. А я съ тобою мавъ сполкованя першый разъ, якъ жупанъ до васъ прынисъ, а вдруге пополнывъ съ тобою, враже, нечыстый грихъ, колы вже завела есы мене до своеи господы; тоди жъ я и намысто съ твоеи шыи знявъ. Нехай за тобою, поганко, матка твоя прысягнетъ, еслы я не мавъ съ тобою сполкованя. А мужъ твій ничого не видае, бо по дорогахъ завше волочытся.

— А що жъ, и прысягну, колы урядъ звелытъ,—неувѣренно отозвалась Петращиха.

Такъ какъ Литовскій Статутъ допускалъ такой способъ доказательства, при отсутствіи другихъ, болѣе убѣдительныхъ, то судьи объявили Петращихѣ, что она можетъ, если желаетъ, „сумненямъ своимъ за дочку поправыты“. Но она видимо смутилась и объявила:

— Я маю прысягнуты въ тимъ, що сама не видаю, чы чынила що моя дочка. Нехай липше зять мій прысягае за жону свою.

Но Василь Шабалда замялся еще больше и сказалъ:

— А що жъ, панове, чуючы одногласную ричъ Москалеву, не могу и я прысягнуты за жону свою, бо нихто ничіёго поступку не видаетъ, а звлаща я маю и дома буваю. Нехай вона псу жона, а не мени: я теперъ еи цураюсь!“—и съ этими словами онъ въ гнѣвѣ выбѣжалъ изъ ратуши, а за нимъ побѣжала Петращиха. Этотъ комическій эпизодъ вызвалъ неудержимый смѣхъ среди присутствовавшихъ. Степанъ Москаль злобно торжествовалъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Шабалда, видимо успокоенный, возвратился въ залу и заявилъ, что хочетъ присягнуть за жену; но судьи отказали ему въ этомъ, мотивируя отказъ тѣмъ, вопервыхъ, что онъ „зъ ратуша побигъ съ права, а друге—що мужови непрылычно въ такій справи прысягнуты“.

Судъ поспѣшилъ положить этой скандальной „справѣ належытый конецъ“ и объявилъ декретъ: „абы за тое намысто и правные наклады було нагорожено Васылеви Шабалди осмъ копъ грошей зъ Москалцевои худобы, котрый чи тое намысто

укравшы, чи тежъ черезъ сполечность зъ Петрашкового гриха мивъ у себе и не вернувъ". Собственно говоря, судъ какъ-бы уклонился отъ рѣшенія дѣла по существу, считая его маловажнымъ или недостаточно выясненнымъ, и перешелъ къ разбору дѣла, героемъ котораго являлся тотъ же Степанъ Москалецъ.

—

Изъ среды публики вышла немолодая женщина, невзрачнаго вида, бѣдно одѣтая. Она оказалась Вивдей (Евдокіей) Дудкивной, „удовыцею зъ Кишинькы", и поклонившись судьямъ, стала излагать свою „скаргу":

— Панове судьи! Нехай я не видаю, чы правду, або ни, говорытъ той Москаль на Петрашкивну, а надо мною, певне мовлю, шыдерства (глумленіе) чынывъ. А то такымъ способомъ. Мешкала я у Кишинци, у Грыцька Бутка у сусидахъ, зъ мужомъ ище Гордіемъ, есть тому рокивъ зъ пять. Едного жъ часу Степанъ Москаль, прыйшовшы до мене, казавъ такъ: „Вивде, ходы до насъ, на щось тебе моя Кыліяна зоветъ". Я, розумiючы, що тому була правда, пишла зъ нымъ до ихъ двору и скоро увійшла у двиръ, винъ, Степанъ, не видаю для чого у стайню мене повивъ и тамъ, не говорячы мени ничого, ставъ усылствоваты до гриху спросного. Хочъ я и одмовлялася не чыныты того, мовячы, що у ёго своя господыня, а у мене мужъ есть, однакъ винъ мене на то зневолывъ. Нарикала жъ я на ёго, плачучы, що мене, сироту, на тее пидвивъ; а Степанъ мени и каже: „Однакъ, твій мужъ выненъ мени за сино, то менше ёму жъ буде одробляты; а я могу за те па васъ огляну-тысь". Я одъ ёго стайни пишла и була и въ хати ихъ, и якъ прыйшла видъ ихъ до-дому, гирко плакала-мъ передъ мужомъ моимъ, нарикаючы на ёго жъ, Степана, и на мужа свого, на що винъ мене зъ нымъ до двору ихъ пустывъ. Тоди мужъ мій сказавъ мени: „Не журыся, небого, однакъ вже въ мене мало сылы; що жъ маешъ чыныты!" Було жъ тое, панове, межи намы посередъ дня, зимою, а хочай на той часъ и людей много плуталось мымо двиръ ихъ, тилко жъ для страху не чынила-мъ кгвалту и кримъ мужа билшъ никому не оповидала. И одъ того

жъ разу не мала я зъ нымъ, Степаномъ, сполкованя. А колы вже мужъ мій померъ, мешкала-мъ удовою два роки; а на третій, пройшлои осены, передъ Покровою, якъ около города нашого дворы скыдано,[1]) тоди и Степанъ Москаль, свій двиръ изъ-за миста перенисшы, въ самомъ городи побудовавъ, до якого двору позвавъ мене стайни мазаты и поступывъ мени тры возы дровъ привезты за мою працю. Мазала жъ я увесь день, ажъ до засвиченя свичкы, и за свичкою вже домазувала. Тутъ Степанъ, прыйшовшы до мене у стайню, почавъ мене усыловне валяты и прыводыты до гриха. Я ёму говорыла: „Степане, змылуйся, теперъ мене не займай, бо видаешъ, що теперъ я зостаю удовою, и въ глыну вся умазалася, та й Кыліина дома знайдуется". А Степанъ, не даючы мени говорыты, зневолывъ до гриху. Одъ того разу я и на сію дытыну зайшла. А колы теперъ для тои дытыны, якій вже часъ прыходыть и родытыся, просыла-мъ у ёго безъ суду, щобъ давъ що-небудь, винъ не схотивъ даты и ще й зъ погрозкамы мене отправывъ. Черезъ те, панове, прошу зъ ёго, Степана, справедлывосты; бо винъ въ Кишиньци не тилко зо мною мешкавъ въ прелюбодіянніи, але и зъ тою Лытовкою, що ёго медъ продавала, чужоложывъ".

Судьи спросили подсудимаго: „чы була бъ тому истына, щобъ винъ съ тою Гордійкою або и съ Лытовкою спросне мешкавъ? Москаль взволнованнымъ голосомъ отвѣтилъ:

— А що жъ, панове, я въ вашыхъ рукахъ зостаю: вильно вамъ якъ хочете мене скараты. Тому есть истына, що я по кылькокротне зъ тою Лытовкою чынывъ злую сполечность, та и зъ другою, Петрашкивною Вуцькою; а щобъ я мавъ на сію плюгавую Дудкивну и помыслыты, не тилько що чыныты зъ нею, або усылствовати, Богъ мя на души нехай скараетъ. Тилько мого отъ такои напрасныци выводу".

---

[1]) Эта была обычная мѣра военной предосторожности въ виду татаръ, проходившихъ въ августѣ 1692 года, вмѣстѣ съ Петрикомъ, къ южнымъ границамъ Полтавскаго полка.

Но впечатлѣніе этой рѣчи было совершенно испорчено, когда неожиданно выступила жена Степана Киліяна съ сыновьями Семеномъ и Яковомъ и, сильно волнуясь, сказала:

— Не ймите ёму вири, панове, бо винъ есть власный роспутныкъ отъ давныхъ часивъ и прыставъ винъ до мене роспустне и жаднои учтывости въ малженстви святому не заховуючы мешкавъ. Уже колы винъ самъ на себе прызнавъ, що зъ Петрашкивною и зъ Лытовкою злую сполечность мивъ, то певне, що и зъ Дудкивною, и зъ иншымы вшетечнымы жонамы спросность богомерзкую чынывъ. Колы вже Богъ мене вызволыть одъ такого збрудня! Вельмы радила-мъ я, колы мужъ мій, за свои злыи и недобрыи учынкы найдуючысь у вязеню, просывъ панивъ сотныкивъ всихъ о прычыну (о ходатайствѣ) до пана полковныка и давъ Богови обитъ у монастырь пойты, колы ёго учынятъ свободнымъ. Отже злый и незбожный чоловикъ и Бога оманувъ, не ставшы черницемъ, певне для вшетеченства. Теперъ, мылостывыи панове, и я, и сыны мои слезне просымо, абы одъ такого збрудня зостала-мъ свободна; бо вси его злыи дила отдавна видаючы, не оголошала. А поневажъ мене, пры моій старости, до вичнои ганьбы и неславы прывивъ, та и худобы мене позбавывъ, не хотячы ему далій того терпиты, прошу, абы винъ, яко не заховуючій прыказаня Божого, не бувъ мени одъ сёго часу въ малженстви участныкомъ и мужомъ моимъ, бо не мужомъ моимъ винъ бувъ, але тыраномъ. Прошу васъ, панове, надъ собою змылованя".

Эта страстная обвинительная рѣчь жены противъ мужа, сказанная въ судѣ въ такую минуту, когда рѣшался, можетъ быть, вопросъ о его жизни, произвела на всѣхъ гнетущее впечатлѣніе. Но Киліяна, безъ сомнѣнія, не была столь жестокосердой, чтобы сознательно и намѣренно отягощать участь мужа. Какъ женщина строгихъ правилъ, она не чувствовала ни жалости, ни состраданія къ безпутному супругу; но отсюда еще далеко до того, чтобы она способна была откровенно домогаться его казни. Ея достоинство добродѣтельной жены было глубоко оскорблено развернувшейся на судѣ яркой картиной безпут-

ства мужа; но еще болѣе, можетъ быть, возмущала ее перспектива тѣхъ матеріальныхъ жертвъ, какими приходилось эти безпутства окупать, и при томъ изъ состоянія, которое, кажется, принадлежало ей одной. Вотъ и сейчасъ присудили уплатить восемь копъ Шабалдѣ, могутъ присудить вознагражденіе и Дудкивнѣ, а за ней появятся съ претензіями, пожалуй, десятки ей подобныхъ. Какъ бережливая хозяйка и заботливая мать, она не могла перенести, чтобы изъ-за распутства мужа гибло благосостояніе семьи. Дѣтямъ не нуженъ такой негодный отецъ, а ей и подавно онъ не нуженъ, какъ мужъ. Но какъ отъ него избавиться? Киліянѣ не приходило на мысль опасеніе, что мужъ по данному процессу можетъ поплатиться головой: выкрутился же онъ еще недавно изъ большей, какъ ей казалось, бѣды, и теперь она увѣрена была, что дѣло кончится крупнымъ штрафомъ въ пользу полковника и судей, какъ чаще всего такія дѣла оканчивались. А вотъ, если бы судъ подвергъ Степана иному наказанію—расторгъ его бракъ съ нею! Въ тѣ времена расторженіе браковъ, какъ мы знаемъ, входило въ компетенцію и судовъ свѣтскихъ, именно полковыхъ и примѣнялось обычно въ дѣлахъ подобныхъ настоящему, при томъ непремѣнномъ условіи, если невинный супругъ добивался этого.[1]) О такомъ именно декретѣ и молила слезно Киліяна.

Между тѣмъ ея страстная обвинительная рѣчь противъ мужа, ея негодованіе и живыя улики въ его распуствѣ, помимо ея воли упали тяжелымъ бременемъ на вѣсы правосудія и рѣшительно склонили ихъ въ сторону, роковую для обвиняемаго. Судъ призналъ доказанными слѣдующія „слушные доводы“ виновности Степана Москаля: а) онъ „самъ на себе суплѣковалъ, чинячися явнымъ чужоложникомъ“; б) „Вивди Гордійци дытыну прыжывъ и хочай крився того, отводячись, будто не чынывъ зъ нею гриха, еднакъ судъ ему не понявъ виры“; в) „обитъ давшы Господу Богу пойты въ монастырь, а не пойшовъ“, г) „самая жона его одступуетъ и не хочетъ за мужа миты“. Справившись

---

[1]) См. объ этомъ очерки №№ 12, 13 и 14.

съ законами, судьи примѣнили къ данному дѣлу артыкулъ изъ книги „Порядокъ“, четвертой части, на листѣ 128, гдѣ сказано: „чужоложникъ мѣетъ быти стятый“, т. е. усѣченъ мечемъ, и постановили декретъ: „той же карности и Степанъ Москаль зосталъ подлеглымъ“. Претензію Вивди Дудкивны (она же Гордійка) оставили безъ удовлетворенія, а ее самое велѣли „даты до вязеня, нимъ (пока) дытя зродытъ“,—съ тѣмъ, конечно, чтобы потомъ особо подвергнуть ее суду и наказанію за прелюбодѣяніе. Относительно Вуцьки Шабалдыхи не было сдѣлано подобное постановленіе очевидно потому, что оговоръ ея Степаномъ въ преступномъ сожительствѣ съ нимъ судъ не призналъ доказаннымъ.

Ор. Левицкій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.[1]

1829—1839 г.г.

12.

26 октября[2] *1832. Екатеринославль.*

Почтеннѣйшая маменька! Случай — и вотъ, какъ видите по надписи, я въ Екатеринославлѣ. Отчасти желаніе увидѣть Ѳедора, [3]) отчасти другое желаніе или правильнѣе любопытство узнать амперію нашу въ ея центрѣ;—дрожки запряжены, сѣлъ и поѣхалъ. Вчера въ 1 часъ послѣ обѣда я увидѣлъ Ѳедора; въ три часа поѣхали по Екатеринославлю, выѣздили весь; вечеръ провели такъ весело, что и до сего времени вслѣдствіе хохота головная боль отзывается довольно чувствительно.

Теперь что вамъ сказать о центрѣ амперіи, въ которой имѣю теперь свое жительство? Довольно того, что я не ожидалъ отъ Екатеринославля того, что увидѣлъ. Прекрасная улица, вдвое шире нашей Сумской, составляетъ основу города. Прекрасные домы лентою тянутся по обѣимъ сторонамъ улицы. Передъ каждымъ домомъ палисадникъ. Домъ Щекутина прелестный. Я не могу сравнить его ни съ однимъ изъ харьковскихъ, ибо такого дома нѣтъ въ Харьковѣ; въ петербургскомъ вкусѣ въ два этажа съ половиною—великолѣпное зданьице. Фабричныя зда-

---

[1]) См. Кіев. Стар. 1901 г., № 6.

[2]) Слѣдуетъ читать: 26 ноября.

[3]) Ѳ. С. Евецкаго.

нія, оканчивающія городъ, огромны и также очень хороши. Улица тянется около полуторы версты, угломъ по изгибу Днѣпра. Церквей только три. Новый соборъ строится на горѣ подлѣ развалинъ потемкинскаго дома; храмъ будетъ превосходный. Мы заходили и въ развалины Потемкинскаго дома. Какое грустное чувство невольно вселяется при взглядѣ на это разрушеніе.— Въ немъ когда-то Екатерина, Іосифъ,—Потемкинъ угощалъ ихъ столомъ и своимъ прожектомъ объ изгнаніи турковъ изъ Европы. Крыши уже разрушены; полы также; но штукатурка еще сохранилась и превосходная лѣпная работа также. Сегодня только что я имѣлъ удовольствіе свидѣтельствовать свое почтеніе добрымъ старикамъ, родителямъ Евецкаго. Прекрасные люди—они приняли меня очень ласково. Послѣ обѣда ѣду обратно. Извините, что письмо будетъ слишкомъ коротко. Фантазировать не хочется, а дѣла писать право нечего; и потому если я скажу вамъ, что я здоровъ, чего и вамъ желаю, то запасъ мой истощенъ, и я долженъ по необходимости окончить письмо...

—

13.

Варваровка. Декабря 1-го 1832 г.

Уже декабрь! Я теперь считаю каждый день, и съ каждымъ днемъ подходитъ ближе радостная минута. Вся цѣль моя теперь—увидѣть васъ, поговорить съ вами. Скоро, скоро! Одно только теперь меня безпокоитъ—Михаилъ Ивановичъ. [1]) Ахъ, если-бъ не было никакого препятствія относительно его отпуска!—Съ этою же почтою вы получите и другое письмо мое: изъ Екатеринославля. Вы вѣрно, милая маменька, не осердитесь на меня за то, что на поѣздку къ Евецкому издержалъ 480 копѣекъ. За то я видѣлъ Евецкаго, провелъ съ нимъ счастливый день, увидѣлъ и обозрѣлъ Екатеринославль, проѣздился, былъ на той сторонѣ Днѣпра, видѣлъ развалины потемкинскаго дома. Въ понедѣльникъ я обѣдалъ у Евецкихъ. Добрые, умные старики. Они приняли меня очень ласково. За обѣдомъ я познакомился со старикомъ Цыхомъ. Предобрый старикъ—нѣмчикъ, забавникъ. Я забылъ

[1]) М. И. Кусковъ, дядя И. И. Срезневскаго.

вамъ сказать о пожарахъ Екатеринославскихъ. Уже впродолженіе цѣлой недѣли они продолжаются безпрерывно, каждую ночь. Въ числѣ сгорѣвшихъ строеній и синагога жидовская, большое зданіе. Остались только фундаменты, и на бѣду случилось это въ пятницу ночью, наканунѣ шабаша. Законъ запрещаетъ въ это время жидамъ трудиться. Съ воемъ и визгомъ они кружились около пламени, воздѣвая омытыя руки свои къ небу; русскіе не принимались тушить отъ суевѣрія.—Такая безпрерывная цѣпь пожаровъ, само собою разумѣется, предполагаетъ *поджогу*. Подозрѣваютъ въ этомъ плѣнныхъ поляковъ, живущихъ теперь въ Екатеринославлѣ. Разсказываютъ многіе анекдоты: какъ одному мѣщанину грозилъ полякъ поджечь его домъ, если не дастъ ему денегъ; какъ польскій мальчишка бросилъ въ бочку съ дегтемъ начиненную порохомъ и подожженную сумку, и пр. и пр. Весь Екатеринославль въ страхѣ. Жители учредили изъ себя квартальный обходъ, но ничто не помогаетъ. Пожары бываютъ по большей части рано вечеромъ или часовъ въ 6-ть утромъ. Предъ симъ несчастнымъ временемъ Екатеринославль пировалъ: безпрестанные балы, конская скачка, поднятіе колокола на колокольню вновь строящагося собора, и пр. О семъ послѣднемъ скажу подробнѣе: когда привезенъ былъ колоколъ на баркѣ, искали подрядчика, который бы перевезъ его на гору къ собору. Никто не согласился менѣе пятисотъ рублей взять за такой подрядъ: такова гора! Тогда народъ, поставивши колоколъ на полозья, торжественнымъ шествіемъ повезъ самъ своими руками этотъ колоколъ, духовенство и чиновники сопровождали пятитысячную процессію. Даже дѣти и старухи хватались за стосаженную веревку, будто помогая своимъ отцамъ и сыновьямъ. Въ полчаса колоколъ былъ уже на горѣ. Въ двѣ минуты его встащили на верхъ колокольни.—Братъ писалъ мнѣ когда то, что Гулакъ умеръ. Правда ли это? Я въ Екатеринославлѣ слышалъ противное. Вѣрно братъ повѣрилъ ложному слуху, а потомъ забылъ исправить свою ошибку.—Старикъ Цыхъ разсказывалъ, что сынъ его получилъ адъюнкта и магистра, и радовался. Я не хотѣлъ уничтожать его радости ни даже сомнѣніемъ. Но скажи пожа-

луйста, братъ, ужели Гордѣенко [1]) и Криворотовъ [2]) добились магистерства? Если Цыха сбили, то ихъ обоихъ стоило бы сдѣлать истопниками въ университетѣ: а сдѣлать ихъ магистрами, удаливши Цыха,—срамъ университету. Если сложить цѣлый легіонъ Криворотовыхъ, то и тогда не составится ни одного Цыха, ни по уму, ни по знаніямъ. Я возвращался изъ Екатеринославля вечеромъ. Мятель играла въ воздухѣ. Я закутался—и заснулъ. Кучеръ—чудо, лошади—тоже. Летимъ. Я проснулся, когда съѣзжали съ горы къ Днѣпру. Тпру! Кучеръ соскочилъ искать дороги черезъ Днѣпръ, наконецъ помощью мужика отыскали—и поѣхали по льду. Вода подо льдомъ гудетъ. Ледъ трещитъ, но это вовсе не страшно, провалиться нельзя. Ледъ уже въ аршинъ толщины; а скучно то, что ѣдешь по льду. По Днѣпру ледъ обыкновенно становился *шерегомъ*. Какъ бы это вамъ разсказать? Легкій ледъ въ началѣ зимы ломается волною,—становится другъ къ другу бокомъ и замерзаетъ постепенно, начиная отъ нижняго порога къ верхнему. И такъ ледъ вдругъ становится толстымъ, но чрезвычайно неровнымъ: одинъ кусокъ льдины выдался, другой впалъ. Когда Днѣпръ станетъ, прокладываютъ дорогу, то-есть чистятъ, чтобы удобнѣе было ѣздить; но это не помогаетъ. Ѣдешь, и безпрестанно гнешься то на одну сторону, то на другую. Подъ колею вѣчно попадаетъ льдина,—и такъ тряско надобно ѣхать около двухъ верстъ. Вы не можете себѣ представить, какъ у меня болѣли ноги послѣ такого странствія. Точно будто кто ихъ перещупалъ кіемъ...

—

14.

7 декабря 1832 г. Варваровка.

Лети, лети время, скорѣй, скорѣй! А вы, душенька маменька, ждите колокольчика. Скоро, скоро...

---

[1]) Григорій Степановичъ Гордѣенко, впослѣдствіи проф. законовъ полицейскихъ и уголовныхъ Харьковскаго университета († 1849 г.).

[2]) Александръ Григорьевичъ Криворотовъ, проф. римскаго права въ Харьковскомъ унив. († 1850 г.).

Уже я начинаю приготовляться къ пути. Вчера вечеромъ перебиралъ и приводилъ въ порядокъ тетради. Пересматривая такимъ образомъ свои кипы, я увидѣлъ, что время не совсѣмъ потеряно. Украинская скрыня моя выросла или, лучше сказать, подросла очень примѣтно. Собраніе словацкихъ пѣсень тоже увеличилось, ибо и къ намъ въ деревню два раза заходили словаки: разумѣется я не пропускалъ случая. Собственно мои труды также шли не даромъ. Пріѣхавши въ Харьковъ, я буду просить у васъ кое въ чемъ совѣтовъ, милая маменька. На совѣты чужіе и не могу, и боюсь положиться...

—

15.

16-е дек. Варваровка.

Послѣднее. Слава Богу, слава намъ!

...Какъ увидимся, то я думаю и въ двѣ недѣли я не успѣю пересказать всего,—а какъ писать въ письмѣ, то того не хочется, того не можно, того не ловко, и такимъ образомъ предметы письма уменьшаются въ количествѣ и сходятся къ очень небольшому числу самыхъ глупыхъ мелочей. На прошлой недѣлѣ былъ у насъ засѣдатель. Это лицо довольно аккуратно выражаетъ мѣсто, имъ занимаемое.

Пріѣхавши въ Харьковъ, я когда-нибудь опишу вамъ формально всѣ лица, коихъ лицезрѣніемъ я наслаждался въ здѣшнихъ мѣстахъ, опишу всю этнографію украинскихъ степей самымъ вѣрнымъ образомъ съ прибавленіемъ безчисленныхъ анекдотовъ. Юмористическій цѣлый романъ въ рукахъ,—стоитъ приняться написать,—только не хочется.

Послѣднее время я занимаюсь собираніемъ преданій о запорожцахъ. Въ воскресеніе ожидаю къ себѣ старика—болтуна, который долженъ разсказать многое. Знаете ли, какъ добръ Иванъ Тимоѳеевичъ: слѣдующею весною я поѣду по Днѣпру, то водою, то сухимъ путемъ, и обозрю всѣ пороги и острова самымъ вѣрнымъ образомъ, а если вы позволите мнѣ издержать 30 рублей, то буду въ состояніи доплыть до самаго Херсона и до Чернаго моря и вернуться назадъ въ Варваровку на почтовыхъ. Туда на баркѣ

почти даромъ. Путешествіе самое веселое. А лѣтомъ непремѣнно поѣдемъ съ вами въ Изюмскій уѣздъ. Я столько наслышался о красотѣ онаго, что грѣхъ не увидѣть его. Но это все зависѣть будетъ отъ вашего позволенія.

А затѣмъ прощайте, милая маменька, *до свиданія*.

Из. Ср. [1])

—

16.

Варваровка. Генв. 17, 1833.

Желаю здравствовать, маменька! Здравствуй, братъ! Уже 4-й день, или 3-и сутки, какъ я въ Варваровкѣ. Михаилъ Ивановичъ уѣхалъ вчера. Все пошло по прежнему, тихо, медленно. Катерина Романовна и Иванъ Тимоѳеевичъ еще лучше со мною. Дѣти любезны. Всѣ обрадовались мнѣ, какъ родному. Я сказалъ Катеринѣ Романовнѣ, что вы позволили ей не только ставить меня въ уголъ, но и совершенно передали ей право маменьки; а вслѣдствіе сего, я, благодаря, говорю ей: mercі, maman! Дней черезъ 10-ть они будутъ въ Харьковѣ проѣздомъ въ Воронежъ. Вотъ нашъ путь:

— Первая станція была пребезпокойная. Я болѣе шелъ пѣшкомъ. Потомъ лошадь пала. Потомъ въ Мерефѣ съ кибиткой. Я осмотрѣлъ ее: починять было долго. Мы оставили ее и поѣхали далѣе въ Водолаги... Въ Водолагахъ мы отдохнули. Часу въ 8-мъ утра пріѣхали въ Старовѣровку... Въ Константиноградѣ я пролежалъ больной; выпилъ полбутылки краснаго вина и лучше стало. Утромъ пріѣхали въ Новомосковскъ на другой день, а вечеромъ въ Варваровку. Въ Новомосковскѣ я купилъ экипажъ—дасъ—экипажъ, простите, извините—заплатилъ дорого,—да я купилъ въ надеждѣ, что онъ пригодится,—розвальни за 8 рублей...

—

17.

Варваровка. Генв. 22, 1833.

...Я не отложилъ намѣренія издавать Альманахъ подъ именемъ „Отрывки“. Содержаніе: повѣсти, путешествія и исто-

[1]) На послѣднемъ листкѣ письма нарисованъ «Планъ нынѣшняго Варваровскаго помѣстья въ XVI вѣкѣ».

рическіе отрывки. Если увидитесь съ Петровымъ [1]), то именемъ своимъ попросите для меня у него статьи о Сибири; а я ему пришлю обѣщанное по слѣдующей почтѣ [2]). Теперь некогда писать, а то и теперь бы прислалъ.

Извѣстите, маменька, объ этомъ и Ивана Николаевича; да еще вотъ въ чемъ дѣло. Я хочу напечатать въ альманахѣ своемъ его отрывки изъ писемъ безъ подписи имени, а звѣздочками. Согласится ли? не сердится ли? Еще маленькая просьба, почтеннѣйшая маменька: сдѣлайте милость, попросите Іосифа Афанасьевича, чтобы онъ сократилъ для меня статью изъ Annales des Voyages Мальтебруна о Сѣверныхъ земляхъ, которая поясняетъ карту Зено. Онъ знаетъ. Я думаю, что онъ по добротѣ своей не откажется это сдѣлать, тѣмъ болѣе потому, что эта статья мнѣ очень нужна. Пусть извинитъ, что не пишу къ нему: ей-ей, некогда.

Когда Иванъ Тимофеевичъ будетъ въ Харьковѣ, то сдѣлай милость, братъ, вручи ему мой Телескопъ (2 тома), достань остальное у Рейпольскаго, пожалуйста достань. Вчера мы читали Саламанхскаго студента и хохотали.

У насъ весна. Снѣгу нѣтъ, Днѣпръ таетъ. Я ѣздилъ верхомъ въ одномъ архалукѣ. Стадо въ полѣ. Кое-гдѣ пробивается молоденькая травка...

—

18.

Варваровка. 27 генв. 1833.

...Хотѣлъ бы вамъ написать какую-нибудь новость, та що робыты?—Немае ніякои.—Цо вечерамъ занимаюсь перепиской

---

[1]) Иванъ Матвѣевичъ Петровъ—харьковскій литераторъ.

[2]) Это обѣщанное были «Отрывки изъ записокъ о старцѣ Григоріи Сковородѣ», напечат. Петровымъ въ его альманахѣ «Утренняя звѣзда» (Москва, 1836) въ подписью И. С. р. з. к. Варваровка на Днѣпрѣ. 1833, февр. 11. О статьѣ этой есть упоминаніе въ одномъ изъ писемъ Е. И. Срезневской И. И. С—ому; изъ него видно, между прочимъ, что Петровъ просилъ И. И. С—го нарисовать портретъ Сковороды въ свитѣ; вѣроятно, этотъ портретъ и есть тотъ, который былъ напечатанъ въ «Утренней звѣздѣ» и перепечатанъ въ «Библіографѣ» 1894 г. при замѣткѣ моей о письмахъ Сковороды къ Правицкому.

статей альманачныхъ. Недѣли черезъ двѣ пошлю въ Москву рукопись уже переписанную. Вы, можетъ быть, удивляетесь простотѣ названія моего альманаха: чѣмъ проще, тѣмъ лучше. Статьи любопытныя. Не угодно ли прочесть заглавіе приготовленныхъ уже? Вотъ оно:

Повѣсти: Вукъ Абрамъ (Евецкаго), Туфли (арабская пов.), Мой дядя (моя), Фермата (Гофмана, пересказанная мною), Вевелянка (преданіе), Блуждающій жидъ (Шуберта).

Путешествія: Чатырдагъ (Филомафитскаго), Черниговъ (Кулжинскаго), Жители западныхъ Пиринеевъ (Фишера изъ Москвы), Разсказъ бывшаго въ плѣну у дикарей Сѣверной Америки, о Сербіи; Осетины (Яновскаго), о Грузіи (Евецкаго).

Смѣсь: О молдавской народной поэзіи, Мысли и замѣчанія; Письма о санскритской литературѣ и языкѣ; о магометанахъ (Ив. Ник. Соколова).

Это еще не все. Если Петрову захочется знать содержаніе, то пусть полюбопытствуетъ. Если можно будетъ, то я постараюсь еще достать повѣстей, дабы сдѣлать альманахъ любопытнѣе... [1])

—

19.

Варваровка. 1833. Середа, 21 февр.

...Вы пишете мнѣ, маменька, относительно Полторацкаго [2]) Братъ сказалъ, что я не соглашусь,—а я напротивъ радъ случаю, разумѣется, лишь бы на такихъ условіяхъ, кои могли бы мнѣ доставить такое покойное житье, какъ теперь, хоть и хуже немножко, то ничего. Мнѣ теперь—чудо; одно то, что я не таскаюсь по пансіонамъ; лишь-бы вы, маменька, согласились. По немногу, нѣтъ по многу, я занимаюсь—и наконецъ выслужу свое. Служба не уйдетъ; а деньги нужны. Одно, что я не подлѣ васъ. Охъ, тяжко мнѣ иногда отъ этого, да что дѣлать! Я увѣренъ, что вы теперь не грустите о недостаткѣ: съ меня и этого достаточно. Я покоенъ, я счастливъ. Это правда, я не

[1]) Альманахъ этотъ напечатанъ не былъ.

[2]) Полторацкій приглашалъ И. И. С—го на мѣсто домашняго учителя (изъ письма Е. И. Срезневской 10 февр.).

забываю о магистерствѣ, но едва ли въ Харьковѣ. Мнѣ бы хотѣлось такъ распорядиться: поучить нѣсколько лѣтъ, потомъ сыскать компанію за границу, дать въ доктора, да и свиснуть опять въ Русь. Мнѣ еще 20 лѣтъ 8 мѣсяцевъ. Если и еще 4 года погуляю, то много. А между тѣмъ есть много времени для занятій, и больше охоты заниматься по волѣ. Впрочемъ все будетъ, какъ Богу угодно. Будетъ то, что будетъ, а будетъ что Богу угодно, какъ сказалъ Хмѣльницкій. Я положилъ себѣ за правило каждую недѣлю написать какую-нибудь статью,— двѣ недѣли ее поправлять, а на третью отсылать въ журналъ. И это скрѣпляетъ мои занятія, а между тѣмъ главное мое занятіе, любимое—исторія Украины идетъ само собою не въ счетъ. Прошлую недѣлю послалъ въ Телескопъ: О Зендавестѣ. [1]) Нынѣшнюю, если успѣю переписать, перепишу о Вико [2]). Будутъ ли напечатаны, объ этомъ братъ меня увѣдомитъ...

—

20.

Варваровка. 1833, февр. 24.

Не знаю, что и подумать, милая моя маменька, о вашемъ молчаніи на прошлой почтѣ. Такое критическое время какъ теперь невольно наводитъ подозрѣніе. Здоровы ли вы? Не больны ли? Не больны ли отчаянно? Или, можетъ быть, васъ мучитъ боль глазная? Никогда я столько не безпокоился, столько не грустилъ, не призадумывался, не мѣшался въ разговорахъ, не наводилъ скуку на другихъ, какъ теперь, начиная съ прошедшей субботы. Не знаю, что и подумать, какъ и разгадать! Въ другое время я только жалѣю, что отъ васъ ни строчки, но теперь, теперь, когда вы сами увѣдомляете меня о повѣтріяхъ! Маменька, добрая маменька, ради Бога не пропускайте не одной почты, пока въ Харьковѣ не будетъ все спокойно. Хоть по нѣскольку строчекъ руки вашей,—и съ меня довольно.

---

[1]) «Общія основанія Зендавесты» были напечатаны въ Телескопѣ 1835 г. (т. 28, с. 519—526) съ подписью И. С. Варваровка на Днѣпрѣ. 1833 г. февр. 16.

[2]) Напечатано не было.

Пусть братъ дописываетъ остальное. Ахъ, если бъ вы знали, маменька, какъ теперь тяжело мнѣ; грущу, и какъ будто по какому-то предчувствію. Конечно у васъ есть медики, близка помощь,—но, пожалуйста, душенька маменька, не болѣйте, будьте здоровы, да не забывайте вашего степняка. Для него лучшее удовольствіе, единственная отрада—вѣсть отъ васъ. Теперь только я почувствовалъ, какъ тяжело разставаться съ родными, какъ тяжело сносить горе отдаленія отъ родной. Нѣтъ, мое опредѣленіе жить подлѣ васъ, неразлучно. Тогда только я спокоенъ, счастливъ. Если огорчу васъ невольно,—вы простите меня; а теперь некому огорчить, некому и приласкать. Просто былинка степная. Однако я раскваксился. Можетъ быть вы здоровы. Ахъ, если бы!—Вы получили мое послѣднее письмо и въ немъ видъ Днѣпровскій. Теперь каждое утро я брожу по берегамъ Днѣпра и снимаю виды. Есть видъ Ненасытянца; видъ пороговъ Звонецкаго и Волошскаго и пр. Понемногу составлю порядочный портфель. Память со степей. Хочу нарисовать видъ Днѣпра, ночь, горятъ степи, Днѣпръ пылаетъ. Если бъ удалось. Жаль, бумаги нѣтъ хорошей. Завтра воскресенье: ѣду съ Алексѣемъ Ивановичемъ[1]) на Вороную. Тамъ живетъ 97-лѣтній старикъ Гречка. Онъ былъ запорожцемъ, знаетъ много важныхъ неизвѣстныхъ исторій, происшествій. Буду разспрашивать; Катерина Романовна обѣщала зазвать волошку и списать у нея Молдавскія пѣсни съ переводомъ. Это вмѣсто сюрприза...

—

21.

Варваровка. 1833, февр. 27.

Нѣсколько уже дней я зритель пожара степей. Зрѣлище для меня совершенно новое и поразительное. Я бы желалъ познакомить васъ, милая маменька, съ этимъ пожаромъ; но что дѣлать,—вы не родили меня ни поэтомъ, ни живописцемъ. Если бы я рѣшился описать вамъ этотъ пожаръ въ красивыхъ періодахъ, то только бы насмѣшилъ васъ своимъ кислорѣчіемъ;

[1]) Сынъ Подольскихъ.

если бы нарисовалъ, то вы бы не поняли. Придется ограничиться однимъ сказаніемъ о томъ, какъ и для чего производятся подобные пожары.

По степямъ днѣпровскимъ растетъ высокая трава, подобная хлѣбу, густая, высокая. Здѣсь называютъ ее *комышемъ*, *ковылою*, *тирсою*, какъ угодно. Когда то, въ прежнее бывалое, старинное время этотъ комышъ бывалъ такъ высокъ, что за нимъ не видно было рогатаго скота,—настоящій лѣсъ. Теперь, когда степи населяются все болѣе и болѣе, комышъ унизился; но и теперь въ иныхъ мѣстахъ онъ выше $1^1/_2$ арш. Въ продолженіе цѣлаго лѣта онъ растетъ, зеленѣетъ; осенью сохнетъ, и во всю зиму стоитъ крѣпко на стебляхъ своихъ. Вѣтеръ только играетъ имъ. Весною, когда снѣгъ спадетъ и солнце пригрѣетъ землю, степняки начинаютъ жечь этотъ высохшій лѣсъ комышу, дабы скорѣе росла молодая трава; берутъ пукъ самаго тонкаго комышу, сгинаютъ въ ложку, кладутъ огню въ оную,—и, когда пукъ запылаетъ, они начинаютъ поджигать степь, приложивши пукъ къ землѣ и бѣжа такимъ образомъ перпендикулярно къ вѣтру, по прямой линіи. Полоса запылала, вѣтеръ погналъ пламя, и вотъ степь покрылась вся огнемъ. Она горитъ до тѣхъ поръ, пока сыщетъ себѣ какую-нибудь препону, хотя небольшую дорожку. Если желаютъ, чтобы пожаръ пошелъ далѣе черезъ дорогу, перекидываютъ огонь, и пламя бѣжитъ далѣе до новой препоны. На эти пожары любо смотрѣть ночью. Небо играетъ заревомъ, пламя и дымъ вьются клубами, Днѣпръ будто горитъ, и волны, переливающіяся черезъ пороги, сіяютъ мрачною радугою.—И все тихо и все глухо, какъ въ могилѣ, только изрѣдка вой волка пробудитъ спящихъ собакъ или порывъ вѣтра прерветъ тихій ропотъ пороговъ, и пороги взбурлятъ, и вспѣнятся волны...

Что то дѣется съ Іосифомъ Афанасьевичемъ? Что подѣлываетъ его око всевидящее? Или оно еще ничего доселѣ не видитъ? Жаль! Я представляю себѣ его отчаяніе. Онъ такъ любитъ читать и заниматься, а при глазной боли долженъ ограничиваться одними своими мыслями.—Я хотѣлъ къ нему писать письмо, но поду-

малъ, что равно онъ отложитъ чтеніе его, а потому и рѣшилъ подождать его собственной писульки. Тогда напишу зѣло много.—Я теперь, маменька, знаю старину запорожскую какъ свою собственную жизнь. Мало-по-малу и собралъ свѣдѣній очень много. Особенно мнѣ помогъ *Гречка*, о которомъ я писалъ къ Замъ въ прошломъ письмѣ. Часовъ пять я провелъ прошлое воскресенье на Вороной, все разговаривалъ съ стариною, и слышалъ и узналъ очень многое. Гречка былъ самъ запорожцемъ и всему очнымъ свидѣтелемъ,—жаль, что ему измѣняетъ иногда память, но въ такомъ случаѣ я его надоумливаю, онъ припоминаетъ, поправляетъ мои ошибки, и дѣло ладно. Гречкѣ 97 лѣтъ. Ему было уже 15, когда онъ присягалъ Петру Ш-му. Происшествія за его память онъ разсказываетъ чрезвычайно подробно, и что всего любопытнѣе, *по своему*, какъ запорожецъ, съ его вѣрованіями, съ его политическими мнѣніями. Живой памятникъ минувшаго! Скажите, добрая маменька, что пишетъ Иванъ Николаевичъ? Упоминаетъ ли онъ когда-нибудь обо мнѣ? какъ упоминаетъ? Вотъ уже два письма я написалъ къ нему: одно до Рождества, другое тотчасъ по пріѣздѣ. И ни слова. Ужели онъ сердится на меня? Ужели я виноватъ предъ нимъ? Я по крайней мѣрѣ желалъ бы знать вину свою. Но такъ темно быть виноватымъ, осужденнымъ,—Богъ съ нимъ, съ добрымъ Иваномъ Николаевичемъ! Я вовсе не заслуживаю, кажется, презрѣнія отъ него; но и навязываться, подбѣгать, льстить—не намѣренъ ни предъ кѣмъ, тѣмъ болѣе предъ Иваномъ Николаевичемъ, котораго я душевно почитаю, люблю и обязанъ многимъ: тогда бы только я былъ тѣмъ, чѣмъ угодно, какъ видно, считать меня теперь Ивану Николаевичу. Я уже не смѣю теперь относиться къ Ив. Ник. ни съ просьбою, ни съ совѣтомъ, ни съ чувствами, словомъ: слова мои только увеличиваютъ въ немъ худое обо мнѣ мнѣніе, и наскучаютъ ему. Для чего же терять ихъ? Я знаю, что если Иванъ Николаевичъ любилъ меня, то для меня же, изъ желанія мнѣ добра, пользы, счастія; а я могу любить его только для себя. Разница большая.

Прощайте, добрая маменька!—Не забывайте вашего сына.

И. С.

22.

Варваровка. 1833, мар. 15.

...Въ нынѣшнюю недѣлю у насъ пропѣлось нѣсколько самыхъ жестокихъ бравурныхъ арій. Отчасти у меня голова ходенемъ ходила.

Алексѣю Ивановичу разрѣшили не быть студентомъ. То была первая бравада. Ему наскучило учить большіе уроки; онъ объявилъ нѣсколько разъ досаду свою маменькѣ и папенькѣ. Папенька обрадовался, что сынокъ хочетъ идти по батьку. Маменька вѣроятно сжалилась надъ любимымъ болваномъ, и Алеша вступитъ прямо въ военную службу. То то будетъ настоящій Кабудъ, путешествовавшій въ Мекку! Мнѣ было досадно такое рѣшеніе. Всѣ труды мои пропали. Я представлялъ и то и другое, но, разумѣется, выслушали, да не послушали. Это обыкновенно бываетъ, и я только расхохотался. Пусть что хотятъ, то дѣлаютъ, мое дѣло было сказать; а по расположенію ко мнѣ и Катерины Романовны и Ивана Тимофеевича, вѣчно допрашивающихъ и меня, что касается до мыслей,—я не могъ сдѣлать иначе: переказалъ все откровенно. Теперь Алеша развязанъ и пошелъ ослить, учится прегадко, думаетъ объ одномъ ружьѣ, а объ урокахъ вовсе нѣтъ думки. Я предварилъ родителей о слѣдствіяхъ позволенія. Мое предсказаніе сбывается.

Цѣлое семейство мужиковъ, т. е. отецъ и два сына изъ новокупленныхъ русскихъ, бѣжало изъ деревни, Богъ вѣсть, куда. То была вторая бравурная арія, которая не кончилась и доселѣ. Ив. Тим. посылалъ погоню по всѣмъ дорогамъ, но не отыскали. И причину побѣга трудно отгадать. Снялись да и пошли, оставя женъ и дѣтей, вѣроятно, съ намѣреніемъ при случаѣ взять и ихъ къ себѣ. Были допросы, были арапники,—все тщетно. Удивляюсь стойкости русскаго народа. Хохолъ никогда не будетъ такъ стоекъ. Розыски продолжаются. Угадываютъ мѣсто, куда бѣжали. Надобно знать, что въ здѣшнихъ мѣстахъ есть много панковъ, которые безтрепетно принимаютъ къ себѣ бѣглыхъ, обременяютъ ихъ работами, и ничего не платятъ, угрожая судомъ. Но таковъ предразсудокъ: мужику лучше жить

подъ паномъ, нежели *у пана* по крѣпости. Думаютъ, что бѣглые отправились къ одному изъ такихъ панковъ, который имѣетъ хуторъ около Елисаветграда.

Днѣпръ ломаетъ. То третья бравурная арія. Но какова смѣлость народа здѣшняго! Вчера начало ломать ледъ, а третьяго дня и вчера даже утромъ ходили и ѣздили! Впрочемъ эта смѣлость искусственная. Ходятъ въ такое время по льду и ѣздятъ только одни Синельниковцы. Баринъ приказываетъ, стращаетъ арапниками,—бѣдняжки ходятъ. Каждую весну потопаетъ синельниковцевъ до 18 душъ. А какъ бы вы думали, кто причиною такого погона бѣдныхъ? Belles maitresses Синельникова, который живетъ съ ними не какъ султанъ или паша, а какъ нижайшій рабъ, не смѣющій ослушаться приказаній своихъ повелительницъ. Синельниковъ покровительствуетъ разврату въ своихъ имѣніяхъ лучше, нежели нашъ государь просвѣщенію.

На этихъ дняхъ у меня была развалина запорожская, старикъ лѣтъ 80, бандуристъ. Много я разспрашивалъ его, многое узналъ. Списалъ нѣсколько думъ и пѣсней старинныхъ. Теперь, маменька, я знаю Запорожье не хуже азбуки. Мало по-малу, тихо-по-тиху, да и доползъ. Однако не перестану заниматься. Трудъ мой, почти семилѣтній, не долженъ остаться безъ окончанія или безъ пользы. Начну съ того, что перепишу набѣло аккуратно все свое собраніе. Куча будетъ порядочная!

Прощайте, маменька, прощай, братъ! Да, ради Бога, не забывайте вашего степняка...

—

23.

Варваровка, 17 марта 1833 г.

Еще почта, и опять отъ васъ нѣтъ письма. Господи Боже мой! Я настоящій сирота. Неоткуда мнѣ получить вѣсти, нечѣмъ порадоваться... Милая маменька, теперь я знаю, что значитъ любить и какъ я люблю васъ! Можетъ быть я желалъ бы даже быть равнодушнѣе, желалъ бы забыть свое горе,—но нѣтъ, оно слишкомъ близко къ сердцу, имъ все оно занято. Я плакалъ, читая

слова Вернера: „Богъ и мать, вотъ что должно занимать меня“ и пр. Нѣтъ, Вернеръ не обманывалъ, говоря это. Я это чувствую по себѣ. Письмо, привезенное мужикомъ русскимъ съ посылкою—было послѣднее. Пять недѣль прошло,—и хотя бы кто строчку. Ни вы, ни братъ, ни Джунковскій. Ужели я недостоинъ строчки? Одна только строчка вашей руки, маменька,—съ меня бы и ее довольно. Наконецъ, я прошу васъ на предбудущее время,—не пропускайте ни одной почты, хоть по нѣсколько строчекъ, пишите ко мнѣ, но пишите. Это не составитъ большого счета. Мнѣ не нужно харьковскихъ новостей и пр. мнѣ нужна вѣсть отъ васъ, о вашемъ здоровьи,—увѣреніе, что вы не забыли, не сердитесь на меня.

На прошлой почтѣ я писалъ письмо къ Евецкому, чтобы онъ увѣдомилъ меня. Можетъ быть у него лежатъ письма ко мнѣ. Но отвѣта черезъ почту ждать долго. Иванъ Тимоѳеевичъ былъ такъ одбръ, что приказалъ снарядить дубъ, и завтра Романъ переправится на ту сторону, и поѣдетъ въ Екатеринославль. Послѣзавтра поутру я получу отвѣтъ. Ахъ, если бы онъ былъ съ письмами вашими! Нѣтъ, худо, худо на чужой сторонѣ, вдали отъ родныхъ, отъ родной матери, матери, которой обязанъ я всѣмъ, всѣмъ, даже чувствомъ любви къ ней! Это чувство невольно... нѣтъ, не доскажу.

Авось либо я буду счастливъ послѣ завтра. Авось, но если нѣтъ... что я долженъ подумать. Лечу въ Харьковъ. Сейчасъ только былъ у меня Иванъ Тимоѳеевичъ Я ему сказалъ эту мысль свою, онъ согласенъ. Дѣло кончено. Еще почта—и я у васъ.

Прощайте, маменька, не забывайте вашего сына. И. С.

—

24.

Варваровка, 20 марта 1833 г.

Наконецъ, добрая маменька, наконецъ я успокоился. Третьяго дня я получилъ ваше письмо № 5 отъ 28-го февраля. Съ этою почтою надѣюсь получить и еще одно, а можетъ быть и два. Но, ради Бога, не оставляйте меня, маменька, безъ пи-

семъ вашихъ. Катерина Романовна говоритъ, что я былъ покожъ на больного во все время ожиданія,—и былъ какъ сумасшедшій, когда дождался. Я не помню, чтобы когда-нибудь былъ такъ восхищенъ, какъ получивши это письмо. Но я долженъ признаться, не получая такъ долго письма отъ васъ, я думалъ, былъ почти увѣренъ, что уже не увижусь съ вами никогда, что я уже сирота, жалкій, беззащитный сирота безъ родныхъ, безъ покрова, одинъ, какъ степная былинка.

Относительно статьи о Сковородѣ, сдѣлайте одолженіе прочтите ее внимательно, пораскритикуйте,—и только тогда отдайте Петрову, когда найдете ее достойною печати. Вѣдь она написана слишкомъ наскоро, не болѣе какъ въ два вечера.— Хоть и не будетъ извѣстно, кто сочинилъ, ее, но все лучше, если она не хороша, не печатать ее.

Знаете ли что, милая маменька? Мнѣ кажется—Петровъ не будетъ издавать Альманаха. Пусть братъ провѣдаетъ объ этомъ,— и если нѣтъ,—то лучше моей статьи и не отдавать ему, а то у меня черновой рукописи не осталось, а у него запропадетъ. Ее можно будетъ со временемъ исправить, и она будетъ похожа на что-нибудь дѣльное. Это самое меня заставляетъ не приготовлять и другихъ статей, которыя обѣщаны Петрову.....

—

25.

Варваровка. 29 мар. 1833 г.

.....Я еще кажется вамъ написалъ, что уже лакомился осетриной. Чудо рыба, если она свѣжая! Мясо бѣлое, жирное, питательное, хрящи какъ желе. Пробовалъ и икру—не понравилась, какъ и харьковская, я не нашелъ даже разницы; та же гадость. Но осетрина—чудо. До сихъ поръ поймано только 3 осетра, изъ коихъ одинъ—*кашница*, т. е. съ икрою. Кашница вѣсомъ $4^1/_2$ пуда, въ томъ числѣ икры неочищенной 1 пудъ и 6 фун., а когда очистили вышло около 30 фун. Два осетра уже съѣдено (въ пять дней), а третій посоленъ, но и тотъ уже начатъ, ибо теперь по причинѣ холода ловли нѣтъ.

По Днѣпру только 6 помѣщиковъ имѣютъ осетриную ловлю... Когда кашницу рѣзали, Кат. Ром. призвала меня, при мнѣ вынимали икру, при мнѣ икру чистили, при мнѣ разрѣзывали осетра на куски и солили. Я теперь знаю это ремесло; если случится, то и на дѣлѣ покажу свое знаніе...

Такъ вамъ понравилась моя Сковорода, или блинъ, что я спекъ на Сковородѣ! О коллегіумскихъ безпокоиться нечего, ибо моя фамилія не будетъ подписана; а притомъ на все есть цензура. Позволитъ—и дѣло, не позволитъ—и то дѣло. О Вернетѣ и о дамскомъ башмакѣ тоже думать нечего. Вернетъ самъ это разсказываетъ при всякомъ удобномъ случаѣ, то-есть разсказывалъ, ибо теперь онъ безъ просыпу пьетъ въ Водолагахъ у Дуниныхъ.

Петровъ говоритъ, что у него мало стиховъ. Дѣльно. Если успѣю, то перепишу ему, что у меня есть, и по слѣдующей почтѣ пришлю къ вамъ, а вы передадите пану Петрову; потрудитесь, добрая моя мама!—Я что-то теперь веселъ—и самъ не знаю чего. Такъ или потому что съ завтрего гуляю—ажъ-ажъ-ажъ до проводного понедѣлка. Еге!...

—

26.

Варваровка. 1833, апрѣля 10-е.

Отправивши къ вамъ, милая маменька, прошлое письмо, я поѣхалъ гулять по Днѣпру на дубѣ, и доѣзжалъ до половины, т. е. до острова Голодайки, около версты отъ берега. Что за удовольствіе! Три рыбалки поютъ свои заунывныя пѣсни, весла *шеморятъ* водою, мы летимъ. Я вспомнилъ, какъ мы прошлымъ лѣтомъ ѣздили по Лопани съ Іосифомъ Афанасьевичемъ и братомъ. Что если бы намъ поплавать вмѣстѣ по Днѣпру; мы бы заѣхали на Куной островъ, взошли бы на скалу и полюбовались бы видомъ Ненасытянца: этотъ островъ лежитъ у самаго порога, и съ него порогъ кажется настоящею горою. Увидѣли бы, какъ вода, облеченная мутной пѣной, крутится и переливается по двѣнадцати лавамъ или уступамъ скалъ Ненасытянскихъ... Чудесно!

Но вы вѣрно не поѣхали бы, маменька, вы бы побоялись великаго Днѣпра. Нѣтъ, онъ ничуть не страшенъ. Ѣдешь, какъ по маслу, легче нежели по Лопани. Разумѣется въ тихую погоду.—А въ бурю—это другое дѣло.

Какъ жить, а, если жить умѣючи, то въ здѣшнихъ мѣстахъ превесело. Напр. положимъ, что мы имѣемъ хуторокъ у самаго берега Днѣпровскаго; нашъ маленькій, уютненькій, весёленькій, чистенькій домикъ стоитъ на склонѣ горы, подъ сѣнью гранитной скалы, окруженный дубровою,—здѣсь вблизи нѣсколько хатъ крестьянскихъ, тутъ мельница, здѣсь токъ, здѣсь садъ,—а тамъ пахатныя поля. Все такъ уютно, мирно. Братъ женатъ—на доброй женѣ,—у него дѣтки, подобныя милой моей *матине* [1]); я ихъ учу,—вы съ невѣсткой занимаетесь хозяйствомъ. Братъ философствуетъ на поляхъ. Подлѣ насъ Иванъ Николаевичъ. Онъ тоже иногда учитъ своихъ племянниковъ и племянницъ. Тысячъ пятокъ доходу въ годъ,—и все хорошо. Иногда выѣзжаемъ въ Харьковъ, иногда въ Кіевъ,—и пр. и пр. Мы выписываемъ журналы, газеты; вечерами читаемъ; иногда пріѣзжаютъ сосѣди: тѣ для удовольствія, а тѣ для разнообразія. Я занимаюсь садомъ... Право не дурно... Но,—мечта,—и очень дурно.

Впрочемъ мнѣ жить изрядно и такъ. Только нѣтъ васъ, а это хуже всего. На другой годъ ни за что не соглашусь остаться: лучше меньше получать, да жить подлѣ васъ, вмѣстѣ съ вами,—вмѣстѣ и горе и радость. Надобно только добиться въ институтъ, если останемся въ Харьковѣ, ибо брату должно окончить курсъ, а тамъ поглядимъ. Можетъ быть, въ Москву, или куды инше.

До того времени мнѣ хочется приготовить себя какъ слѣдуетъ въ томъ и другомъ: во-первыхъ относительно познаній, а во-вторыхъ относительно литературной извѣстности. Иванъ Васильевичъ [2]) именно пишетъ, что дабы получить хорошее мѣсто въ Питерѣ, необходимо нужна эта извѣстность. Чѣмъ

[1]) Маленькая дочь Подольскихъ.

[2]) Росковшенко—университетскій товарищъ И. И. Срезневскаго († 1889).

кто извѣстнѣе, тѣмъ тотъ принимается почетнѣе. Это меня заставляетъ часть трудовъ своихъ удѣлять и на сочиненія и переводы, кои могли бы быть въ печати. Очень немудрено, что и въ Москвѣ такъ точно дѣется.

У насъ рыбная ловля, т. е. осетриная, что-то плоха, до сего времени поймано только 11 осетровъ. Едва ли этимъ и не кончится. Но вы еще не знаете, какъ ловятся осетры здѣсь, и потому я скажу объ этомъ нѣсколько словъ... Все орудіе называется *переметомъ* [1]). Этими переметами застанавливается, какъ стѣнами, весь Днѣпръ. Когда осетры начинаютъ путь свой, то по необходимости должны встрѣтить сіи преграды на ономъ, и, испуганные, мгновенно поворачиваются назадъ, ляскаютъ хвостомъ въ переметъ и попадаются на крючья. Тогда начинаютъ они ёрзать туда и сюда, сомнутъ весь переметъ, т. е. каждый изъ нихъ по одиночкѣ сведетъ *куги* [2]) одну къ другой. Рыбалки, это примѣтивши, бросаются къ тому мѣсту, встаскиваютъ переметъ на дубъ, а вмѣстѣ съ переметомъ и осетра, и т. д...

—

27.

Варваровка. 1833, апр. 17.

При семъ письмѣ прилагается послѣдній отрывокъ второй статьи для Украинскаго альманаха г. Петрова. Думаю, что мои статьи будутъ въ семъ альманахѣ не изъ послѣднихъ, по крайней мѣрѣ, по мѣстности. При случаѣ, если вы, милая маменька, увидитесь съ Петровымъ, скажите ему, что если ему угодно попросить у меня, то я могу дать ему нѣсколько отрывковъ стихотворныхъ переводовъ изъ трагедій Кальдерона. Я переводилъ для себя, и только ради скуки вмѣсто прозы стихами. Если онъ меня попроситъ, то могу поправить стихи и прислать къ нему [3]).

---

[1]) Здѣсь представленъ рисунокъ перемета.

[2]) При объясненіи рисунка перемета сказано, что кугами наз. большія палки, плавающія на водѣ, прикрѣпленныя къ концамъ перемета.

[3]) Напечатаны не были.

Мы получили наконецъ Телескопъ и Молву, которую выписали вмѣсто Сѣверной пчелы. Викторъ Гюго—извѣстіе для Іосифа Афанасьевича—издалъ новую трагедію Лукреція Борджія. Не хвалятъ; хотя страшныхъ сценъ много. Въ Телескопѣ помѣщена прекрасная повѣсть Бальзака, въ родѣ Дженевры—*Двѣ встрѣчи*. Вы помните Дженевру, маменька, бѣдную Дженевру!—Елена, героиня сей новой повѣсти, не хуже Дженевры. Достаньте Телескопъ и вѣрно прочтете со слезами. Только Еленѣ достанется навѣрно отъ васъ. Какъ смѣла, какъ рѣшилась? И что за великодушіе? и пр...

—

28.

Варваровка. 1833, апр. 27.

Вчерашній день полонъ происшествіями, ma chère maman; но вы знаете, что значитъ день степной, исполненный происшествіями! Не много болѣе ничего. Вихрь, пріѣздъ засѣдателя и наконецъ разнощика, знаменитаго въ здѣшнемъ краю Куприановича. Такой день долженъ конечно почесться эпохою въ здѣшнихъ мѣстахъ.

Но какой вихрь! Часа въ два пополудни показалось на противоположномъ берегу Днѣпра сизовато-пыльное облако. Пороги примолкли. Вѣтеръ завылъ,—и облако понеслось съ быстротою молніи поперекъ Днѣпра, будто великанъ Іоптагеймскій; идетъ по вздымающимся волнамъ, и давитъ волны могучей пятой своей, и вотъ ближе, ближе, и разсыпалось въ дребезги, ступивши на нашъ берегъ,—взрываетъ крыши съ хатъ, хлещетъ снопами соломы, свиститъ песчанымъ дождемъ, и рвется, и крутится. Невозможно было выйти надворъ, не жалѣя потерять глазъ. Стулья, стоявшіе на балконѣ моемъ, изволили въ это время танцовать мазурку и потомъ окончили променадомъ вдоль всего балкона. Я хотѣлъ было сначала восхищаться свирѣпой картиной природы, но, когда увидѣлъ пляску стульевъ, столь чудную, столь сходную съ адской пляской духовъ, то не могъ не расхохотаться,—выскочилъ на балконъ, привязалъ паруса къ плясовщикамъ и, вбѣжавши опять въ комнату, долго любовался этимъ неви(да)нымъ хороводомъ.

Пріѣздъ засѣдателя былъ еще многообразнѣе. Динь, динь, динь! И вотъ показалось два передовыхъ казака,—ждемъ.—Катерина Романовна сидѣла въ это время у меня на балконѣ. Появляется бричка съ колокольчикомъ, запряженная тремя кляченками,—и въ бричкѣ, жидовскаго покроя двѣ жидовскихъ физіономіи, со впалыми, безпрерывно кружащимися глазами, съ усами, съ горбатыми носами, въ халатахъ.

Они пріѣхали производить слѣдствіе по дѣлу арестанта, котораго тому назадъ недѣли двѣ Иванъ Тимоѳеевичъ отправилъ въ судъ, поймавши въ своей деревнѣ. Катерина Романовна приняла засѣдателя; и онъ тотчасъ послалъ *своего писаря* производить слѣдствіе на деревню, и первое дѣло къ отцу этого арестанта, который принадлежитъ Ив. Тим. Послѣ обѣда Ив. Тим. замѣтилъ это засѣдателю. Тотъ убѣжалъ скорѣе къ своему писарю. Надобно знать, что засѣдатель обличенъ уже во взяткахъ: на него поданы жалобы. Передъ вечеромъ я съ Митей пошелъ въ деревню, гдѣ производилось слѣдствіе. Засталъ конецъ присяги, послѣ которой попъ подошелъ ко мнѣ... Между тѣмъ писарь началъ разспросы. Я замѣтилъ, что это не его дѣло, а засѣдателя. Онъ продолжаетъ. Это меня взбѣсило; особенно, когда начались разспросы о доказательствахъ. Я опять замѣтилъ, что у мужиковъ по разспросу доказательствъ не требуютъ, какъ слѣдуетъ по законамъ Николая. При томъ же разспросы не у мѣста. Они должны предшествовать присягѣ. Замѣтилъ ему и довольно дерзко, что все ихъ слѣдствіе не по закону, что, если они желаютъ, докажу въ судѣ. Видно, что оба они получили уже порядочную хабару отъ отца арестанта. Они передрогли, перекраснѣлись и переблѣднѣлись, когда сказалъ имъ, что не хотятъ ли они новаго доноса на себя, давая знать, что, по закону Николая, долгъ каждаго гражданина давать правительству знать о безчинствахъ, столь обыкновенныхъ при слѣдствіяхъ. Засѣдатель замѣтилъ мнѣ, что при разспросахъ никто не имѣетъ права вмѣшиваться. Я отвѣчаю, что разспросы писаря не суть разспросы, etc. Этимъ кончилась наша перепалка, которая произвела порядочную тревогу въ сердцахъ грѣшниковъ. Но что

болѣе всего ихъ изумило, то это то, что я сказалъ имъ, что они противно законамъ производятъ слѣдствіе, не давши знать помѣщику, не получивши отъ него отзыва. Отзывъ былъ между тѣмъ мною приготовленъ и такой отзывъ... Но что распространяться вдаль? Окончилось тѣмъ, что они передо мной расшаркались при прощаньи, а я du haute de ma grandeur кивнулъ имъ головою. Катерина Романовна—моя защитница: она говоритъ, что и сама тоже самое сдѣлала бы на моемъ мѣстѣ, Ив. Тим. также. Итакъ, засѣдателю носъ. Хорошо еще, что этимъ кончилось; а если бы меня не уговорилъ Ив. Тим. кончить ничѣмъ, то непремѣнно съ сею же почтою полетѣла бы бумажка къ губернатору на имя Евецкаго. Я бы сдѣлалъ маленькое благодѣяніе всему дворянству Павлоградскаго уѣзда.

Я увѣренъ, что вы не похвалите меня за горячность. Но я защитилъ бѣдныхъ мужиковъ. Ив. Тим. не имѣетъ въ семъ случаѣ права защищать ихъ. И деньги, которыми бы они навѣрно приплатились порядочно за свое незнаніе законовъ, остались въ ихъ карманахъ. Во время нашей перепалки мужики стояли за меня и говорили мнѣ, когда я защищалъ ихъ, какъ адвокатъ съ боку припеку:—„Да, да, батюшка, правда твоя, чѣмъ мы докажемъ? Мы люди неграмотные“...

—

29.

Варваровка. 3 мая 1833.

Новая боязнь, новое безпокойство, новая мука, добрая моя маменька! Представьте себя на моемъ мѣстѣ, и тогда сознаетесь, что какъ ни хорошо мнѣ жить здѣсь, а все худо. О, если бы я могъ, но не дай, Боже, мнѣ испытывать это, если бъ я могъ жить самъ собою безъ всякой привязанности, безъ всякаго чувства въ сердцѣ, кромѣ чувства гнуснаго себялюбія, безъ всякихъ привязанностей, кромѣ одной презрѣнной привязанности къ суетѣ своихъ личныхъ выгодъ,—тогда бы, можетъ быть, я жилъ бы счастливо въ степи Варваровской. Принятъ, какъ родной, какъ семьянинъ, имѣю все нужное, могу удовлетворять даже нѣкото-

рымъ прихотямъ своимъ, не нуждаюсь ни мало во времени для занятій науками. Чего бы болѣе? Но я былъ въ тысячу кратъ счастливѣе, не получавши 3000 руб., живши подъ однимъ кровомъ съ вами. И радость, и горе, все было для меня тогда раздѣлимо, все общее. Не за кого было опасаться, не за кого грустить, не по комъ жалѣть. А деньги, могутъ ли онѣ удовлетворить всѣмъ потребностямъ нашимъ? Лишь бы довольство: избытокъ портитъ людей. Не такъ ли? Если бы я могъ остаться здѣсь и на другой годъ, то не увѣренъ, такъ ли же остался бы привязанъ къ вамъ, не охладѣлъ ли бы я къ родственному счастію. Нѣтъ, маменька! Выгода остаться, несравненно менѣе выгоды не оставаться. Думаю, что переѣздъ мой въ Харьковъ рѣшителенъ. Хотя пожаръ и не совсѣмъ большое горе, по крайней мѣрѣ не несчастіе, однако за нимъ можетъ послѣдовать ваша болѣзнь. Это уже для меня настоящее горе... Ахъ, дай Богъ, чтобы слѣдующее письмо ваше меня разувѣрило въ моей боязни! Жду, не дождусь послѣзавтрашняго дня. Въ Троицу поговоримъ, какъ расположиться, и увидимъ.—Здѣсь я окончилъ свои работы. Для самого себя относительно Запорожья узналъ и досталъ все, что можно было. Катерина Романовна вѣрно будетъ довольна'мною, ибо дѣти прошли столько, сколько и въ три года въ пансіонѣ не выучили. 1500 руб. останется въ карманѣ у насъ. Я выѣду изъ Варваровки съ познаніемъ порядочнымъ двухъ языковъ: испанскаго и англійскаго, которыми теперь занимаюсь каждодневно, и по немногу успѣваю. Время не потеряно, смѣло скажу. Теперь и въ Харьковъ. Если бы въ Грузію или Москву и съ вами, о, это другое дѣло! Но здѣсь мнѣ незачѣмъ оставаться... Итакъ, у васъ Петровъ бываетъ частенько. Вѣрно, простой человѣкъ. Кстати, надобно въ Троицу познакомиться мнѣ съ Гр. Ѳед. Квиткой. Такъ? Рылся, рылся въ бумагахъ,—такъ нѣтъ. Представьте себѣ, маменька, почти окончилъ снимокъ портрета Сковороды и чрезвычайно удачно, куда то положилъ вмѣстѣ съ подлинникомъ, недѣли двѣ тому принялся искать и все ищу, и Богъ знаетъ, гдѣ. Такъ совѣстно противу Петрова. Хотѣлось бы услужить доброму человѣку, хоть подлинникъ прислать,—ну на

бѣду рѣшительно не приберу памяти. Цѣлый вечеръ сегодня прорылся, перерылъ и книги, и тетради и нигдѣ нѣтъ. Однако буду рыться. Желалъ бы, чтобы Петровъ не отсылалъ Альманаха въ цензуру до Троицы. Хочется поправить свои статьи хоть въ слогѣ. Писаны слишкомъ наскоро. Для альманаха, конечно, годятся, но, если Петровъ приложитъ портретъ Сковороды, то вѣдь статья моя будетъ на виду,—и потому обратитъ поневолѣ на себя вниманіе. Относительно портрета—можно взять его у Ирины Григорьевны. Она вѣрно не откажетъ.—Къ пріѣзду въ Харьковъ отлагаю исполненіе обѣщанія дать Петрову стиховъ. Онъ вѣрно не поспѣшитъ съ альманахомъ, прочетши въ Сѣверной Пчелѣ, Молвѣ и Телескопѣ критики на Альціону и Комету Белы.

Брату поклонъ. Іосифу Смирянину[1])—тоже.

Прощайте, милая маменька!

—

30.

Варваровка. іюня 14. 1833.

Боже мой, какія у насъ жары—рѣшительно нестерпимыя! Въ продолженіи цѣлаго дня такъ и вянешь,—радуешься, когда приближается вечеръ, надѣешься на одинъ вечеръ. Въ комнатѣ спать ночью душно. Но если бы вся бѣда была только въ этомъ; въ Таганрогѣ платятъ за пудъ муки 4 рубля,—за пудъ сѣна 2 р. 50 к. Какъ покажется это вамъ?... Ив. Тим. получилъ въ Новомосковскѣ рукопись мою изъ цензуры и распечаталъ; и распустилъ слухъ по Новомосковску, что я печатаю Запорожскую старину. Это обрадовало одного протопопа, который рванулся писать къ архіерею, охотнику до этой старины самому страстному. [2]) Мы съ Иваномъ Тимоѳеевичемъ поѣдемъ въ Екатеринославъ и познакомимся съ нимъ. Ив. Тим. доставитъ мнѣ болѣе 20 подписчиковъ, Кат. Ром. также нѣсколько. Иваненко обѣщаетъ около 50-ти. Я думаю, сыщу помощію архіерея въ Екатеринославлѣ. Все дѣло въ биле-

[1]) І. А. Джунковскій.

[2]) Гавріилъ Розановъ (съ 1828 по 1837 г.), архіепископъ екатеринославскій.

тахъ; вотъ почему и прошу васъ, маменька, попросить Петрова похлопотать о напечатаніи оныхъ по приложенной здѣсь формѣ. Братъ потрудится, перепишетъ эту форму на особомъ полулистикѣ почтовой бумаги, какъ это письмо. На первый разъ достаточно напечатать 100 билетовъ, а для сего нужно купить десть почтовой бумаги Полторацкаго, маленькаго формата въ полулистикъ. Тамъ 96 полулистковъ, слѣдовательно не достаетъ 4-хъ пол. Это хоть и на другой бумагѣ, или прикупить. Десть 2 руб. печат.— рублей 8. Да похлопочетъ Иванъ Матвѣевичъ испросить у полицеймейстера или губернатора позволеніе на напечатаніе и въ типографіи заставитъ напечатать почище и покрасивѣе. На вкусъ его можно положиться. Это все сдѣлаете дня въ три. И потому я васъ прошу, маменька, по слѣдующей почтѣ и прислать мнѣ 50 экземп. билета въ посылкѣ. А 50 останется у васъ. Имя мое подписать подъ мою руку и печать приложить на нихъ можетъ братъ. Можетъ быть, Петровъ и здѣсь что-нибудь сдѣлаетъ, или Григорій Ѳедоровичъ, къ которому прилагаю письмо здѣсь; Иванъ Матвѣевичъ постарается доставить ему. По отпечатаніи билетовъ прошу брата отнести рукопись къ ректору, а потомъ въ типографію—и печатать. А между тѣмъ я буду собирать подписчиковъ. 20 есть вѣрныхъ, слѣдовательно платежъ въ типографію вѣренъ. Если и потребуютъ впередъ рублей до 100, то, маменька, не откажите дать. Каждый корректурный листъ 1-й будетъ, надѣюсь, разсматривать братъ, 2-й—Джунковскій, Петровъ, и если, захочетъ, Квитка, а 3-й прошу васъ, добрая маменька, присылать ко мнѣ по почтѣ... Хочется, чтобы правильно было напечатано. Печатать 300 экземпл. новымъ цицеро, т. е. такими буквами, какъ Цыхова диссертація, въ малую 8-у. Петровъ похлопочетъ сдѣлать изданіе красивѣе. На веленевой печатать 20 экземпляровъ. Сдѣлай одолженіе, братъ, сдѣлай тетрадку, и веди счетъ издержкамъ всѣмъ до мелочи самый аккуратный. Это изданіе мнѣ, вѣрно, не принесетъ убытку. Прощайте, милая маменька! Поклонъ Іосифу Афанасьевичу.

Изм. Ср.

Не забудь, братъ, что надобно попросить отлить отдѣльную букву *û*, а то смотри вмѣсто *û* употребятъ франц. û; а другую букву î: такая, кажется, есть. Гдѣ у меня удареніе, смотри, приказывай ставить и въ печати вездѣ. Если хорошо попросишь, то хорошо и сдѣлаютъ.

—

31.

21 іюня 1833 года. Варваровка.

...Ночи у насъ очень прохладны, такъ что я вчера и не рѣшился лечь на дворѣ, а спалъ въ комнатѣ у растворенаго окна; и тутъ было холодно. А дни, особенно отъ 11 до 6,—ужасно жарки. И между тѣмъ вѣтеръ почти не перестаетъ,—и какой вѣтеръ! Нашъ степной, крикливый... Дни за три былъ такой ураганъ, какого до сихъ поръ не видѣлъ: людей, шедшихъ по улицамъ въ деревнѣ, чуть-чуть не валяло съ ногъ. Днѣпръ почти весь вспѣнился. Не только противнаго берега, но половины рѣки не было вовсе видно, а другая половина изъ-подъ красноватаго дыма урагана едва была замѣтна...

Васъ, маменька, я буду просить, чтобы вы, если будетъ у васъ Петровъ, попросили бы его похлопотать относительно Запорожской старины. Мнѣ бы хотѣлось первую книжку отпечатать къ пріѣзду Уварова. Петровъ сдѣлалъ бы мнѣ великую милость, если бы потрудился объявить, сообразно билету, о семъ изданіи въ Молвѣ и Сѣверной пчелѣ, и написалъ бы, что желающіе выписать могутъ адресовать съ приложеніемъ денегъ на мое имя въ Харьковъ. Самому этого не хочется дѣлать. Можетъ быть также онъ можетъ что-нибудь сдѣлать относительно подписчиковъ въ Харьковѣ. Гр. Ѳед. Кв. буду просить лично по пріѣздѣ.—Если Богъ поможетъ, то это изданіе можетъ принести мнѣ рублей до 1000. Кажется, что оно будетъ принято благосклонно. Теперь занимаюсь приготовленіемъ 2-й книжки. На этой недѣлѣ кончу—и тамъ займусь переписью лѣтописи, которую досталъ въ Новомосковскѣ. Напишу къ оной примѣчанія

и если успѣю, то вручу ее Уварову. По вечерамъ работаю для журнала. [1])

Покорный сынъ и братъ Из. Ср.

—

32.

Варваровка. 29 іюня.

...Вчера я докончилъ переписъ второй книжки Запорожской старины, пересмотрю, поправлю, что слѣдуетъ, прибавлю, и по слѣд. почтѣ отправлю въ цензуру. Эта книжка будетъ, кажется, довольно любопытна для многихъ. Всѣ три книжки будутъ стоить мнѣ, по большей мѣрѣ, 600 рублей: за напечатаніе, пересылку и пр. Билеты, кои останутся у васъ, означьте отъ № 51 до 100. Можетъ быть, братъ продастъ нѣсколько билетовъ студентамъ,— Іосифъ Афанасьевичъ раздастъ билета 3, а если постарается то, можетъ быть, и болѣе. Петровъ также. Пріѣхавши въ Харьковъ, буду стараться самъ у Робуша, Рейпольскаго, Борзенка. Если разойдутся всѣ 100 б., то я въ барышахъ 400 руб. ас., а потомъ по подпискѣ и еще можно набрать. Я отправлю 5 билет. къ Росковшенкѣ, 5 къ Венелину, 5 къ Шпигоцкому. Лишь бы положить хорошее начало, а то пойдетъ дѣло на ладъ. Авось либо Богъ поможетъ! Лишь бы вы, маменька, были здоровы, а то все пойдетъ на ладъ. Еще мѣсяцъ, и я къ вамъ въ Харьковъ...

Изм. Ср.

—

33.

Варваровка. 29 іюня.

...Вчера былъ такой жаркій день, что я не зналъ куда дѣваться—я думаю, что градусовъ до 25 доходило, если не болѣе. Ночи, напротивъ, здѣсь холодны. Можетъ быть вы не посовѣтывали бы мнѣ спать на балконѣ, но въ комнатѣ право невозможно:

---

[1]) Затѣяннаго И. М. Петровымъ.

духота нестерпимая. Я сплю на своемъ балконѣ; подо мной спятъ Катерина Романовна и Иванъ Тимоѳеевичъ. Съ вечера мы обыкновенно разговариваемъ то про звѣзды,—и я изъясняю Лапласа, каково?—то про Огненную землю, Америку и пр. до безконечности. Наконецъ мнѣ наскучаетъ болтать, я смолкаю, начинаю дремать,—и сквозь дремоту слышу: послушайте, Измаилъ Ив...—вишь, ужъ спитъ!—И я засыпаю такъ сладко, такъ пріятно, что и вставать бы не хотѣлось.

Сегодня просыпаюсь—день сѣрый, тучи ходятъ по небу, солнце будто пузырь, наполненный газомъ, и вѣтрикъ (это слово у насъ сдѣлалось техническимъ). Къ полудню дождь, проливной—и шумыть и гуде. Продолжался часовъ 5. Громовой ударъ былъ такъ силенъ, что у меня въ ухѣ зазвенѣло и голова покачнулась на бокъ... Мы въ это время сидѣли за столомъ. Къ вечеру все стихло, погода прояснилась, и я съ дѣтьми ходилъ купаться... По берегамъ Днѣпра превращеніе: тамъ появились овраги, тамъ нанесло кучи камней, здѣсь отмели... Рѣка—какъ стекло, и солнце переложило пурпуро-огневую дорогу поперекъ Днѣпра. Вы не видали, маменька, этой картины,—вы бы залюбовались!

Днѣпръ ужасно упалъ, по крайней мѣрѣ аршина на 2, и весь усѣялся камнями, высунувшимися изъ-подъ воды. Это тоже картина оригинальная...

—

34.

Іюля 5-е. Варваровка.

...Мѣсяца два или три Ив. Тим. нанялъ жида лекаря для своей деревни. Вчера пріѣхалъ онъ изъ Чаплей, села гр. Воронцова, и между прочими новостями привезъ слѣдующія.

1. Есть въ Екатеринославлѣ жидовка Мовка, столѣшница, богатая, злая жидовка. Былъ базаръ. 9 часовъ утра. Мовка захворала, Мовка не пошла на базаръ со своими кошелькамы. По базару долго ходилъ какой-то лакей какого-то помѣщика, разспрашивалъ про Мовку, говоря, что баринъ послалъ его раз-

мѣнять деньги; и Мовки не сыскалъ, и пошелъ къ Мовкѣ въ домъ. „Я тепериця хора и не пиду,—отвѣчала жидовка.—Завтрицка по ютру выбизу на базарь и винису деньги. Скилько? 500 руб. треба твоему барину? Добре, винису.—Лакей ушелъ, и на слѣдующее утро вышелъ на базаръ,—явилась и Мовка, и съ Мовкой они пошли къ барину. Къ полудню Мовку нашли подлѣ пристани въ грязи съ перерѣзаннымъ горломъ. Каково? Смертоубійство днемъ.

2. Жила была въ Полтавской губерніи гдѣ-то въ хуторѣ, вѣдьма Тройчиха. Страшная вѣдьма. Всѣ окрестные жители боялись ее болѣе, нежели гнѣва небеснаго. Наконецъ, она умираетъ—мѣсяца четыре тому назадъ. Много народу собралось на ея похороны,—и вотъ было ея завѣщаніе: нынѣшнее лѣто не будетъ дождей. Я подрѣзала по нѣскольку перьевъ у всѣхъ пѣтуховъ Бѣлаго царства.—И умерла страшная Тройчиха. Сыскалась другая вѣдьма Горчиха, вѣроятно изъ добрыхъ: она посовѣтывала народу вырывать у пѣтуховъ обрѣзанные перья и спокойно ожидать дождя.—Глаголютъ, что предсказанія обѣихъ вѣдьмъ исполняются: у всѣхъ пѣтуховъ подрѣзаны въ крыльяхъ перья—и нѣтъ дождя. Помѣщики раздаютъ приказы вырывать эти перья—и начинаются ливные дожди. Тоже и въ Варваровкѣ, вѣроятно, будетъ!!!

Къ сей двойцѣ еще одна. Около острова Токмаковки, на Днѣпрѣ, есть казенное село Токмаковка. Недавно, съ мѣсяцъ, тамъ жило одно бѣдное семейство, въ бѣдной хатѣ,—и въ одну ночь все перемерло. Народъ испугался, подумалъ, что чума, и далъ знать суду. Судъ явился и заложилъ хату. Прошло нѣсколько времени,—начали замѣчать, что по ночамъ въ той хатѣ свѣтится огонь. Странно! И между тѣмъ каждую ночь и всю ночь тоже и одно! Народъ собрался въ громаду и началъ разсуждать. Наконецъ явился нищій, коему сдѣлали предложеніе провести ночь въ той хатѣ. За кусокъ хлѣба нищій согласился и пошелъ въ хату, и легъ подъ лавку, и самымъ спокойнымъ сномъ сытаго человѣка заснулъ подъ лавкой. Ночью крякнулъ, лупнулъ глазами,—глядь:—на столѣ свѣча, за столомъ три старика съ длинными сѣдыми бо-

родами, со страшными взглядами, облокотившись разговариваютъ такъ между собою:—одинъ говоритъ: Грѣшатъ нечестивцы! Пора кару послать!—Другой говоритъ: Грѣшатъ нечестивцы! И халяндра не усмирила. Надобно моръ, чуму!—Третій говоритъ: Грѣшатъ нечестивцы! Надобно голодъ, язву. Пусть пропадетъ весь ихъ скотъ и отары; пусть согніетъ и сгоритъ все ихъ имущество! И потомъ гибель и смерть, ужасная голодная смерть.

— А ты, чего здѣсь?—обратились они къ нищему, лежавшему подъ лавкой.—Ты слушалъ? Хорошо. Ты выслушалъ, иди и повѣдай нечестивцамъ, да смирятся, иначе—кара небесъ, гибель.

— Но мнѣ не повѣрятъ, панове. Меня посадятъ въ тюрьму, все тѣло мое избороздятъ кнутомъ, и безъ голода изморятъ голодомъ, и безъ мора предадутъ поносной смерти.

— Тебѣ не повѣрятъ! Пусть такъ! Надобно сжалиться надъ нечестивцами. Сложи накрестъ руки. Вотъ знакъ нашъ—тебѣ повѣрятъ.

Нищій скрестилъ свои костлявыя руки—и руки приросли къ плечамъ, и онъ вышелъ, самъ не зная какъ, изъ хижины, и ходитъ, и поучаетъ. Къ хатѣ никто не смѣетъ прикоснуться...

—

35.

Среда 11 числа іюля 1833.

...Вотъ и еще одно сказаніе подъ стать къ прежнимъ: Три бабы, три старыхъ дряхлыхъ бабы шли изъ Воронежа, гдѣ поклонялись св. Митрофану, и завернули въ Кіевъ. Св. Митрофанъ не сподобилъ ихъ причаститься св. Таинъ въ храмѣ своемъ, и потому они отправились на поклоненіе старымъ угодникамъ. И вотъ они уже перешли черезъ Днѣпръ, и вотъ приготовляются идти на гору Кіевскую, какъ вдругъ у одной изъ поклонницъ подкосились ноги, и она по колѣна загрузла въ землю. „Часъ смерти моей приближается. Идите, бабушки, къ отцу Иларіону и скажите ему, чтобы меня пришелъ исповѣдать. Я кающаяся грѣшница“.—Отецъ Иларіонъ поспѣшно взялъ св. крестъ и от-

правился подъ гору, прочелъ молитву надъ умирающей и началъ исповѣдывать. „Каюсь“, говорила старуха, „три грѣха, три тяжкихъ грѣха лежитъ на сердцѣ моемъ. Помолись обо мнѣ св. угодникамъ Христовымъ. Я убила своего свекра, заморила голодомъ свекровь, отравила ядомъ мужа. Господи помилуй!“— И, сказавши это, погрузилась въ землю по грудь. „Охъ, отецъ Илларіонъ! Есть еще на душѣ моей и еще одинъ грѣхъ.—Говори какой!—Есть еще грѣхъ.—Что же, кайся!—Есть еще грѣхъ, но я не признаюсь въ немъ ни самому Спасителю“. Страшно захохотала, ее обхватили корчи—и она вся исчезла подъ землей...

—

36.

Варваровка. 17 іюля.

Не знаю, послѣднее ли или предпослѣднее письмо пишу къ вамъ, милая маменька, но, кажется, черезъ двѣ недѣли и много черезъ три, буду у васъ. Дай Богъ скорѣе. Съ нетерпѣніемъ жду счастливой минуты, когда васъ увижу. Право, мнѣ ужъ наскучило жить въ степи, и очень радъ, что не останусь на слѣдующій годъ, который, какъ можно заключить по неурожаямъ, будетъ здѣсь ужасенъ. Мѣсяцъ пройдетъ, и у мужиковъ уже ничего не останется хлѣба: весь будетъ съѣденъ; одна надежда остается на гречу и просо. Пока онѣ обѣщаютъ изрядный урожай,—но Богъ вѣсть.

Говорятъ, что гдѣ-то около Кіева или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ явился какой-то пророкъ, который предсказываетъ голодъ и моръ. Конечно, это побасенка; но безъ несчастій не обойдется, особливо здѣсь въ Новороссіи, гдѣ народъ такъ лѣнивъ, безпеченъ.

Сегодня пріѣзжалъ чиновникъ изъ суда съ запросомъ, можетъ ли Ив. Тим. прокормить своихъ крестьянъ,—и съ приглашеніемъ пожаловать на сеймъ уѣздный, на которомъ будутъ совѣтоваться, какія предпринять мѣры для предупрежденія готовящагося бѣдствія. Наши благочестивые помѣщики умѣютъ пользоваться

случаемъ: Синельниковъ продаетъ своимъ мужикамъ хлѣбъ по 25 руб. за четверть; какая милосердная цѣна. Бразель—по 700 руб. стогъ сѣна, а иногда и по 1000...

Ожидая скораго пріѣзда въ Харьковъ, я что-то плохо работаю. Только что читаю. Займусь ужь въ Харьковѣ.

Если братъ рукописи не относилъ къ ректору, то и не нужно. Я самъ, пріѣхавъ, отнесу. Думаю бывать у Кроненберга почаще на всякій случай. Впрочемъ черезъ годъ, если Богъ дастъ, въ Питеръ. Пора служить,—и, кажется, по статской службѣ. Лишь бы получить мѣстечко съ хорошимъ жалованьемъ; съ меня и довольно. Я чиновъ не ищу,—ибо не смогу съ ними управиться. А получивши мѣстечко,—я дойду до чего хочется дойти: вѣрю, что все къ лучшему, вѣрю, что и мое отъ меня не ускользнетъ. Безъ сомнѣнія, не безъ трудовъ,—и не скоро,—да все, Богъ дастъ, дойду—и еще прежде доѣду до Харькова, съ мечтой о чемъ ложусь сію минуту въ постель, желая и вамъ покойной ночи и пріятнаго сна. Недавно я во снѣ былъ въ Парижѣ; какъ тамъ гадко!

Adieu, маменька! Из. Срезневскій.

—

37.

30 іюня 1839. Второго 35 минутъ. Солуницовка.

Вамъ, милая маменька, конечно памятно это имя: не разъ случалось покупать вамъ ягоды у дивчатъ изъ Солуницовки. Въ ней то мы остановились теперь, отъѣхавши уже 12 верстъ отъ Харькова. Что заставило, спросите вы? Погода, маменька, т. е. непогода. Дорога идетъ все песками, ѣхали шагомъ, а между тѣмъ сначала ревѣлъ вѣтеръ, потомъ свиснулъ и дождь; извозчикъ же нашъ, Петро, что-то въ родѣ Байрона; все это вмѣстѣ могло наконецъ заставить насъ обрадоваться возможности остановиться хоть немного отдохнуть. И вотъ мы отдыхаемъ въ домикѣ добраго и ласковаго Кирилла Михайловича Шевченка, который пообѣщалъ мнѣ передать вамъ эту записку. Онъ ѣдетъ

въ Харьковъ. Примите его, маменька, ласково, поблагодарите за гостепріимство... Мнѣ очень радостно, что могу увѣдомить о себѣ черезъ нѣсколько часовъ послѣ отъѣзда изъ Харькова, тѣмъ болѣе, что этотъ отъѣздъ былъ такъ поспѣшенъ, что я и до сихъ поръ не могу опомниться, не могу вполнѣ вѣрить, во снѣ или наяву пишу я эту записку...

—

38.

Суббота 1-го іюля. Ахтырка.

...Опять здравствуйте, маменька, и простите, что только теперь, въ 11-мъ часу утра принимаюсь за перо. Вы согласитесь, что прежде нельзя было, когда прочтете, какъ прошло наше время послѣ выѣзда изъ Богодухова. Вотъ какъ прошло оно.— Въ половинѣ 4-го часа вчера мы пріхали въ Купѣеваху, и только успѣли отдать прогоны, какъ и опять на телѣгу. Въ половинѣ 6-го мы были уже въ Ахтыркѣ. Въ два часа мы промчались 28 верстъ: нельзя было не устать. Къ счастію, въ Ахтыркѣ насъ ждали и сдѣлали все, чтобы дать намъ покой. Впрочемъ, мы могли имъ воспользоваться уже довольно поздно. Сначала напились чаю, одѣлись и пошли гулять по городу; потомъ, воротившись домой, отправились къ старику Чудновскому, о. Іоанну, знакомиться, говорили, ужинали. О. Іоаннъ и его дочь дѣвица приняли насъ такъ же, какъ и сынъ, радушно, ласково. Въ одиннадцать легли на мягкія постели и заснули богатырскимъ сномъ. Въ 8 встали, пошли приложиться къ иконѣ Божіей Матери, воротились пить чай,—и за всѣмъ этимъ прошло два часа. Теперь я остался одинъ и принялся писать.

Что же вамъ сказать объ Ахтыркѣ?—Миленькій городъ, украшенный во всю свою длину (семи верстъ) двѣнадцатью церквами, весь въ садахъ. Есть хорошенькіе домики, есть прекрасная площадь, довольно порядочный гостинный дворъ и т. д. Всего прекраснѣе соборъ Покрова, въ которомъ и икона. Соборъ въ самомъ дѣлѣ прекрасный, величественный: та-

кого храма въ Харьковѣ нѣтъ. Снаружи нельзя не любоваться его куполомъ съ главою въ 14 аршинъ вышины, спереди и сзади котораго два фонаря съ такими же главами (такъ что весь онъ похожъ на трехмачтовый корабль). Нельзя не любоваться его колокольнею легкой, изящной архитектуры. Въ одномъ дворѣ съ соборомъ и колокольней и Чернышевская церковь, маленькая, но прекраснаго фасада. Самый дворъ прекрасенъ, очень великъ, поросъ травою и деревьями и обнесенъ огромною рѣшеткой.

Все это вновь выбѣлено, выкрашено. Внутри соборъ также великолѣпенъ и есть роскошныя вещи. Иконостасъ бѣлый съ серебромъ и золотомъ. Престолъ въ главномъ алтарѣ литой, серебряный, огромный. Видѣли и евангеліе въ богатой серебряной оправѣ, длиной съ аршинъ, и столь тяжелое, что любому силачу трудно поднять его, а я могу только приподнять со стороны. Образъ Божіей Матери Ахтырской невеликъ (длиною вершковъ 7, шириною около 6), но чего на немъ нѣтъ! Между сотнями брилліантовъ, есть и такой, который самъ по себѣ стоитъ 10.000 рублей. Я надѣюсь все это видѣть опять и подробно описать вамъ. Видъ съ колокольни изумителенъ по прелести...

—

39.

2-го іюля 1839. Ахтырка.

...Уже двѣнадцать часовъ ночи. Еще день прошелъ въ Ахтыркѣ,—и этотъ день прошелъ такъ, какъ рѣдко, рѣдко проходитъ онъ у меня въ Харьковѣ [1]). Досталось и ѣсть и пить черезъ мѣру. Впрочемъ, надобно вамъ разсказать прежде, какъ провелъ я и вчерашнее послѣ обѣда, а потомъ уже перейти къ нынѣшнему дню. Вчерашнее послѣобѣда прошло то въ ожиданіи, то въ слушаніи всенощной. Въ 5-мъ часу пріѣхалъ Преосвященный Мелетій; въ 8 часовъ началось служеніе и продол-

[1]) 2 іюля исполнилось 100 лѣтъ со времени явленія чудотворной Ахтырской иконы Божіей Матери.

жалось до половины одиннадцатаго. Соборъ великолѣпно былъ освѣщенъ, и весь полонъ народомъ, полонъ былъ даже дворъ церковный, даже и за оградой толпами разсѣянъ былъ народъ. Вечеромъ была иллюминація и вокругъ собора. Стеченіе народа удивительное для меня и для Ахтырки, и между тѣмъ до поздней ночи съѣзжались и сходились кучи отовсюду.—Квартиру было такъ трудно достать, что въ лучшихъ мѣстахъ города платили въ сутки по 25 и даже до 100 рублей. Сегодня церемонія началась разомъ въ двухъ церквахъ: въ Покровскомъ соборѣ архіерей облачился и вышелъ на встрѣчу крестнаго хода, между тѣмъ какъ архимандритъ повелъ этотъ крестный ходъ изъ Успенской церкви. На площади неподалеку отъ собора процессіи соединились, и подъ зеленью срубленныхъ деревьевъ происходило водоосвященіе. Потомъ началась обѣдня.—Тѣснота и давка въ соборѣ была страшная. Не только прочему духовенству, но даже и архіерею трудно было найти мѣсто для прохода. Шляпокъ, чепчиковъ разнаго покроя и цвѣта и старинныхъ и модныхъ была цѣлая безконечность. Простого народа и вовсе не пускали въ церковь. Изъ знати надобно вспомнить губернатора и предводителя. Изъ знакомыхъ харьковскихъ я видѣлъ Громова, Филомофицкую, Ромашевыхъ, Абазину и т. д. Обѣдня началась въ 11-ть и кончилась въ три часа—молебномъ и крестнымъ ходомъ вокругъ церкви. Еще прежде обѣдни получилъ билетъ на обѣдъ, который ахтырское дворянство вздумало дать по этому случаю, и ѣздилъ благодарить предводителя Ахтырскаго. Въ обѣдню я получилъ приглашеніе на закуску послѣ обѣдни, даваемую отъ собранія ахтырскаго духовенства и тамъ познакомился съ нѣкоторыми изъ дворянъ, а также и съ архіереемъ. Въ 6 часовъ начался обѣдъ и продолжался до 8-ми. Угощеніе было превосходное. Шампанское лилось... и сынокъ вашъ воротился съ обѣда чуть не пьяный. Кстати скажу, что дворяне ждутъ отъ меня описанія этого праздника и обходились со мною очень хорошо. Завтра надобно съѣздить къ нѣкоторымъ... Теперь сонъ клонитъ. Изъ Ахтырки между тѣмъ уже разъѣзжаются и вѣрно завтра она опустѣетъ.

Прощайте, маменька! Цѣлую ручку вашу. И. Срезневскій.

40.

7-го іюля 1839. Ахтырка.

Ахтырка? Измайлуша все еще въ Ахтыркѣ? спрашиваете вы, милая маменька, самихъ себя и удивляетесь. Да, маменька, я все еще въ Ахтыркѣ. Сегодня уже недѣля минуетъ, какъ я пріѣхалъ въ Ахтырку, и до сихъ поръ еще не все кончилъ, что нужно было сдѣлать. И вы согласитесь маменька, это время не было мною потеряно, если узнаете, какъ я провелъ его. Въ пятницу подъ вечеръ пріѣхалъ я въ Ахтырку и познакомился съ внѣшностью Ахтырки, въ субботу былъ въ соборѣ утромъ, и былъ тамъ же на всенощной архіерейской вечеромъ; въ воскресенье весь день прошелъ за обѣдней, завтракомъ въ домѣ архіерейскомъ, обѣдомъ; въ понедѣльникъ архіерей обѣдалъ у моего гостепріимнаго хозяина, а позднимъ вечеромъ я былъ на дворянскомъ балѣ, во вторникъ послѣ обѣда тотчасъ поѣхалъ въ Каплуновку поклониться тамошней чудотворной иконѣ Божіей Матери и возвратился уже на другой день къ обѣду, вечеромъ въ тотъ же день ѣздилъ въ близъ лежащій монастырь и воротился къ ночи; въ четвергъ занимался списываніемъ нужныхъ бумагъ; сегодня утромъ ѣздилъ въ храмъ Успенія и взялъ подорожную для дальнѣйшаго пути. Свѣдѣній собрано много. Даже и бандуристъ былъ уже у насъ, и мы успѣли воспользоваться его памятью, сколько могли. Что же касается до чудотворныхъ иконъ Ахтырской и Каплуновской, то я имѣю о нихъ такія свѣдѣнія, какія едва ли кому удастся собрать. И всѣмъ этимъ обязанъ я гостепріимному, доброму, умному, ласковому, незабвенному хозяину нашему о. Іоанну Чудновскому. Онъ принялъ насъ, какъ родныхъ, обходится, какъ съ родными. Мало того что у насъ особый флигель и у меня особенная комнатка—даже въ домѣ мы полные хозяева и цѣлый день проводимъ тутъ. Я пишу это письмо въ кабинетѣ о. Іоанна, между тѣмъ какъ Степанъ Семеновичъ [1]) срисовываетъ фасадъ собора въ гостинной залѣ, гдѣ

[1]) С. С. Третьякъ—спутникъ И. И. Срезневскаго.

дочь о. Іоанна, милая молоденькая дѣвушка разыгрываетъ увертюру изъ Фра-Діаволо, а старикъ въ смежной комнатѣ, своей спальнѣ, тоже что-то пишетъ. Мой портфейль близъ меня, а съ нимъ и весь мой письменный приборъ. Что касается до свѣдѣній, собираемыхъ мною объ Ахтыркѣ и ея окрестностяхъ, то безъ о. Іоанна я не могъ бы и половины ихъ имѣть. Завтра полагаю все кончить, и послѣзавтра ѣхать изъ Ахтырки. Путь нашъ въ Лубны черезъ Гадячъ и Роменъ. Надѣюсь, маменька, что вы напишете въ Лубны ко мнѣ хотя маленькое письмецо: оно будетъ единственное, какое только могу я получить отъ васъ по почтѣ. Изъ Лубенъ я поверну на Полтаву и домой. Болѣе не успѣемъ сдѣлать...

—

41.

8-го іюля 1839. Ахтырка.

Опять здравствуйте, милая маменька, и опять все-таки изъ Ахтырки! Но, наконецъ, завтра, кажется, уже непремѣнно въ путь—въ Зеньковъ, Гадячъ, Роменъ, Лохвицу и Лубны; въ Лубнахъ возьмемъ опять подорожную, и въ Харьковъ черезъ Хороль и Полтаву. Хотѣлось бы окончить весь этотъ путь въ 12 дней, но не знаю. На всякій случай просилъ Ивана Львовича Дзюбина, который взялся доставить вамъ это письмо, выхлопотать мнѣ отпускъ еще дней на пять. Попросите и вы его отъ себя.— Дзюбинъ родомъ изъ Ахтырки. Давно собирался я быть у нихъ въ домѣ; сегодня, наконецъ, встрѣтился съ ними на ярмаркѣ (теперь въ Ахтыркѣ ярмарка—нѣчто въ родѣ нашего базара), и оттуда пошелъ къ нимъ. Мать ихъ прекрасная женщина. Весь вечеръ я провелъ у нихъ, до ужина. Воротившись, говорилъ до сихъ поръ съ о. Іоанномъ.

Ахъ, маменька! Какъ прекрасно жить въ Ахтыркѣ! Превосходный соборъ для молитвы, прекрасный климатъ! Тысячи за три можно купить домикъ довольно хорошенькій съ большимъ мѣстомъ. Припасы всѣ дешевы. Знакомства, правда, нельзя имѣть

со многими—не стоитъ, но семейства два можно найти. И какъ все тихо, городъ и деревня! Непремѣнно надобно намъ ѣхать въ Ахтырку вмѣстѣ съ вами. О. Іоаннъ все еще жалѣетъ, зачѣмъ я не привезъ васъ—и я увѣренъ, что вы были бы приняты истинно родственно. Сегодня за столомъ мы пили ваше здоровье. Завтра всѣ собираются провожать насъ до монастыря, версты за три, и тамъ пить чай. Какое прекрасное мѣсто этотъ, такъ называемый, монастырь! Большая гора, съ трехъ сторонъ Ворскла въ лѣсахъ и за нею горы, покрытыя лѣсами, а съ четвертой стороны растягивается огромная равнина; на самой горѣ церковь со старинною колокольнею, и всѣ эти горы поросли деревьями. Виды во всѣ стороны растягиваются далеко и восхитительно хороши. Насъ приняли родственно, хотятъ родственно и проводить...

—

42.

11-го іюля 1839. Село Сары, близъ Гадяча.

Впрочемъ, Амвросій Лукьяновичъ,[1]) какъ податель этого письма, объяснитъ лучше всякой подписи, что мы съ нимъ видались и видались у него же въ домѣ. Я перескажу только, какъ это случилось, или лучше перескажу, какъ прошли всѣ вчерашнія сутки: то были прекрасныя сутки.

Я уже, кажется, писалъ вамъ, маменька, что мы намѣрены были выѣхать изъ Ахтырки 9-го, въ воскресенье, послѣ обѣда и что насъ собираются провожать. Такъ и было; хотя самъ о. Іоаннъ нечаянно заболѣлъ и остался дома, но это не помѣшало другимъ членамъ добраго семейства его исполнить свое обѣщаніе... Дорогу прохохотали, встрѣтили по дорогѣ бандуриста и велѣли ему идти въ монастырь, а между тѣмъ монастырскій священникъ о. Григорій поѣхалъ впередъ съ частію багажа, не помѣстившагося въ колескѣ, и съ тѣмъ, чтобы приготовить для насъ пріемную подъ колокольней. Когда мы пріѣхали, самоваръ почти уже поспѣлъ, и мы расположились въ первомъ этажѣ старинной колокольни и около ее такъ: дѣвицы стали приготовлять чай и все, что къ

[1]) А. Л. Метлинскій.

чаю, Ѳедоръ Ивановичъ сѣлъ на землѣ, опершись о стѣну колокольни и сталъ на моемъ портфейлѣ снимать видъ церкви; я пошелъ въ церковь посмотрѣть еще разъ на портретъ отца Товіи Надаржанскаго, бывшаго духовника Петра I, а Степанъ Семеновичъ усѣлся въ колокольнѣ за столомъ писать, что будетъ ему говорить бандуристъ, занявшій мѣсто подлѣ стола на землѣ по-татарски. Это положеніе измѣнилось уже послѣ чаю, когда пошли гулять и любоваться видами. Виды чудесные съ горы, на которой лежитъ монастырь: на востокъ изъ-за рощъ виднѣется Ворскла, пестрѣющая островами, за нею пески, за ними Ахтырка; на югъ та же Ворскла скрывается на равнинѣ, оканчивающейся отдаленными горами; а западъ и сѣверъ—горы, покрытыя лѣсами и садами, и между ними опять Ворскла, то скроется за зелень, то выглянетъ прозрачною полоской. Послѣ гулянья мы воротились въ колокольнѣ, пили тосты за здравіе живыхъ и за покой умершихъ; сошедши съ горы къ дорогѣ, гдѣ ждали экипажи, опять пили; потомъ простились со слезами,—и наши гостепріимные хозяева повернули налѣво, а мы направо. То было въ 9 часовъ вечера. Въ 2 часа ночи мы были уже въ городѣ Зиньковѣ за 46 верстъ. Тутъ мы провели ночь. Утромъ я ходилъ на базаръ, нашелъ бандуриста, зазвалъ, списалъ нѣсколько пѣсенъ и думъ. Напившись кофе, мы отправились въ Гадячъ. Онъ въ 36 верстахъ отъ Зинькова; въ семи верстахъ отъ него село Сары, гдѣ живутъ родители Амвросія Лукіяновича. Коекакъ уговорилъ ямщика повернуть прямо на Сары, предположивъ уже изъ Саръ ѣхать въ Гадячъ. Въ 12 часовъ мы въѣхали на дворъ къ Амвросію Лукіяновичу. Спрашиваемъ о немъ; получаемъ въ отвѣтъ—въ Гадячѣ.—Спрашиваю о маменькѣ его; говорятъ—дома. Я рѣшаюсь остановиться и ждать Амвросія Лукіановича. Добрая Софія Назарьевна приняла насъ ласково, какъ давно знакомыхъ...Въ 5 часовъ воротился и Амвросій Лукіановичъ; мы гуляли, болтали,—ѣли, пили. Теперь собираемся въ дорогу: Амвросій Лукіановичъ ѣдетъ въ Харьковъ,—мы въ Гадячъ и оттуда въ Роменъ и пр. У монастыря Гадяцкаго мы простимся. Прощайте и вы, маменька! Будьте здоровы, спокойны. Прощайте. Уже скоро, скоро ворочусь къ вамъ...

ГОРОДЯНКА.

(*Повисть.*)

I.

Биля низенькои, похылои хатыны Мотри Гусаковои зупынылася повозка. Висока, статурна, чорнява дивка стрыбнула зъ повозкы й наче скамъянила.

— Господы! та невже це наша хата?—запытала вона черезъ хвылыну визныцю, свого ридного дядька по батькови.

— А то жъ чія?—запытавъ и соби, замисть видповиди, дядько.

Дивка повела повагомъ очыма видъ сохы до сохы, видъ земли до остришка, по хати, й тяжко зитхнула.

— А чого тамъ зитхаешъ?—запытавъ дядько, сплыгуючы й соби зъ воза.—Звычайно, проста хата—не генеральськи горныци.

Дивка надійшла блыжче до хаты, сипнула зачынени двери й мовчкы повернула до повозкы. На облыччи іи видбылася досада. Вона высмыкнула зъ серцемъ зъ повозкы соломынку и почала іи кусаты.

— А що? Дверей не видчынышъ? Оце лыхо!—засміявсь дядько.... Побижы лышень онъ у ту хату та гукны свого хрещеного батька, бо самъ я скрыни не зтягну...

— Не піду я никуды,— видповила дивчына й видкынувшы геть соломынку, почала выбываты зъ платка куряву. Дядько добре спостеригъ те врàженнія, що зробыла на небогу батькивська хата, добре зрозумивъ, що дiялося въ неи на души, але нарошне не подававъ выду.

— Отъ и гараздъ,—промовывъ винъ весело,—хай скрыня ночуе посередъ двору.

— Ни, наче не зналы, що прыйиду, наче не сподивалыся: пишлы вси геть и хату замкнулы,—протягла на-пивъ зъ плачемъ дивка.

— Про хату намъ байдуже—якось видчинымо, а ось зъ скрынею що намъ робыты? Ты не хочешъ иты, а мени тежъ не можно покынуты кобылы, бо ты iй рады не дасы безъ мене..... Диты!—звернувся винъ до табунця босои простоголовои дитворы, що вже встыгла окòлыты й дивку, й повозку,—погукайте-но дядька Сыдора—хай зразу йдуть до мене.

Але нихто зъ дитей не ворохнувся: Приська,—такъ прозывалы дивчыну,—стягала саме рядно зъ велыкои блыскучои скрыни, и диты стежылы, не змыгнувшы, за кожнымъ рухомъ цiеи дивкы у такому гарному убранни, у такыхъ дывныхъ черевычкахъ на гудзыкахъ.

— Оглухлы, чы що? Гей ты, вытрышкуватый Дворныченко, або ты, пузатый, бижить мерщiй по дядька Сыдора,— грымнувъ Максымъ на двохъ найбильшенькыхъ хлопчыкивъ.

„Вытрышкуватый“ одвивъ на хвылыну свои велыки сири очи видъ скрыни, глянувъ на дядька й знову вытрищывся на скрыню; „пузатый“ переступывъ зъ ногы на ногу, засопивъ ще дужче, зитхнувъ нарешти, але тежъ не поступывся й на крокъ.

Максымъ плюнувъ на дитей, глянувъ на сонце, що вже высоко пидбылося, кынувъ коняци оберемочокъ сина, оправывъ мотузяни поводкы й, загадавшы Присьци позыраты на кобылу, що напевне не стоятыме спокiйно на такiй специ, попростувавъ черезъ горòдъ до Сыдора.

А тымъ часомъ Приська управылася биля скрыни, повытрушувала куряву зъ одежи, зъ червоного лижныка, зъ трехъ

подушокъ у рижнобарвыхъ напирныкахъ, зъ усихъ маленькыхъ и велыкыхъ пакунквъ, та подалася до хаты. Вона сипнула знову разъ, вдруге двери, обійшла навколо хаты й зазырнула у виконце.

Въ хати не було никого:—сама квочка похожала по хати та водыла за собою десяткивъ зо два манесенькыхъ жовтыхъ курчатъ. Приська одійшла геть и зъ серцемъ опустылася на колодку, що лежала посередъ двору. Дитвора мыттю оточыла ій; найсмилывиши выступылы напередъ и почалы пошепкы робыть де-яки заувагы, показуваты пальцямы то на кытыци платка Присьчыного, то на ій перстни.—Диты! А хто зъ васъ знае, де баба Горпына, або Мелашка?—звернулася до ныхъ Приська.

Диты переглянулыся...

— Пидить которе, погукайте хочъ бабу Горпыну, хочъ Мелашку; скажить, що Приська прыйихала!—обернулась до дитей дивка.

— Мои баба Горпына!—обизвалася дивчынка рокивъ пъяты.—Воны мени бублыкивъ куплять и макивныкивъ... и сережкы, якъ пойидуть до торгу.

— Де-жъ твоя баба? Чія ты?—запытала Приська.

— Мои баба Горпына. Воны мени бублыкивъ и макивныкивъ прывезуть... защебетала вдруге дытына, хытаючы разъ-по-разъ русявою голивкою...

— Докы товктымешъ ты мени про макивныкы? Я пытаю тебе: чія ты? де твоя баба Горпына?—запытала трохы зъ серцемъ Приська.

— Мои баба... почала було у третте свою писню дытына, але наче засоромывшысь, опустыла оченята додолу й замовкла.

— Хто твоя баба?

— Що отутъ жывуть,—одказавъ замисть дивчыны якыйсь хлопчыкъ зъ гурту.

— Пиды-жъ ты до тіеи бабы та поклычъ ихъ сюды,—звернулася Приська до хлопчыка...—Дамъ прянык,—додала вона, завважывши, що хлопець и въ думци не мае бигты по бабу...

Бытыму, якъ не пидешъ,—грымнула вона и нахылылася за лозыною, щобъ посварытысь нею на дитей...

Але не встыгла вона й росправытысь, якъ диты вже зныклы вси до едыного, залышывшы за собою тилькы куряву та слидъ босыхъ ноженятъ...

Такый несподиваный выпадокъ роздратувавъ вкрай Приську. Купальне сонце пекло, варыло гарячымъ проминнямъ стомлене тило дивкы; ій нудыло, бо видъ самого города вона не йила нычого; досада на себе, на дядька, на матиръ, сестру, на тыхъ нимыхъ свидкивъ ій горя, що повтикалы и залышылы ій саму, бильшала зъ хвылыны на хвылыну. Якъ на те, Максымъ не вертався, а конячка не хотила стояты, заплутувалася у вижкы—треба було нахылятыся, розплутуваты ій, спыняты...

— Ось и прыйихала! Прытаскалася! Чого мене прынесло сюды? Чого я тутъ не бачыла?—докоряла себе дивка, сидаючы изнову на колоду.

Висимъ рокивъ не була вона у ридному сели, не бачыла батькивськои осели. Висимъ рокивъ пролынуло зъ того часу, якъ батько якось посадывъ ій въ санкы, утушкавъ рядномъ та повизъ у городъ до генеральши. Тоди саме бувъ велыкый недорыдъ, симьи нычого було йисты, братъ, сестры понаймалыся по икономіяхъ, за манесеньку плату, батько ходывъ на поденщыну мало не за сами харчи, а ій не було видхожои праци на сели, и батько одвизъ ій у горныци. Найнявъ винъ ій тилькы на одынъ рикъ: абы перебуты якъ зиму та заробыты хочъ гуртомъ на корову та коня, що винъ повыненъ бувъ продаты пидъ цей рикъ недороду; але скинчывся той рикъ—дивчына зохотылася зистатысь на другый, потимъ на третій, четвертый и нарешти выбула висимъ рокивъ.

Чымало воды утекло за висимъ рокивъ, чымало змынылося пидъ дахомъ ридноі хатыны: батько померъ, старша сестра пишла замижъ, братъ оженывсь, до меньшои сестры, Мелашкы, тежъ почыналы вже навидуватысь старосты, але найбильшъ за всихъ зминылася за ци часы сама Приська. Село, досвиткы, грыща, колышня праця давно зныклы зъ памъяты; сонце, воля,

степы, широки обгорнулыся туманомъ. Вона выкреслыла зъ свого жыття дванадцять рокивъ свого дытынства, порвала всякый звязокъ зъ нымы, давно захопылася свитоглядомъ тыхъ веселыхъ, чепурныхъ гладкыхъ лакеивъ та поварив, що оточалы ии висимъ останнихъ рокивъ, и давно спостерегла рижныцю мижъ безпечнымъ жыттямъ „горнышныхъ“ и неустаннымы турботамы своихъ кревныхъ.

Тилькы перши часы свого жыття у городи дывовалася вона тымъ байдужымъ до усёго и до усихъ наймытамъ, що зъ легкымъ серцемъ вытрачалы запрацёвани гроши на рижни прымхы, ласощи та зайви речи. Вона памъятала ще тоди родычивъ, сусидывъ, що збиралы довги роки шагъ до шага, якый десятокъ-два карбованця, що видрывалы видъ симьи шматокъ хлиба, абы якъ вызволыты зъ рукъ глытая клапоть застановленои земли, або спромогтыся хочъ на поганеньке тягло; прыгадувала звычайни турботы свого батька про оплаткы, й тоди пытала веселый гуртъ служокъ:

— Що вы робытемете, якъ прогуляете гроши та не буде на хлибъ?

— Якъ-то не буде на хлибъ?—пиднималы дивчыну на смихъ служкы.—Якои мороки й по наймахъ поневирятысь, якъ ще й про хлибъ турбуватысь? За халявою грошей не носытемемъ, выбойчаныхъ шараварив не справлятымемъ, якъ твои дядькы. Несы лышень и ты свого карбованця, то прыймемо до гурту: найисыся й канхветив й горихив до схочу.

Хочъ и заздристно було дивчыни дывытыся, якъ ласують генеральшыны служкы, хочъ и теклы не разъ гирки, колы ии выгонялы геть зъ гурту, але Приська першій рикъ не зважылася одирваты и шага видъ тыхъ грошей, що батько прызначывъ на господарство, и генеральша доручыла ии матери пры кинци року копійка у копійку десять карбованцивъ. Але на другый рикъ вона вже рострынькала де-кылько карбованцивъ, на третій батько не доличывъ бильшъ, а на четвертый виддала Приська вже тилько половыну зароблены хъ грошей й до того завважыла батькови, щобъ

не сподивалыся бильшъ на іи допомогу, бо „коженъ служыть и заробляе на себе“.

Батько розсердывся, ставъ ій доводыты, що вона повынна пособляты симьи, бо та симья годувала іи манесенькою, колы вона неспособна була робыты, що вона повынна пыльнуваты про господарство, про свою оселю, бо ще невидомо, де й ій доведется прыхылыты на старисть, або пидъ яку нещаслыву прыгоду, голову. Приська заголосыла, побигла до генеральши; генеральша ввійшла, умовыла батька залышыты въ неи дивку ще на рикъ; а черезъ рикъ померъ батько, и Приська выкынула навить думку повернутысь колы-небудь на село.

Чого ій справди бракувало у теплій, просторній господи прыхыльнои до неи пани? Сонечко грило—не палыло, якъ дома на горòди або на степу, холодъ не заходывъ зашпорамы, не доходывъ до тила черезъ теплу одягу, витерець робывъ тилькы холодокъ, и дивка росла, здоровишала, красывишала на велыку втиху генеральши, що почынала вже натякаты ій на шлюбъ зъ якымъ вродливымъ лакеемъ.

Приська стала надъ усе пыльнуваты про одягу та шануваты свою вроду. На іи щастя, кревни залышылы іи, не звертались за допомогою и не часто нагадувалы про свое истнування: маты та незамижня сестра забывалыся у городъ тилькы двичи на рикъ—передъ Риздвомъ та Великоднемъ, а дядько Максымъ хочъ и одвидувавъ іи частише, хочъ и сварывся, и радывъ неразъ покынуты горныци та вчытысь хлибъ пекты, тежъ николы не чипавъ пытання про гроши, и колы Приська иноди передавала до-дому видъ ласкы троячку, не дякувавъ, а ховавъ мовчкы у свій гаманець, мовъ та троячка й не цикава никому. Все йшло, якъ хотилося Присьци; все складалося на те, щобъ не вертатыся вже ій на село, та грымнула бида несподивана: померла генеральша. Надйихалы родычи, подилылы худобу, розигналы „дармойидивъ“, и Приська опынылася безъ прыстановыща зъ десяткомъ карбованцивъ у кышени, зъ велыкымы потребамы, прымхамы та ще славою „генеральськои покоивкы“, то-бъ то дивкы не зученои ни до якои праци. Приська оселы-

лась на кватыри, пройидала прыпасени гроши, а пидхожого мисця не траплялося. Тымъ часомъ чутка про цю новыну дійшла до села. Маты не знала, що ій початы: ій и хотилося, щобъ дочка повернулася, и боялася вона нажыты зъ ціею городянкою клопотивъ; вона думала, передумувала, радылася, але нарешти цилкомъ поклалася на Максыма.

Максымъ запригъ, не гаявшы часу, кобылу та побигъ у городъ. Винъ зумивъ скорыстуватыся скрутнымъ становыщемъ дивчыны, зумивъ уцевныты ій, що на сели не сами „репаныи“ хліборобы, що тамъ поводятся и „благородни“ люде, що таку дивку, якъ вона, радо посватае самъ пысаръ, и Присъка послухалася ёго—прыйихала.

— Ось тоби й прыйихала! Що я робытыму тутъ, у цій пустци? Остання хата въ городи краща за цей курынь!—Або родына?... Чы вже жъ такы не можно було хочъ Меланци залышытыся дома на сёгодня? Висимъ рокивъ не була у ихъ, а прыйихала—и сыжу, немовъ та собака, на сонци, на куряви,—бубонила сама соби дивка, захыщаючысь и маленькымъ и велыкымъ платкамы видъ палкого проминня петривчаного сонечка.

Але ось нарешти повернувся Максымъ зъ двома чоловикамы.

Чоловикы прывиталыся до Присъкы.

— Овва! а ты й доси хаты не видчынила?—засміявся Максымъ.

— Якъ я не вмію!—прызналася дивка.

— О! у твоеи матери хата хытро замыкается: не такъ, якъ у генеральши,—пожартувавъ молодшый зъ двохъ чоловикивъ, и повернувъ килочокъ заверткы. Двери видчынылыся, и якымъ-сь холодкомъ, якымъ-сь свижымъ пахучымъ повитрямъ повіяло зъ хаты. Доливка манесенькои хатыны зъ пидваженымъ посередыни сволокомъ, зъ розложыстою, трохы похыленною на бикъ пичью, була застеляна свижою осокою, потрушена червонымы васылькамы та чепчыкомъ; по-надъ викнамы, на сволоци высилы велычезни бадилля холодку, де поховалыся вси до одніеи мухы. Вси мыскы, горшкы, глечыкы стоялы попереверн-

тани, попрыкрывани; кочергы, хваткы, лопаты—займалы ни на ступинь бильше призначеного задля ихъ мисця: рука щырои, порядноі господаркы видзначалася на кожній найдрибнишій речи ціеі похылой хатыны. У Приськы одлягло трохы видъ серця... Сталы вносыты скрыню. Скрыня була важка, неповоротна, и чоловикы добре нагрилы чубы, покы установылы іи на мисце.

— Та й надбала жъ добра! Чы то може у скрыни й не одежа, а каминци на огиркы та капусту?—пожартувавъ изнову молодшый зъ чоловикивъ.

— Я Приську хвалю: згадала бачъ, що ненька вже старенька, та й поспишылася на жныва,—мовывъ старишый.

— Хиба справди на жныва поспишалася, Присько? Чы ты жъ бачыла колы жныва? Мени хвалылася одна городянка, що галушкы на вербахъ ростуть, а пшоно на верболози; може и ты такъ гадаешъ?—не стыхавъ жартуваты молодшый.

— Этъ, годи вже базикаты!—спынывъ ёго Максымъ, завважывшы, що Присьци ти жарты не довподобы.—Ходимъ! А ты, Присько, понышпоры трохы по полыци, зазырны у пичъ—може знайдешъ що пойисты, а ни, то хочъ хлибомъ пообидай. Я бъ тоби прыславъ чого-нёбудь, такъ и мои бабы на поли,—а самъ не знайду ничого,—мовывъ винъ до дивкы.

Ще бильшый смутокъ обгорнувъ дивчыну, якъ пишлы геть дядькы й залышылы іи саму въ хати. Перше гарне вражиння зныкло: вона прыдывылася краще до хатыны; вона завважыла те, що не кынулося ій у вичи въ першу хвылыну, и биднисть та недостаткы сталы вызначатыся ще дужче, нижъ охайнисть та щыристь господаркы.

На покути, пидъ товстымъ настильныкомъ, лежавъ окраець чорствои остюковатои паляныци, на полыци—вчорашній пистный борщъ, на жердочци—старенька, полатана одяга. Дидивськи иконы, обквитчани жовтымы гвоздыкамы та васылькамы, потемнилы, злынялы и смутылы головный кутокъ хаты. Клапоть дзеркала, вмазаный въ стинку, обвишаный навколо картынкамы зъ конвертивъ та календаривъ, перекошувавъ выдъ й наче дратувавъ того,

хто зважився бъ подывытыся на свою вроду. Квочка товклася пидъ ногамы и не давала вильно ступыты й кроку...

Приська прысила на лаву, озырнула разъ, вдруге хату, тяжко зитхнула, а потимъ простлала на полу лижнякъ, пидо. стлала пидъ голову подушку и лягла спочываты.

Важки вiи почалы вже заплющуватысь, стомлене тило заспокоюватысь, геть полынулы гирки думкы останнихъ хвылынъ, солодка дримота почала опановуваты дивкою, колы рыпнулы двери, и на порози зъявылася та сама дивчынка, що хвастала сережкамы та макивныкамы... Дытына видчыныла двери, стала на порози и де-килька хвылынъ, наче засоромлена, хытала своею русявою головкою й не поступавшы наперед. Приська хотила запытаты, чого iй треба, але дивчынка вже подриботила до покуття, зопъялася на лаву, простягла руку пидъ настильныкъ й вытягла зъ пидъ ёго окраець паляныци. Здобувшы паляныцю, дытына поклала iи наверхъ настильныка и почала крехтаты.

— Чого ты крехчешъ?.. запытала iи Приська.

— Папкы хочу,—видповила стыха дытына.

— То й визьмы.

— Папкы хочу,—промовыла вдруге дытына.

— Я-жъ тоби кажу: беры,—не комезуй,—буркнула Приська трохы зъ серцемъ.

— Урижте,—попрохала дивчынка.

— Ламай, або й увесь беры та йды, Бога рады, зъ хаты, не клопочы моеи головы,—одризала Приська, заплющуючы знову вiи.

Дытына якось досадливо скрывылася, засопла, закрехтила зъ вiй скотылося де-кильки велыкыхъ крапель...

— Чого ты кыснешъ?—схопылася Приська.

— Папкы хочу,—кризь слёзы протягла дытына...

— На, беры, подавысь нымъ!—скыпила Приська и тыкнула весь окраець дытыни у рукы.

— Урижте: гришка папку ламаты,—видповила дивчына.

„Гришка?“ Оцей чорствый, якъ каминь, чорный, якъ земля, хлибъ гришка ламаты? За кожну крыхту цёго буханця людына

повынна даты видповидь передъ Богомъ! Манисенька дытына боится кары Господнёи за кожну крыхту, що вона ненарокомъ упустыть до-долу. Куды вона прыйихала? Куды ii прытаскало?— ромайнуло у Приськы въ голови.

— Беры, кажу!—крыкнула Прись̀ка на дытыну.

Дивчына глянула зъ невымовнымъ жахомъ на скипившу дивку, кынула на стилъ паляныцю и майнула на двиръ, залышывшы синешнi двери навстижъ.

Прись̀ка подывылася ій у-слидъ, зитхнула й простяглася знову на лави.

II.

Сонечко звернуло вже на полудень, якъ Мелашка та Горпына попрывъязувавшы шапкы на копахъ, сталы убыратысь додому.

Горпына зисталася ще на якый часъ на левади збираты блекоту у аптеку, жалку кропиву, та що захыщае хату видъ русалокъ та видёмъ, дуже шкодлывыхъ у вечиръ пидъ Ивана Купала, а Мелашка майнула навпростець до-дому, бо тамъ, на сели, ій було ще чымало дила: треба було склыкаты товарокъ, нарваты квитокъ, бурьяну, повыты винкы, уготуваты очерету, соломы за-для Купального вогныща. Вона поспишалася, и петривчана писня ii вже лунала по селу; але ось та писня раптомъ увирвалася: дивка завважыла росчынени двери у своiй хати, а незабаромъ и замурзану, мокру морду сусидського Рябка биля порога.

Мелашка кынулася въ хату: доли валялося черепъя зъ червонои мыскы, зъ перевернутои макитры текла по всiй хати ричка сырывцю, настильныкъ звисывся зъ столу, а по хати бигала сполохана квочка. Серце щырои господаркы забылося, невымовна досада охопыла ii всю, але вона глянула на пилъ, зрозумила, хто выненъ у цiй нещаслывiй прыгоди, й забула про новеньку мыску, сырывець, про шкодлывого Рябка.

— Приню, голубонько!.. кынулася вона цилуваты сестру.— Яка жъ я рада, що ты прыйихала!

— Хиба не сподивалася?—запыталася Приська, зазихаючы на здорову, наче збыту дивку, на ій роспалене облыччя, шыроки плечи, дужи рукы.

— И сподивалыся, и не сподивалыся: разъ думалы—що прыйидешъ, вдруге—що не схочешъ... Маты такы певни вже булы, що не прыйидешъ, а я сподивалася тебе, ажъ до обидъ вызырала, чы не бижыть хто зъ села сповищаты насъ? А писля обидъ облышыла: „не схоче Приська кыдаты города, не схоче йихаты до насъ"—журылася я соби нышкомъ...—А ты ось и прыйихала... Выбачъ, сестрыце, що у насъ таке багно въ хати—це той проклятый Рябко попорався,—цокотила Мелашка, проворно скыдаючы у прыпилъ запаскы черепъя та збираючы ганчиркою сыривець зъ доливкы.

— Я такъ мицно заснула, що й не чула ничого,—сказала Приська, складаючы свою постиль на скрыню та солодко позихаючы.

— Ничого, ничого, не клопочыся: у насъ йе ще дви мысочкы,—поспишылася Мелашка заспокоиты сестру.—Ото хиба сыривцю шкода—недавнечко цилисенькый хлибъ запакувалы... Винъ и паляныцю вхопывъ! А, щобъ тоби! Доведется завтра рано дижу вчыняты, у насъ ще й борошно у млыни...

— Де-жъ маты?—перебыла Приська вкрай заклопочену молоду господарку.

— Маты зразу прыйдуть—на левади блекоту збирають,—видповила Мелашка.

Щось добре знаёме раптомъ прыгадалося Присьци. Це жъ ій маненькою посылалы колысь по ту блекоту на панську леваду, це жъ вона збирала колысь рижне зилля, копала ножемъ якесь кориння, ризала рукы періемъ та радила раденька, що за вторговани въ аптеци гроши маты куплять ій копійчани сережечкы, або погапенькый кисныкъ!

— Невже маты и доси за тымъ зиллямъ побываются?—здывовалася Приська.

— А якъ же! За зилля можна иноди добре вторгуваты: на тому тыжни, напрыкладъ, я семыгрывеныка прынесла зъ аптеки.

— Семыгрывеныка прынесла! Добре вторгувала!—засмiялася сама соби нышкомъ Приська.

— Чы довго жъ воны будуть того семыгрывеныка по бурьянахъ та колючкахъ збираты?—запытала вона згодомъ.

— Ни, не довго: воны сёгодни поспишатымутся до-дому, бо мени незабаромъ на Купала треба йты. Ты жъ пидешъ тежъ, сестрычко, зъ намы? У Макарыхы йе гарни гвоздыкы та чорнобрывци—я тоби такый винокъ выплету, що ты всихъ дивокъ нашыхъ закрасышъ, а хлопци, якъ дизнаются про тебе, вси до одного позбигаются на нашъ кутокъ... Охъ, Господы, яка жъ я рада, що ты прыйихала! Отакъ пакъ,—перехопыла Мелашка сама себе,—ты мабудь, сестрыце, голодна?

— Видъ самого города ничого не йила. Шукала, шукала у васъ на полыци та не пожывылася ничымъ.

— Горенько тяжке! Чымъ-же тебе й прышануваты? Хиба яечню спекты? Десятокъ крашанокъ уготовала до торгу, бо вже другый день немае свитла, а тройко йе зайвыхъ—спечу зразу. Ни, не такъ: побижу на село, здобуду тоби мьякеньку палянычку та молока, а тоди вже й яечню спечу,—сказала Мелашка и, ухопывшы манесенькый глечычокъ, побигла на село.

— Сестрычкы мои и голубонькы!—хвалылася Мелашка по хатахъ: прыйихала Приська, та така хороша, що й очей ніякъ не одведу: била та повновыда, та така статурна. Не гайтеся, збирайтеся швыдче до нашои хаты, а звидтиль пидемо вже й до ставка".

А покы Мелашка бигала по селу та выхвалялася сестрою, повернулася й Горпына до-дому. За нею вслидъ прыбигла и маненька Санька. Дивчынка почувала себе теперъ смилыво: не боялася биля бабы никого, цвиркотила безъ перестанку, и наче не прымичала суворои городянкы, що нагримала на неи недавнечко.

— Чія це дытына?—запытала Приська, повитавшись зъ матирью.—Непосыдяча дивчына: то въ хату, то зъ хаты,—увирылася мени.

— Ой, ни, вона у насъ, спасыби ій, слухняна, тыхенька, хазяйновыта дытына,—заступылася за внуку Горпына.—Це жъ дочка нашои покійнои Ганны.

— Хиба Ганна вмерла?

— Вже висьмый мисяць, якъ поховалы мы ій. Хотила була сповистыть й тебе, та вже николы було... Померла, двохъ сыритокъ залышыла. Чоловикъ ій оженывся й бильшенького хлопчыка пры соби зоставывъ, а Саньку мени покынувъ,—зитхнула Горпына.

— Така молода, при здоровьи, чого жъ вона померла?—здывовалася Приська.

— Господь ій знае: чы вона застудылася, чы викъ ій вже такый короткый! Я такъ ремствую трохы на неи, що вона не побереглася: на пъятый день писля того, якъ знайшла дытыну, конопли зъ холоднои воды пишла браты, а проте... Господь Мылосердный знае, чого саме вона померла? Казала ій: звернысь до ликаря, або хочъ до фельшара—не схотила: „сміятымутся“, каже, „люды, що така молода, а по ликаряхъ йиздыть“,—оповидала Горпына, ривняючы шкарублою рукою заплутане волосся внучкы, що поклала свою голову ій на колина та пыльно дывылася у вичи любои бабуси.

— И прырозумиты жъ отакъ: зъ-за жмени конопель померты!—видмовыла на матерыне оповидання Приська.

— Де тамъ тоби жменя? Кипъ чы не зъ чотыри самои матиркы було,—та ще жъ и конопли яки добрячи... Шкода, такъ шкода тіеи сердешнои Ганны, ажъ серце щемыть, якъ згадаю, та що робыть? Мертвыхъ не вернешъ зъ домовыны, плачъ—не плачъ, не пособыться, треба краще думаты та пыльнуваты про цю сыритку... Ходимъ, дытыно моя, я тебе хочъ причепурю трохы: бачъ, яка засушена та чорна,—звернулася Горпына до Санькы и повагомъ пидвелася зъ лавы.

Санька надбигла до помыйныци и нахылыла надъ нею свій замурзаный, полупаный выдокъ. Баба хлюпнула зъ кухля соби у прыгоршню воды та заходылася видшаровуваты й выдъ, й вуха и рукы дивчыны. Потимъ вытягла зъ-за комина здоровый гребинець, розмочыла сплутане волосся, розчесала ёго и заплела у дви манисеньки кискы.

— Кисныка треба бъ дивци, та немае,—пожартувала Горпына.

— На ось тоби кисныкъ,—мовыла Приська, здіймаючы зъ своеи головы чудову, шыроку блакитну стёжку...

— Не треба, не треба—то я пожартувала. Не давай—загубыть, а такои стёжкы й по шисть копіёкъ не визьмешъ,—заклопоталася Горпына.

Але Санька вже пидхватыла стёжку и завъязувала на мокре волосся.

— Понивечышъ!—схопылася Горпына.—Давай сюды—я заховаю, хай буде про свято, у церкву...

Санька слухняно скынула стёжку и подала баби. Горпына пидійшла блыжче до викна та почала ривненько згортаты іи.

Приська мовчкы дывылася на свою стару неньку та іи глыбоки зморшкы на выду, на коряви, наче суковати рукы, на іи латану карсетыну, руду запаску, на ту стёжку, що тремтила у іи рукахъ и такъ не йшла ни до убрання неньчыного, ни до всіеи ціеи хаты, и думала... Невесели булы іи думкы...

А дивчата, за приводомъ Мелашкы, вже наблыжалыся до Горпынынои хаты. Купальни писни сталы все выразныше та выразныше доносытысь, и незабаромъ Мелашка та восьмеро дивокъ, у винкахъ, у святошнимъ убранни увійшлы въ хату.

Поки Горпына лагодыла дочци вечерю, а Мелашка доплитала ій винокъ, дивчата обступылы Приську та бильше дывылыся на „городянку“, нижъ балакалы, бо не знаны навить, якъ до неи и звертатыся.

— Ось тоби винокъ,—бачъ якый ловкисенькый; одягайся швыдче, та ходимъ!—звернулася Мелашка до сестры, колы та скинчыла вечерю.

— Видчепыся видъ моеи души зъ своимъ винкомъ. Чы я тоби коза, щобъ заходылася стрибаты оце зъ доброго дыва?— засміялася Приська, доручаючи сестры назадъ винокъ.

— Чого жъ тамъ, хай Богъ мылуе, „коза"?—здывувалась Горпына...—Нихто „зъ доброго дыва" й не плыгае:—на те й Купальный вечиръ. Не знаю, якъ челядь у городи бавытся, а по селахъ тилькы й веселощивъ, що зибратысь у гуртъ та одсвяткуваты кожне свято по звычаю.

— Пострыбаты, напрыкладъ,—завважыла зъ ухмилкою Приська...

— Стрыбаты разъ на рикъ: пострыбають сёгодни, та вже ажъ черезъ рикъ, хто жывый дижде, стрыбатыме. На все йе свій часъ, все по черзи: веснянка, петривка, купальни писни, колядкы, щедривкы...—доводыла Горпына.

Приська засміялася.

— А що, колы бъ оце я замисть петривкы та защедрувала? Посадылы бъ мене у холодну, чы ни?

— Чого тамъ, хай Богъ мылуе, у холодну? Тоби бъ самій щедривкы у литку на умъ не прыйшлы: ты бъ іи й на голосъ не звела,—видповила Горпына зъ незвычайною певнистью въ голоси.

— Чого жъ ты доси не вбираешся?—напалыся дивчата на Мелашку, що наче задубила на мисци зъ винкомъ у руци, та не змыгнувшы, дывылася на чудну городянку, що сміется зъ Купала. Мелашка кынулася у хыжу, убралася и зайшла въ хату запрохаты ще разъ сестру до гурту.

Приська ледве пизнала сестру. Чорна карсетына, облямована червонымъ шнуркомъ, немовъ облыпла коло молодого стану іи; кубова сыня спидныця, трычи пидперезана очковымы окрайкамы клалася ривнымы рясными фалдамы; жовто-гарячый попередныкъ зъ зеленымы квиточкамы по полю, намысто, киснькы, рясный винокъ,—все незвычайно лычыло простій, молодій вроди дивчыны.

— Пидемо-бо, Присю!—попрохала Мелашка сестру...—Хай на тебе хочъ челядь подывыться...

— И не прохай, и не умовляй, бо не пиду ни за що,—видповила уперто Приська.

Мелашка пишла, а Горпына поклыкала Саньку спаты, прыбрала трохы въ хати, розиклала по всихъ викнахъ жалыву и сила знову на лави.

Розмова съ Прискою довго не складалася: маты не знала, що казаты доньци-красуни, а донька литала далеко думкамы та прыгадувала щось.

— Скилькы, мамо, у васъ коровъ теперъ?—запытала, нарешти прыгадавшы щось, Приська.

— Нема, донечко, и поганенькои,—видповила Горпына журлыво.

— А де жъ та корова, що у насъ була? Я думала, що вы за ци висимъ рокивъ череду розвелы, а вы й останнёи позбулыся,—здывовалася дивка...

— Моя дытыно, що бо ты кажешъ?—ажъ сплеснула рукамы Горпына.—Де бъ та череда набралася? Мало хиба мени втратъ було? Ганну виддавала—телычку дала; Евтухъ женывся—пару бычкивъ взявъ; батько померъ—тежъ телычку продала, останню тильну телычку продала та сховала Мелашци на коривку, якъ замижъ, дасть Богъ, йтыме. Ось тоби и череда наша.

— Хиба-жъ вы ничого за цей часъ и не зароблялы?—здывувалася Приська.

— Де бъ мы зароблялы? По чужыхъ людяхъ не ходылы, ниде не наймалыся, бо й биля свого хазяйствечка було дило, а колы Ганна може яку десятку у строку й заробыла, то й те на господарство пишло,—видповила Горпына...

— Яка жъ вамъ була корысть и господарюваты, якъ ось висимъ рокивъ гуртомъ працювалы та ничого й не прыдбалы?—запытала Приська.

— Чуешъ-же: виддала дочку замижъ, оженыла сына, батька поховала—та ниде й шага не позычала.—За Ганною ажъ 15 сорочокъ дала, дви кожушакы, дви ватянкы, тры литнячкы—карсетокъ чотыри, пъять спидныць, запасокъ тры пари, полотна

два сувои,—почала Горпына личыты та прыгадуваты, що постачыла вона дитямъ.

— И що вы мени по пальцяхъ личыте ти сорочкы та литнячкы? Наче я не знаю, скилькы воны коштують? Подывиться колы такъ, скилькы я сама душею прыдбала за ци висимъ рокивъ; прыривняйте мою одягу до вашои, та тоди прызнайтеся краще, що перевелы гуртомъ дурнисенько вси ци висимъ рокивъ,— мовыла ажъ наче зъ серцемъ Приська, видчыняючы скрыню й выкыдаючы звидтиль свое збижжя.

Рижнобарви платкы, платочкы, спидныци, сукни, попередныкы, тонисенькы, якъ павутынка, хусткы, били, якъ снигъ настильныкы, повышывани, повымережувани рушныкы вкрылы стилъ, пилъ, лаву. А Приська ще выкыдала зъ скрыни свое збижжя; де-що падало до-долу, и тоди стара Горпына нахылялася, пидіймала упавшу ричъ, вытрушувала іи, обережно складала и подавала доньци.

Пидслипувати очи іи багацько де-чого не добачалы, але вона спостерегла, що Присьчыне збижжя коштуе чымало, й нышкомъ зитхала, шкодуючы даремно, на іи думку, запакованыхъ грошей на цей тонисенькый та немицный крамъ.

Покы Приська спорожняла глыбоку, якъ колодязь, скрыню, повернулася й Мелашка, весела, щаслыва, цилкомъ задоволънена сёгодняшнимъ Купаломъ и Маренюс. Вона бигла до-дому немовъ за нею хто гнався, и вже роззявыла рота, щобъ переказаты сестри, якъ тамъ хороше було биля ставка, але на порози зупынылася—и ни пары зъ устъ. Ни, николы не доводылося ій бачыты такого чудового краму, такыхъ чаривныхъ, рижнобарвыхъ убранъ! Щось неначе обирвалося, перевернулося у серци; воно защемило, забылося, замерло... О, Господы! чы то жъ можна и прыривняты іи найкраще, велыкодне убрання до найостаннишои сукни ціеи городянкы? Ця сама карсетка, той самый жовтогарячый попередныкъ, та сама спидныця, що звернулы сёгодни увагу товарокъ, наче злынялы, загубылы у одну мыть красу. Вперше за іи викъ почуття якоись неправды, образы, чы свого безталання опановало дивчыну. Хиба вона меньшъ за Приську пра-

цювала? Але жъ чы можна було ще бильше за неи, Мелашку, працюваты? Хиба вона меньше за сестру не досыпляла? Чы вона ласише за сестру йила? Може гроши даремно переводыла? Ой, ни! не можна було ранише, нижъ вона, Мелашка, вставаты, не можна було пизнише лягаты. Не ласувала вона изроду; за вси часы шага на витеръ не кынула,—безталанна вона, онъ що!

— Теперъ ты покажы мени, що у тебе въ скрыни,—звернулася Приська до засмученои сестры.

— Ничымъ добрымъ Мелашци й похвалытыся,—видповила за Мелашку Горпына,—та й нема чому дывуватыся: ты, бачъ, дбала весь часъ про себе, а Мелашка, спасыби ій, працювала на гуртъ, на господарство.

— Ото жъ було бъ такъ и вамъ дбаты кожному про себе,—зауважыла Приська, замыкаючы скрыню.

— Хай Богъ мылуе! Якъ-то можна «кожному про себе»? Попереду мы на старшенькыхъ гуртомъ робылы, покы повиддавалы ихъ людямъ, а теперъ, якъ Господь прыбавыть мени вику, то й Мелашци уготуемо, що слидъ: мы не ледачылы, не пропывалы, не пройидалы, не роскыдалы ни грошей, ни праци своеи даремно...—мовыла Горпына...

— И все жъ такы не зрозумію, що вы збереглы, що вы прыдбалы цією працею?—запытала зъ легенькою ухмилкою Приська у матери.

— Чы я тоби можу по пальцяхъ переличыты, що мы прыдбалы, що загубылы?.. Прожылы, прохарчувалыся всією симьею, у холоди не сыдилы, голи не ходылы, кутокъ свій не роспустылы, земельку дитямъ и внукамъ прыбереглы,—жылы, одно слово, якъ люде жывуть, й помремо, то буде чымъ заховаты,—видмовыла трохы ображена Присычыною ухмилкою Горпына.

— Ось,—додала вона згодомъ,—вже й до Мелашкы, хвалючы Бога, старосты кланяются, та я жъ не видмагаюся тымъ, що ни зъ чымъ дивци йты: въ мене й рушныкы, й сорочкы, й рядна и все чысто вже уготовлено... Чы такъ, Мелашко?

Але Мелашка не чула матерынного пытання: вона въ думкахъ ривняла свои порепани ногы до Присьчыныхъ нижокъ, обутыхъ у блескучи черевычки, свои чорни рукы до билыхъ рукъ городянкы; вона пригадувала всю ту важку працю, що зазнала мало не зъ пелюшокъ, и почынала зневирятыся у порядкахъ и обставынахъ сильського жыття. Хто зъ селянъ прыдбавъ стилькы, якъ ця городянка? хто зберигъ свое такъ тило, свою вроду? Орышка — перша дивка на сели: чудова жныця, перша щвачка, найкраща пряха, цей молотныкъ и плугатырь пидъ часъ прыгоды, та сама Орышка, що не покладае ни въ день, ни въ ночи своихъ рукъ,— що вона прыдбала, поривняючы зъ Приською, чымъ заповныла свою скрыню?

— Ну, диты,—зирвала маты невесели думкы Мелашкы,— лягайте спаты! Тоби, Мелашко, завтра хлибъ учыняты, и ты, Присько, высыпляйся завтра до схочу—однаково день не робочый.

III.

Приська не встала рано на другый день, не вставала рано й дали. Де-килькы день Горпына не тилькы не докоряла дочки за ii довгый сонъ, а навпакы, певна, що дочка вси висимъ рокивъ не досыпляла, умовляла Приську выспатыся до схочу й берегла ii спокій, якъ умила. Мелашка не меньшъ за матиръ пыльнувала про гостю й не разъ урывала яку годынку видъ коротенькои петривчанои ничкы та вставала ранишъ, щобъ спекты сестри пырижкивъ, перепычку зъ саломъ, або спарыты глечычокъ здобутого на сели молока. Сусиды тежъ ще до которого часу не судылы городянкы, бо „висимъ рокивъ“, мовлявъ,—„не висимъ денькивъ—натомышся у наймахъ“.

Але ось прыпала недиля. У тому сели, де жыла Горпына, перероблялы саме иконостасъ, и въ церкви не правылось. Мелашка умовыла Приську питы зъ нею у сусидне село до службы и збудыла ii зъ пивнямы. Выйшлы воны, тилько на свитъ по-

благословылося. Ранокъ бувъ чудовый, свижый, тыхый; сонечко схопылося рано, кынуло своимъ проминнямъ навколо, и раптомъ засиялы золотомъ важки колоскы жыта, заблестила самоцвитнымъ каминнямъ кожна росынка, всмихнулася, выправылася кожна стеблынка зеленого проса, побадёрнишала та повеселишала видъ того теплого проминня и недоспавша, а черезъ те спочатку похмура, Приська. Вузенька стежка, що вела до сусиднёго села, пролягала мижъ высокымъ жытомъ, вылася по-надъ обмижкамы и, здавалося, кинця-краю не мала. Напевне, иншымъ часомъ Приська, зауважывшы, якъ далеко простягся той степъ, що ій повынно перейты, якъ неясно мріе той осыковый гаёкъ, що вырисъ на пивъ-дорози, повернула бъ, слова не мовывшы, назадъ й зареклася бъ ходыты и вдруге, але у цей чудовый ранокъ у неи такъ гарно, такъ лагидно було на души, стилькы сылы почувала вже у тили, що колы вызырнула зъ-за зеленои гущавыны цвынтаря биленька невелычка церква, Приська не хотила йняты виры, що перебигла бильшъ якъ шисть гонивъ. Коротенька видправа панъ-отця Ардаліона, подорожъ назадъ тежъ не втомылы Приську и вона не тилькы не лягла спочываты писля обидъ, а навить гуляла и зъ вечора довше, нижъ завжды.

Така незвычайна бадёристь Приськы впевныла Мелашку, що сестра вже добре видпочыла писля наймивъ и здатня до праци на поли. А якъ ій хотилося вытягты городянку у поле! Робота тамъ була не погана: добра половына жыта стояла у копахъ, пшеныця тежъ ще не нагоныла, и Мелашка управылася бъ любисенько зъ ненькою безъ допомогы третёго женця, але жъ, не зарады своеи корысти й клопоталася дивчына, умовляючы сестру выйты у понедилокъ до жыта. Мелашка зауважыла те вражиння, що зробыла сестра у церкви на челядь, вона постерегла цикави погляды парубкивъ, заздристни зитхання дивчатъ, що наче ажъ йилы очыма красуню-городянку у зеленій сукни та билому шовковому платочку, але-жъ чула вона, якъ одынъ дядько мовывъ у голосъ: „за такою жинкою хлиба не йисты“, а другый додавъ на увесь цвынтарь: „крупчаткою подавышъся“; бачыла вона тежъ, якъ поважный дидъ Якивъ огля-

дивъ поважно Приську, зитхнувъ важко й перехрестывся, довидавшись, що ця городянка—Горпынына дочка, и ій невымовно шкода стало сестры.

Довго умовляла Мелашка Приську выйты на поле. Приська сміялася, жартувала, видмагалася, упевняла, що й серпа не вдержыть у руци, що не вміе и не хоче жаты; Мелашка доты не одійшла видъ сестры, покы та нарешти не згодылася выйты „хочъ подывытысь", якъ люде жнуть.

Приська захопыла заполочъ, шыткы, запъялася тонисенькою намиткою й певна, що йде тилькы „дывытысь" на чужу працю, послидкувала за матирью та сестрою до жыта. Не такъ миркувала Мелашка: вона прыгадала, якъ крала вона ще манисенькою серпъ, якъ хапалася потай видъ матери та старшои сестры зризаты тымъ серпомъ хочъ де-скилькы буръянынокъ; якый це бувъ щаслывый день у іи жытти, колы нарешти ій доручылы окремій серпъ, повелы у поле, колы вона зайняла постать и нажала мало не пивъ-копы, и думала теперъ, доручаючы сестри блыскучый гострый серпъ: „хай тилькы вона выйде на поле, хай тилькы побачыть, якъ люде жнуть, то не втерпыть — зохотыться жаты". Приська прыйняла зъ веселымъ усмихомъ той серпъ, перехрестылася на схидъ сонця, якъ велила Горпына, зризала де-килькы жмень жыта, перевъязала перевесломъ, обквитчала свій снипъ полёвымъ горошкомъ та васылькамы, увиткнула ёго зъ реготомъ та жартамы у шапку найвыщого полукипка, та й обмотала серпъ ганчиркою.

— Оце й годи?—запытала наче ажъ зъ жахомъ Мелашка.

— Хиба мало нажала?—засміялась Приська, вытягаючы зъ пидъ кипъ свои шыткы.

— Невже навспрявжкы бильшъ не жатымешъ?—запытала Мелашка.

— Невже-жъ ты справди думала, що я жатыму?—перепытала ій Приська...

— Зареклася не жаты, чы що?—запытала зъ докоромъ Мелашка.

— Эге-жъ, зареклася...—видмовыла Приська, складаючы у купку снопы, щобъ було де систы.

— Чому жъ то такъ?—обизвалася Горпына..

— Тому, що не дурна...—белькнула Приська.

— Якъ не дурна, то й не толочъ, якъ той дурень, святого хлиба,—скыпила Мелашка и сипнула купку снопивъ зъпидъ Приськы... Приська схопылася, плюнула на Мелашку й кынула ій де-килькы образлывыхъ сливъ.

Мелашка мала тежъ неледачый языкъ до послугъ—завелася суперечка; слово за словомъ, докиръ за докиромъ—и сестры нарешти зрозумилы, яка безодня прырва розризняе ихъ, якъ далеко розійшлысь воны за висимъ рокивъ, и якъ мало надіи на те, що воны, диты одніеи ненькы, порозуміются колынебудь.

Горпына цилкомъ спочувала Мелашци, котра, на ій поглядъ, казала городянци дійсну правду; але ій шкода було й Приськы. Ій прыкро було слухаты суперечку дитей, и вона зважылася перекынуты хочъ легенькый мисточокъ черезъ ту прырву, що розризныла сестеръ.

— Цытьте! Не гукайте на все поле, щобъ бува люде не позбигалыся. Чого вы сперечаетеся? Ты, Мелашко, не служыла въ городи, не знаешъ, якъ тамъ жывется,—Приська тежъ не знае сильського жыття—нема объ чимъ вамъ и змагатыся,—спынила дитей Горпына.

Мелашка видразу стыхла, а Приська не замовкла: вона вже прыдывылася за цей тыждень до селянъ, вона впевнылася, що воны марно переводять и лита и здоровья свое, вона знае, що найзаможнишому, найроскишнишому зъ селянъ и у сни не увыжаются ти чудови обставыны, ти умовы, котрымы корыстувалася вона, Приська—звычайна наймычка, въ городи.

— Де це поводыться, якый катъ-господарь прыневолывъ бы васъ старистью пектыся на сонци та трудыты поперекъ? Невже вамъ легше выстояты рачкы на отакій специ, нижъ слугуваты панамъ у городи?—скынчыла Приська свою довгу, палку промову.

— Може и йе дуже гарни паны, гарни господари, а намъ, селянамъ, немае кращои господаркы за святу землю, нема кращого господаря—за Господа Бога,—видповила спокійно Горпына.—Пошле Господь литечко, вродыть свята земля—выйдемо мы у поле, знаемо безъ загаду, що намъ робыты, якъ и ій, святій земли, и соби догодыты. Попотрудымо поперекы тыжнивъ зъ висимъ, попоганяемо скотынку, позбираемо те, що давъ Господь намъ за нашу працю, повозымо до хатъ, та й сыдымо соби нышкомъ по своихъ куткахъ, ажъ покы знову сонечко не поверне на лито.

— А що вы бачыте, що вы чуете, сыдючы по своихъ куткахъ? Чы вы на свитъ билый надывытеся, чы вы людей наслухаетесь за свій викъ?—засміялася Приська.

— Охъ, дытыно моя! Свитъ велыкый—не зйиздыты, не сходыты ёго—та не нашъ. Нашого тилькы и йе, що хатына про жыття, та домовына про смерть—про те тилькы й треба дбаты. Людей есть сыла сылою, та то все люде не наши: намъ байдуже про ихъ, и мы имъ непотрибны, а тилькы й нашыхъ людей—що своя родына та свои селяне,—завважыла Горпына.

Приська засміялася.

— Що вамъ зъ тыхъ селянъ? Що воны вамъ дадуть, на вищо воны вамъ, а вы имъ здалыся?

— Те й дадуть, що мы сами даемо имъ: треба порады—порадять, допомогты—допоможуть, розважыты—розважать, у кумы запрохаемо—пидуть, одно слово—не попустять загынуты; не почуватымешъ себе у своему сели тіею былынною ны дорози,—видмовыла Горпына.

— Отакъ само радытымуть, пособлятымуть, розважатымуть васъ и городяне, а кумивъ вже й напевне здобудете кращыхъ у городи, нижъ тутъ...—не спынялася жартуваты Приська.

— Радытымуть, дытыно моя, и въ городи,—мовыла Горпына,—та не въ одно: наймычка дасть тоби одну пораду, перекупка—другу, пани—третю...

— Ось порадьте мени теперъ, якъ мени до-дому добытыся, бо прямо не всыжу тутъ: душно, пече... Хотила бъ я

знаты, скилькы копіёкъ заробыте вы за день такои пекельнои праци,—мовыла Приська, пидводячысь зъ земли и утыраючы намиткою крапли поту на выду.

— Хиба мы личымо колы зароблени копійкы? Мы не гроши, а хлибъ заробляемо,—видповыла Горпына.

— Та все жъ цикаво перевесты отой хлибъ, що заробляете такъ гирко, на гроши,—завважила Приська.

— Ото-жъ иды на село та й переводь свои гроши на хлибъ, бо я тоби теперъ й шматка хлиба не дамъ.—Купуй, багатырко, ласуй на чужу працю, а мы, хвалыты Богови, хлиба не купувалы, чужою працею не жывылыся,—скыпила доси мовчазна Мелашка.

Приська спалахнула—почалася изнову суперечка, якъ на те наблызылыся пастухы, поривнялыся зъ Горпыною де-яки женци, що верталыся на обидъ до-дому, и кожне слово цієи суперечкы облетило незабаромъ все село.

Мелашка дорого дала бъ, щобъ завернуты свои слова назадъ, щобъ впевныты селянъ, що то вона зъ дурного розуму, зъ серця, плескала про сестру нисенитницю, але Приська наче навмысне добывалася худои славы, и зъ кожнымъ днемъ до одного прыкрого прызвыща добавлялы ій друге.

Мелашка пъялася зъ усіеи сылы, нервово хапалася за всяку працю, не дойидала, не досыпляла, зъ ранку до вечора не прысидала, та все терпляче сподивалася, що сестра захопытся такы нарешти жыттемъ ихъ маленькои симьи, що вона зацикавытся ихъ побутомъ, що принаймни хочъ, шкодуючы сестру та стару неньку, додасть своеи допомогы. Горпына тежъ все чогось сподивалася, и колы яка кума почынала допытуваты: „докы Приська святкуватыме“, впевняла ій, що тому святови прыйде незабаромъ кинець, що дочка незабаромъ опамъятается та почне робыты, „якъ и люде“. Тилькы сама Приська розумила добре свое становыще, напевне знала, що не згодытся „марно потрачаты свого здоровья“, „не захопытся тіею працею“, до котрои зохочувалы ій сестра та маты, „не занапастыть свого вику за хлиборобомъ“ и здобуде соби неод-

минно такый шматокъ хлиба, якый-бы мигъ задовольныты ii. Вона не тилькы розумила все це, але й не крылася ни видъ кого зъ своею метою, дарма що слова ii не знаходылы навколо спочуття, а розмова зъ родыною кинчалась суперечкою.

Якось разъ писля такои суперечкы зъ Мелашкою Приська сыдила на лави та нызала намысто. Горпына прысила до неи.

— Ты, дочко, не враждуй на Мелашку,—мовыла вона стыха.—Мелашка—дивка молода, нерозсудлыва; иноди може й зайве що белькне, а ты такы старшенька.

— То що якъ старшенька?—перепынила Приська матерыну ричъ.—Звелыте може зменьшатыся, передкы ii цилуваты? Вы вси за неи заступаетеся, вси проты мене, вси на мене нападомъ.

— Хай Богъ мылуе! Хто-бъ на тебе дурно нападався? Судять тебе люде, нарикаю и я иноди на тебе, такъ то жъ, дочко, не по дурному: Мелашка робыть, якъ не перервется, а ты хиба въ хати прыберешъ, та й годи.

— Не ривняйте мене до Мелашкы!—спалахнула Приська.— Не накыдайте мени тiеи роботы, що я й до самои домовыны не згожуся робыты! Чомъ вы не дывылыся, якъ я робыла у генеральшы, чому вы не пыталы людей, чы дурно я тамъ хлибъ йила? За мною булы й горныци, за мною й генеральшыны сукни, за мною и сорочкы, за мною всячына, та то жъ и догожала висимъ рокивъ,—годувалы, по чотыри карбованци на мисяць платылы, ще й подарункы робылы...

— Царство Небесне тiй генеральши, що выгодувала тебе, а все-жъ, дочко, не викъ чужымъ людямъ годыты—треба колысь и самiй господарюваты...

— Хай и моимъ ворогамъ таке господарство, якъ оце, не снытся... Давытыся чорнымъ хлибомъ, тягаты на плечахъ тенеткы, доки на шматкы не розпадутся, ни веселощивъ, ни ласощивъ не зазнаты—ото все ваше й господарювання. Колы хочете знаты, то я дывлюся на васъ або на Мелашку, ривняю до тыхъ наймытивъ, що зазнала, та тилькы дывуюся мовчкы:

де ваши очи, що вы не бачите, на вищо вы перевелыся, яке ваше життя?

— То бъ, на твою думку, и мени слидъ було бъ найнятысь?—здывувалася Горпына.

— А вже жъ, найнятысь,—мовыла Приська.

Горпына образылася.

— Э, то вже дочко, дурныця, симъ разъ дурныця! То вже, дочко, брешешъ! За таки речи я тоби вже не подякую. Не була твоя маты чужымъ попыхачемъ, та й не буде. Якъ гирко не доводылося, та все не куштувала недойидкивъ видъ панського столу; хочъ и черствый хлибъ—та свій; хочъ и похыла хатына, та свій кутокъ; хочъ и поганенька господарька, та не налаяна, не осужена!—завважыла Горпына.

— Ну й сыдить „господаркы“ та „господарськи дочкы“ надъ кандёромъ, а я не хочу звыкаты до такого життя, и не прысылуете, не прыневолыте вы мене до вику,—мовыла Приська.

— Кого тамъ сылуваты? До чого прыневолюваты?—запытавсь дядько Максымъ, що саме нагодывся на останни Присьчыны слова.

— Не прыневолыте, не прысылуете до чорнои роботы,—зъ серцемъ видказала Приська.

— А я гадавъ, що тіеи твоеи дурнои писни вже й край забулы, що опамъяталася та дякуешь мени за те, що я вытягъ тебе зъ того болота та показавъ, якъ люде повынни жыты та господарюваты, ажъ ты, бачу, не дуже-то!—мовывъ зъ докоромъ дядько Максымъ.

— „Нате й моихъ пъять, щобъ було десять“. Чого ще вамъ видъ моеи душы треба? Посміялыся зъ дуркы, обицянокъ надавалы, симъ мишкивъ гречанои вовны набалакалы, а теперъ ще й докоряете, що не корюся вамъ? Де ти писари, де ти благородни люде, що вы мени заздалегидь высватувалы? На вищо вы мене зъ города взялы? Погыбели моеи захотилы?—заплакала Приська.

— Чудна ты, дивко! Подумай сама: за кого бъ я тебе и высватавъ? Чы тебе хто на поли бачывъ, чы твою роботу хто колы похвалывъ? Мелашку я высватаю хочъ и сёгодни, дарма що вона меньша, а тебе... Кому ты потрибна? Кому й на вищо здалыся твоя врода, твои били рукы, колы ты не здатня до праци?—Була въ мене думка высвататы тебе за Бондаренка,—несхотивъ тебе.

— Ось якихъ молодыхъ тулыте вы мени! Чы я вамъ не казала, що не пиду до вику за простого мужыка-хлибороба? Хиба я не знаю, якъ воны знущаються зъ жинокъ своихъ?

— А подывысь, якъ Бондаренко панькается теперъ зъ своею молодою жинкою. Наче ти голубкы жывуть. Зазнають и щастя на своему вику, й роскоши—якъ одынъ день викъ прожывуть!—мовывъ Максымъ.

— Прямо—„зазна роскоши“! Не бачыла я, мабуть, яку спидныцю ваша Санька телипае, не куштувала, мабуть, пырогивъ ии!—засмiялася Приська.

— Бачу, до чого ведешъ ричъ, та тилькы помыляешся ты, небого. Не у тимъ роскишъ, що сёгодни шорстяне, а завтра рядняне, а у тимъ, що завжды йе те, чого треба; не у тимъ роскишъ, що сёгодни вязка бублыкивъ, а въ тимъ, що не голодный... Ты сёгодни, бачъ, прычепурылася, напъяла шорстяну сукню, поснидала бублыкамы, напылася чаю, спала до обидъ, а я не знаю, у чому ты сыдитемешъ черезъ рикъ, якъ жыви диждемъ, що йистымешъ та чы переспышъ, чы може за голодомъ та досадою й про сонъ забудешъ?.. Никому, причъ Господа Мылосердного, невыдымо, що тебе сподивается, що тоби трапыться та у чiихъ рукахъ опынытся и скрыня твоя важка, й те добре намысто, що теперъ нышешъ; а за Саньку такъ и объ закладъ можно побытыся, що й черезъ рикъ и черезъ десять будуть и пырогы на столи, и таки сами спидныци, якъ теперъ, колы не кращи. И я тоби поражу...

— Хай воно сказытся таке жыття, якъ Саньчыне! Я-бъ швыдче соби смерть заподiяла, нижъ згодылася отакъ свитомъ нудыты,—не стерпила Приська и перебыла дядькову ричъ.

— Оце лыхо! А якого жъ,—не у гнивъ вамъ буде, що запытаю,—життя вамъ забажалося?—засміявся дядько.—Хиба ты не така сама мужычка, якъ Санька? Покынь краще вси свои выгадкы та прымхы! Не морочъ людямъ головы, покынь шукаты того незвычайного життя, визьмыся гарненько до праци, то я тоби высватаю чудового парубка,—хазяйського сына, одынця у батька...

— И не нагадуйте мени про тыхъ хазяйськыхъ сынивъ—не пиду я за ныхъ замижъ. Не мужыкивъ я цураюся, а хлиборобивъ. Не вси мужыкы господарюють—йе таки, що й на готови гроши жывуть; отакого мени знайдить, а ни, то одвезить мене краще у городъ—тамъ я сама соби раду дамъ, якъ мени жыты.

— За городъ, дочко, вже не нагадуй: до вику-вичнёго не буде тоби на те мого благословенія,—обизвалась безъ краю сумна Горпына.

— Въ городъ тебе вже нихто не пустыть: и такъ велыкого ума набралася—постачыть на увесь твій викъ,—додавъ Максымъ...

— Та вже жъ и тутъ нема мени життя. Кожне пече мене, дорикае, коженъ очи выйидае,—заплакала Приська.

— Приську!—звернувся до неи трохы згодомъ Максымъ.—Не вже ты такы навсправжкы поклала соби не выходыты замижъ за хлибороба? Може ты такы одумаешся колы-небудь?

— Докы вы мене допытуватымете, докы дратуватымете?—Сказала, що не пиду за хлибороба, то хочъ зависьте, не зминю на цёму слови!—заголосыла ще дужче дивка и выбигла геть зъ хаты.

Л. Яновская.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Документы, извѣстія и замѣтки.

Практика смертной казни въ старой Малороссіи. «1734 году, апрѣля 6 дня. Мнѣніе войскового енерального суда по дѣламъ криминальнимъ о колодникахъ батуринскому жителю Матвѣю Сергіенку да жителю переяславскому Ѳедору Иванову учинено въ нижеслѣдующемъ. 1. Помянутій Сергіенко в распросе показалъ, что онъ хозяина своего, батуринского жителя Мартина Кащенка, в дороге, под городомъ Лохвицею, самъ собою оссю спящаго убилъ, ради имѣвшихся у него Кащенка денегъ, которіе числомъ 8 р. и лошади оного убитого взявъ онъ, Сергіенко, намѣривалъ ехать в Полтаву, чтобъ пристать к кому в службу; и закопалъ былъ оніе денги под Лохвицею, в урочищи подле Креста. А потомъ, когда его Сергіенка лохвицкіе люде в дороги запинивъ, привели в Лохвицю, то онъ, Сергіенко, за прибитіемъ жены Кащенковой, с посланними отъ старшины лохвицкой людми, означенніе денги подле Креста на нивѣ закопанніе сискавъ, отдалъ оной женѣ убитого Кащенка. А о томъ смертномъ убійстве онъ, Сергіенко, в суде генералномъ ис пытки винился и сказалъ, что онъ того хозяина своего Кащенка подлинно убилъ з своего умислу для того, чтоб его хозяйскіе пожитки забрать и покористоваться оними; а на то убійство его нихто не подговаривалъ и в томъ помощникомъ никто ему не былъ, а прежде того убійствъ другихъ никому не чинилъ. А сего 1734 году, марта 12 д., глуховского Петропавловскаго монастира намѣсникъ іеромонахъ Варлаамъ и новгородского сѣверского Спасского монастыря іеромонахъ Петръ Gergель с іеромонахи катедры Чернѣговской Зосимою и Тихономъ да глуховскій протопопъ Алексѣй Галяховскій, с протчіими священ-

и ихъ, числомъ восемъ человѣкъ, в поданномъ в судъ енералній челобити просили, чтобъ оного колодника Сергіенка, которій де еще будучи младолѣтенъ в тотъ убійства грѣхъ впаде, отъ смертной казни свободить на покаяніе. А в правахъ маторосскихъ напечатано, а именно: в книге Статутѣ, в раздѣлѣ 11, артикулѣ 9, ежели бы которій слуга взявши предъ себе злій умислъ, господина своего забилъ или ранилъ, таковій имѣетъ жестоко горломъ каранъ быти, яко зрадца четвертованъ; да в томъ же раздѣлѣ, артикулѣ 56— когда бы кто о воровство или о какое злочинство к смерти отъ судей приговоренъ былъ и в томъ отъ смерти откупилъ себе денгами или чрезъ свойственнихъ своихъ или гостей, пословъ, господъ знаменитихъ випрошеній былъ, а за таковій свой злій учинокъ у ката в рукахъ былъ, такій каждій между добрими людми рицерскими не имѣетъ болше того привилею шляхетского уживати, а дѣтемъ его то вредить не имѣетъ. 2. Прошлого 1733 г., ноября 16 д., дѣло по присланному екстракту отъ наказного полковника переяславского Томары з старшиною, о Ѳедору Иванову, которій Леску Косому и женѣ его Еленѣ приказовалъ жену свою Евгенію перво отруить, а послѣ удавить и оній Леско удавилъ, а жена его давала мишаку пить, о чомъ изъ розиску показали, в судѣ енералномъ рѣшено и велено по силѣ правъ малороссійскихъ в книге Статутѣ в раздѣлѣ 11, артикулахъ 6 и 17, да в книгѣ Порядку, артикулахъ 66 и 87, чинить смертную казнь и о томъ того жъ ноября 16, к оной старшинѣ полковой для исполненія посланъ указъ. И того ж году декабря 21, отъ той старшины в судъ енералній репортовано, что онимъ Леску Косому и женѣ его Еленѣ учинена смертная казнь. А сего 1734 году, генваря 11, преосвященній епископъ переяславскій и бориспольскій Арсеній Берло и г. генералъ-майоръ Кейтъ в судъ енералній писали с прошеніемъ, чтоб ради торжественного дня тезоименитства ея высоч. государыни принцессы Анны (аще возможно будетъ) помиловать его, Ѳедора, отъ смертной казни освободить. А по справке в генералномъ войсковомъ суде з дѣлами в прошломъ 1733 году, содержались колодники в оном судѣ, а именно смоленской губерніи, города Драгобужія, деревни Тужимовой, помѣщика Гаврила Заблоцкого, Яковъ Савеліевъ сынъ Зайцовъ—в пятократномъ в разныхъ обивателей, в томъ числѣ и церковномъ, воровствахъ, да Ѳилипъ Фоминъ сынъ, житель Короповскій, за растлѣніе дѣвицы Агафіи Ивановой дочери, отъ чего она и умерла, которимъ надлежало было по силѣ правъ

учинить смертную казнь, ибо уже и приговорены были, а по прошенію духовнихъ особъ и по силѣ вышеписанного права в раздѣлѣ 11 артикулѣ 16 напечатанного, смертію не казнены и отданы онимъ просителемъ с росписко̀ю, что оны впредъ такихъ злодѣяній чинить не будутъ. А нынѣ, по мнѣнію суда енералного, показанного Сергіенка за убійство хозяина его Кащенка по силѣ артикуловъ 6 и 17, того жъ роздѣлу, учинить смертную казнь, а показанній артикулъ 56 оного жъ раздѣлу, весьма не пристойній к таковимъ дѣламъ отставить, понеже, ежели смертнихъ убійцовъ по оному артикулу и по прошенію духовнихъ особъ отъ смертной казни свобожать, то многіе на то смотря, возимѣвши безстрашіе, станутъ чинить смертніе убійства въ той надеждѣ, что ихъ духовніе отъ смертной казни отпросятъ. Аѳанасій Радищевъ. Иванъ Сенявинъ. Судіа енералний Михайло Забѣла».

Къ исторіи „войсковаго скарба“. «Исторія войсков. скарба», еще ненаписанная, представляетъ немалый интересъ для исторіи экономической жизни старой Малороссіи, указывая ка́къ гетманщина устраивала свои финансы. Главнымъ источникомъ послѣднихъ, до измѣны Мазепы, служила «аренда»—на «горѣлчаніе, тютюнніе и дегтевіе шинки». Два приводимые адѣсь универсала Мазепы поясняютъ—какъ практиковалась эта аренда въ монастырскихъ селахъ. 1) «Ихъ царского пресвѣтлого величества войска запорозкого гетманъ Іоанъ Мазепа. Ознаймуемъ сымъ нашымъ писанемъ кождому кому о томъ вѣдати належитъ, пжъ що колвекъ належитъ до скарбу нашого войскового суммы арендовной до маетности архимандріи Новгородской, въ полку Нѣжинскомъ и Чернѣговскомъ будучии, за рокъ 1695 належной, то мы тую всю сумму—двѣстѣ сѣмдесятъ золотихъ грошей—даруемъ висоце в Богу превелебному его милости господину отцу Михайлу Лежайскому, архимандритѣ Новгородскому, в чомъ даючи его милости сію нашу охорону, варуемъ, абы нихто з старшини и чернѣ не важился правити тыхъ грошей за тіе маетности предречоной архимандріи Новгородской. Данъ в Батуринѣ, октоврія 26 д. 1695 року. Звишъ менованній гетманъ рукою власною».

—

2. «Его царского величества войска запорожского гетманъ Іоанъ Мазепа. Ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ кождому кому о томъ вѣдати належитъ, ижъ пустилисмо висоце в Богу превелебному его милости господину отцу Никону архимандриту Новгородскому, арендовіе, горѣлчаніе, тютюнніе и дегтевие шинки в завѣдоване в селѣ Спаскомъ в сотнѣ сосницкой будучимъ, на наступуючий рокъ 1704-й отъ дня—починаючися, а о томъ же часѣ прийдучого году кончитися 1705-го мѣючие, за которие то шинки висоце в Богу превелебний отецъ архимандритъ яко належитую до скарбу войскового сумму уистилъ, такъ позволяемъ оними веллугъ давнего порадку владѣти и якъ хотя оними диспоновати ку лучъшему своему пожиткови; въ якихъ шинкахъ не повиненъ нихто з жителей помененного села Спаского войсковихъ и посполитихъ людей и з посторонних переежджаючихъ жадной найменшой перешкоди чинити потаемнимъ горѣлки шинкованемъ и явнимъ; медомъ зась, пивомъ и брагою волно всякому з козаковъ и посполитихъ людей без жадних дачей шинковати, що все такъ, а не иначей абы было, симъ листомъ нашимъ варуемъ. Данъ в таборѣ іюня 4, року 1704, под Хвастовомъ. Звишъ менованный гетманъ рукою властною» [1]).

Остатки преданія о Гонтѣ. [2]) «Недавно мнѣ случилось быть въ селѣ Сербахъ (могилевскаго уѣзда, подольской губ.). Селеніе это извѣстно тѣмъ, что оно было мѣстомъ казни извѣстнаго предводителя народнаго движенія и дѣятеля такъ называемой «Уманской рѣзни» — Гонты. Казнь Гонты дала с. Сербамъ право на упоминаніе въ южнорусской исторіи. Зачѣмъ именно Гонта былъ завезенъ для казни въ с. Сербы, такъ далеко отъ главнаго мѣста своихъ подвиговъ—окрестностей Умани, и отъ мѣста своего плѣненія—отгадать трудно; но это

---

[1]) Оба документа изъ монастырскихъ актовъ, нынѣ хранящихся въ кіевскомъ центральн. арх.

[2]) Перепечатываемъ эту интересную статью г. Ѳ. Ѳ. (?) изъ стараго „Кіевлянина“ (1871 г. № 45), гдѣ она, какъ и многія подобныя другія, теряется чуть не навсегда. Большую пользу принесла бы редакція „Кіевлянина“ наукѣ, если бы издала выборки подобныхъ статей изъ своего изданія за прежніе годы, въ видѣ отдѣльныхъ *Сборниковъ*. Матеріалъ въ этой газетѣ для такихъ *сборниковъ* имѣется обильный и интересный.

обстоятельство повліяло на то, что количество устныхъ народныхъ преданій о его смерти уменьшилось. Жители окрестностей мѣста его казни не такъ были заинтересованы личностью Гонты, меньше занимали ихъ воспоминанія о ней, чѣмъ жителей той страны, которая полна преданій о событіяхъ, связанныхъ съ именами Гонты и Желѣзняка. Сербы видѣли только казнь,—но не видѣли дѣлъ Гонты.

Разспросы у жителей с. Сербовъ дали немного; сто лѣтъ времени сильно сгладили народное преданіе, и отъ него уцѣлѣли только небольшіе остатки, слабо свидѣтельствующіе о томъ, какъ относилось населеніе къ дѣятелю уманской рѣзни: съ симпатіею или съ отвращеніемъ; что больше запечатлѣлось и уцѣлѣло въ народной памяти: его-ли жестокости, или то, что Гонта все-таки былъ выразителемъ народнаго движенія, народнаго чувства. Правда, почти всѣ жители с. Сербовъ твердо запомнили, что здѣсь именно былъ казненъ Гонта, но личность его представляется имъ недостаточно опредѣленною. Въ отрывочныхъ разсказахъ, Гонта является то предводителемъ народнаго движенія, симпатичнымъ населенію, то простымъ разбойникомъ. Новѣйшее поколѣніе уже смѣшиваетъ его иногда даже съ разбойникомъ Кармелюкомъ, дѣйствовавшимъ въ подольской губерніи въ позднѣйшее время. Подвиги Кармелюка иногда приписываютъ Гонтѣ, хотя крестьяне постарше тутъ же и протестуютъ противъ такого мнѣнія и отдѣляютъ личность Гонты. «Нема теперъ уже такыхъ» —говорятъ они—«щобъ бачылы, якъ Гонту тутъ *стратылы*. Це вже дуже давно дiялось: и ти вже стари люде, котри чулы видъ батькивъ и видъ дидивъ». Только старая, разрушающая деревянная церковь села Сербовъ, которой повидимому далеко больше ста лѣтъ—остается безмолвнымъ свидѣтелемъ страшной казни, устроенной польскою лютостью, надъ лютымъ карателемъ поляковъ и жидовъ. Въ селѣ осталась еще также поговорка: «Гонта свитъ пройшовъ, та Сербивъ не перейшовъ»: тутъ его и «стратылы».

Мѣсто казни указываютъ различно: одни говорятъ, что Гонта казненъ у самыхъ воротъ селенія, возлѣ вновь выстроенной церкви, гдѣ будто-бы стоялъ прежде и крестъ, на который встарину указывали, какъ на мѣсто могилы; другіе положительно утверждаютъ, что казнь произведена была возлѣ «мурованной криницы», немного подальше. Какъ признакъ могилы называютъ желѣзный колъ, который будто-бы вбили въ могилу мучители Гонты. Гдѣ этотъ колъ—отыскать едвали удалось бы. Но о существованіи кола повторяютъ всѣ.

Гонту долго мучили—говорятъ старики; его не за одинъ разъ убили: сняли съ него кожу съ головы, потомъ отрубили одну руку, дальше другую, а тамъ и ноги, а послѣ всего голову. И это дѣлалось нѣсколько дней, чтобы дольше мучить; «отрубятъ Гонтѣ одну руку, а онъ акафистъ Іисусу читаетъ; отрубили другую руку,—а онъ все-таки акафистъ читаетъ» —такъ говорилъ одинъ старикъ, разсказъ котораго былъ очень толковъ и согласовался съ извѣстными подробностями событій.

Другіе говорили, что Гонту убили иначе, вытягиваніемъ изъ него кишекъ: вытянули кишки, привязали къ столбу и вертѣли его вокругъ столба, пока не вытянули всѣхъ кишекъ до конца; тогда Гонта засмѣялся и умеръ; а когда его мучили, онъ все молился и акафистъ читалъ. Послѣдній разсказъ очевидно ошибоченъ и расходится съ письменными свидѣтельствами, по которымъ дѣйствительно съ Гонты сняли кожу съ головы, голову посолили, вырѣзали полосы кожи съ другихъ мѣстъ тѣла и четвертовали съ большими промежутками времени. Первое преданіе вѣрнѣе. Но оба разнорѣчащія преданія говорятъ одинаково, что во время казни Гонта громко читалъ акафистъ. Если и теперь еще уцѣлѣло подобное преданіе, то ясно, что въ народной памяти Гонта остался не въ видѣ разбойника, а въ совершенно другой обстановкѣ: представленіе человѣка, умирающаго съ твердостью и читающаго акафистъ во время мучительнѣйшихъ смертныхъ истязаній,—вызываетъ въ народѣ совсѣмъ не то чувство, какое имѣютъ къ разбойнику.

«То правда, що Гонта багато збыткивъ (т. е. вреда, пакостей) наробывъ по свиту», говорятъ сербанскіе и окрестные крестьяне, но иные прибавляютъ, что не для всѣхъ онъ былъ такой лютый человѣкъ; одни говорятъ, что онъ былъ лютъ только до «ляхивъ и жыдивъ»; а другіе,—что онъ былъ такой человѣкъ, что богатого «обибравъ, а бидному надавъ». Въ этомъ послѣднемъ преданіи выступаетъ опять не разбойничій атрибутъ, а что-то другое, хотя мало опредѣленное. Очевидно, что въ населеніи осталось симпатичное чувство къ Гонтѣ: его не считали дурнымъ человѣкомъ.

Одинъ изъ стариковъ, больше всѣхъ знавшій о Гонтѣ, разсказалъ такъ: Гонта былъ родомъ изъ Росошекъ подъ Уманью; его жъ село было и Кодыма (Подольск. губ.); тутъ (въ Сербахъ) про него никто хорошо не знаетъ; а я помню, что по дорогѣ въ Одессу, какъ бывало идешь, то про него тамъ больше говорятъ.—«Я добре знаю,

что якъ пидешь въ ту сторону, то тамъ було и на-ничъ тебе не примутъ: прійдешь въ село просыться на ничъ, спытаютъ: а звидкиля, чоловиче?—Зъ Сербивъ.—Зъ которыхъ Сербивъ? Бо есть еще и другіе Сербы (дѣйствительно, въ подольской губ. есть и другое село Сербы). Якъ тилько скажешь, що зъ тыхъ Сербивъ, що пидъ Могылевомъ, то уже ни за що не пустять на-ничъ: то вы зъ тыихъ Сербивъ, кажуть, де нашого батька (або дядька) *стратылы*. Идить соби! Такъ и не пустятъ. А мы хиба выннi (виноваты), що въ Сербахъ Гонту стратылы?»

По сербянскимъ разсказамъ выходитъ, что и населеніе изъ окрестностей Умани также относилось сочувственно къ Гонтѣ; видѣвшіе людей изъ-подъ Умани, говорятъ, что и послѣдніе называли Гонту батькомъ или дядькомъ и говорили, что это «добрый былъ панъ» хотя и багато збыткивъ робывъ по свиту жыдамъ и ляхамъ».

Не лишено интереса то обстоятельство, что въ народѣ осталась память, будто и русское правительство, преставители котораго выдали Гонту полякамъ, противилось его казни: „якъ тилько стратылы Гонту въ Сербахъ», говоритъ одно изъ преданій, «скоро зъ Петербургу прышло таке пысьмо, щобъ его не убывать, а повезты въ Петербургъ, якій то «лыцарь». То вже пысьмо то не поспило, не було вже кого везты въ Петербургъ». Не просвѣчиваетъ ли тутъ старое народное мнѣніе, что русское правительство не могло, за одно съ поляками—преслѣдовать народное движеніе русскаго населенія.

Мѣсто подвиговъ Гонты многіе въ окрестностяхъ Сербовъ совершенно спутываютъ; такъ напр. нѣкоторые говорятъ объ убіеніи католическаго духовенства и учащихся «студентивъ», и о томъ, что убитые были брошены въ колодезь,—но вмѣсто Умани называютъ мѣстомъ дѣйствія городъ Баръ. До того стерлось тутъ преданіе, до того забыли его въ сто лѣтъ!

По народному преданію, въ Сербы привезенъ былъ не одинъ только Гонта, но и множество гайдамаковъ; ихъ всѣхъ, кромѣ Гонты, содержавшагося особо, разсадили въ двѣ огромныя и глубокія ямы, не покрытыя отъ непогоды, и держали тамъ довольно долго. Сидѣли тамъ эти «невольники» и кормились тѣмъ, что принесутъ имъ окрестные жители. Ямы, гдѣ мучились «невольники», были такъ глубоки, что ничего туда подать руками было нельзя; есть крестьяне, которые говорятъ, что дѣдъ или бабка такого то изъ нихъ или даже отецъ, будучи въ дѣтскомъ возрастѣ, сами носили пищу гайдамакамъ въ

ямы; возьмутъ «блызнята» (т. е. горшки, соединенные между собою по два), привяжутъ къ нимъ веревку и опустятъ такъ на дно ямы. Поѣдятъ «невольники» и отдаютъ назадъ «блызнята», но всегда не съѣвши всей пищи; на днѣ этихъ горшковъ приносившіе пищу, находили подъ борщемъ и кашею червонцы и кораллы, которыми «невольники благодарили тѣхъ, кто кормилъ ихъ. Долго стража, охранявшая гайдамаковъ, не знала о томъ, но наконецъ какъ-то обнаружилось, что они передавали деньги жителямъ; тогда ихъ обыскали, и больше денежныхъ гайдамацкихъ даровъ не было. Но какимъ же образомъ плѣнники могли сохранять у себя деньги? Это преданіе объясняется тѣмъ, что ихъ привезли въ Сербы не «обобранными», и что гайдамаки умѣли прятать у себя деньги. Преданіе о томъ, что жители Сербовъ носили имъ пищу, опуская ее на веревкахъ, и часто получали за то щедрые дары въ борщѣ и кашѣ—принадлежатъ къ числу наиболѣе свѣжихъ и опредѣленныхъ преданій; о томъ говорятъ многіе, совершенно согласно и ссылаясь на слова собственныхъ своихъ отцовъ и дѣдовъ, видѣвшихъ все это своими глазами.

Этого мало: указываютъ самыя мѣста тѣхъ глубокихъ ямъ, гдѣ содержались «невольники». Такихъ ямъ было двѣ, и отъ обѣихъ остались слѣды, которые я видѣлъ. Одна изъ такихъ ямъ была возлѣ нынѣшняго кладбища, вблизи почтовой дороги; тамъ осталась большая впадина, искусственность происхожденія которой слишкомъ замѣтна; теперь это мѣсто уже вспахано, но если и въ настоящее время впадина еще очень широка и значительна, то какова же она была сто лѣтъ тому назадъ? Сто лѣтъ ямы эти осыпались, запахивались, и все таки слѣды ихъ не могли изгладиться! Преданіе же, передаваемое мѣстными жителями, утверждаетъ, что въ ямахъ содержались сотни гайдамаковъ—«невольниковъ». Признаки ямъ подтверждаютъ наглядно то, что передается жителями—устно, и своимъ видомъ поддерживаютъ самое преданіе.

Вотъ почти все, что мнѣ пришлось собрать изъ устныхъ преданій о Гонтѣ, на томъ мѣстѣ, которое видѣло его казнь. Слабость преданій объясняется тѣмъ отчасти, что Сербы слишковъ удалены отъ окрестностей, уманской рѣзни, а до привоза туда Гонты, о немъ едва только слухи тула доходили. Одинъ только старикъ еще имѣетъ нѣсколько опредѣленное понятіе о Гонтѣ, называетъ также по имени сподвижника его—Шилу, о которомъ говоритъ, что онъ былъ посаженъ

на колъ, „на паль“,—но еще въ товарищи обоимъ прибавляетъ какого-то «Мотовилу».

Счетъ судебныхъ издержекъ по дѣлу крестьянки съ сосѣдомъ, за порубъ лѣса. 1723 г. *«Реестръ мнѣ Евпросимии Бабичисѣ, жителцѣ конотопской, сколко стратила денегъ, правуючися из Левкомъ Гавриленкомъ, семяновскимъ жителемъ.* Напервей, якъ былемъ у Глуховѣ, дали жовнѣру шагъ. Сторожовѣ алтинъ. Панамъ суднямъ полталяра. За алтинъ калачовъ, за перевозъ 5 коп. Для написанія реестру дали алтинъ, полкопи схарчили. Шостакъ в канцеляріи дали молодикамъ. Въ Конотопѣ, пред пана сотника калачовъ за шагъ, а шостакъ положила. Свѣдкамъ ... на себе схарчила шаговъ три. На конѣ схарчили шостакъ. П. Костенецкому [1]) шостакъ; за написанне двохъ супплѣкъ сѣмъ шаговъ. П. Романовичу 7 шаговъ, на папѣръ, а теперъ на себе исхарчили полкопи. На калачи три алтыни стратили, предъ пановъ носячи. За подводу таляръ, а на харчъ 7 шаговъ. За перевозъ заплатили полчварта шага, до Глухова едучи. [2]) У турму, якъ посадили, дали копейку. На подводницкого коня стратили на кормъ полчварта шага. За написанія двохъ реестровъ, три алтини Когда ми были предъ судомъ войсковимъ енералнимъ и его наказано Левка Гавриленка, чтобъ намъ платилъ девять копъ и ми на томъ згодою (стали?) чтобъ болшей не турбуючи суду войскового енералного. Писанъ сей реестръ року 1721, марта 19“. *(Съ подлинника).* Перечисленныя издержки понесены женою крестьянина с. Гутъ Бабича съ сосѣдомъ Гавриленкомъ за порубъ послѣднимъ ея лѣса. Какъ видно, дѣло было начато въ Конотопѣ, у сотника; затѣмъ перенесено въ Глуховъ, въ генеральный судъ, которымъ и разрѣшено. Въ полковомъ судѣ, слѣдовательно, дѣло вовсе не было.

---

[1]) Григорій Костенецкій—тогдашній Конотопскій сотникъ.

[2]) Слѣдовательно за перевозъ чрезъ р. Сеймъ, у с. Мутина, кролевецк. у.

Какъ обѣднѣли Оболонскіе. Исторія обѣдненія многихъ потомковъ бывшей козачьей старшины въ гетманщинѣ—также интересна, какъ и исторія обогащенія этой старшины. «Набрались диды биды поки набулы, а внукы—мукы поки збулы». Такую поговорку привела намъ когда то старосвѣтская «пани», разсказывая нѣкоторые эпизоды изъ имущественныхъ крушеній «пановъ». — Вступивъ въ составъ русскаго дворянства въ к. XVIII в., козацкая старшина очень скоро усвоила себѣ внѣшнюю обстановку великорусскихъ помѣщиковъ, обращая особое вниманіе на тѣ ея особенности, которыя во-очію должны были свидѣтельствовать о дѣйствительной ея принадлежности къ высшему сословію. И, разумѣется, чѣмъ *многодушнѣе* были народившіеся на Украинѣ помѣщики, тѣмъ—внѣшнюю свою бстановку—они старались устроить показнѣе. Отсюда началось соревнованіе въ обзаведеніи панскихъ домовъ разными принадлежностями роскоши. Уже въ самомъ началѣ XIX в. новозыбковскій помѣщикъ Ширай (изъ с. Спиридоновой Буды) имѣлъ у себя театръ и оркестръ, въ которыхъ актеры и музыканты были набраны изъ своихъ бывшихъ «подданныхъ», переименованныхъ затѣмъ въ крестьянъ [1]). Шираевскій театръ былъ особенно замѣчателенъ тѣмъ, что его актрисы должны были служить двумъ богинямъ разомъ, Мельпоменѣ и Венерѣ. Служба ихъ Мельпоменѣ доставляла удовольствіе и развлеченіе гостямъ, а служба Венерѣ, кромѣ того, и доходы хозяину. Такимъ образомъ, мы видимъ, что Ширай умѣлъ сочетать пріятное съ полезнымъ и что его роскошная обстановка подчинена была извѣстному разсчету. Такіе примѣры были исключеніемъ. Общее правило заключалось въ томъ, что роскошь вела за собою разореніе. Внукъ генер. обознаго Семена Васильевича Кочубея, полтавскій помѣщикъ Семенъ Михайловичъ Кочубей «промоталъ семь тысячъ душъ крестьянъ и умеръ въ бѣдности», какъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ его родственниковъ (Записки Арк. Вас. Кочубея. Спб. 1890). Къ сожалѣнію, послѣдній не распространяется о подробностяхъ этого мотовства, а мы только знаемъ, что С.М. Кочубей, занимая должность полтавскаго губернскаго предводителя дворянства, могъ, при извѣстной та-

[1]) До 1782 г. крестьяне жившіе въ маетности того или другого державцы назывались и писались его «подданными», а послѣ изданія закона 3 мая 1782 г. эти подданные стали называться крестьянами, какъ и въ Великороссіи.

роватости, сильно тратиться на пріемъ дворянъ, но все же «промотать» 7000 душъ крестьянъ, жившихъ на земляхъ благодатной Полтавщины, нужно было умудриться...

А вотъ и другой примѣръ такого мотовства. Во второй полов. XVIII в. однимъ изъ большихъ богачей южной Полтавщины былъ, между прочимъ, генеральный бунчужный Демьянъ Оболонскій. Сынъ сосницкаго сотника, Д. Оболонскій началъ службу въ генер. канцеляріи и добившись вліятельной должности писаря (секретаря) генер. суда, нажилъ на этомъ мѣстѣ порядочную земельную худобу. Но затѣмъ Оболонскій разбогатѣлъ вдругъ: императрица Елисавета, на пути, въ 1744 г., въ Кіевъ останавливалась въ Глуховѣ и здѣсь, встрѣтивъ жену Оболонскаго, нашла въ ней сходство съ своей матерью, и по этому случаю излила свои милости на Оболонскихъ. Главная милость заключалась въ пожалованіи имъ сотеннаго «городка» Горошина съ громаднымъ количествомъ окружныхъ земель.—Пользуясь своимъ значеніемъ и благопріятными условіями мѣстности, Оболонскій основалъ здѣсь нѣсколько *слободъ*, населеніе которыхъ къ к. XVIII в. достигло цифры нѣсколькихъ тысячъ душъ [1]). Резиденцію свою Оболонскій устроилъ въ одной изъ этихъ слободъ, въ селѣ *Оболони*, гдѣ онъ выстроилъ себѣ въ три этажа каменный домъ, въ которомъ зала для баловъ занимала высоту двухъ верхнихъ этажей. Устроившись такъ широко, старый Оболонскій дожилъ здѣсь свой вѣкъ, собирая съ земель капиталы. Преданіе говоритъ, что будто только мѣдными пятаками Оболонскій собралъ 200 тыс. рублей. Всѣ эти богатства, по смерти Д. В. Оболонскаго, унаслѣдовалъ сынъ его Демьянъ же (род. 1743 г.), который всѣ эти богатства затѣмъ промоталъ. Женатъ былъ этотъ Оболонскій на дочери прилуцкаго полковника Александра Якубовича, Надеждѣ, гдѣ то служилъ и дослужился до большого тогда чина—д. ст. совѣтника. Къ мотовству склонны были и мужъ и жена. Преданіе говоритъ, что мотовство ихъ выражалось, напр., въ частыхъ посылкахъ *нарочныхъ* за границу: въ Голландію, гдѣ обыкновенно мылось бѣлье Оболонскихъ, въ Парижъ, откуда жена Обо-

---

[1]) Въ к. XVIII в. у Оболонскихъ здѣсь были слѣд. имѣнія: Горошинъ (1509), Оболонь (1395), Демьянки и Погребняковщина (952), Липняги (645), Степановка (517) и Новоселица (453), т. е. 5471 об. п. крест. Кромѣ того, были имѣнія у Оболонскихъ и въ другихъ мѣстахъ Малороссіи, особенно ок. Глухова. Всего у Оболонскихъ въ 1798 г. было 7330 об. п. крестьянъ.

ловскаго выписывала модные костюмы... Скакали посланцы Оболонскихъ и по Россіи, напр., въ Одессу—за винами и закусками. Проживая временами въ Оболони, въ тамошнихъ своихъ палатахъ, Оболонскіе задавали въ нихъ пиры, на которыхъ гремѣлъ *свой* оркестръ. По большимъ праздникамъ и въ именинные дни—въ Оболонскомъ дворѣ угощали и крестьянъ, которымъ при этомъ бросали изъ оконъ собранные старымъ Оболонскимъ *пятаки*. О женѣ Оболонскаго разсказывали, что она какъ то купила въ СПБ. персидскую шаль за 30 тыс. рубл., шаль отъ покупки которой будто бы отказалась даже и императрица, за ея дороговизну... Въ короткое время Оболонскіе прожились и дѣло кончилось тѣмъ, что имѣнія ихъ взяты были въ опеку, въ конецъ разорены опекунами, и затѣмъ за долги распроданы въ разные руки. Оболонь досталась Позенамъ, Горошинъ—Гудимамъ и т. д. Оболонскій домъ, по разсказу стариковъ, стоялъ еще и въ 1840 г., зіяя множествомъ своихъ разбитыхъ оконъ... Окна эти такъ густо были насажены въ домѣ, что у мѣстныхъ крестьянъ сложилась—о кокетливыхъ «мережкахъ» женскихъ сорочекъ—поговорка: «оце, у сіеи дивкы дирочокъ въ ляхивци!—мовъ у Оболонського будынку виконъ»!.. [1]).

Для исторіи „Основы“. (*Отрывокъ изъ письма М. М. Лазаревскаго, 9 января 1863 г.*). «Основа заснетъ, потому что нѣтъ денегъ. Теперь и я убѣдился, что Бѣлоз. (В. М. Бѣлозерскій) не можетъ вести коммерческаго дѣла. Онъ, кромѣ подписки, убилъ на «Основу» 18 тыс. руб.—Кулишъ, весною еще (1862-го года), предлагалъ Бѣлоз. передать «Основу» ему съ 1863 г., но Б. не согласился. Послѣ—Костомаровъ просилъ передать (ему), желая составить компанію, но Б. все еще надѣялся. Онъ подалъ Головину программу новую для «Основы», чтобы издавать ее еженедѣльною газетою, съ политич. отдѣломъ и, сверхъ того, въ годъ книги 3 и 4. Головинъ передалъ это Валуеву, а тотъ въ комитетъ министровъ, гдѣ оно и засѣло. Бѣл. говорилъ мнѣ, что если не будетъ «Основы», то въ

---

[1]) Приведенныя свѣдѣнія о мотовсівѣ Оболонскихъ сообщены намъ старожиломъ Лубенщины, недавно умершимъ Матвѣемъ Терентьевичемъ Симоновымъ (Номисомъ).

етомъ году онъ издастъ нѣсколько сборниковъ (въ родѣ «Хаты»), чтобы не прерывать, такъ какъ въ 1864 г. онъ надѣется опять издавать. Но тогда можетъ быть и безъ него найдутся».

Программа для собиранія коллекцій дѣтскихъ игрушекъ и матеріаловъ по дѣтскимъ играмъ и забавамъ. Предлагая нижеслѣдующую программу для собиранія игрушекъ и свѣдѣній о дѣтскихъ играхъ, Полтавская подготовительная коммиссія по устройству этнографической малорусской выставки при Археологическомъ съѣздѣ въ г. Харьковѣ имѣетъ въ виду обратить вниманіе на предстоящіе съѣздъ и выставку лицъ, желающихъ освѣтить новыми данными существенно важную сторону жизни украинскаго народа. Дѣтскія забавы и занятія отражаютъ въ себѣ недостаточно извѣстную намъ дѣтскую душу; они, представляя внѣшнее проявленіе самодѣятельности ума ребенка, даютъ прекрасный матеріалъ для полнаго представленія тѣхъ впечатлѣній и ощущеній, изъ которыхъ складывается въ будущемъ нашъ народъ. Такимъ образомъ, эти изслѣдованія, будучи одинаково интересны и для ученаго этнографа и для воспитателя—учителя, покажутъ намъ, какъ вліяетъ на ребенка окружающая природа, условія быта и обстановки и измѣняющіяся условія общественной жизни. Находя этотъ вопросъ крайне интереснымъ, коммиссія предлагаетъ всѣмъ близко стоящимъ къ жизни украинскихъ дѣтей и желающимъ помочь наукѣ своимъ трудомъ заполнить отвѣтами эту программу, надѣясь, что на ея призывъ откликнутся всѣ, для кого это интересное и нехлопотное дѣло имѣетъ вышеуказанное значеніе. Поступая такъ, Полтавская коммиссія мимоходомъ исполняетъ просьбу почтеннаго А. М. Лазаревскаго, извѣстнаго знатока малорусской старины, который въ письмѣ къ одному изъ членовъ коммиссіи указалъ на постепенное исчезновеніе старинныхъ игрушекъ (глиняныхъ) и на то, что интересно было бы для науки сохранить эту старину, собравши коллекціи для выставки. Кромѣ этого надо замѣтить, что въ то время, какъ заграничными учеными давно уже обращалось вниманіе на жизнь дѣтей и существуетъ многочисленная литература и богатыя коллекціи, въ нашей этнографической литературѣ мы не имѣемъ ни одного труда, всецѣло разбиравшаго жизнь нашихъ украинскихъ дѣтей. Собранный матеріалъ, даже если онъ будетъ относиться къ одной

Полтавской губерніи, дастъ возможность хоть въ общихъ чертахъ представить публикѣ описаніе тѣхъ игръ, забавъ и занятій, которыми наполняютъ свои недолгіе досуги дѣвочки и мальчики нашего селя.

Что же касается до самого собиранія коллекцій игрушекъ и дѣтскихъ снарядовъ, то, при его сравнительной легкости, а также дешевизнѣ игрушекъ и доступности опросовъ и наблюденій надъ дѣтьми собираніе это не представляетъ никакихъ затрудненій, и даже наша учащаяся молодежь, проводя каникулы въ селахъ, могла бы съ успѣхомъ помочь коммиссіи къ осени представить въ ея руки богатый матеріалъ; не говоримъ уже объ учителяхъ, учительницахъ и завѣдующихъ яслями, которые много времени удѣляютъ дѣтямъ разнаго возраста. Каждую игрушку надо снабдить билетикомъ, на которомъ должно быть выставлено ея названіе на малорусскомъ языкѣ, а также краткое объясненіе ея употребленія. Если эта игрушка употребляется при общихъ играхъ и забавахъ съ нѣсколькими участвующими, то въ такомъ случаѣ описаніе ея употребленія можно отнести къ описанію самой игры. Игры и забавы тоже заслуживаютъ большого вниманія: въ этихъ играхъ воспитывается будущее поколѣніе, тутъ вырабатываются нѣкоторыя права и обязанности и проявляется товарищескій духъ. Кромѣ того, въ этихъ играхъ отражается часто сѣдая старина, а отъ нѣкоторыхъ дѣтскихъ приказокъ и пословицъ вѣетъ глубокой древностью. Поэтому коммиссія надѣется, что всѣ заинтересованные лучшимъ изученіемъ родного края отнесутся къ собиранію этихъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ, какъ они того заслуживаютъ. Необходима точность въ записываніи игръ и порядковъ ихъ и вопросы программы даются для того, чтобы записывающій не упустилъ главныхъ вопросовъ. Порядокъ же отвѣтовъ не столько важенъ. Всѣ расходы по покупкѣ игрушекъ и ихъ пересылкѣ коммиссія беретъ на себя и проситъ пересылать наложеннымъ платежомъ по слѣдующему адресу: Полтава, естественно-историческій музей губернскаго земства. Кромѣ того, пріѣзжающихъ въ Полтаву и интересующихся этимъ дѣломъ просятъ обращаться въ тотъ же музей.

Программа для собиранія коллекцій дѣтскихъ игрушекъ и матеріаловъ по дѣтскимъ играмъ, забавамъ и занятіямъ.

А. Игрушки.

I. 1) Игрушки, служащія для забавы маленькимъ дѣтямъ (грудным); 2) предметы, служащіе для забавы дѣтей (палочки, камни,

глина, песокъ, трава и т. д.); 3) игрушки, приготовляемыя самими дѣтьми (морока, змѣи, мячики, куклы). Собрать коллекцію съ объясненіями. II. Собрать различные музыкальные инструменты, на которыхъ играютъ дѣти (сопилки, пищики, трещотки, скрипочки). III. Собрать всѣ снаряды, употребляемые дѣтьми при ловлѣ разныхъ животныхъ (силки, капканы, приманки, удочки); какъ ловятъ змѣй, ежей, тарантуловъ? Описать, какъ они дѣлаются и какъ употребляются. IV. 1) Собрать всякія самодѣльныя дѣтскія сооруженія и постройки (мельницы, вѣтряки, колеса, домики и т. д.); 2) собрать дѣтскія звѣзды для колядокъ, а если нельзя, то описать, чѣмъ онѣ отличаются отъ звѣздъ, носимыхъ взрослыми. V. Собрать всякое дѣтское оружіе: сабли, пики, луки, самострѣлы, пращи, рогатки, духовыя ружья, пукари и дать ихъ названія. VI. Какіе сохранились игрушки и снаряды отъ прежнихъ временъ и какія игрушки вводятся новыя. VII. Какія игрушки чаще всего покупаютъ дѣтямъ и у кого?

B. Забавы и игры.

VIII. Описать распространенныя игры и забавы лѣтомъ и зимою. IX. Въ какія игры играютъ вмѣстѣ дѣвочки и мальчики, а въ какія порознь? X. 1) Какіе снаряды употребляются при общихъ играхъ. Описаніе игры въ мячъ, лапту, стракли и т. д. Описать зимнія игры въ снѣжки, устройство снѣговыхъ бабъ, горъ, сквозанокъ и катковъ; 2) собрать дѣтскіе коньки, мячики, бабки, городки и т. под.; 3) какъ катаютъ крашенки на Пасху? Если можно дать рисунки и фотографіи игръ и забавъ. XI. Дѣтскіе колядки, пѣсни; записать дѣтскія пословицы, приказки, поговорки, счетъ при играхъ общихъ (этотъ отвѣтъ можно дать въ вопросѣ IX и VIII). XII. Сколько надо участниковъ для описываемой игры? XIII. Существуютъ-ли дѣтскія товарищества? Каковыя существуютъ въ нихъ правила? Какъ дѣти разбираютъ ссоры и скверные поступки товарищей? XIV. Какъ отражаются на дѣтскихъ играхъ занятія и ремесла родныхъ и окружающихъ ихъ взрослыхъ? (Полт. Губ. Вѣд., № 124).

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. 1) *Отмѣна магистратскаго мундира въ Кіевѣ.* 1830 года, іюня 1-го, въ г. Кіевѣ,

Государю Императору Николаю Павловичу, кіевскимъ военнымъ губернаторомъ Княжнинымъ были представлены члены кіевскаго магистрата.

По этому случаю Его Величество высочайше повелѣть соизволилъ: *«костюмъ или мундиръ, издревле членами магистрата сего употребляемый, стараго польскаго покроя, отмѣнить, а употреблять онымъ членамъ мундиръ россійскій»*. О такой Его Величества волѣ войтъ предложилъ магистрату для должнаго исполненія и распоряженія, а магистратъ «почтеннѣйше» о томъ донесъ военному губернатору, подписывая бумагу: «Его Императорскаго Величества прародительской Отчины Богомъ хранима града Кіева Бургомистры: Павелъ Рожнятовскій, Антонъ Лакерда; Ратсгеры: Романъ Барскій и Коробкинъ.

—

2) *Противохолерныя медали 1830 года.* Въ 1837 году въ мѣстечкѣ Клевани (Вол. губ.) задержаны полиціею два луцкіе еврея, именующіе себя «злотниками» и продающіе серебряные, безъ клейма и пробы, на манеръ медалей, образки съ изображеніемъ на нихъ Богоматери и креста, съ датою — 1830.

При продажѣ простолюдинамъ внушалось, что тѣ образки исцѣляютъ отъ холеры. Спрошенные властями продавцы показали, будто образки изготовлены по формѣ, полученной отъ нѣкоего ксендза — кармелита, которому она и возвращена.

Взялись эти евреи за промыселъ безъ злого умысла, лишь вслѣдствіе носящагося слуха, будто господа охотно покупаютъ подобныя медали, о коихъ напечатано даже въ какихъ-то книгахъ, видѣнныхъ тѣми евреями у одной монахини-шаритки.

На шести отобранныхъ медаляхъ оказались польскія, а на трехъ — французскія надписи (какія именно—полиція въ рапортѣ не объяснила).

—

3) *Вывозъ пьявокъ заграницу и заботы о сохраненіи тинистыхъ мѣстъ въ Кіевской губерніи.* Въ іюнѣ 1836 г. гражданскій генералъ-штабъ-докторъ обратился къ губернаторамъ съ запросомъ: полагаютъ ли они возможнымъ дальнѣйшій безпрепятственный и безпошлинный вывозъ піявицъ заграницу (производящійся якобы въ большихъ размѣрахъ), или, быть можетъ, находятъ нужнымъ вовсе оный воспретить, если чрезъ таковой вывозъ у жителей отнимается способъ къ

удобному пріобрѣтенію сего довольно важнаго во врачебномъ отношеніи средства.

Не успѣлъ кіевскій губернаторъ высказаться по сему вопросу, какъ пятью гамбургскими купцами, 4 мая 1837 года, возбуждается предъ генералъ-губернаторомъ ходатайство о разрѣшеніи имъ повсемѣстно скупать пьявки и вывозить въ Кіевъ на имѣющихся у нихъ повозкахъ.

Запрошенный главнымъ начальникомъ края, губернаторъ высказалъ въ своемъ донесеніи, что въ Кіевской губерніи много болотистыхъ мѣстъ, въ коихъ водятся піявицы, а потому уловъ ихъ, для вывоза заграницу, отнюдь не долженъ быть воспрещаемъ, ибо недостатка мѣстные врачи въ нихъ ощутить не могутъ.

«Напротивъ, помѣщики или крестьяне, узнавъ о возможности извлекать изъ сего нѣкоторую пользу, нарочито будутъ предохранять *тинистыя мѣста отъ осушки*, и займутся ловомъ піявокъ, черезъ что масса заготовленія ихъ, умножась, будетъ служить къ пониженію цѣны на оныя»...

Главный начальникъ края распорядился не препятствовать иностранцамъ въ скупкѣ піявокъ.

—

4) *Самоубійство изъ мести.* 18 января 1845 года, въ с. Барсукахъ, Балтскаго уѣзда, въ саду крестьянина Боровскаго, утромъ найдены повѣсившимися Киліанна Черная 48 и дочь ея Агафія, дѣвица, 17-ти лѣтъ.

Путемъ дознанія установлено, что Киліанна, до выхода замужъ, вела жизнь развратную. Будучи отъ природы вспыльчива, она какъ съ первымъ, такъ и со вторымъ мужемъ своимъ постоянно ссорилась. Послѣдній мужъ ея «по глухотѣ, трудолюбію и тихому нраву, не удовлетворялъ плотскихъ ея страстей». [1]) Она вымещала на немъ свое неудовольствіе, не обращаясь къ нему съ рѣчью по нѣсколько дней; заставляла искать у сосѣдей пропитанія и нерѣдко грозила: «постой, я тебѣ удружить постараюсь!».

Съ исключительною будто-бы цѣлью вовлеченія мужа въ уголовное дѣло, она, наконецъ, рѣшилась на самоубійство, склонивъ къ тому и дочь свою, «дабы не оставалась послѣ нея».

—

[1]) Подлинныя слова донесенія генералъ-губернатору.

5) *Женщина съ твердымъ характеромъ.* Въ 1850 году въ с. Яхновцахъ, Староконстантиновскаго уѣзда, одна крестьянка подговорила сына своего обокрасть сосѣда, пообѣщавъ на тѣ деньги купить кафтанъ и сапоги. Когда воръ былъ схваченъ, мать, съ ножемъ въ рукахъ бросилась къ нему, пытаясь убить его, а себя зарѣзать. Ее къ тому не допустили и заперли въ рекрутскую, гдѣ она вновь покушалась на самоубійство. Подоспѣвшіе караульные вырвали у нея оружіе, которымъ рѣшительная женщина успѣла, однако, нанести себѣ рану къ грудь.

—

Приворотныя средства. Въ 1844 году мѣстною полиціею дознано, что жена квартировавшаго въ Литинѣ корпуса топографовъ подпоручика В. просила служанку свою отыскать ей такую женщину, которая знала бы *зелье*, отъ коего мужъ «или жилъ бы съ нею въ согласіи, или умеръ». За услугу обѣщана награда деньгами и вещами.

Ранѣе того, служившая у той же подпоручицы В. показала, что въ Каменцѣ Подольскомъ барыня посылала ее къ старухѣ нищей, жившей гдѣ то за кладбищемъ, съ которою она прежде совѣтовалась. Послѣ свиданія со старухою, барыня разводила прѣсный медъ, умывала этою сотою свое лицо, лила ее въ людское кушанье, разливала ее изъ бутылочки по дорогѣ и передъ распятіемъ, возлѣ каменецкаго каѳедральнаго р. к. Собора и, наконецъ, посылала ее, служанку, въ нѣкоторые дома поливать пороги... Старуха нищая на допросѣ призналась, что, услыхавъ жалобы госпожи В. на нелюбовь мужа, посовѣтовала умываться „сотою", кропить ею полъ, отчего «по преданьямъ старыхъ людей возвращается къ супругамъ утраченная любовь и привязанность».

Дѣло В. подвергнуто судебному разбирательству.

Въ 1850 году, помѣщика кн. Волконскаго деревни Облитокъ, Радомысльскаго уѣзда, крестьянская жена, Марина Г., негодуя на мужа за жестокое съ нею обращеніе и пріискивая средство склонить мужа къ любви, изъ разговоровъ съ односельцемъ—печникомъ, человѣкомъ бывалымъ, узнала, что онъ берется ей помочь. Печникъ свелъ ее въ лѣсъ и изъ стараго пня досталъ двухъ убитыхъ змѣй, посовѣтовавъ сварить ихъ въ водѣ и затѣмъ запечь въ пшенномъ или гречневомъ тѣстѣ, которое дать мужу съѣсть. Однако Марина не рѣшилась приступить къ опыту тотчасъ, а припрятала змѣй въ хатѣ въ запасномъ платьѣ.

Между тѣмъ, мужъ, заподозривъ жену въ намѣреніи отлучиться, по примѣру прошлаго года, изъ дома къ роднымъ въ рабочую пору, сталъ пересматривать ея добро и на тѣхъ змѣй наткнулся.

По доведеніи о семъ до свѣдѣнія начальства, змѣи изслѣдованы врачемъ, который призналъ ихъ по природѣ не ядовитыми, слѣдовательно жизни крестьянина Г. не угрожавшими, а нынѣ совершенно согнившими.

Дѣло, за недоказанностію злого, со стороны Марины и ея совѣтчика, умысла, дальнѣйшимъ производствомъ прекращено.

Сообщ. **А. Мёрдеръ.**

„Парубоцьки громады" въ г. Маякахъ, Херсон. губ. Маяки представляютъ изъ себя небольшой городокъ, находящійся на берегу Днѣстра недалеко отъ Днѣстровскаго лимана. Прежде Маяки были селомъ, но нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ ихъ переименовали въ городъ. Съ переименованіемъ въ городъ Маяки мало чѣмъ измѣнились: и по своей внѣшности, и по занятіямъ жителей—это то же село, что и прежде было. Населеніе города складывается изъ трехъ главныхъ элементовъ: малорусскаго, великорусскаго (старообрядцы-поповцы) и еврейскаго. Кромѣ того, живетъ немного здѣсь цыганъ, молдаванъ и нѣмцевъ. Преобладающій элементъ— малорусскій.

Весь городъ дѣлится на нѣсколько «куткивъ». Парубки каждаго кутка составляютъ одну организацію—«атаманство», такъ что сколько «куткивъ», столько и атаманствъ. Парубки каждаго кутка, а въ то же время и каждаго атаманства, имѣютъ свои особыя прозвища: донськи, куркули, сирнычкы, волови, пидкручныкы... Для того, чтобы быть членомъ атаманства, надо имѣть не меньше 17 лѣтъ. Каждый членъ атаманства облагается обязательнымъ денежнымъ сборомъ—въ нѣкоторыхъ атаманствахъ въ размѣрѣ одного рубля. Деньги эти хранятся у представителя атаманства—атамана, котораго избираютъ изъ своей среды всѣ члены атаманства по большинству голосовъ. Кромѣ атамана, выбираются еще «пидатаманъ и писарь». «Пидатаманъ» замѣняетъ атамана во время его отлучекъ изъ города, а если послѣдняго возьмутъ въ солдаты, то онъ занимаетъ его мѣсто—становится атаманомъ.

„Писарь" завѣдываетъ денежной частью атаманства: онъ ведетъ счетъ деньгамъ, записываетъ, кто и сколько взнесъ денегъ и т. п.

Деньги атаманства расходуются частью на украшеніе церкви—покупаютъ кресты, хоругви, а частью идутъ на развлеченія: по праздникамъ на эти деньги нанимаютъ музыку и танцуютъ. Бываетъ это большею частью весною и лѣтомъ и устраивается прямо на улицѣ, преимущественно при перекресткѣ улицъ, на углахъ. Кромѣ этого, бываютъ еще «складки» разъ 5 въ году.

Раньше были здѣсь и «дивочи громады», но въ настоящее время у дѣвушекъ нѣтъ никакихъ организацій, подобныхъ парубочимъ.

П. П.

Поправка. Въ № 5-мъ текущаго года, въ отдѣлѣ документовъ, извѣстій и замѣтокъ, вкралась на стр. 82 опечатка, которую считаемъ нужнымъ исправить, а именно: въ предписаніи о запрещеніи гражданскимъ чинамъ носить усы и бороды слѣдуетъ читать «подражая *французскимъ модамъ*», а не «*французскимъ людямъ*», какъ напечатано у насъ.

Текущія извѣстія.

Выходъ русскихъ депутатовъ изъ галицкаго сейма. Въ послѣдней сессіи галицкаго сейма произошелъ крупный скандалъ огромнаго политическаго значенія. По словамъ „Narod. Listy", этотъ скандалъ—неожиданность какъ для австрійскаго правительства, такъ и для намѣстника Галиціи гр. Пининскаго и польскаго кола. Всѣ русскіе депутаты въ числѣ 17 человѣкъ внесли крайне любопытное заявленіе, которое своимъ неожиданнымъ появленіемъ поразило весь сеймъ, всѣ польскія партіи. Никто не ожидалъ этого „сюрприза". Сообщаемъ текстъ заявленія, напечатанный въ «Галичанинѣ» и прочитанный въ сеймѣ русскимъ депутатомъ Барвинскимъ.

«Съ 1883 года выступаютъ русскіе депутаты съ требованіемъ относительно удовлетворенія нуждъ русскаго народа, какъ культурно-

національнаго, такъ и экономическаго и политическаго характера. Требованія ихъ всегда были ничтожны и ограничивались только наиболѣе необходимыми и существенными нуждами. И въ нынѣшнемъ сеймѣ требованія русскихъ депутатовъ не перешли такихъ-же границъ. Мы, между прочимъ, просили объ удовлетвореніи самой существенной потребности русскаго народа въ Галиціи, объ открытіи русской гимназіи въ Станиславовѣ, руководствуясь тѣмъ, что 1790 учениковъ руссиновъ не имѣютъ возможности обучаться на родномъ языкѣ. Это ничтожное, но совершенно законное требованіе русскихъ депутатовъ также не было удовлетворено. Кромѣ того, русскіе депутаты внесли цѣлый рядъ вопросовъ по адресу правительства, касающихся самыхъ важныхъ и самыхъ жизненныхъ дѣлъ и неправдъ, причиняемыхъ русскому народу. Всѣ эти запросы остались безъ отвѣта. Въ виду того, что также и законъ о рентѣ принятъ сеймомъ, а онъ противенъ интересамъ русскаго народа, заявляемъ, что мы, русскіе депутаты, послѣ всего этого не можемъ больше принимать участія въ засѣданіяхъ сейма».

Заявленіе это, по словамъ «Галичанина», было выслушано большинствомъ шляхты съ гробовымъ молчаніемъ. Вслѣдъ за этимъ всѣ русскіе депутаты вышли изъ залы засѣданія. «Nar. Listy» въ телеграммѣ изъ Львова сообщаютъ, что этотъ поступокъ русскихъ депутатовъ слѣдуетъ считать катастрофой не только для гр. Пининскаго, но также и для министра-президента Кербера. Газета утверждаетъ, что теперь придется пріостановить засѣданія сейма и назначить выборы для избранія новыхъ лицъ на мѣсто выбывшихъ депутатовъ. Это повлечетъ за собой цѣлый рядъ крупныхъ политическихъ послѣдствій.

—

Предполагавшееся изданіе малорусскаго журнала. Въ главномъ управленіи по дѣламъ печати недавно возбуждено было ходатайство о разрѣшеніи *издавать въ Херсонѣ періодическое изданіе на малорусскомъ языкѣ подъ названіемъ «Степь»*. Иниціаторы новаго журнала, земскіе агрономы Н. С. Гавриленко и В. А. Яблоновскій, предполагали выпускать его каждыя двѣ недѣли по слѣдующей программѣ: беллетристика, публицистика, корреспонденціи, статьи научныя и по сельско-хозяйственнымъ вопросамъ. Предварительная цензура изданія предположена въ Одессѣ. Подписная плата съ доставкою въ Херсонѣ 6 руб. въ годъ, для иногородныхъ 7 руб. Какъ

извѣщаютъ газеты, ходатайство объ изданіи журнала «Степь» отклонено въ Мин. Внутр. Дѣлъ.

—

Выставка картинъ художника Труша во Львовѣ. 5-го іюня открылась во Львовѣ выставка картинъ художника *Труша*, который въ прошломъ году довольно долго прожилъ въ Кіевѣ, выѣзжая и въ окрестности его, и нарисовалъ здѣсь нѣсколько картинъ видовъ Украины, а также и нѣсколько портретовъ мѣстныхъ кіевскихъ дѣятелей: проф. В. Б. Антоновича, П. И. Житецкаго, И. С. Нечуя-Левицкаго, Н. В. Лисенка и Леси-Украинки. Многіе изъ картинъ куплены уже отдѣльными лицами, а «Видъ Шевченковой могилы» пріобрѣло Науковое Товар. имени Шевченка. Портретъ писательницы Леси-Украинки (копію, т. к. оригиналъ составл. собств. Науков. Товарищества) пріобрѣлъ намѣстникъ гр. Пининскій, который считается знатокомъ и любителемъ искусства. (Дѣло, № 123 и 128).

—

Музыкальная поѣздка хора г. Лисенка. Въ концѣ текущаго года извѣстный украинскій композиторъ Н. В. Лисенко предпринимаетъ со своимъ хоромъ поѣздку по Россіи. Начавъ съ Варшавы, Н. В. Лисенко посѣтитъ Петербургъ, Москву, Полтаву, Харьковъ и промежуточные болѣе крупные центры. Хоръ, состоящій изъ 50 человѣкъ, въ томъ числѣ нѣсколькихъ солистовъ, намѣренъ разучить не менѣе 100 хоровыхъ номеровъ.

—

Ученая экскурсія Д. И. Эварницкаго. Профессоръ московскаго университета, Д. И. Эварницкій предпринялъ поѣздку по мѣстамъ бывшихъ владѣній запорожскихъ козаковъ съ научною цѣлью, въ виду будущаго съѣзда археологовъ въ г. Харьковѣ. Г. Эварницкаго сопровождаютъ: его слушатель, студентъ московскаго университета, Морозовскій, художникъ Строменко, воспитанникъ московской гимназіи Ваганенко и землевладѣлецъ Полтавской губерніи П. А. Малинка (изъ Бодаковки). Цѣль поѣздки—осмотръ наиболѣе замѣчательныхъ въ археологическомъ и историческомъ отношеніяхъ мѣстъ—днѣпровскихъ пороговъ, береговыхъ пещеръ, запорожскихъ сѣчей, частныхъ коллекцій козацкихъ древностей и снимки съ наиболѣе замѣчательныхъ изъ нихъ. (Приднѣпр. Кр. № 1218).

—

Библія въ переводѣ П. А. Кулиша. Покойнымъ П. Кулишомъ былъ сдѣланъ *переводъ библіи на украинскій языкъ*. Послѣ его смерти эту выдающуюся работу закончилъ и дополнилъ И. Левицкій. Интересно, что переводчики переводили библію съ древне-еврейскаго языка, причемъ тѣ отдѣлы, которые изложены въ оригиналѣ въ стихотворной формѣ, сохранены въ томъ же видѣ и въ переводѣ (книга Іова, пѣснь пѣсней, псалмы и др.). Вдовой переводчика работа ея мужа была представлена въ цензуру, но духовная цензура не нашла возможнымъ разрѣшить выпускъ въ свѣтъ въ настоящее время библіи на украинскомъ языкѣ и въ ходатайствѣ вдовѣ отказала. Тогда г-жа Кулишъ обратилась съ запросомъ въ англійское библейское общество, не найдетъ-ли оно возможнымъ купить у нея переводъ мужа и выпустить его въ свѣтъ. Общество немедленно отвѣтило согласіемъ, и въ настоящее время рукописи уже отправлены библейскому обществу. Такимъ образомъ, украинская литература обогатится роскошнымъ изданіемъ библіи. Редактированіе изданія принялъ на себя другъ и сотрудникъ Кулиша профес. Пулюй.

—

Стипендіи для крестьянскихъ дѣтей въ память 19 февр. 1861 г. Только что закончившееся константиноградское уѣздное земское собраніе 37 очереднаго созыва, по предложенію гласнаго изъ крестьянъ М. К. Бобрицкаго, внесенному имъ отъ имени всѣхъ гласныхъ отъ крестьянъ, постановило учредить въ память 40-лѣтія освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости двѣ постоянныя стипендіи, въ 300 руб. каждая, для предоставленія возможности одному мальчику и одной дѣвочкѣ изъ крестьянскаго сословія получать на эти стипендіи среднее, а затѣмъ и высшее образованіе. Другое предложеніе гласныхъ отъ крестьянъ—о томъ, чтобы въ день 19 февраля ежегодно во всѣхъ народныхъ школахъ не производились занятія, а вмѣсто нихъ устраивались народныя чтенія,—передано на усмотрѣніе константиноградскаго уѣзднаго училищнаго совѣта. («Южн. Кр.»).

—

Харьковскія изданія нач. XIX ст. Въ послѣднемъ томѣ (3) Записокъ Харьк. Императорск. Университета, въ статьѣ проф. Багалѣя «Опытъ исторіи Харьковскаго университета» (стр. 43 и слѣд.) приведенъ перечень сочиненій, отпечатанныхъ въ университетской

типографіи съ 1815—1835 гг. Выбираемъ оттуда относящееся къ области нашего изслѣдованія.

Въ 1816 1). *Письма изъ Малороссіи, писанныя Алексѣемъ Левшинымъ.* Х., 1816, 206 стр. 2) *Украинскій Вѣстникъ.*

Въ 1821. Ручная книжка или украинскія записки, изд. на 1821 г. А. В—мъ (Вербицкимъ). Х., 1821.

Въ 1824. Украинскій журналъ.

Въ 1827 1) *Рѣчи, произнесенныя въ торж. собр. Имп. Харьк. Унив. 30 августа 1827 г.* Х., 1827 (рѣчи Книгина и Артемовскаго-Гулака); 2) *Рѣчи, произнесенныя въ залѣ торж. собр. Имп. Харьк. Унив. въ 1 день сентября 1828 г.*, при начатіи новаго курса ученія. Х., 1828 (рѣчь Артемовскаго-Гулака и т. д.).

Въ 1831 1) *Украинскій Альманахъ, Х. 1831,* 136 стр. 2) *Шельменко. Ком. въ 3 д.* Х. 1831.

Въ 1733. Срезневскій Изм. Запорожская Старина. Ч. I. Х. 1833, въ унив. тип.

Въ 1834 1) *Малороссійскія повѣсти и поговорки.* Собр. *В. И. Н. С.* Х., 1834, 34 стр. 2) *Срезневскій И. Украинская лѣтопись* 1640—1657. Х., 1835, 183 стр.

—

Какъ былъ основанъ городъ Сумы. На праздникѣ по случаю своего 250-лѣтія, какъ сообщаютъ «Нов. Дн.», Сумскій полкъ получилъ цѣнный подарокъ, подобный которому едва-ли найдется въ нашей арміи. Приглашенный участвовать въ празднествѣ Е. Д. Кондратьевъ, прямой потомокъ основателя полка, вспомнивъ въ прекрасной рѣчи заслуги своего предка, полковника Кондратьева передъ отечествомъ и сохранившееся въ полку обаяніе его имени, просилъ принять въ даръ святыню, хранившуюся 250 лѣтъ въ его семьѣ—булаву, саблю и золотую сумку Герасима Кондратьева. Съ послѣдней связано преданіе, которое гласитъ, что, потерявъ однажды эту сумку въ лѣсу, Кондратьевъ далъ обѣтъ выстроить церковь на томъ мѣстѣ, гдѣ найдетъ сумку. Эта церковь и положила основаніе возникшему вокругъ нея городу—Сумы. Рѣчь Е. Д. Кондратьева и его даръ были встрѣчены съ неподдѣльнымъ восторгомъ. (Южн. Кр. № 7063).

—

Историческія названія улицъ въ Полтавѣ. Въ іюнѣ опубликованъ въ Полтавѣ списокъ новыхъ улицъ въ новой чертѣ города, прилегающей къ мѣстности, гдѣ расположенъ вокзалъ ст. «Полтава-

городъ» Кіево-Полтавской линіи. Въ спискѣ новыхъ улицъ, выработанномъ спеціально избранной комиссіей, мы встрѣчаемъ, между прочимъ, такія названія: Запорожская, Кочубеевская, Шевченковская, улица Искры, Кулиша, Квитки, Костомарова, Петра Могилы, Сковороды, Кобзаревская, Гайдамацкая, Гетманская, Хмѣльницкаго, улица 19 февраля 1861 г., и многихъ русскихъ писателей („Кіевлянинъ", № 168).

—

Прекращеніе изданія журнала «Ateneum». № 6-ой польскаго журнала «Ateneum», издающагося въ Варшавѣ 26-ой годъ, извѣщаетъ читателей, что съ перваго іюля текущаго года изданіе этого журнала прекращается, и что подписчики могутъ получить обратно подписныя деньги за полъ года. Съ сожалѣніемъ приходится встрѣтить это извѣщеніе, такъ какъ почтенный журналъ пользовался широкой извѣстностью и большимъ уваженіемъ среди публики. Будемъ надѣяться, что на смѣну прекратившемуся изданію почтеннаго издателя В. Спасовича явится въ польской журналистикѣ какой-нибудь новый журналъ, по достоинству своему не слабѣе «Ateneum'a».

—

Любопытный документъ. Организаторъ артелей Н. В. Левитскій, 10 мая, с. г., получилъ съ далекаго Кавказа интересное письмо. Оно затрагиваетъ самый больной вопросъ современной народной жизни, а именно—переселенческій. Мы читаемъ про нужду и холодъ сибирскаго переселенца, про его тяжелую, часто непосильную, борьбу съ суровою природою Сибири... Но это письмо раскрываетъ иную сторону тяжелой, на первыхъ порахъ, жизни, нашего переселенца.

Вотъ это письмо въ переводѣ съ малорусскаго языка, на которомъ оно довольно безграмотно написано въ подлинникѣ:

Его Высокоблагородію, господину казенному довѣренному Николаю Васильевичу Левитскому, отъ крестьянъ Ганжумова товарищества Нифодія Дубины, Максима Шамрая и прочихъ въ числѣ 110 домохозяевъ.

Прошеніе.

Мы, крестьяне Кіевской губ., Чигиринскаго уѣзда, Оситняжской волости, селенія Рейментаровки и прочихъ селеній, въ числѣ 110 домохозяевъ, собрались въ одно товарищество, купили землю при

содѣйствіи крестьянскаго земельнаго банка въ Терской области, въ первомъ участкѣ, въ Суржинскомъ отдѣлѣ, въ городѣ Моздокѣ, у купца Павла Исаевича Ганжумова, въ числѣ тысячи десятинъ земли, на сказанной землѣ и поселились, а только проживать нельзя ни въ какомъ средствѣ:—нападаютъ мошенники азіаты-ингуши среди бѣлаго дня, забираютъ у насъ, крестьянъ, худобу; какъ мы защищать станемъ, чтобы не дать, то они, вооруженные револьверами, кинжалами, берданками, не допускаютъ до себя,—худобу такъ и отнимутъ. Мы люди новоприбывшіе изъ бѣднаго состоянія не имѣемъ средствъ на что купить себѣ берданокъ. Въ прошломъ году, 20 августа, набѣжали ночью на хуторъ и отняли насильно, чуть-ли не изъ рукъ у насъ, пятеро лошадей: попробовали и въ этомъ году, 17 марта; набѣжали въ четвертомъ часу дня четыре человѣка, взяли съ пастбища 20 штукъ лошадей... Выбѣгалъ весь хуторъ, чтобъ не дать—нельзя приступить: у нихъ берданки! Начали кричать мы, сбѣжались мѣстные жители—козаки и нѣмцы, тоже съ берданками, загнали ихъ въ лѣсъ и всю ночь бились, покуда отбили, наконецъ, лошадей, а двѣ лошади въ дракѣ застрѣлили. Всепокорно просимъ Ваше высокоблагородіе, Николай Васильевичъ, пособите въ нашемъ разорительномъ житьѣ. Мы въ Россіи имущество движимое и недвижимое распродали, въ Россію возвращаться нечего. Жаловались становому приставу, онъ говоритъ, поймай, или убей, а какъ намъ приступить къ нимъ, когда они вооружены, а у насъ не на что купить оружія.

Затѣмъ товарищество хутора Ганжумова подписалось: грамотные (11 человѣкъ) сами за себя, а за всѣхъ остальныхъ неграмотныхъ росписался Мокій Ткачь. Комментаріи, говоритъ «Югъ», кажется, здѣсь излишни.

—

Проекты новаго украинскаго университета и гимназіи въ Галиціи. Одинъ изъ выдающихся представителей украинской партіи въ Галиціи Олесницкій внесъ въ галиційскій сеймъ предложеніе объ открытіи во Львовѣ отдѣльнаго украинскаго университета. (Kurjier warszawski).

Барвинскій внесъ въ галиційскій сеймъ предложеніе объ открытіи въ Станиславовѣ украинской гимназіи. (Kurjier warszawrki).

Оба эти предложенія остались безъ послѣдствій, благодаря чему отчасти и произошелъ выходъ русскихъ депутатовъ изъ сейма.

—

М. П. Боровскій. *(Некрологъ)* 24 іюня въ Николаевской, что въ Ботаническомъ саду, церкви, послѣ литургіи состоялась панихида по умершемъ въ г. Ирбитѣ Михаилѣ Петровичѣ Боровскомъ, бывшемъ въ 1885—1890 гг. директоромъ городского сиротскаго дома.

Уроженецъ Черниговской губерніи, воспитанникъ Полтавской гимназіи, покойный П. М. Боровскій окончилъ курсъ естественнаго отд. физико-математ. фалькутета въ Новороссійскомъ университетѣ и назначенъ былъ учителемъ географіи въ одесскую 2-ю гимназію. Избранный херсонскимъ губернскимъ земствомъ въ директоры открывавшагося сельско-хозяйств. училища, Боровскій былъ командированъ земствомъ заграницу для ознакомленія съ такого рода училищами. Пробывъ больше года заграницей, онъ отъ службы въ земствѣ отказался и поступилъ секретаремъ одесскаго сельско-хоз. Общества и редакторомъ издаваемыхъ Обществомъ «Записокъ». Въ 1885 г. назначенъ былъ директоромъ городского соротскаго дома, въ каковой должности и состоялъ до 1890 г., усердно подготовляя учрежденіе при сиротскомъ домѣ ремесленнаго училища, для котораго выработалъ особый планъ и программы учебнаго курса.

Оставивъ должность директора, г. Боровскій состоялъ нѣкоторое время при канцеляріи попечителя одесск. уч. округа, преподавалъ географію въ женскихъ гимназіяхъ, а въ 1897 г. былъ назначенъ учителемъ физики и математики въ Болградскую гимназію, но черезъ годъ получилъ, наконецъ, мѣсто, которое такъ давно желалъ имѣть на родинѣ, котораго добивался въ од. уч. окр., но получилъ—въ Оренбургскомъ краѣ,—мѣсто инспектора народныхъ училищъ. Оторванный отъ друзей и знакомыхъ, Боровскій ревностно отдался службѣ на далекой окраинѣ. Тамъ у него умерла жена; тамъ онъ перенесъ нервный ударъ. Человѣкъ 54-хъ лѣтъ, Боровскій годъ тому назадъ пріѣхалъ въ Одессу старикомъ. Мечта перебраться на родину не осуществилась. 17 іюня онъ умеръ въ г. Ирбитѣ на рукахъ своей сестры. Дѣтей у него не было. Искренній и послѣдовательный народникъ, покойный М. П. былъ всегда въ жизни простымъ и добрымъ человѣкомъ, и въ сферѣ оффиціальной не отказывался отъ своихъ украинскихъ симпатій,—съ любовью слѣдилъ за научнымъ изученіемъ родины, природы и людей ея, за литературнымъ развитіемъ ея языка.

Въ практической жизни это былъ одинъ изъ благородныхъ неудачниковъ, идеальныя стремленія которыхъ часто перетолковываются, извращаются. Крайне простой въ своей домашней жизни, Боровскій довольствовался всегда скромнымъ содержаніемъ и умеръ, не оставивъ послѣ себя никакого имущества.

Покойный былъ прекрасный товарищъ и всѣ знавшіе его, какъ сослуживца и сотрудника, добромъ помянутъ его память. (Од. Л., 161).

Библіографія.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. *Томъ сто восьмой. Юрьевъ. 1900 г. LVI+512+VI. Ц. 3 руб.*

Настоящій 108 т. представляетъ собою III-ій томъ «Бумагъ кабинета министровъ Императрицы Анны Іоанновны (1731—1740 г.г.)», собранныхъ и изданныхъ подъ редакціею проф. Юрьевскаго университета А. Н. Филиппова. Онъ содержитъ въ себѣ, какъ видно изъ предисловія редактора копіи документовъ, извлеченныхъ изъ Государственнаго и Сенатскаго Архивовъ въ Петербургѣ, Архива министерства юстиціи и Главнаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ и Общаго Архива министерства императорскаго Двора въ Петербургѣ всего лишь только за одинъ—1734 г.; бумаги кабинета за 1731—33 г. составили содержаніе 104 и 106 т. т., изданныхъ подъ редакціей проф. Филиппова.

Въ предисловіи авторъ сборника указываетъ на внесеніе имъ въ настоящее изданіе въ интересахъ дѣла нѣкоторыхъ измѣненій сравнительно съ предыдущими двумя томами. Сущность измѣненій состоитъ въ томъ, что къ журналамъ Кабинета прибавлены реестры входящихъ въ Кабинетъ бумагъ, и прибавлены по слѣдующимъ соображеніямъ. «Журналы Кабинета за 1731—1733 г.г. на ряду съ указаніемъ на лицъ, присутствовавшихъ въ Кабинетѣ, и на «приказы», отдаваемые министрами изъ Кабинета, содержали также перечисленіе входившихъ и исходившихъ изъ Кабинета бумагъ, не говоря уже о цѣломъ рядѣ другихъ свѣдѣній, касавшихся Кабинета и его отношенія къ Императрицѣ, различнымъ учрежденіямъ и лицамъ, съ

копіи ему приходилось сноситься и т. д. Съ 1734 г. характеръ журналовъ Кабинета рѣзко измѣняется: вмѣсто этихъ, столь разнообразныхъ по содержанію, журналовъ, ведутся, главнымъ образомъ, лишь журналы приказовъ, отдаваемыхъ изъ Кабинета, а изъ прежнихъ журналовъ-протоколовъ выдѣляются въ особыя книги списки или реестры входящихъ и исходящихъ изъ Кабинета бумагъ, а равно и составляются особыя «протокольныя записки» и «протоколы на указы". При помѣщеніи въ Сборникѣ только журналовъ, «будущіе историки Кабинета, говоритъ редакторъ, лишатся возможности опредѣлить, пользуясь только матеріалами этого изданія, предѣлы компетенціи учрежденія, слагавшейся постепенно и не столько de jure, сколько de facto». Воспроизведеніе же самихъ бумагъ является практически невозможнымъ, такъ какъ „съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе развивавшаяся дѣятельность Кабинета уже съ 1734 г. начинаетъ принимать такіе размѣры, что въ приложеніяхъ къ журналамъ могутъ быть напечатаны лишь исходившіе изъ Кабинета акты, именно: именные указы, высочайшія повелѣнія и резолюціи, указы и письма кабинетъ-министровъ и т. п.» Такимъ образомъ, въ составъ настоящаго тома вошло 173 №№ журналовъ и списковъ входящихъ Кабинета и около 400 приложеній, представляющихъ собою копіи указовъ, повелѣній и т. п.

Сборникъ снабженъ оглавленіемъ, въ которомъ можно найти краткое содержаніе каждаго документа, вошедшаго въ составъ Сборника подъ названіемъ «приложеній» и алфавитнымъ указателемъ собственныхъ именъ.

Обращаясь къ содержанію Сборника, нужно сказать, что оно въ высшей степени разнообразно; систематизировать находящійся въ немъ матеріалъ очень трудно. Кругъ вѣдомства и границы компетенціи возникшаго въ октябрѣ 1831 г. Кабинета министровъ, какъ и многихъ другихъ русскихъ государственныхъ учрежденій, возникавшихъ и слагавшихся фактически, а не юридически, были совершенно не установлены. Вотъ почему предметомъ обсужденія Кабинета министровъ были самыя разнообразныя дѣла: политика внѣшняя и внутренняя, административныя распоряженія, мѣропріятія фискальнаго свойства, финансовыя, наконецъ даже иногда частная переписка,—все это проходило чрезъ Кабинетъ министровъ.

Размѣры настоящей замѣтки не позволяютъ намъ останавливаться на подробной передачѣ содержанія многихъ копій бумагъ, имѣю-

щихъ большій или меньшій историческій интересъ, а потому мы, ограничившись самымъ краткимъ перечнемъ важнѣйшихъ документовъ общаго характера, остановимся только лишь на нѣкоторыхъ документахъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ исторіи нашего края.

Засѣданія Кабинета министровъ въ 1734 г., какъ это видно изъ журналовъ, перечня входящихъ и приложеній, были больше всего посвящены «польскимъ, малороссійскимъ, шведскимъ и финляндскимъ обращеніемъ». Главное вниманіе Кабинета министровъ сосредоточивается на дѣлахъ Польши, на борьбѣ партій польскаго шляхетства, разбившагося на два враждебныхъ лагеря; одинъ изъ нихъ стоялъ на сторонѣ короля Станислава Лещинскаго, другой на сторонѣ Августа III, котораго поддерживало русское правительство. Въ Польшѣ и Литвѣ собирались безпрерывно сеймы и сеймики безпрерывно появлялись организованные отряды противной Россіи польской партіи, дѣйствовавшей при дѣятельной поддержкѣ Швеціи и Финляндіи. Русское правительство должно было безпрестанно мобилизировать свои войска на западныя и сѣверныя границы, зорко слѣдя за дѣйствіями Польши и Швеціи; оно арестовывало и содержало подъ усиленной стражей вожаковъ польской партіи (какъ напр. гр. Сапѣгу), давая въ тоже время гарантію личной имущественной охраны сторонникамъ своей партіи (какъ напр. гр. Завишѣ) и прилагая всѣ старанія къ тому, чтобы скорѣе взять Данцигъ и изгнать оттуда Лещинскаго и склонить затѣмъ вожаковъ противной партіи къ дачѣ присяги на вѣрность королю Августу. Данцигъ, какъ извѣстно, былъ взятъ; Станиславъ Лещинскій бѣжалъ; на польскій престолъ вступилъ Августъ III, но Польша не была умиротворена...

Едва ли не большее безпокойствіе русскаго правительства вызывало положеніе дѣлъ на югѣ и на юго-западѣ Россіи. Не смотря на то, что со времени присоединенія Украины къ Россіи прошло уже около 70 лѣтъ, Украина все же являлась безпрестанно дымящимся вулканомъ, готовымъ каждую минуту вспыхнуть и причинить не мало хлопотъ Россіи, такъ какъ со сцены еще не сошли единомышленники Мазепы, и дѣятельнѣйшій и энергичнѣйшій изъ нихъ--Орликъ, находившійся въ то время въ Турціи, продолжалъ вести агитацію противъ русскаго правительства вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, воспитаннымъ имъ въ чувствѣ непримиримой вражды къ «москалямъ» и московскимъ порядкамъ на Украинѣ. Центромъ протеста, несмотря на всевозможнаго рода мѣропріятія правительства, продолжало быть Запорожье и запорожцы.

1734 г. былъ, какъ извѣстно, годомъ смерти гетмана Даніила Апостола Воспользовавшись смертію Апостола, русское правительство задумало нанести окончательный ударъ самоуправленію Украины, вопреки основнымъ пунктамъ договора Великой Руси съ Малой, посредствомъ уничтоженія гетманства и замѣны гетманскаго управленія Малороссіей «управленіемъ изъ 6-ти персонъ». Планъ замѣны гетманскаго управленія инымъ управленіемъ былъ готовъ еще до смерти Даніила Апостола, такъ какъ лишь только правительство узнало, что „гетманъ Апостолъ состоитъ въ прежней своей болѣзни и нынѣ весьма слабъ, а опредѣленный къ нему министръ, генералъ Нарышкинъ, обрѣтается въ Петербургѣ, оно указомъ отъ 17 января 1734 г. предписало кн. А. И. Шаховскому, находившемуся въ то время въ предѣлахъ Польши, подъ начальствомъ графа Вейсбаха, свой «корпусъ поручить изъ генералитета, кому опредѣлено будетъ отъ графа фонъ-Вейсбаха», а самому немедленно отправляться въ Глуховъ, съ тою цѣлью, „ежели онъ, гетманъ, въ глубочайшую болѣзнь придетъ или умретъ, чтобы въ правленіи войскъ не воспослѣдствовало остановки; того ради Мы запотребно розсудили немедленно ѣхать въ Малороссію и для управленія министерскихъ дѣлъ быть при немъ до Нашего указа вамъ... и ежели онъ, гетманъ въ глубочайшую болѣзнь придетъ или умретъ, то повелѣваемъ вамъ при ономъ случаѣ пристойныя мѣры взять и во всемъ такимъ образомъ поступать, какъ о томъ извѣстное вамъ Наше всемилостивѣйшее намѣреніе состоитъ и Мы на васъ въ томъ надежду имѣемъ, безъ всякаго упущенія и при томъ на обращенія ихъ малороссійскія, а особливо при нынѣшнихъ конъюнктурахъ, накрѣпко и недреманнымъ окомъ смотрѣть и о томъ Намъ обстоятельно репортовать, съ представленіемъ о учрежденіи мнѣнія своего".

26 января послѣдовалъ новый именной указъ кн. Шаховскому, вызванный извѣстіемъ о смерти Апостола, послѣдовавшей 17 января. Повторяя буквально содержаніе предыдущаго указа, новый указъ „найкрѣпчайше подтверждаетъ, что по полученіи сего Нашего указа имѣете вы со всякимъ всевозможнымъ поспѣшеніемъ ѣхать въ Глуховъ наскоро и, пріѣхавъ въ управленіе дѣлъ, до дальнѣйшаго Нашего указа, поступать по извѣстному вамъ Нашему намѣренію и по предпосланному указу со всякимъ прилежнымъ надѣніемъ (sic) и осторожностію, безъ упущенія, присматривая при томъ на поступки тамошняго малороссійскаго народа накрѣпко, и что отъ нихъ проис-

ходить будетъ, о томъ надлежащія и пристойныя мѣры взять»... 29 января въ Кабинетѣ министровъ выработано было всеподданнѣйшее мнѣніе, подписанное Минихомъ, Остерманомъ, кн. Черкасскимъ, Ушаковымъ и Шафировымъ, послужившее затѣмъ содержаніемъ «грамоты малорусскому народу» отъ 31 янв. 1734 г., въ которомъ говорится: «Гетману впредь быть не разсуждается, а быть правленію вмѣсто чина гетманскаго во шти (sic) персонахъ состоящему, а именно: изъ 3-хъ великороссійскихъ, изъ 3-хъ малороссійскихъ и къ тому представляется нынѣ, хотя на время, пока дѣло въ надлежащей порядокъ приведено будетъ, кн. А. Шаховской, а кому при немъ изъ великороссійскихъ и изъ малороссійскихъ быть, тому ниже сего представляются въ кандидаты, которымъ быть въ засѣданіи въ равенствѣ, а сидѣть на правой сторонѣ русскимъ, а лѣвой малороссійскимъ и править дѣла по прежнимъ инструкціямъ и рѣшительнымъ пунктамъ, а генеральному воинскому суду быть по прежнему; тому правленію быть подъ вѣдѣніемъ Сената, во особливой конторѣ. И сіе содержать секретно, а въ указахъ и въ прочихъ письмахъ не показывать, что намѣреніе имѣется гетмана не выбрать... Въ кандидаты представляются: изъ великороссійскихъ—Иванъ Вельяминовъ, Степанъ Колычевъ, Андрей Чернышовъ, Дмитрій Порецкой. Изъ малороссійскихъ: обозный Лизогубъ, изъ подскирбіевъ Марковичъ, изъ генеральныхъ есауловъ Мануйловъ».

На мнѣніе положена резолюція: «Опробуэца».

Сознавая всю важность и небезопасность предпринятаго политическаго шага, дѣлая многократно строгіе наказы о содержаніи въ полномъ секретѣ своихъ настоящихъ намѣреній, правительство, въ тоже самое время, не упускаетъ изъ виду даже такихъ мелочей относительно всего, что касается хотя бы даже престижа его власти, что не забываетъ дать надлежащихъ указаній, кому гдѣ сидѣть, хотя раньше и упоминаетъ о томъ, что „въ засѣданіи (членамъ) быть въ равенствѣ“.

31 января послѣдовалъ на имя кн. Шаховскаго именной указъ объ учрежденіи въ Малороссіи гетманскаго управленія изъ 6-ти лицъ, объ объявленіи посылаемой при семъ грамоты старшинѣ и малороссійскому народу, о выборѣ лицъ для означеннаго правленія, и великороссійскихъ судьяхъ и о назначеніи содержанія вдовѣ Апостола.

Кромѣ «грамоты малороссійскому народу», присланной кн. Шаховскому, было прислано еще десять грамотъ для посылки въ

каждый полкъ, а „для раздачи въ народъ“ были присланы «друкованные листы». Какъ въ „объявленной грамотѣ, друкованныхъ листахъ, такъ даже и въ присланной при нихъ „инструкціи“, изъ опасенія возбудить безпорядки, правительство увѣряло украинскій народъ, что правленіе новое вводится временно, «до впредь будущаго избранія гетмана»; настоящія же намѣренія открывало только въ именномъ указѣ кн. Шаховскому: «А что въ объявленной Нашей грамотѣ и въ инструкціи писано, что правленіе гетманскаго уряда опредѣлено до впредь будущаго избранія гетмана, и сіе написано для того, чтобы нынѣ, въ началѣ сего объявленія, народъ не имѣлъ въ томъ сумнѣнія и не чинилъ противныхъ толкованій... Вамъ же, по имѣющей прежней секретной инструкціи... предостерегать того, чтобъ какой шатости въ малороссійскомъ народѣ подъ нынѣшній часъ не произошло и смотрѣть того прилежно, и ежели бъ, паче чаянія, что могло противное случиться, то въ томъ поступать по силѣ той инструкціи и отправленныхъ недавно Нашихъ указовъ»... Далѣе, требуя «донесть, какъ опредѣленные въ войсковомъ судѣ великороссійскіе судьи поступаютъ», и давая право Шаховскому замѣнить ихъ новыми по своему усмотрѣнію, «кого онъ за достойныхъ къ тому знаетъ, указъ напоминаетъ, что «надобно въ судѣ такихъ людей имѣть, которые были бъ правдивы и ко взяткамъ не лакомы, и не было бъ отъ нихъ народу озлобленія и обидъ и дабы оный малороссійскій народъ правосудіемъ тѣхъ великороссійскихъ судей былъ доволенъ и пріобыкалъ къ великороссійскому правленію». И какъ рѣшительную мѣру рекомендуетъ «смоленскаго шляхтича, ротмистра Пассека, отрѣшить, понеже ему въ судѣ войсковомъ быть весьма, разсуждаемъ, не запотребно. Умершаго гетмана Апостола женѣ Ульянѣ за вѣрную службу мужа ея, повелѣваемъ на содержаніе дома ея давать, по смерть ея, на годъ по 3000 р., которые выдавать ей изъ сборныхъ денегъ съ бывшихъ гетманскихъ маетностей. И все вышеписанное содержать въ вышшемъ секретѣ».

Обстоятельства дѣла требовали быстроты дѣйствій. И мы видимъ, что сношенія, дѣйствительно, велись съ достаточной для того времени быстротой. Именно, въ числѣ входящихъ бумагъ Кабинета за 6-е февраля значится «доношеніе генерала Нарышкина о погребеніи гетмана», а за 9-е февраля — «репорты генерала, графа Вейсбаха о бытіи генералъ-лейтенанту князю Шаховскому въ Глуховѣ и о порученіи, вмѣсто него, команды другому» (вслѣдствіе перваго указа

отъ 17 января), и за 16 февраля—«репортъ того-же Вейсбаха о полученіи указа и отправленіи къ кн. Шаховскому о немедленномъ его прибытіи въ Глуховъ и о шпіонахъ»; въ числѣ входящихъ за мартъ подъ 2 марта значится «доношеніе кн. Шаховского отъ Бѣлой-Церкви о слѣдствіи (sic) его въ Глуховъ, съ представленіемъ какимъ образомъ правленіе послѣ гетмана зачать; его жъ два письма о томъ же.

Въ отвѣтъ на это доношеніе послѣдовалъ именной указъ кн. Шаховскому отъ 4 марта 1734 г., въ которомъ послѣднему выяснялось, «что какимъ образомъ по прибытіи вашемъ въ Глуховъ малороссійское правленіе начинать и какъ поступать, и чего вамъ предостерегать надлежитъ, о томъ уже полная инструкція и особливый къ вамъ съ надлежащимъ наставленіемъ указъ и для публикованія печатныя грамоты, состоявшіяся января 31 дня, отправлены къ вамъ до Глухова съ нарочнымъ курьеромъ»...

Но очевидно, что кн. Шаховской получилъ «инструкцію и особливый съ наставленіемъ указъ» по дорогѣ въ Глуховъ, такъ какъ въ числѣ входящихъ за 5-е марта значится: 1) «доношеніе кн. Шаховского изъ Кіева о полученіи инструкціи и указовъ и на представленіе на то, какимъ образомъ въ Глуховѣ поступать ему надлежитъ; 2) репортъ его-жъ—о полученіи указу перваго отъ 17-го января и 3) письмо его жъ о томъ, что въ доношеніи написано.

Кн. Шаховской до прибытія своего въ Глуховъ, значитъ еще до ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ и настроеніемъ малорусскаго народа на мѣстѣ, былъ противъ мнѣнія Кабинета министровъ, получившаго уже высочайшую «аппробацію» о замѣнѣ гетманскаго управленія управленіемъ «изъ шти персонъ». Хотя въ «Сборникѣ» нѣтъ копій съ доношеній и писемъ кн. Шаховского, а потому нельзя съ точностью воспроизвести того, что писалъ кн. Шаховской, но въ видѣ приложенія отъ 7-го марта въ «Сборникѣ» напечатаны: 1) «Высочайше утвержденное мнѣніе особаго совѣщанія въ Кабинетѣ относительно оставленія въ силѣ, вопреки доношеніямъ кн. А. И. Шаховского, указа 31 янв. 1734 г. о бытіи въ Малороссіи, вмѣсто гетмана, управленію изъ 6-ти лицъ и пр., по соображеніямъ, изложеннымъ въ семъ мнѣніи» и 2) «Именной указъ кн. А. И. Шаховскому, въ отвѣтъ на доношеніе его относительно неудобствъ предоставленія правленія Малороссіею 6-ти персонамъ, согласно указу 31 янв. 1734 г., съ подтвержденіемъ дѣйствія впредь этого указа».

Изъ этихъ двухъ документовъ видно, что кн. Шаховской, не раздѣляя мнѣнія Кабинета о перемѣнѣ управленія Малороссіей, послалъ въ Петербургъ 17 и 22 февраля свои «доношенія», въ которыхъ онъ «представлялъ чтобъ правленію въ Малой Россіи не быть во шти персонахъ и на такомъ основаніи, какъ въ состоявшемся Ея И. В—ва всемилостивѣйшемъ, января 31 дня, къ нему присланномъ указѣ изображено». Вмѣсто же проекта «правленія изъ шти персонъ» кн. Шаховской представилъ свой проектъ правленія Малороссіей «на такомъ основаніи, какъ онъ о томъ образцовый указъ, которому въ народъ малороссійскій публиковану быть, для всемилостивѣйшей апробаціи, при своемъ доношеніи прислалъ».

Каково было содержаніе присланнаго кн. Шаховскимъ для «апробаціи образцоваго указа, которому въ народъ малороссійскій публиковану быть» — неизвѣстно, такъ какъ въ «Сборникѣ» онъ не помѣщенъ, но мотивы, по которымъ кн. Шаховской былъ противъ правленія «изъ шти персонъ», могутъ быть отчасти воспроизведены на основаніи приведенныхъ нами двухъ документовъ: 1) что прежде всего гетманы генеральную войсковую канцелярію содержали и резолюціи давали одни, а ежели нынѣ всякимъ дѣламъ, до уряду гетманскаго касаючимся, рѣшеннымъ быть въ учрежденномъ собраніи, то отъ того въ той канцеляріи можетъ произойти великая многотрудность и по отправленію дѣлъ остановка; 2) что старшина уже давно желаніе имѣетъ къ полученію правленія войсковой генеральной канцеляріи, а когда нынѣ уже въ оной присутствіе получатъ, то впредь оныхъ, по его мнѣнію, отрѣшить уже не такъ удобно будетъ, какъ бы они къ тому дѣлу допущены не были»... Вотъ тѣ мотивы, какіе были выставлены кн. Шаховскимъ въ противовѣсъ мнѣнію Кабинета министровъ относительно перемѣны управленія въ Малороссіи. Онъ былъ противникомъ коллегіальнаго управленія Малороссіей, но не изъ боязни «могущей произойти отъ того шатости въ малороссійскомъ народѣ», а совершенно по другимъ соображеніямъ, не только не совпадавшимъ съ намѣреніемъ правительства вести политику «шелковыхъ возжей» съ цѣлью постепеннаго пріученія народа къ тому, чтобы «онъ пріобыкалъ къ великороссійскому правленію», а совершенно противоположнымъ: онъ былъ сторонникомъ политики «ежевыхъ рукавицъ» и желалъ совершенно не допустить участія старшины въ управленіи Малороссіей. Образъ мыслей кн. Шаховского, несомнѣнно, вполнѣ совпадалъ съ дѣйствительными (тайными)

намѣреніями правительства относительно Малороссіи, но взгляды ихъ на средства осуществленія этихъ намѣреній были не одинаковы.

Для обсужденія «образцоваго указа» кн. Шаховского, немедленно, 7 марта, состоялось «особое совѣщаніе въ Кабинетѣ», высказавшее мнѣніе «объ оставленіи въ силѣ, вопреки доношеніямъ кн. Шаховского, указа 31 янв. 1734 г. о бытіи въ Малороссіи, вмѣсто гетмана, управленію изъ шести лицъ», утвержденное въ тотъ же день Анной Іоанновной. Въ «мнѣніи» говорится, что по довольному разсмотрѣнію о резонахъ отъ него (кн. Шаховского) представленныхъ, всеподданнѣйшее свое мнѣніе приносятъ, что при нынѣшнихъ случаяхъ, къ интересамъ Ея И. В—ва запривличнѣе и полезнѣе разсуждаютъ быть тому правленію до времени на такомъ основаніи, какъ... въ указѣ января 31 дня опредѣлено, и поступать ему, генералъ-лейтенанту (кн. Шаховскому) въ томъ по посланнымъ къ нему указамъ и инструкціи и сочиненный манифестъ о томъ правленіи потому жъ указу въ народъ публиковать»... Что же касается мотивовъ особаго мнѣнія кн. Шаховского, то особое совѣщаніе нашло оба его «резона» несостоятельными: относительно перваго оно высказалось, что «сіе весьма не признается, понеже канцеляріи отъ того вящаго труда быть не можетъ, какъ прежде бывало, но паче, когда съ общаго совѣту того учрежденнаго собранія дѣла рѣшены и отправлены будутъ, то еще лучшаго и основательнѣйшаго порядку и меньшей остановки въ дѣлахъ отъ того уповать надлежитъ»; на счетъ второго мотива особое совѣщаніе сказало: «что нѣкоторые изъ малороссійскихъ въ томъ собраніи присутствовать станутъ, никого (никакого?) предосужденія интересомъ Ея И. В—ва не признается, но паче еще польза, понеже не вся старшина присутствовать станетъ, но только три персоны, и тѣ три персоны однѣ никакой власти имѣть не будутъ, но должны съ велико-россійскими вмѣстѣ засѣдать и дѣла отправлять... Кн. Шаховской стоялъ за сохраненіе гетманскаго управленія Малороссіей, но съ тѣмъ, чтобы гетманомъ былъ великороссъ, разсчитывая, по всей вѣроятности, въ случаѣ принятія его проекта, самому стать гетманомъ Малороссіи, такъ какъ «особое совѣщаніе» Кабинета, не согласившись съ доводами кн. Шаховского, добавляетъ слѣдующее: «Сверхъ того, ежели съ самаго начала всѣхъ малороссійскихъ отъ правленія вовсе и генерально отрѣшить и одному великороссійскому все правленіе вручить, то-бъ оный малороссійскій народъ отъ того въ какое сумнѣніе приведенъ не былъ, и иногда-бъ

вящія какія затрудненія отъ того не произошли. И для того, нижеподписавшіеся, при прежнемъ своемъ всеподданнѣйшемъ мнѣніи... пребываютъ», хотя, въ зависимости отъ того, какъ «дѣла тамо пойдутъ, всегда въ Ея И. В--ва всемилостивѣйшемъ соизволеніи будетъ состоять—сіе на время учиненное правленіе отмѣнить и другія такія учрежденія учинить, какія по обстоятельствамъ для интересовъ Ея И. В—ва всемилостивѣйше за благо разсуждены будутъ; а покамѣстъ сіе правленіе совсѣмъ основано и въ надлежащій порядокъ приведено не будетъ, то его, генералъ-лейтенанта, оттуда отлучать, видится, невозможно».

Мнѣніе «особаго совѣщанія въ Кабинетѣ», утвержденіе его и изданіе соотвѣтствующаго именного указа, подтверждающаго указъ 31 января, состоялось 7 марта. Между тѣмъ, кн. Шаховской, прибывъ въ Глуховъ, не зналъ, какую форму правленія примѣнять ему на Украинѣ: распоряжаться ли ему на правахъ гетмана Малороссіи, или же управлять согласно съ указомъ отъ 31 января. Потребовавъ отъ старшины отдачи ему гетманскихъ войсковыхъ клейнодовъ, кн. Шаховской 5 марта доноситъ объ этомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ «требуетъ указу», какъ ему рѣшить дѣла, «по инструкціи-ль сего 1734 году, или какъ бывало при гетманѣ», а затѣмъ проситъ «о взятіи у генерала Нарышкина прежде данной ему, кн. Шаховскому, въ бытность его при гетманѣ, секретной инструкціи и о присылкѣ къ нему». Кабинетъ министровъ письмомъ отъ 16 марта увѣдомилъ кн. Шаховского, что «оная инструкція, и секретные пункты, и указъ, и цифирная азбука, отправлены... при семъ».

Черезъ два слишкомъ мѣсяца, 27 мая, послѣдовалъ именной указъ кн. Шаховскому «о прибытіи ему на нѣкоторое время изъ Малороссіи въ С.-Петербургъ, и о порученіи, въ отсутствіи его, управленія дѣлами временно майору Хрущову и другимъ, по усмотрѣнію его, Шаховского, лицамъ». Вызовъ кн. Шаховского въ Петербургъ очевидно состоялся «по украинскимъ дѣламъ, такъ какъ 18 іюля посланъ былъ изъ Петергофа Кабинетъ-министрамъ рескриптъ слѣдующаго содержанія: «Господа Кабинетъ-министры! Разсудили мы за благо послать къ вамъ кн. Шаховского для представленія нужныхъ его украинскихъ дѣлъ; того ради, по полученіи сего, собравъ всѣ его старые и новые доклады и доношенія, разсмотрите и, обще совѣтовавъ, положите обо всемъ надлежащую резолюцію, съ которою для апробаціи быть къ намъ немедленно. Анна».

Какъ ни скрывало правительство настоящихъ своихъ намѣреній относительно Украины, все же и старшина, и народъ, наученные прежнимъ горькимъ опытомъ, ясно видѣли, къ чему клонится политика правительства. Да и не нужно было обладать большой дальновидностью, чтобы не понимать, какія намѣренія скрываются мѣропріятіями правительства, несмотря на то, что оно выставляло ихъ передъ народомъ, какъ временныя. Изъ Украины начали идти челобитныя объ избраніи гетмана. Для осуществленія своихъ плановъ насчетъ Украины правительству нужно было выполнить двѣ задачи: заручиться поддержкой народа и окончательно ослабить и безъ того уже обезсиленную и деморализованную козацкую старшину. Перваго оно старалось достичь путемъ облегченія простого народа отъ бремени всевозможныхъ налоговъ въ пользу старшины, судебной защитой и предоставленіемъ широкихъ правъ челобитья на своихъ обидчиковъ; второго—дарованіемъ высочайшихъ милостей тѣмъ изъ старшинъ, «которые были доброжелательны», въ видѣ производствъ въ чины, записи кандидатами въ Сенатъ и т. п., а во-вторыхъ—путемъ секретныхъ мѣропріятій съ цѣлью внести разлагающее начало въ самую сердцевину національной жизни—семью. Къ числу такихъ мѣропріятій относится, извѣстный, кажется, уже въ печати, секретный указъ тому-же кн. Шаховскому отъ 31 янв. 1734 г. «о принятіи секретно искусныхъ мѣръ къ побужденію малороссійскаго народа вступать въ свойство съ великороссійскимъ народомъ, а не съ смольянами, поляками и другими зарубежными жителями, что, кажется—говорится въ указѣ—противно нашему интересу». Выполненіе этого секретнаго предписанія оказалось на практикѣ трудно примѣнимымъ; поэтому въ цѣляхъ выполненія указа кн. Шаховской дѣлаетъ представленіе «о недозволеніи выѣзжать изъ Малороссіи въ другіе города безъ паспортовъ, выданныхъ имъ, Шаховскимъ». «...Не соизволите ли, Ваше В—ство всемилостивѣйше указать въ малороссійскіе полки дать Вашего И. В—ва указы, чтобъ какъ старшина сама, такъ и дѣти ихъ, или кто-нибудь ежели бы кто пожелалъ ѣхать изъ Малороссіи въ другіе городы, то бы безъ паспорта моего не ѣздили, при чемъ видно будетъ, кто для какого дѣла ѣдетъ и ежели кто поѣдетъ для женитьбы, то таковыхъ удобно при томъ отъ онаго отвратить. И на оное ожидать буду Вашего И. В—ва всемилостивѣйшаго указа».

Но самую яркую картину всей системы отношеній великорусскаго правительства на Украинѣ даетъ «Высочайше утвержденная секретная инструкція, данная ген.-лейтенанту кн. Шаховскому, по управленію Малой Россіею, по которой, будучи въ Малой Россіи, поступать надлежитъ». Инструкція состоитъ изъ 11 пунктовъ. Наказывая «смотрѣть накрѣпко, чтобъ какъ въ главныхъ (дѣлахъ), такъ и въ прочихъ какой противности не было, и народъ къ тому побуждаемъ отъ кого не былъ, и развѣдывать того накрѣпко всякими способы», инструкція требуетъ «немедленно о томъ доносить», а въ крайнихъ случаяхъ, «буде для описыванія времени не будетъ, чинить, что надлежитъ по своему разсмотрѣнію; и ежели въ такомъ случаѣ явится кто изъ старшины и изъ полковниковъ, и ихъ брать подъ караулъ, и не допускать того зла до расширенія». Съ другой стороны инструкція велитъ «усматривать во всякихъ обхожденіяхъ, кто изъ старшинъ и изъ козаковъ къ Намъ и къ сторонѣ Нашей доброжелательны, и какого уряда достойны, и въ такой случай, когда придетъ гдѣ полковникамъ и старшинѣ перемѣна, усматривать вамъ, что бы въ тѣ чины вѣрные и доброжелательные намъ люди произведены были, и таковыхъ, обще съ генеральною старшиною, въ кандидаты писать въ Сенатъ, въ канцелярію малороссійскихъ дѣлъ, а въ кабинетъ Нашъ, кому изъ тѣхъ кандидатовъ пристойнѣе быть надлежитъ, доносить секретно»... Что же касается простого народа, то инструкція научаетъ «пристойнымъ образомъ внушать малороссійскому народу, а паче козакамъ, что Наше И. В—во содержимъ ихъ въ милости своей при данныхъ имъ отъ Насъ милостивыхъ привилегіяхъ, а ежели имъ отъ генеральной старшины и отъ полковниковъ, такожъ отъ полковой старшины и отъ сотниковъ будутъ тягости, какъ въ накладѣ вина и въ прочихъ питьяхъ, и въ съѣстныхъ припасахъ, и въ сборѣ денегъ, въ работѣ, и въ привращеніи козаковъ въ подданство, то бъ они били челомъ на нихъ въ томъ, какъ о семъ выданными въ 1728 г. указы публиковано». Инструкція предписываетъ «оборонять отъ тягостей и обидъ козаковъ и прочихъ жителей малороссійскаго народа» «хотя отъ козаковъ и челобитья не будетъ».

Въ случаѣ народнаго неудовольствія и ропота по поводу новыхъ налоговъ, инструкція рекомендуетъ объяснять, «для чего тотъ сборъ въ войсковой скарбъ сбирать», а «другимъ наединѣ говорить, ...что какъ тѣ всѣ сборы были въ вѣдомствѣ гетмановъ», то... «со-

бранными деньгами сборщики корыствовались и расходъ всѣмъ тѣмъ съ народа сбираемымъ деньгамъ былъ непорядочный, по одной только гетманской волѣ, а въ войсковомъ скарбѣ ничего не оставалось; и однимъ словомъ сказать, что все непорядочно было, а народу малороссійскому не только въ томъ полегченія не было, но и еще несносная и немалая обида; ...и объявлять, что многіе съ нихъ поборы, которые сбираны при гетманахъ, къ полегченію всемилостивѣйше сложить... соизволили».

Чтобы больше дискредитировать въ глазахъ народа гетманское правленіе, правительство въ § 7 инструкціи предписываетъ: «надлежитъ всякими удобо-возможными способами внушить малороссійскому народу, что какія въ бытность гетмановъ чинились партикулярнымъ домамъ обиды и разореніе, какъ въ отнятіи маетностей, такъ и въ награжденіи ихъ непорядочно, а нынѣ Мы всемилоставѣйшее свое намѣреніе имѣемъ всѣхъ вѣрныхъ нашихъ малороссійскаго народа, за службы и вѣрность ихъ, милостію своею и награжденіемъ деревень не оставить». Въ § 10 говорится: «Ежели тамошняя старшина будутъ намѣренія свои показывать, или просить о выборѣ гетмана, то надлежитъ пристойнымъ образомъ совѣтомъ своимъ ...отъ того отвращать и при томъ провѣдывать и смотрѣть недреманнымъ окомъ, кто изъ старшины въ тѣ гетманы будутъ желательны и не будутъ ли собирать челобитенъ, ...то въ Кабинетъ Нашъ о томъ немедленно доносить».

Производя реформу управленія въ Малороссіи, правительство, несомнѣнно, дѣлало рискованные политическіе шаги, осложняя и безъ того крайне запутанныя политическія отношенія съ Польшей и Швеціей—съ одной стороны, а съ другой—съ Турціей и Крымомъ, бывшихъ на сторонѣ короля Станислава Лещинскаго и поддерживавшихъ его въ борьбѣ съ Августомъ III. И правительство Анны Ивановны это прекрасно понимало, но разсчетъ его былъ безошибоченъ: перемѣна управленія въ Малороссіи не могла грозить серіозными внутренними безпорядками, потому что народъ, истомленный въ тяжелой предшествовавшей борьбѣ за свою политическую и религіозную независимость, не въ состояніи былъ активно реагировать на новыя посягательства со стороны своего сильнаго союзника, направленныя къ уничтоженію послѣднихъ остатковъ своей независимости, а представителей его, въ лицѣ старшинъ, легко было купить.

Запорожская Сѣчь, служившая раньше очагомъ, гдѣ главнымъ образомъ броженія народной политической мысли получали конкретныя формы, также не представляло особенной опасности. Правда, былъ еще живъ «измѣнникъ» Орликъ, сподвижникъ Мазепы, продолжавшій, несмотря на свой преклонный возрастъ, вести агитацію противъ русскаго правительства вмѣстѣ съ своимъ сыномъ. Съ агитаціонной дѣятельностью этого послѣдняго изъ могиканъ правительство, какъ видно изъ документовъ Кабинета, должно было считаться. Такъ, въ именномъ отъ 25 апрѣля 1834 г. указѣ къ кн. Шаховскому «объ отправленіи въ корпусъ гр. Вейсбаха въ Польшу козаковъ, украинскихъ и слободскихъ, о наблюденіи за дѣйствіями крымскаго хана и за измѣнникомъ Орликомъ и проч.», говорится: «О ханѣ крымскомъ имѣемъ мы извѣстіе, что онъ съ татарскимъ войскомъ на самыхъ турецкихъ границахъ, близъ Польши стоитъ, такожъ и измѣнникъ Орликъ получили извѣстіе жъ, что онъ къ нему жъ, хану, прислалъ, почему признавается,—не отважатся ли оные татары, по призыву станиславцовъ (сторонниковъ короля Станислава Лещинскаго) въ Польшу вступить, и не будетъ ли отъ помянутого Орлика на Украйну, для возмущенія къ злому намѣренію, какихъ присылокъ къ кому изъ малороссійскихъ жителей, или письменной съ кѣмъ корреспонденціи, чего вы имѣете накрѣпко и со всякою прилежностью пристойнымъ образомъ и подъ рукою смотрѣть, и въ томъ крѣпкую предосторожность имѣть; и ежели бъ, паче чаянія, такія присылки явились, и въ комъ такая невѣрность и подозрѣніе усмотрѣны будутъ, таковыхъ безъ потерянія времени ловить и поступать съ ними искуснымъ образомъ, по нашимъ указамъ и намъ немедленно доносить, въ чемъ Мы полагаемся на вашу, извѣстную намъ, вѣрность и рѣшительную осторожность».

Въ донесеніяхъ гр. Вейсбаха, какъ видно изъ «входящихъ» (напр. отъ 7 мая, 5-го іюня и т. д.), имя Орлика поминается часто, что подтверждаетъ съ одной стороны «радѣтельность» генерала, а съ другой—также замѣтную дѣятельность. Наблюденія за дѣятельностію Орлика вызвали указъ отъ 31 августа 1734 г. на имя барона Кейзерлинга, полномочнаго министра при польскомъ дворѣ, въ которомъ говорится слѣдующее:... «Перенятое жъ письмо отъ крымскаго хана Мы уже отъ Нашего оберъ-шталмейстера получили и надлежащую потребность онымъ у Порты чинить будемъ. Старый Орликъ не токмо тотъ, который съ измѣнникомъ Мазепою прежде сего къ шведамъ и

туркамъ перешелъ и противу Россіи взбунтовалъ, но и понынѣ у крымскаго хана дѣйствительно обрѣтается, запорожскихъ козаковъ противу Насъ возмутить ищетъ, и того ради многія поносительныя письма въ народъ издаетъ, изъ которыхъ къ Намъ многія оригинальныя отъ запорожскихъ козаковъ присланы. И ежели оный Орликъ, чрезъ котораго сіе крымскаго хана письмо получено, помянутаго, у хана пребывающаго, стараго Орлика, подлинный сынъ есть, то предусмотрѣть невозможно, что благо черезъ него у крымскаго хана причинить невозможно (sic), ибо отецъ его предѣльный бунтовщикъ и по нынѣшнее время ядъ свой и злое намѣреніе по крайнѣйшей возможности повсюду въ дѣйство произвести старается; сверхъ же того у Порты, а особливо у крымскаго хана, въ великомъ кредитѣ имѣется, и слѣдовательно отъ его сына немного добра ожидать надлежитъ, наименьше жъ того онъ въ состояніи быть можетъ отца своего преодолѣть. Въ вашей реляціи не упомянуто, сей Орликъ дѣйствительно ли назадъ возвратился или гдѣ дѣвался, и какія о немъ резолюціи могутъ быть учинены, о чемъ мы вашего доношенія въ немедленномъ времени дожидаемъ, а между тѣмъ имѣете вы вышеуказанное въ потребныхъ мѣстахъ надлежаще представить, что, понеже и безъ того, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, у крымскаго хана онъ съ трудностію полезенъ быть можетъ, то бъ его изъ рукъ не упущали, но дотолѣ у себя подъ добрымъ присмотромъ держали, пока онъ надѣяннымъ и приличнымъ образомъ Намъ отданъ быти можетъ, и хотя Нашего намѣренія не имѣется съ нимъ, яко съ сыномъ отъ Насъ отпавшаго подданнаго и бунтовщика жестоко поступить, а особливо въ разсужденіи того, что онъ нынѣ учинилъ, однако же, отецъ его можетъ быть тѣмъ побужденъ будетъ злобамъ своимъ нѣкоторыя мѣры постановить, когда онъ узнаетъ, что сынъ его въ нашихъ рукахъ имѣется».

Указъ этотъ, представляя собою выдающійся интересъ для характеристики политики Кабинета и агитаціонной дѣятельности Орлика, интересенъ и съ той стороны, что даетъ нѣсколько довольно опредѣленныхъ намековъ на причины, въ значительной степени ослаблявшіе успѣхъ агитаціонной дѣятельности принципіальнаго, непримиримаго противника русскаго правительства, старика Орлика. Агитація Орлика-отца не только не встрѣчала сочувствія въ Запорожьѣ, а напротивъ—активное противодѣйствіе. Запорожцы, какъ это видно изъ приведеннаго указа, присылали русскому правительству «поноси-

тельныя письма» Орлика въ народъ прямо въ оригиналѣ, очевидно, съ цѣлью противодѣйствовать ихъ распространенію въ народѣ. Наконецъ, даже и сынъ самого «презельнаго бунтовщика», молодой Орликъ, также былъ не на сторонѣ отца, а правительства, хотя послѣднее, очевидно, относилось къ нему съ крайнимъ недовѣріемъ, будучи убѣждено, что отъ него «немного добра ожидать надлежитъ», и особенно не вѣря въ то, что онъ «въ состояніи быть можетъ отца своего преодолѣть». Это крайне недовѣрчивое и подозрительное отношеніе къ молодому Орлику, дѣйствовавшаго въ интересахъ самого же правительства, побуждаетъ правительство къ коварному, а не политичному, основанному на ложномъ пониманіи психологіи человѣческой души, пріему задержанія Орлика, «пока онъ надежнымъ и примѣтнымъ образомъ Намъ отданъ быть можетъ», съ тою цѣлью, что «отецъ его можетъ быть тѣмъ побужденъ будетъ злобамъ своимъ нѣкоторыя мѣры поставить, когда онъ узнаетъ, что сынъ его въ Нашихъ рукахъ имѣется». Если въ этомъ и можно видѣть фактъ заложничества, то... далеко неправомѣрнаго.

Но несмотря на агитаціонную дѣятельность старика-Орлика, успѣхъ дипломатическихъ сношеній Запорожья съ русскимъ правительствомъ относительно переселенія козаковъ въ предѣлы Россіи былъ обезпеченъ совпаденіемъ интересовъ съ обѣихъ сторонъ. Запорожцы, покинувшіе предѣлы Россіи послѣ разоренія Сѣчи по приказу Петра I Скоропадскимъ и основавшіе въ 1711 г. свою Сѣчь, съ дозволенія хана Каплань-Гирея, въ Алешкахъ, не переставали во все это время усиленно хлопотать о дозволеніи имъ возвратиться на старыя мѣста; къ этому ихъ побуждала съ одной стороны—потеря принадлежавшихъ имъ прежде земель, а съ другой—притѣсненія со стороны иновѣрнаго и чуждаго по національности народа. Что же касается другой строны, т. е. русскаго правительства, то оно едва ли не больше было заинтересовано въ возвращеніи запорожцевъ на старыя мѣста, чѣмъ сами запорожцы. Какъ извѣстно, пользу возвращенія запорожцевъ болѣе другихъ понималъ кіевскій генералъ-губерваторъ фонъ-Вейсбахъ. Онъ-то собственно и убѣдилъ правительство Анны Ивановны удовлетворить просьбу запорожцевъ, и самъ вошелъ въ сношенія съ кошевымъ атаманомъ Милашевичемъ.

Этимъ совпаденіемъ интересовъ съ обѣихъ сторонъ и объясняется та, удивительная для нашего времени, быстрота переговоровъ, сношеній, сообщеній и реляцій относительно переселенія запорожцевъ: изъ

журналовъ «входящихъ» видно, что съ февраля по ноябрь въ Кабинетъ почти еженедѣльно поступали доношенія относительно запорожцевъ. Вопросъ о переходѣ запорожцевъ былъ рѣшенъ, но осуществленію его препятствовали отношенія къ Турціи. Опасенія правительства, какъ бы не испортить окончательно отношеній къ Портѣ, со всею яркостію обнаруживаются въ очень пространномъ указѣ фонъ-Вейсбаху отъ 4 августа. Порта, узнавъ о намѣреніи запорожцевъ перейти въ границы Россіи и прослышавъ о возведеніи на турецкихъ границахъ, около Базавлука, крѣпости, послала своего чиновника къ бендерскому пашѣ и къ крымскому хану Сатиръ-Али-агѣ для наведенія справокъ о достовѣрности слуха черезъ осмотръ посланцемъ мѣстности у Базавлука. Бендерскій паша черезъ своего посланца обратился къ гр. Вейсбаху съ просьбой командировать представителя и со стороны русскаго правительства къ Базавлуку для совмѣстнаго осмотра съ чиновникомъ Порты мѣстности у Базавлука. Правительство было поставлено въ крайне затруднительное положеніе, не зная, какъ изъ него выйти... И нынѣ, говорится въ указѣ Портѣ никакого подлиннаго и прямаго отвѣту дать невозможно, ибо, ежели Портѣ объявить, что мы вовсе въ тѣ дѣла не вступаемся, то тѣ запорожцы, отчаясь, легко къ другой сторонѣ паки преклониться и всѣ потеряны быть могутъ; а ежели явно въ оныя дѣла вступать, и тѣ мѣста своими называть, то явная къ разрыву миру туркамъ причинамъ подается; и для того потребно въ томъ такое средство изыскать, черезъ которое, какъ отъ одной, такъ и отъ другой, вышеупомянутыхъ, опасностей убѣжать возможно».

Дальнѣйшее содержаніе указа и сводится именно къ «изысканію средствъ» пройти между Сциллой и Харибдой. Гр. Вейсбаху предписывается: 1) «по полученіи сего указу послать тотчасъ къ атаману Милашевичу съ требованіемъ, чтобъ онъ безъ всякаго замедленія одного изъ лучшихъ и вѣрныхъ своихъ старшинъ наскоро прислалъ для словеснаго ему объявленія о нѣкоторыхъ нужнѣйшихъ, до ихъ интересовъ касающихся дѣлахъ; по пріѣздѣ того (старшины) объявить о пріѣздѣ отъ Порты нарочнаго аги для свидѣтельствованія мѣстности... И понежъ оному турецкому агѣ отказать и запретить въ томъ неприлично, того ради мы запотребно разсудили напередъ ихъ, запорожцевъ, наставлять, какимъ образомъ имъ съ тѣмъ турецкимъ присланнымъ поступать, и что оному объявить, а именно: чтобы его приняли, по обычаю, со всякою ласкою и оному объявили: 1) что

будучи издревле рожденные россійскіе подданные, по закону своему, и по совѣсти своей, у Ея И. Величества о прежнихъ своихъ противныхъ поступкахъ о всемилостивѣйшемъ прощеніи просили и въ вѣрное Ея В-ва подданство, по прежнему, возвратились; 2) что оные въ вѣрности Ея И. В-ву непоколебимо пребывать и въ томъ послѣдней капли крови своей не пощадить твердо намѣрены; 3) что они Портѣ Оттоманской, или хану крымскому,... никакой противности не покажутъ, вѣдая, что межу обѣими имперіями состоитъ вѣчный миръ, и что Ея И. В-ва всеконечне намѣреніе есть оный миръ съ своей высочайшей стороны ненарушимо содержать; 4) но что до того мѣста надлежитъ, гдѣ они селятся, и по своему обыкновенію кошъ свой строятъ, то всѣ тѣ мѣста ихъ собственныя, которыми они черезъ нѣсколько сотъ—безпрекословно отъ всѣхъ сторонъ владѣютъ, и что во оныя мѣста, яко имъ, запорожцамъ, прямо принадлежащія, ни Россія, ни Порта, ни ханъ крымскій и никто вступаться не имѣютъ; 5) что съ россійской стороны крѣпости у нихъ не строится и изъ россійскаго войска при нихъ не обрѣтается, и что они и сами никакой крѣпости не строятъ, а строятъ кошъ свой по своему древнему обыкновенію и то на собственныхъ своихъ земляхъ, а ни на какихъ чужихъ...

... И наставлять вамъ того отъ Милашевича присланнаго повѣреннаго, чтобъ съ нимъ вышеписаннымъ отвѣтомъ того турецкаго агу отправили и ни во что далѣе съ нимъ не вступали и на его иногда чинимыя льстивыя обѣщанія или угрозы не смотрѣли и отнюдь бы не слушали» ... А чтобы не навлечь на себя никакихъ подозрѣній Порты, правительство рекомендуетъ гр. Вейсбаху, въ случаѣ неприбытія отъ Милашевича посланнаго, своего офицера не посылать къ запорожцамъ, „дабы оная присылка въ другой и въ противной образъ истолкована быть не могла“.

По принятіи всѣхъ вышеизложенныхъ предосторожностей и по осмотрѣ ихъ мѣстности, гр. Вейсбаху предписывается послать отвѣтъ пашѣ бендерскому съ увѣреніями въ намѣреніи правительства сохранять вѣчный миръ и т. д., и какъ на особенное доказательство искренности и несомнѣнности этихъ увѣреній сослаться на то, что «вы для лучшаго увѣренія Портѣ (въ томъ, что никакой крѣпости не строится) не благоразсуждаете отъ себя туда человѣка послать, дабы Портѣ толь вѣрнѣе быть могло, когда ихъ посланный одинъ и самъ о томъ засвидѣтельствовать имѣетъ. Все вышеписанное—говорится въ

указѣ—разумѣется въ томъ случаѣ, когда оные запорожцы ни черезъ какіе способы къ переходу въ нашу границу преклонны быть не могутъ».

Правительство надѣялось на успѣхъ своего «генеральнаго отвѣта». Вышеписанный генеральный отвѣтъ можетъ Портѣ въ удовольствіе служить, понеже Мы объявляемъ, что Мы ни въ какія мѣста вступаться не намѣрены, которыя Портѣ принадлежатъ, въ чемъ и тѣ мѣста, гдѣ нынѣ запорожцы селятся, разумѣтися могутъ; а между тѣмъ получаемъ время, чтобы ихъ, запорожцевъ къ добровольному переходу въ наши границы какимъ ни на есть образомъ склонить, или такія иныя мѣры въ томъ предвоспріять, какъ по конъюнктурамъ и поступкамъ турецкимъ наисходнѣйше будетъ».

Предусматривая тотъ случай, когда бы «оные запорожцы тому отъ Порты присланному что лишнее и ненадобное объявлять стали», правительство, руководясь цѣликомъ принципами макіавелліевской политики, даетъ такую ноту гр. Вейсбаху: «понеже то (лишнее и ненадобное) не въ присутствіи Вашего посланнаго чинится, того ради Мы съ нашей стороны, смотря какъ нужда того востребуетъ, всегда отъ того отговориться въ состояніи будемъ».

Въ доношеніи отъ 13 сентября гр. Вейсбахъ увѣдомлялъ правительство о томъ, что «прибывшій къ нему атаманъ Милашевича съ старшиною, по его, Вейсбаха, совѣту, склонились и письменное обнадеживаніе дали, что ежели необходимая нужда отъ турковъ и къ нарушенію мирнаго трактата позоветъ, то въ такомъ случаѣ они перейти готовы, да и сверхъ того въ вѣрной службѣ и въ бытіи вѣчно въ подданствѣ присягою себя утвердили; за что онъ «и произвелъ имъ дачу денежную». Вполнѣ одобряя дѣйствія гр. Вейсбаха и соглашаясь съ проектомъ переѣзда запорожцевъ на новыя мѣста съ наступленіемъ весны въ видахъ удобства переѣзда при полой водѣ, а также и въ видахъ политическихъ, такъ какъ до весны «дѣла съ Портою откроются, и уже извѣстно будетъ, что отъ турковъ ожидать имѣемъ, а потому тогда и поступать возможно, правительство, въ своемъ указѣ отъ 12 октября, рекомендуетъ «во всемъ запорожцамъ надлежащее вспоможеніе учинить, яко-же и нынѣ; для утвержденія жъ ихъ въ вѣрности, сверхъ того, что уже отъ васъ (гр. Вейсбаха) дано, еще, по своему разсмотрѣнію, и другія дачи имъ производить можете, особливо Милашевичу и прочимъ старшинамъ, въ которыхъ наивящая сила состоитъ».

Ф. Матушевскій.

В. А. Богородицкій. Діалектологическія замѣтки. III. Говоръ села „Сушки", Золотоношскаго уѣзда, Полтавской губерніи. *(Казань, 1901 г.) Стр. 11. in 8°.*

Авторъ названной брошюры, профессоръ Казанскаго университета, принадлежитъ къ школѣ ученыхъ лингвистовъ, требующихъ чрезвычайно точнаго, тонкаго и всесторонняго наблюденія надъ антропофоническимъ (физіологическо-акустическимъ) характеромъ звуковаго состава и строя изучаемой рѣчи, и набросанная имъ вкратцѣ характеристика одного изъ говоровъ, принадлежащихъ «къ украинскому нарѣчію малорусскаго языка», представляетъ тотъ особый интересъ, что она, по словамъ автора, показываетъ, «какъ украинско-малорусская звуковая система была воспринята ухомъ великоросса въ данномъ говорѣ». Затѣмъ, какъ это, повидимому, ни странно, но намъ приходится также отмѣтить, что наблюденія проф. В. А. Богородицкаго надъ малоруской рѣчью имѣютъ еще и ту цѣну, что онѣ преслѣдуютъ исключительно научныя цѣли и совершенно чужды тѣхъ узко-тенденціозныхъ воззрѣній на все малорусское, которыя, къ сожалѣнію, нынѣ такъ часто встрѣчаются уже въ средѣ не однихъ только польскихъ да мадьярскихъ ученыхъ. [1]) Изъ наблюденныхъ нашимъ почтеннымъ авторомъ звуковыхъ особенностей говора с. Сушковъ, болѣе или менѣе общихъ всѣмъ восточнымъ говорамъ серединно-украинской рѣчи, обращаютъ на себя вниманіе, главнымъ образомъ, слѣдующія. Въ области ударяемыхъ гласныхъ отмѣчены явленія слѣдующаго рода. Въ гласномъ *ы* (*и*), соотвѣтствующемъ великорусскимъ

---

[1]) Подобными воззрѣніями отличаются у насъ, кромѣ филологовъ, также и спеціалисты по другимъ отраслямъ знанія. Недавно, напр., въ одной изъ большихъ Петербургскихъ газетъ напечатана характерная корреспонденція изъ Чернигова, въ которой авторъ, оффиціально занимающійся статистикой по Черниговской губерніи, смѣло заявляетъ, что онъ-де удивился, какъ черниговскіе хохлы будто-бы уже *„прекрасно* говорятъ по русски", и не нарадуется тому, что одинъ изъ такихъ хохловъ презрительно отозвался о своей родной рѣчи, сказавъ будто-бы, что „то наши дѣды говорили на порченномъ языкѣ (sic), мы же научились хорошо говорить". Здѣсь, кажется, достаточно ясенъ характеръ тѣхъ научныхъ и этическихъ критеріевъ, съ какими упомянутый корреспондентъ принялся опредѣлять явленія мѣстной народной жизни, и легко себѣ представить, какую научную цѣну могутъ имѣть его статистическія работы, касающіяся въ особенности данныхъ языковыхъ и этнографическихъ.

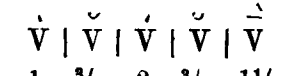
орѳографическимъ *и* и *ы*, автору «слышалось узкое и тонкое *ы* съ легкимъ отмѣнкомъ *э*“: ты́ᵊн, сыды́ᵊть и т. п.[1]) Затѣмъ, малорусскій гласный, соотвѣтствующій великорусскому орѳографическому *е* и относящійся, въ отличіе отъ великорусскаго, не къ ряду *і*, но къ ряду *ы*, по замѣчанію автора, «производитъ впечатлѣніе нѣсколько болѣе задняго сравнительно съ великорусскимъ *э*, представляя какъ бы параллель къ *ы*». Это *э* (*е*) у автора выражено буквой *ä*: ид*ä* (=ідé), сан*ä*й (=сане́й) и т. п. Наконецъ, съ гласнымъ *ы*ᵊ, по наблюденію автора, также „гармонируетъ гласный *а*, который по мѣсту артикуляціи является менѣе заднимъ по сравненію съ великорусскимъ, какъ бы относясь къ ряду *ы*ᵊ“). Сверхъ этого, авторъ замѣтилъ, что ударяемый гласный *о* въ говорѣ Сушковъ «имѣетъ открытое произношеніе, т. е. подобно другому среднему гласному *ä*» (=*э*). Въ заключеніе такого рода характеристики ударяемыхъ гласныхъ изслѣдованнаго авторомъ малорусскаго говора, онъ замѣчаетъ, что все это „достаточно обрисовываетъ отличіе вокальной системы великорусской отъ малорусской, а также показываетъ физіологическую цѣльность и такъ сказать внутреннюю связность и гармоничность послѣдней. Очевидно,—говоритъ далѣе авторъ,—что великороссу, который бы пожелалъ въ точности усвоить малорусское произношеніе, необходимы болѣе или менѣе продолжительныя упражненія, чтобы привыкнуть къ нѣсколько другой системѣ *артикуляціонныхъ укладовъ*“. Затѣмъ авторъ прибавляетъ еще, что на него „иногда ударяемые гласные изучаемаго говора производили впечатлѣніе большей длительности сравнительно съ общерусскимъ произношеніемъ, напр. чуж*ы*ᵊй“.

Неударяемый вокализмъ Сушковскаго говора, въ свою очередь по словамъ автора, „не представляетъ столь рѣзкихъ качественныхъ различій, какія наблюдаются въ южно-великорусскихъ говорахъ: въ изслѣдуемомъ говорѣ встрѣчаемъ лишь рядъ легкихъ различій по степени открытости, въ соединеніи съ нѣкоторыми различіями высоты и силы. Распредѣленіе такихъ различій по слогамъ или, иначе говоря, антропофоническое строеніе словъ въ малорусскомъ въ отношеніи неударяемыхъ слоговъ отличается отъ общерусской рѣчи“. По наблюденію автора, формула антропофоническаго строенія словъ въ изу-

---

[1]) Такое *ы* обозначено у автора сложнымъ знакомъ, котораго не приводимъ за неимѣніемъ въ типографіи подходящей буквы, а передаемъ его буквами *ы*ᵊ.

чаемомъ имъ говорѣ можетъ быть представлена слѣдующимъ образомъ, напр. для пятисложнаго слова *пожэни́лися*: [1])



Между тѣмъ какъ относительная сила слоговъ «общерусской» рѣчи вообще можетъ быть передана для пятисложнаго слова съ удареніемъ на среднемъ слогѣ рядомъ

1—2—3—1—1

Что касается качественныхъ нюансовъ неударяемыхъ гласныхъ, то они выступаютъ всего болѣе при гласныхъ *о* и *е* (*э*) и, по замѣчанію автора, оттѣнки этихъ гласныхъ «модифицируются еще вліяніемъ гармонической ассимиляціи, играющей существенную роль въ малорусскомъ неударяемомъ вокализмѣ». Такъ, авторъ находитъ, что, напр., въ словѣ *болóто* наиболѣе широкимъ или открытымъ является *ó* ударенный слога *ló*, затѣмъ слѣдуетъ послѣударенный конечный *о* въ слогѣ *то*, между тѣмъ какъ *о* предударнаго слога *бо* производитъ впечатлѣніе узкаго или закрытаго. Замѣтимъ при этомъ, что узкое предударное *о*, а также *ьо* (*ё*) изъ *е* во многихъ украинскихъ говорахъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ (особенно передъ небными слогами и слогами съ узкимъ гласнымъ) переходятъ даже въ *у* (и *ю*): пужáр, будя́к, мугыла, мурдувáты, нучувáты, гулýбка, зузýлька, кумý, чухрáты, чумý, шулудывый, юмý, юлумóк, Ювхым (Евфимій) и т. п. (вм. пожáр, боля́к, могы́ла, мордувáты—изъ мордовáты, ночувáты—изъ ночовáты, голýбка, зозýлька, комý, чомý, чохрáты, шолудывый, ёмý, ёломóк, Йовхым), въ чемъ нельзя не видѣть въ большинствѣ случаевъ дѣйствія регрессивной гармонической ассимиляціи. [2]) Но съ другой

---

[1]) Въ приводимой формулѣ V обозначаетъ гласный слогъ, ´ передаетъ главное удареніе, `—побочное удареніе, ◡ — краткость, ¯ — длительность гласнаго, ¦ — дѣленіе слова на слоги, *цифры*—относительную силу слоговъ.

[2]) Впрочемъ *у* изъ *о* возможно также и въ послѣударенныхъ слогахъ, при томъ не только при наличности узкаго ассимилирующаго гласнаго въ сосѣднихъ слогахъ: при бíлуму, у нáшуму, на сынюму и т. п. (вм. при бíлому, у нашому, на сынёму), но и при совершенномъ отсутствіи таковаго: зáлуб, пáрубок, мáчуха, кáчур и т. п. (вм. зáлоб, пáробок, мáчоха, кáчор.).

стороны, по наблюденію автора, подъ вліяніемъ того же фактора (гармоническаго уподобленія) предударное *о* часто представляетъ также меньшую закрытость, напр. въ случаѣ *лошà*. [1]) Къ этому можно прибавить случаи, когда въ украинскихъ говорахъ предударное *о* подъ дѣйствіемъ соотвѣтствующей ассимиляціи до такой степени расширяется, что переходитъ даже въ *а*: *багáтый*, *гарáзд*, *кажáн* или *хажáн*, *карáлі*, *ганчáр*, *халя́ва*, *паламáр*, *помагáты* и т. п. (вм. *богáгый*, *горáзд*, *кожáн*, *корáлі*, *горнчáр*, *холя́ва*, *пономáр*, *помогáты*).

Что касается характера украинскаго неударенаго *э* (*е*), то и въ немъ отмѣчены авторомъ оттѣнки открытости и закрытости, аналогичные съ оттѣнками *о*. Самый широкій или открытый *э* (*е*), изображаемый буквою *ä*, по справедливому замѣчанію автора, встрѣчается въ случаѣ ударенности его, особенно въ конечномъ открытомъ слогѣ *санäй*, *идä* и т. п. Неударенный же *э* (*е*) представляетъ слѣдующую за ударенным ступень открытости *послѣ ударенія* въ конечномъ открытомъ слогѣ: *кáжä* (кажэ), а засимъ—въ закрытомъ слогѣ: *будэш*. Хотя, на нашъ взглядъ, въ послѣднемъ случаѣ *э* (*е*) настолько уже узко или закрыто въ украинскихъ говорахъ, что часто имѣетъ оттѣнокъ *ы* (*и*) или *і* и даже переходитъ въ произношеніи въ эти звуки: *бýдыш*, *кáжыш*, а также *бігайíш*, *чытáйíш* и т. п. «Далѣе,—по словамъ автора,—идутъ слоги *передъ ударéніемъ*, гдѣ гласный принимаетъ уже нѣсколько узкій характеръ, напр. *ведä*. Но—добавляетъ онъ—въ этомъ случаѣ нужно обратить вниманіе на сильное вліяніе гармонической ассимиляціи къ слѣдующему слогу», въ силу которой, по наблюденію автора, въ говорѣ с. Сушковъ предударное *э* (*е*) бываетъ шире въ словахъ въ родѣ *пэчэ́*, *прожэнэ́*=*пäчä*, *прожäнä*, но у́же въ *лэжы́ть*, *пэсу́ть*, при чемъ могутъ даже смѣшиваться впечатлѣнія отъ *э* (*е*) и *ы* (*и*), какъ напр. *сыділы* и *сэділы*. Засимъ, по замѣчанію автора, бóльшей узкости гласнаго *э* (*е*) передъ ударéніемъ благопріятствуетъ закрытость слога, при чемъ однако дѣйствіе этого фактора соединено съ вліяніемъ гармонической ассимиляціи, отсюда, напр., *вэрствý*, но *дäржáв*. Намъ не приходилось наблюдать говора села Сушковъ и потому мы ничего не можемъ сказать о замѣченныхъ въ немъ авторомъ нюансахъ неударенаго *э*

[1]) Приведенный у автора примѣръ *вошá* (вошь), съ ударéніемъ на *а* представляетъ слишкомъ рѣдкую форму: обыкновенно въ этомъ словѣ ударéніе бываетъ на *о*: *вóша*.

(*е*). Но въ другихъ ближайшихъ къ нему украинскихъ говорахъ мы не замѣчали особенно сильнаго вліянія на то или иное произношеніе предударнаго *э* (*е*) какъ закрытости или открытости слога, такъ и гармонической ассимиляціи къ слѣдующимъ широкимъ или узкимъ слогамъ, а вообще предударное *э* (*е*) въ этихъ говорахъ при всякихъ условіяхъ имѣетъ болѣе или менѣе узкій характеръ, склоняющій его не къ *а*, а къ *ы* (*и*) въ разныхъ степеняхъ, такъ что можно даже часто послышать, напр.: пычэ́, прожынэ́, вырству́ и т. п., вм. пэчэ́, прожэнэ́, вэрству́, наравнѣ съ лыжы́ть, нысу́ть, дыржа́в и т. п., вм. лэжы́ть, нэсу́ть, дэржа́в. Что касается произношенія сыді́лы и сэді́лы, то надо замѣтить, что въ украинскихъ говорахъ вообще предударное *ы* (*и*), а также и послѣударенное, въ свою очередь, довольно часто склоняется въ произношеніи къ *э* (*е*): бэлы́на, бэндю́г, кэрны́ця и крэны́ця, лэлі́я, лэбо́нь, мэзы́нэць, мэна́ты, пэлы́нка, пэрі́г, Пэлы́п, рэжі́й, рэпі́ты, сэрівэ́ць, сэроты́на, Тэмко́ и Тэмы́ш, тэрлы́ч, цэбу́ля, чэря́к, шэпшы́на, а также вы́лэняты, вы́пэтаты и т. п., вм. и рядомъ съ былы́на, бындю́г, кырны́ця и крыны́ця, лылі́я, лыбо́нь, мызы́нэць, мына́ты, пылы́на, пырі́г, Пылы́п, рыжі́й, рыпі́ты, сырівэ́ць, сыроты́на, Тымко́ и Тымы́ш, тырлы́ч, цыбу́ля, чыря́к, шыпшы́на, вы́лыняты, вы́пытаты. Вообще можно сказать, что украинскіе (и вообще южнорусскіе) неударенные гласные *э* (*е*) и *ы* (*и*) въ нѣкоторыхъ случаяхъ произносятся почти одинаково, представляя звукъ средній между тѣмъ и другимъ гласнымъ.—«Въ тѣсной физіологической связи съ характеромъ вокальной системы въ малорусскомъ—по утвержденію автора—находится характеръ *системы согласныхъ*, а именно: каково различіе малорусскаго гласнаго ы^{э} отъ великорусскаго *ы*, таково же различіе и твердаго произношенія согласныхъ въ этихъ двухъ языкахъ». Если, напр., великорусское твердое *т* является съ вокальнымъ призвукомъ *ы* (*т*^{ы}), то соотвѣтствующее ему малорусское *т* будетъ съ призвукомъ *ы*$^{(и)}$ (*т*$^{ы(и)}$), то есть съ вокальнымъ элементомъ болѣе узкимъ и тонкимъ, чѣмъ великорусское *ы*. Поэтому

влр. *т* : млр. *т*=влр. *ы* : млр. *ы*^{и}.

„Такимъ образомъ—говоритъ далѣе авторъ—система *твердыхъ* малорусскихъ согласныхъ нѣсколько отлична отъ соотвѣтствующихъ великорусскихъ, являясь нѣсколько болѣе средне-язычною„. Изъ част-

ностей авторъ отмѣтилъ существованіе въ малорусскомъ яз. твердыхъ и мягкихъ *ж*, *ш* и *ц* [1]), въ отличіе должно быть отъ великорусскихъ *ж ш* и *ц*, въ подавляющемъ большинствѣ говоровъ имѣющихъ только болѣе или менѣе твердое произношеніе.—При этомъ нашъ почтенный изслѣдователь замѣчаетъ, что и «твердые *ш* и *ж* не совпадаютъ съ соотвѣтствующими твердыми великорусскими согласными, отличаясь отъ послѣднихъ" болѣе небнымъ характеромъ своего вокальнаго аккомпанимента, т. е. „они не столь тверды; напр. *ш*апка, м*о́ж*у". Къ сожалѣнію, однако, мы не знаемъ, какое отличіе нашелъ бы авторъ между великорусскими и малорусскимъ *ш* и *ж* въ случаяхъ сочетанія ихъ съ *и* а также съ *е*, когда и въ великорусскомъ языкѣ, какъ и въ малорусскомъ, эти согласные признаются въ произношеніи не мягкими, а твердыми [2]), напр. говорится какъ бы пи*ш*ы́ (вм. пи*ши*), но*ж*ы (вм. но*жи*), *ж*ыла (вм. жила), а также *ш*епта́ть (вм. *ш*епта́ть), м*о́ж*этъ (вм. м*о́ж*етъ) и т. п. Намъ кажется, что въ соотвѣтственныхъ случаяхъ малорусскіе *ш* и *ж* гораздо тверже великорусскихъ; ср., напр., малорусскіе пы*ш*ы́, *ж*ы́ла, *ш*епта́ты, м*о́ж*е и т. п. Кромѣ сказаннаго, почтеннымъ ученымъ нашимъ отмѣчена также общеизвѣстная характерная черта малорусскаго консонантизма, что звонкіе согласные сохраняютъ свою звонкость въ концѣ словъ и передъ глухими согласными: ра*д*, мэр*о́ж*ка и т. п. Изъ частностей охарактеризованъ между прочимъ малорусскій губной *е*, не переходящій въ *ф*, но въ *w* (ў). Въ случаяхъ, однако, какъ пропы́*в*, ж*о́в*тый, С*ав*ка—*ив*, *ов*, *ав* авторъ не считаетъ дифтонгами (т. е. *ыў*, *оў*, *аў*), по Voc.+Cons. По нашимъ наблюденіямъ, въ подобныхъ случаяхъ возможно двоякое произношеніе: и *ыв*, *ов*, *ав* и *ыў*, *оў*, *аў*.—

Въ заключеніе намъ остается пожелать, чтобы нашъ почтенный ученый не ограничился разсматриваемымъ этюдомъ, а продолжалъ и далѣе свои интересныя наблюденія и изслѣдованія въ области малорусской фонетики въ данномъ направленіи. Намъ кажется, что надлежащее изученіе антропофоники современной южнорусской рѣчи въ значительной степени поспособствовало бы уясненію многихъ доселѣ

---

[1]) Напр., въ случаяхъ, каковы *ж*ыты и *ж*і́нка, *ш*ыты и *ш*і́сть, *ц*ыбуля и *ц*і́лый и т. п.

[2]) См., напр., объ этомъ въ книгѣ нашего автора „Очерки по языкознанію и русскому языку". Казань 1901 г. стр. 87, 88.

непорѣшенныхъ вопросовъ ея исторической фонетики, въ родѣ, напр., вопроса о переходѣ, очевидно, издревле открытаго неудареннаго *е* въ *а* (*я*) въ началѣ словъ послѣ j, а также въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ срединѣ словъ въ слогѣ предъ удареніемъ и послѣ ударенія, напр.: *ялы́на* (ель), *Явдо́ха* (Евдокія), *Ярэ́ма* (Еремія) и т. п., а также *чабэ́р* (вм. чэбэ́р), *часны́к* (вм. чэсны́к или чосны́к), *щабэ́ль* (вм. щэбэ́ль) и т. п. и *хва́ляный* (вм. хва́лэный), *вэ́дяный* (вм. вэ́дэный), *нэ́сяный* (вм. нэ́сэный).[1]) и т. п.; затѣмъ вопроса о первоначальныхъ переходахъ во вторичныхъ закрытыхъ слогахъ удлинившихся и очевидно сузившихся при этомъ гласныхъ: долгаго *о* или *оо* въ дифтонги *уо*, *уэ*, *уы* и т. д.: *Боог*, *Буог*, *Буэг*, *Буыг*—*Богу* (рѣка *Бугъ*); долгаго *е*—*ьо* въ дифтонги *іе*—*іо*, *ьоо*, *юо*, *юе*, *юі* и т. д.: *ніес*, *ніос*, *ньоос*, *нюос*, *нюес*, *нюіс*—*нэ́сти*; долгаго *е*—*ѣ*[2] въ дифтонги *ее*, *іе* и т. д *шеесть*, *шіесть*—*шэсты́*; а также и многихъ другихъ подобнаго рода вопросовъ.

К. Михальчукъ.

3 Мая 1901 г.

Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Т.т. XXXIX, XL и XLI. *Львів, 1901, (I—III томи за 1901 рік).*

Первый изъ упомянутыхъ томовъ посвященъ памяти А. Конисскаго, послѣдняго изъ основателей Товариства ім. Шевченка, его почетнаго и дѣйствительнаго члена. Открывается онъ статьей М. Грушевскаго „*Памяти Олександра Кониського*“, авторъ которой ярко характеризуетъ значеніе покойнаго въ исторіи украинской культурной жизни, въ особенности—Галиціи, и въ то же время даетъ оцѣнку личныхъ качествъ его. Далѣе слѣдуютъ двѣ статьи покойнаго А. Конисскаго. Первая—„*Недруковані поезиї Т. Г. Шевченко*“: Подражаніе Іезекиілю (глава 19), „Возстань пророче, сыне Божий! „(помѣч. 6 дек. 1859), N.N. „О думы мои, о слава злая“ и часть поеми „Юродивий“,—послѣдняя написана собственноручно Шевченкомъ,—по пред-

---

[1]) Впрочемъ на появленіе въ послѣднихъ случаяхъ *я* вм. *е* вліяла несомнѣнно также и аналогія однородныхъ формъ, въ родѣ склад*а*ный, пыс*а*ный, чыт*а*ный и т. п.

положенію Конисскаго, въ Нижнемъ Новгородѣ. Что касается стихотворенія NN „О думы мои, о слава злая!“, то относительно принадлежности его Шевченку можно сомнѣваться,—хотя оно и стоитъ въ тетради между *несомнѣнными* произведеніями Шевченка...

Вторая статья—„*Варіянти на декотрі Шевченкові твори*“,—окончаніе статьи, подъ тѣмъ же заглавіемъ начатой въ XXXIII томѣ. Въ данномъ случаѣ сообщены разночтенія для 60-ти большихъ и меньшихъ произведеній Шевченка, представляющія цѣнный матеріалъ для будущаго критическаго изданія „Кобзаря“.

Въ томъ же томѣ помѣщена еще обширная статья Ол. Колессы „*Погляд на сучасний стан історичних розслідів українсько-руської літератури. Найдавнійший период. Кілька проблем і дезідератів*“, рефератъ, читанный въ литературной секціи съѣзда историковъ въ Краковѣ въ 1900 году.

Коснувшись по порядку всѣхъ произведеній древнерусской письменности съ XI—XIV ст., авторъ приходитъ къ тому выводу, что „литература оригинальна, изъ проблисками высокой поетычной творчости, изъ закраскою беллетристычною—была въ давнимъ периоди выключнымъ вытвромъ пивденноруськыхъ племенъ“,—другой литературы въ то время на Руси не было. Потому-то и „общность“ этой литературы на Руси заключалась въ томъ, что сѣверная Русь, не имѣя въ то время собственной литературы, переписывала и передѣлывала произведенія южно-русскія и вообще использовала ихъ настолько, насколько позволяли состояніе ея образованности и духовныя нужды отдѣльныхъ областей.

Въ томѣ XL помѣщены три статьи: небольшая статейка Доманицького „*Причинок до історії повстання Наливайка*“, содержащая вновь открытый документъ, свидѣтельствующій о близкихъ сношеніяхъ Наливайка съ Галицкимъ подчашимъ Тарановскимъ и отчасти объ отношеніи къ Калиновскому; статейка Юрія Кміты „*1848 рік і Львівська руська духовна семінария*“, составленная на основаніи корреспонденціи ректора и митрополичьей консисторіи по дѣлу о событіяхъ 1848 года и участіи въ нихъ, теоретически и практически, питомцевъ семинаріи,—между прочимъ и извѣстнаго Наумовича, и наконецъ обширное изслѣдованіе Івана Верхратскаго, „*Знадоби для пізнаня угорскоруских говорів: Говори з наголосом сталим* (говоръ западноугорскихъ Лемакивъ). Матеріалъ собранъ авторомъ въ 1897 и 1899 году въ 36 пунктахъ западной Угорщины и расположенъ имъ

въ статьѣ такъ, что даетъ возможность прослѣдить всѣ грамматическія особенности (въ данной части статьи). Статья г. Верхратскаго, какъ и предыдущія его статьи (въ Запискахъ же), представляютъ въ высшей степени цѣнный и интересный для лингвистовъ матеріалъ.

Въ послѣднемъ (XLI) томѣ помѣщено два солидныхъ изслѣдованія. Первое принадлежитъ М. Грушевскому и носитъ заглавіе „*Хронологія подій Галицько-волинської літописи.*" Авторъ задался благодарной цѣлью составить, на основаніи матеріала, собраннаго при изученіи Галицко-волынской лѣтописи, пособіе, облегчающее пользованіе упомянутой лѣтописью. Это пособіе онъ составилъ въ формѣ таблицъ съ комментаріями, въ которыхъ каждая дата обстоятельно обоснована. Собственно, въ началѣ приводятся выводы датъ, а затѣмъ таблица, какъ ихъ результатъ. Въ концѣ статьи приведена хронологическая таблица событій, отмѣчаемыхъ галицко-волынской лѣтописью. Конечно, при выводѣ датъ не всегда можно было прійти къ окончательному рѣшенію, поэтому авторъ ограничивается приблизительнымъ выводомъ, съ сомнѣніемъ до одного года. Различныя степени достовѣрности и несомнѣнности датъ обозначены на таблицѣ различнымъ шрифтомъ и знаками.

Несомнѣнно, данный трудъ почтеннаго автора станетъ незамѣнимымъ пособіемъ для всякаго, кто только будетъ обращаться къ пользованію Галицко-Волынской лѣтописью.

Второе изслѣдованіе, выдающееся въ научномъ отношеніи и принадлежащее д-ру Івану Франку,—носитъ заглавіе: «*Студиі на полі Карпато-руського письменства XVII—XVIII в. I. Піп Іван, Половець Іван Смера і відкритэ Тибету.* Авторъ, углубившись въ далекое прошлое, въ міръ классическій, и затѣмъ постепенно приближаясь къ нашему времени, массою указаній и ссылокъ на произведенія древнихъ, среднихъ и новыхъ временъ, ссылокъ, свидѣтельствующихъ о глубокихъ познаніяхъ почтеннаго автора въ этой области, довелъ преемственную нить литературныхъ наслѣдованій до XVIII в.—именно къ произведенію, открытому въ сѣверной Угорщинѣ въ 1899 г. подъ заглавіемъ: «**Ѡ Тибетѣ и҆лѝ ѡ̀ новоꙁнайденом свѣтѣ въ Аꙁїй, ꙁападнєй ѵасти свѣта**". Такъ какъ въ этомъ произведеніи, составленномъ туземцемъ—русиномъ, замѣтны книжныя вліянія, благодаря чему въ немъ фигурируетъ Попъ Иванъ (средневѣковый царь Индійскій), авторъ въ особености подробно останавливается на тѣхъ

литературныхъ произведеніяхъ, гдѣ упоминается объ этомъ Попѣ, и слѣдитъ за путями распространенія въ Европѣ этого мотива.

Изслѣдованія уважаемаго автора, по поводу малозначительнаго, повидимому, литературнаго памятника, открывающее читателю необычайно широкіе горизонты, заслуживаетъ особаго вниманія не только спеціалистовъ-историковъ литературы, но и всякаго, желающаго почерпнуть новыя интересныя свѣдѣнія въ области исторіи литературы.

Въ отдѣлѣ «Miscellanea» помѣщены 1) «Вірша еп. Й. Шумлянського про надіі 1683—1686 рр.» —по поводу побѣды Яна Собѣсскаго подъ Вѣной. Часть этой вирши помѣщена въ II. т. Величка (стр. 536); въ полномъ же видѣ она оказывается у Żegota Pauli, т. I, стр. 148—154. 2) «Сотворенне жінки» (пародія)—о созданіи «жинкы» изъ собачьяго хвоста. 3) „З минувшини м. Мостискѣ» —документъ короля Яна III—фундушъ на церковь въ Мостискахъ 4) „Нові причинки до історіі вірші на Вкраіні—двѣ пѣсни XVIII ст.: Розмова Мазура съ Русиномъ и Пѣснь о св. Михаилѣ"; 5) «Вірша про Каньовскаго», записанная въ Радзивилловѣ Ольгой Франко, приближается по темѣ къ разсказу А. Стороженка «Голка». 6) „Питомець-агітаторъ" —протоколъ, составленный въ 1849 г. по поводу обвиненія воспитанника Семинаріи Івана Липового въ томъ, что онъ агитировалъ среди крестьянъ за то, чтобы послѣдніе не отбывали барщины, т. к. она уже уничтожена. Судъ, въ виду недостаточности уликъ, оправдалъ Липоваго. Въ отдѣлѣ „Наукова Хроніка" по обыкновенію въ высшей степени богатый матеріалъ: обзоръ журналовъ, газетъ,—обзоръ западно-европейской литературы по культурной и политической исторіи, исторіи литературы и науки за 1899 г. (средніе и новые вѣка).

В. Д.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 6 и 7; 2) Русская Старина, № 6 и 7; 3) Историческій Вѣстникъ, № 6 и 7; 4) Вѣстникъ Всемірной Исторіи, № 6 и 7; 5) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 6; Вѣстникъ Европы, № 6; 7) Русская Мысль, № 6; 8) Научное Обозрѣніе, № 6; 9) Міръ Божій, № 6 и 7; 10) Кіевскія Университетскія Извѣстія,

№ 5; 11) Варшавскія Университетскія Извѣстія, № 3 и 4; 12) Труды Кіевской Духовной Академіи, № 5 и 6; 13) Этнографическое Обозрѣніе, № 2; 14) Книжки Восхода, № 5; 15) Ateneum, № 6; 16) Slovansky Přehled, № 9 и 10; 17) Przewodnik naukowy i literacki, № 6;

Русскій Архивъ, № 6 и 7.

Къ исторіи театра въ Юго-Зап. краѣ.

1) *Черниговскія афиши* 1828 г. (перепечатка изъ «Сѣверной Пчелы» 1828 г. афиши любительской русской труппы Клокоцкаго) № 6, стр. 244—245).

2) *Харьковскій театръ 20-хъ годовъ XIX ст.* (выписка изъ «Дамскаго журнала»). Описаніе тамошняго театра въ то время (№ 6, стр. 244—245).

С. Кедровъ. Древне-русскія братства. Литература предмета.—Идея братства.—Славано-германская братчина.—Вліяніе христіанства.—Западно-европейскія гильдіи.—Отличіе отъ нихъ русскихъ братствъ.—Древне-русскій приходъ.—Его вліяніе на воспитаніе личности.—Развитіе западно-русскихъ братствъ.—Ихъ устройство.—Средства религіозно-нравственнаго воспитанія.—Юношескія братства.—Живые примѣры вліянія братскихъ союзовъ.—(№ 7, стр. 305—336).

—

Русская Старина, № 6 и 7.

Въ № 6-мъ *А. Мёрдеръ* помѣстилъ двѣ маленькія замѣтки. Одна изъ нихъ сообщаетъ фактъ о томъ, какъ въ 1864 году генералъ-губернаторъ юго-западнаго края сдѣлалъ распоряженіе, чтобы мировые посредники, подъ опасеніемъ удаленія со службы, не являлись къ исполненію обязанностей въ неприсвоенной званію одеждѣ, которая, какъ стало ему извѣстно, состояла изъ красной рубахи, широкихъ шароваръ, длинныхъ сапогъ, а сверхъ рубахи что-то въ родѣ армяка или малороссійской свитки. Объ образѣ мыслей и направленіи подобныхъ чиновниковъ приказано было собирать негласно свѣдѣнія. Другая замѣтка относится къ 1843 году, когда въ Чигиринскомъ уѣздѣ благочинный доносилъ митрополиту о томъ, что въ м. Медвѣдовкѣ, вопреки распоряженію начальства, продолжаетъ существовать «жидовское кладбище между домами жителей христіанъ», и что «тамошніе евреи продолжаютъ на означенномъ кладбищѣ возобновлять гробы, ставить новые кумиры и отправлять предъ ними свои молитвы» (стр. 496).

Въ этой же книжкѣ напечатано высочайшее повелѣніе 1817 года о томъ, что въ виду тягостнаго положенія малороссійскихъ козаковъ, поселенныхъ на границѣ Донского войска съ Кавказской губерніей, позволяется изъ всѣхъ станицъ войска донского отдѣлить 300 семействъ и приселить ихъ къ малороссійскимъ козакамъ, чтобы они могли совмѣстно отправлять повинности (стр. 641).

А. Мердеръ. Къ заботамъ администраціи Юго-Западнаго края о помѣщичьихъ крестьянахъ. (№ 7, стр. 110).

О взысканіи съ помѣщиковъ за наказанія крестьянъ—приказъ генер.-губернатора губернаторамъ 16 ноября 1846 г.

Изъ архива И. Е. Великопольскаго. Письмо 19. *К. Л. Лохвицкій—А. Х. Чеботареву* (19 янв. 1830 г. Кіевъ).

Біографическія данныя о диллетантѣ—археологѣ Лохвицкомъ, открывшемъ въ 1824 г. въ Кіевѣ Золотыя ворота, остатки Десятинной церкви и проч. (№ 7, стр. 175—178).

—

Историческій Вѣстникъ, № 6 и 7.

Въ отдѣлѣ «Смѣсь» дается коротенькое сообщеніе о диспутѣ Д. И. Эварницкаго въ Казанскомъ университетѣ, въ который имъ была представлена диссертація на степень магистра русской исторіи подъ заглавіемъ „Исторія запорожскихъ козаковъ. Т. 1-й, 2-е изд. М. 1900". Въ сообщеніи этомъ указана кратко сущность возраженій, сдѣланныхъ оппонентами (№ 6, стр. 1212).

К. Кодинецъ. Одна изъ кавказскихъ драмъ (№ 7 стр. 76—103). Разсказывается о драмѣ въ семьѣ бывшаго запорожца Хоменка, павшаго въ первой половинѣ XIX ст. въ борьбѣ съ черкесами.

И. Павловскій. Историческая могила (№ 7 стр. 267—269). Описаніе могилы—кургана, съ крестомъ на ней, близъ с. Пришиба, Полтавской губ., въ которой, будто бы, похоронены воины, павшіе 30 іюня 1709 г. Крестъ сооруженъ крестьянами с. Келеберды.

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» (стр. 314—316) данъ отзывъ о книгѣ проф. П. Жуковича «Сеймовая борьба православнаго западно-русскаго дворянства съ церковной уніей (до 1609 года) Спб. 1901».

Въ отдѣлѣ «Некрологи» (№ 7, стр. 377) помѣщенъ некрологъ Л. Н. Омелянскаго, педагога и писателя, уроженца Волынской и воспитанника Кіевской губерніи.

—

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 6.

Въ отдѣлѣ «Критика и Библіографія» помѣщенъ отзывъ *А. Соболевскаго* о книгѣ *В. Перетца* «Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Т. I й въ 2-хъ частяхъ». СПБ. 1900 г., въ которой очень много мѣста удѣлено малорусской виршевой и народной поэзіи (стр. 517—524).

—

Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 5.

М. Б. Довнарь-Запольскій. Государственное хозяйство Литовской Руси при Ягеллонахъ (продолженіе: стр. 367—411). Въ настоящей, 4-ой, главѣ разсматривается рядъ явленій финансовой исторіи Литовско-Русскаго государства, при чемъ на первой очереди стоитъ вопросъ о *косвенныхъ налогахъ*, которые къ половинѣ 16 вѣка стали усиленно повышаться. Опредѣливъ вначалѣ общую тенденцію въ этомъ отношеніи, авторъ затѣмъ разсматриваетъ данныя о внутреннихъ таможенныхъ и торговыхъ пошлинахъ.

—

Труды Кіевской Духовной Академіи, № 5 и 6

А. Бѣлгородскій. Кіевскій митрополитъ Іероѳей Малицкій (1796—1799). (Продолженіе) (№ 6, стр. 211—243). Въ настоящей 4-ой, главѣ идетъ рѣчь о томъ, какъ съ воцареніемъ Павла Петровича усилилась пропаганда уніатскаго и католическаго вѣроученія, а въ связи съ этимъ начались притѣсненія православнаго духовенства со стороны польскихъ помѣщиковъ въ южной и западной Руси. Указано также, какія мѣры принималъ митр. Іероѳей противъ этихъ притѣсненій.

—

Этнографическое Обозрѣніе, № 2.

Русскіе буры (стр. 165). Перепечатка изъ «L'indépendance belge» за 1901 г. о русскихъ бурахъ въ Ковельскомъ уѣздѣ, Волынск. губ. и пограничномъ съ нимъ Брестъ-Литовскомъ, Гродненской губ.

—

Книжки Восхода № 5 и 6.

И. Бродовскій «Еврейская нищета въ Одессѣ». (№ 5-й, стр. 42—70; № 6-й, стр. 73—94). Въ этой интересной статьѣ авторъ знакомитъ насъ съ бѣдственнымъ положеніемъ неимущаго еврейскаго

населенія въ Одессѣ, котораго насчитывается до 50 тысячъ (изъ 150 тысячъ всѣхъ евреевъ, живущихъ въ этомъ городѣ). Матеріалы для статьи заимствованы изъ данныхъ, имѣющихся въ коммиссіи по раздачѣ пособій бѣднымъ евреямъ въ Одессѣ. Коммиссія эта состоитъ изъ нѣсколькихъ почетныхъ еврейскихъ гражданъ, избираемыхъ городскимъ общественнымъ управленіемъ, и 20 лицъ привлекаемыхъ коммисіей въ качествѣ сборщиковъ пожертвованій, а также изъ нѣсколькихъ десятковъ еврейской учащейся молодежи, являющихся сотрудниками по сбору пожертвованій и раздачѣ пособій бѣднякамъ. Осмотръ помѣщеній и регистрированіе нищеты этой коммиссіей и составили матеріалъ для данной статьи г. Бродовскаго.

—

Ateneum, № 6.

Въ этой, не въ примѣръ прочимъ, очень объемистой книжкѣ Ateneum'a, заканчивающаго свое служеніе литературѣ, помѣщена статья *А. Брикнера* «Z dziejów literatury i oswiaty w Rossyi» (стр. 911—951). Статья написана по поводу извѣстнаго труда А. Пыпина «Исторія Русской литературы, въ 4-хъ томахъ». Давши въ началѣ хвалебную характеристику всѣхъ трудовъ и личности нашего почтеннаго ученаго, авторъ статьи дѣлаетъ послѣдовательный обзоръ всего характернаго въ жизни и литературѣ русскаго народа, начиная отъ древнѣйшихъ временъ, при чемъ останавливается, конечно, и на фактахъ культурной жизни Южной Руси.

—

Slovanský Přehled, № 9 и 10.

Сообщеніе о юбилеѣ А. М. Кулишъ (№ 9, стр. 442).

Въ отдѣлѣ «Umění věda» (№ 10) (стр. 503) данъ отзывъ объ изданіи «Гуцульщина. Написав проф. Володимир Шукевич. Перший том, Львів, 1900».

—

Przewodnik naukowy i literacki, № 6.

Dionisy Zalesky. Korespondencya Bohdana Zaleskiego (стр. 466—467). Въ письмѣ отъ 19 февр. 1859 г. Францишку Духинскому упоминается о встрѣчѣ 25 лѣтъ тому назадъ, Залескаго, Мицкевича и Гоголя. Разсуждали о финскомъ элементѣ въ этнографическомъ типѣ великоросса. Гоголь по этому поводу написалъ и прочелъ имъ статью, въ которой, путемъ сопоставленія пѣсенъ чешскихъ, серб-

скихъ, украинскихъ съ великорусскими, доказывалъ бьющую въ глаза разницу духа, обычаевъ и характера великороссовъ и другихъ вѣтвей славянскаго племени.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ „Русскомъ Богатствѣ“ помѣщена статья г-жи Русовой по вопросу о народномъ языкѣ въ школѣ.

Заимствуемъ эту статью въ извлеченіи изъ „С.-Пет. Вѣд.“: Многія земскія работы, монографіи и доклады давно указывали на печальныя недоразумѣнія, возникающія постоянно въ народныхъ школахъ Малороссіи отъ непониманія первыхъ словъ въ первой книжкѣ для чтенія. Такъ, учителя Полтавской губерніи прямо заявляютъ о трудности усвоенія для учащихся малороссовъ литературнаго русскаго языка; даже для окончившихъ совершенно недоступно чтеніе великорусскихъ писателей. Тоже самое говорятъ учителя Черниговской губерніи. Въ разное время южно-русскія земства возбуждали ходатайства о допущеніи въ мѣстную народную школу мѣстнаго народнаго языка и учебниковъ, лучше приноровленныхъ къ мѣстной жизни и обстановкѣ. Объ этомъ послѣднемъ (т. е. объ учебникахъ) постановило ходатайствовать полтавское губернское земское собраніе послѣдней сессіи, въ декабрѣ 1900 г. Тогда же выступило и черниговское губернское земское собраніе съ докладомъ гл. Шрага о народномъ языкѣ для первоначальнаго преподаванія; докладъ этотъ выражаетъ не единоличное мнѣніе одного гласнаго; онъ повторяетъ заключенія школьной комиссіи, работавшей надъ этимъ же вопросомъ при черниговскомъ губернскомъ земствѣ еще въ 1881 г.; эти заключенія, указывая многія слабыя стороны тогдашней школы, развиваютъ именно ту совершенно правильную мысль, что для пользы народнаго просвѣщенія необходимо, чтобы „при организаціи школъ были приняты во вниманіе какъ этнографическія особенности населенія, при рѣшеніи вопроса, на какомъ языкѣ должно вестись преподаваніе, такъ и особенности мѣстнаго быта и природы, при составленіи матеріала для учебныхъ книгъ“; при этомъ комиссія высказалась, что обученіе на такомъ языкѣ, „который не

употребляется въ семьѣ учащихся и не всегда въ подробностяхъ имъ понятенъ, приводитъ къ затрудненіямъ чисто учебнаго свойства, устанавливаетъ извѣстный разладъ между семьей и школой и увеличиваетъ въ мѣстности тотъ вредъ полуобразованія, который отражается на всякомъ, кто, принявъ чуждыя семьѣ и обыкновенной обстановкѣ формы, не наполнитъ ихъ новымъ содержаніемъ. Устранить этотъ недостатокъ можно только тѣмъ, по мнѣнію комиссіи, чтобы поставить литературный языкъ не какъ средство, а какъ цѣль элементарнаго образованія, такимъ образомъ, чтобы ученики, начиная обученіе на понятномъ во всѣхъ оттѣнкахъ языкѣ, постепенно и сознательно доводились до разумнаго знанія языка литературы и государства". Гл. Шрагъ сводитъ свои пожеланія къ тремъ пунктамъ: 1) ходатайствовать о допущеніи мѣстнаго народнаго языка въ школьное преподаваніе Черниговской губ.; 2) о разрѣшеніи изданія учебниковъ и книгъ на народномъ языкѣ и 3) о допущеніи такихъ книгъ въ школьныя библіотеки. Собраніе большинствомъ голосовъ постановило представить таковое ходатайство въ установленномъ порядкѣ.

Цитируя эту статью „С.-Пет. Вѣд." говорятъ: Дѣйствительно, глубоко страннымъ представляется положеніе дѣла, при которомъ къ малороссамъ не допускается даже Евангеліе на ихъ родномъ языкѣ, не допускаются популярныя брошюры по сельскому хозяйству, медицинѣ, ветеринаріи, чѣмъ населеніе лишается могучаго средства — науки для поднятія своего съ каждымъ годомъ падающаго благосостоянія. По этой же причинѣ изданія харьковскаго издательскаго комитета почти не распространяются въ сосѣднихъ малорусскихъ губерніяхъ, а идутъ въ Москву, Петербургъ, Саратовъ и другія отдаленныя мѣстности.

—

Въ № 157 „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей" помѣщена обширная статья г. Воскресенскаго, посвященная разбору пьесы И. К. Карпенка-Карого „Сава Чалый". По мнѣнію автора, трагедія эта „отличается такимъ богатствомъ содержанія, глубиною и общечеловѣчностью его, что становится общимъ достояніемъ всеевропейской литературы, можетъ быть съ успѣхомъ переводима на всѣ языки, равно понятна для всѣхъ національностей, а потому и подлежитъ сужденію съ обще-литературной точки зрѣнія".

—

Въ № 10 журнала для дѣтей «Юный читатель» помѣщена статья Э. Пименовой «Малороссія и Малороссы» (Очерки роднаго края), въ которой сообщаются юнымъ читателямъ самыя общія, и нерѣдко наивныя, свѣдѣнія о Малороссіи и ея представителяхъ въ настоящемъ и прошедшемъ. Здѣсь встрѣчаются строки, изображающія малоросса поэтическимъ народомъ, который «любитъ полежать на зеленой травѣ, подъ вишневымъ или грушевымъ деревомъ, и слѣдить задумчивыми взорами за тѣмъ, какъ вздымается тоненькая струйка дыма изъ трубы его хатки и теряется въ прозрачномъ воздухѣ, или какъ плывутъ бѣлыя облачка по синему небу». Можно узнать, что малороссъ лѣнивъ, да и не удивительно: «ибо все ему достается безъ особаго труда» (!); «онъ живетъ и теперь большею частію такъ, какъ жили его прадѣды; потребности его не велики и хозяйство свое онъ ведетъ такимъ же *первобытнымъ* путемъ, какъ вели его праотцы»... Самое населеніе Украйны въ прошлыя времена, «состояло большею частью изъ безпокойныхъ бѣглыхъ людей, спасавшихся въ степяхъ Украйны отъ гнета и преслѣдованія» (откуда?). Затѣмъ говорится о Сѣчи, гдѣ также собирались бѣглые и недовольные люди... «Огромные огороды, которые въ Малороссіи называются «баштанами», засаживаются превосходными дынями и арбузами»... Къ статьѣ приложено нѣсколько портретовъ: „Малороссіянка“ (дивчина), „Малороссъ“ (фигура Московскаго купца въ кафтанѣ, съ длинной волнистой бородой и трубкой съ невѣроятно длиннымъ чубукомъ), «Слѣпой Кобзарь» (съ картины Андріолли), Кобзарь передъ малороссійской хатой,— и наконецъ «Чумакъ на привалѣ» —что-то слишкомъ сентиментально-идиллическое, но никакъ не рисунокъ, похожій на дѣйствительность; вмѣсто чумацкаго воза, корыто на четырехъ колесахъ.

—

Въ № 9093 газ. «Новое Время» помѣщена корреспонденція нѣкоего А. Алексѣева „Варшава—Кіевъ“. Изобличивъ какъ въ томъ, такъ и другомъ городахъ еврейско-польскую интригу, авторъ переходитъ затѣмъ и къ «украинофильству»: «успѣшности иноплеменнаго натиска на Юго-Западный край, эту колыбель русской земли, и въ частности на Кіевъ съ его лаврой, Аскольдовой могилой, гробницами древне-русскихъ князей, много помогаетъ расколъ среди русскихъ, вызываемый увлеченіемъ многихъ кіевлянъ украинофильскими мечтаніями. «Батько Шевченко» не долюбливалъ «жида» и „ляха“, но ны-

нѣшніе украинофилы, главнымъ центромъ которыхъ является львовское „товарищество“ имени Шевченка, выставивъ его имя на своемъ знамени, соединились съ «жидомъ» и съ «ляхомъ» противъ «москаля». Во многихъ кіевскихъ интеллигентныхъ семействахъ теперь вошло въ моду говорить по-малорусски. А народъ? Я прислушивался къ народной рѣчи въ Кіевѣ. Бабы изъ деревень, правда, говорятъ преимущественно по-малорусски, но мужчины почти исключительно на общерусскомъ языкѣ, часто совсѣмъ безъ примѣси малорусскихъ словъ».

Всякія бываютъ корреспонденціи!

—

Въ №№ 159—162 „Gazeta Lwowska“ помѣщена статья Мих. Ролле „Pośmiertne peregrynacye pani Wojewodziny Kijowskiej“. На основаніи монастырскихъ документовъ Кристинополя, Тульчина и др. монастырей авторъ сообщаетъ интересный разсказъ о явленіяхъ души Анны Потоцкой, второй жены Францишка Салезія Потоцкаго, воеводы Кіевскаго (матери Станислава Щенснаго—Потоцкаго).

—

Въ № 196 газ. „Kurjer Lwowska“ помѣщена статья подъ заглавіемъ „Русинскій университетъ во Львовѣ“, авторъ которой вполнѣ сочувствуетъ идеѣ основанія во Львовѣ отдѣльнаго университета для русиновъ. „Русинскій университетъ во Львовѣ не грозитъ нашему (польскому) національному развитію, польской культурѣ... Въ интересахъ культурнаго развитія не только русиновъ, но и поляковъ, мы желаемъ русинскихъ культурныхъ институцій рядомъ съ таковыми же польскими“.

—

Въ № 170 и 172 «Харьковск. Губернскихъ Вѣдомостей» помѣщенъ разборъ пьесъ П. К. Тобилевича (Карпенка-Карого): «Хазяинъ» и „Мартынъ Боруля“.

—

Въ газ. «Югъ» (№ 955) помѣщенъ коротенькій отзывъ о двухъ брошюркахъ, изданныхъ „Петербургск. благотворит. обществ. изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ для народа“—*О. Коныськый* «Оповидання про Тараса Шевченка» и *Сергій Ваганов* «Розмова про сухоты на рогатій худоби». Похваливъ обѣ эти брошюры, рецензентъ останавливается далѣе на характеристикѣ дѣятельности названнаго общества.

—

Въ галицк. газетѣ «Дѣло» (№ 128 и 129) помѣщена маленькая статейка съ историческими справками о селѣ Наквашѣ, находящемся вблизи русско-австрійской границы. Преданія объ этомъ селѣ восходятъ чуть-ли не ко времени Владиміра Святого.

—

Въ «Полтав. Губерн. Вѣдом.» (№ 141) помѣщена большая замѣтка Л. Падалки подъ заглавіемъ «Древній городокъ близъ м. Старыхъ-Сенжаръ, Полтав. уѣзда». Подробно описана авторомъ вся эта мѣстность, называемая народомъ „Левадки", и самый «городокъ».

Археологическая лѣтопись.

Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

Отъ предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ. Успѣхъ предстоящаго археологическаго съѣзда въ Харьковѣ въ значительной степени обусловливается живымъ и дѣятельнымъ сочувствіемъ къ нему населенія Харьковской губерніи, ибо нѣтъ такого уголка въ нашемъ краѣ, гдѣ бы не оказалось предметовъ, входящихъ въ обширную программу съѣзда. Въ самомъ дѣлѣ: нѣтъ такого селенія, гдѣ бы не нашлось кургановъ, или памятниковъ церковной старины, или, наконецъ, предметовъ этнографическихъ, т. е. современнаго народнаго быта; разсѣяны также во многихъ мѣстахъ городища и городки, земляные валы и укрѣпленія; попадаются монетные клады и стоянки каменнаго вѣка—послѣднія на сыпучихъ пескахъ или по мѣстному кучугурахъ, откуда вѣтеръ выдуваетъ кремневыя стрѣлки, черепки глиняной посуды и т. п.; у многихъ хранятся случайно добытые предметы старины — древнія орудія, портреты, письменные документы, старопечатныя книги, списки литературныхъ произведеній, монеты, костюмы, утварь, украшенія. Предварительный комитетъ разослалъ свои вопросные пункты всѣмъ сельскимъ священникамъ, народнымъ учителямъ, отчасти волостнымъ правленіямъ, но получилъ отвѣты далеко не отъ всѣхъ. Желательно, чтобы присылка этихъ отвѣтовъ была по возможности ускорена. Но, кромѣ сельскихъ священниковъ и народныхъ учителей, остается

еще масса лицъ, которыя могутъ принести пользу будущему съѣзду своимъ содѣйствіемъ предварительному комитету. Содѣйствіе это можетъ быть самое разнообразное, и о немъ легко составить себѣ надлежащее понятіе, познакомившись съ программами комитета. Программы эти будутъ безплатно высланы всѣмъ, изъявившимъ желаніе ихъ получить и приславшимъ свои адресы. Приведемъ для примѣра нѣсколько такихъ пожеланій.

1) Настоящимъ лѣтомъ комитетъ организовалъ нѣсколько экскурсій для раскопокъ: Д. И. Багалѣй, А. М. Покровскій и Е. П. Трефильевъ производили раскопку могильныхъ камеръ у сел. Верхняго Салтова, Волчанскаго уѣзда, Харьковской губерніи и открыли любопытный погребальный ритуалъ въ пещерахъ безъ кургановъ и много бронзовыхъ и желѣзныхъ предметовъ при похороненныхъ тамъ костякахъ; раскопки будетъ продолжать А. М. Покровскій при содѣйствіи и на средства одной мѣстной землевладѣлицы. В. А. Городцовъ командированъ въ Изюмскій уѣздъ и изслѣдуетъ все теченіе Донца въ предѣлахъ этого уѣзда. Онъ уже раскопалъ нѣсколько кургановъ подлѣ Славянска, открылъ курганы погребенія кочевниковъ и отправилъ въ Харьковъ цѣлый ладьеобразный гробъ съ погребеннымъ въ немъ воиномъ; онъ будетъ въ теченіе всего лѣта раскапывать группы кургановъ, курганы съ каменными бабами, отдѣльныя могилы, также изслѣдовать стоянки каменнаго вѣка. А. М. Покровскій, по окончаніи Верхне-Салтовскихъ раскопокъ, будетъ производить раскопки далѣе на сѣверъ по Донцу въ Зміевскомъ уѣздѣ (въ томъ числѣ и кургановъ съ каменными бабами), а Е. П. Трефильевъ будетъ дѣлать тоже самое въ предѣлахъ Купянскаго уѣзда. Такъ какъ настоящее лѣто имѣетъ рѣшающее значеніе для раскопокъ (въ слѣдующее уже состоится съѣздъ), то желательно было бы, чтобы теперь же комитету сдѣланы были указанія о мѣстахъ, гдѣ интересно произвести раскопки, въ особенности по отношенію къ тѣмъ районамъ, куда направляются экскурсанты по указанію комитета; послѣдній, съ своей стороны, можетъ также командировать своихъ членовъ для производства раскопокъ на счетъ тѣхъ лицъ, которыя этого пожелаютъ. (Комитетъ получилъ отъ Император-

ской археологической коммиссіи право производить раскопки на земляхъ казенныхъ и общественныхъ).

2) Такъ какъ съ осени придется уже приступить къ организаціи выставокъ при съѣздѣ по древностямъ первобытнымъ, историческимъ, церковнымъ, этнографическимъ, памятникамъ письменности и старопечатнымъ книгамъ, то комитетъ покорнѣйше проситъ всѣхъ лицъ, имѣющихъ подобные предметы, высылать ихъ теперь же казенными посылками черезъ волостныя и полицейскія управленія и земскихъ начальниковъ и исправниковъ въ Харьковъ, въ университетъ, въ предварительный комитетъ по устройству XII археологическаго съѣзда. Просятъ не стѣсняться присылкой и единичныхъ экземпляровъ, но только сопровождать ихъ объясненіями о мѣстѣ и обстоятельствахъ находки. Комитету могутъ быть дѣлаемы и предложенія о покупкѣ отдѣльныхъ предметовъ и цѣлыхъ коллекцій. Всякая пожертвованная вещь будетъ принята съ благодарностью и поступитъ на вѣчныя времена, смотря по ея характеру, или въ университетскій музей, или въ нумизматическій кабинетъ, или въ историческій архивъ, или въ мѣстный этнографическій музей (при университетѣ).

3) Въ Харьковской губерніи имѣется теперь еще нѣсколько десятковъ каменныхъ бабъ. Между тѣмъ, прежде было ихъ значительно больше. Изъ этого видно, что эти важные памятники старины погибаютъ. Въ виду этого, необходимо было бы свезти ихъ въ центральный пунктъ губерніи—г. Харьковъ и тамъ сохранить на вѣчныя времена. Поэтому комитетъ покорнѣйше проситъ частныхъ лицъ, владѣющихъ этими памятниками, пожертвовать ихъ предварительному комитету, который расходы по доставкѣ ихъ въ Харьковъ, послѣ предварительныхъ сношеній, возьметъ на себя.

4) Особое мѣсто на выставкѣ займутъ предметы этнографическіе. Здѣсь содѣйствіе общества еще болѣе необходимо. Средства, которыми располагаетъ комитетъ на пріобрѣтеніе этнографическихъ коллекцій, весьма скудны, и ограничиться предметами, которые могутъ быть пріобрѣтены на нихъ, невозможно. Да и самый розыскъ болѣе интересныхъ предметовъ безъ указаній мѣстныхъ жителей затруднителенъ. Поэтому комитетъ, во 1-хъ, проситъ оказать всяческое содѣйствіе отправ-

леннымъ имъ экскурсантамъ: проф. А. Н. Краснову (въ Харьковскій уѣздъ), проф. Н. Ѳ. Сумцову (въ Ахтырскій уѣздъ), пр.-доц. А. М. Покровскому (въ Волчанскій и Зміевскій уѣзды) и Б. С. Познанскому (въ Старобѣльскій уѣздъ). Во 2-хъ, присылать всѣ предметы современнаго крестьянскаго быта и обстановки, въ особенности вышедшіе или выходящіе нынѣ изъ моды и употребленія, на выставку при съѣздѣ. Въ 3-хъ, наконецъ, помочь комитету присылкою рисунковъ и фотографій—видовъ селъ, деревень, поселковъ, хуторовъ, слободъ, церквей, отдѣльныхъ хатъ, куреней, кузницъ, землянокъ, частей дома, дворовъ, рѣзьбы на деревѣ, садковъ, пасѣкъ, ярмарокъ, свадебъ, мельницъ водяныхъ и вѣтряныхъ, костюмовъ, мужского и женскаго, головныхъ уборовъ, вышивокъ, писанокъ, караваевъ, украшеній, земледѣльческихъ орудій, земледѣльческихъ работъ въ ихъ послѣдовательномъ ходѣ, сельскихъ ремеслъ; наконецъ, всевозможныхъ типовъ мѣстныхъ жителей, словомъ, всего того, что характеризуетъ народный бытъ.

Предсѣдатель предварительнаго комитета профессоръ *Дм. Багалѣй.*

Ученыя общества.

Послѣднее засѣданіе *Общества любителей изученія Кубанской области,* состоявшееся въ присутствіи Почетнаго Президента общества Начальника Кубанской области и Наказного Атамана генералъ-лейтенанта Я. Д. Маламы, внѣ всякаго сомнѣнія принадлежитъ къ числу наиболѣе замѣчательныхъ по тому живому интересу, который возбудилъ докладъ предсѣдателя общества В. М. Сысоева, подъ заглавіемъ: „Рѣка Кубань“. Докладъ и послѣдовавшій за нимъ обмѣнъ мыслей, по его поводу, имѣли своимъ послѣдствіемъ сдѣланное, по предложенію В. В. Скидана, постановленіе—образовать при обществѣ изъ числа желающихъ членовъ особую секцію, которая занялась бы спеціальнымъ изученіемъ рѣки Кубани во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, начиная отъ физико-географическихъ и кончая соціально-экономическими.

Послѣ перерыва предсѣдатель общества В. М. Сысоевъ доложилъ собранію отчетъ о дѣятельности Кубанскаго отдѣленія предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ. Изъ этого отчета, между прочимъ, видно, что въ теченіе минувшаго 1900 года членами общества частью исполнено, частью начато 9 работъ, а именно:

1) *Е. Д. Фелицынъ* закончилъ археологичечкую карту Кубанской области.

2) *П. П. Короленко* закончилъ историческій очеркъ происхожденія церковныхъ запорожскихъ древностей, находящихся въ предѣлахъ Кубанской области.

3) *П. П. Короленко* и *В. М. Сысоевъ* подготовляютъ подробную опись церковнымъ запорожскимъ древностямъ, находящимся въ екатеринодарскомъ войсковомъ соборѣ и Екатерино-Лебяжской пустыни, а С. И. Борчевскій будетъ снимать фотографіи съ наиболѣе замѣчательныхъ изъ этихъ древностей.

4) *В. М. Сысоевъ* изготовилъ первую часть подробнаго описанія „Археологическія достопримѣчательности Кубанской области и Черноморской губерніи“ (о дольменахъ).

5) *В. М. Сысоевъ* изготовилъ первую часть своей работы „Сводъ историческихъ данныхъ о Тмутараканскомъ княжествѣ“.

6) *П. П. Короленко* обрабатываетъ данныя объ архивахъ Кубанской области.

7) Программы Харьковскаго подготовительнаго комитета были отпечатаны въ „Куб. Обл. Вѣд.“

8) *Н. М. Могилевцевъ* обрабатываетъ свой трудъ „Описаніе войсковыхъ регалій Кубанскаго казачьяго войска“.

9) *А. И. Дьячковъ-Тарасовъ* — Сентинскій храмъ и его фрески.

Въ текущемъ году членами общества В. М. Сысоевымъ, С. И. Борчевскимъ, Е. Д. Фелицынымъ, В. М. Шамраемъ, М. О. Поночевнымъ, С. Ѳ. Мельниковымъ-Разведенковымъ и др. предположено выполнить еще 14 работъ какъ кабинетнаго, такъ и практическаго характера; къ числу послѣднихъ относятся:

1) Составленіе альбома козачьихъ типовъ, построекъ и т. п.

2) Обслѣдованіе наиболѣе замѣчательныхъ церквей области, въ которыхъ могутъ еще быть запорожскія древности.

3) Собраніе старинныхъ картъ Кубанской области.

4) Устройство подготовительной археолого-этнографической выставки.

5) Пространство раскопокъ кургановъ и изслѣдованіе дольменовъ въ разныхъ мѣстностяхъ области и др.

Въ закрытомъ засѣданіи послѣ выборовъ новыхъ членовъ (проф. Д. И. Эварницкаго, И. З. Садило, Н. М. Могилевцева, М. Я. Скворцова, М. Г. Косовича) предсѣдатель общества В. М. Сысоевъ доложилъ о состоявшемся ассигнованіи областнымъ правленіемъ субсидіи обществу въ количествѣ 500 р. на предметъ организаціи участія общества въ археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ. Собраніе, по предложенію предсѣдателя, постановило изъ этихъ денегъ 400 р. ассигновать на расходы по изслѣдованію области въ такихъ отношеніяхъ, какія предположено представить на съѣздѣ (изготовленіе фотографій, поѣздки и т. п.) „Куб. Вѣд.“.

Изслѣдованія и раскопки.

Пещерный могильникъ у слободы Верхній Салтовъ, Волчанскаго у. Харьковск. губ. Открытіемъ своимъ могильникъ обязанъ народному учителю сл. Верхній Салтовъ В. А. Бабенко. Интересуясь вообще мѣстными древностями, В. А. Бабенко обратилъ вниманіе на находимые крестьянами въ оврагахъ различные предметы; ограничиваясь сначала скупкой ихъ, В. А. Бабенко впослѣдствіи прослѣдилъ и источникъ откуда они происходятъ. Это оказались очень интересныя пещерныя могилы, если не ошибаемся впервые обнаруженныя въ Слободской Украинѣ и даже вообще на югѣ Россіи. В. А. Бабенко помѣстилъ въ „Харьковск. Вѣдомостяхъ“ (№ 128) небольшую замѣтку объ этомъ могильникѣ, кромѣ того, на мѣстѣ могильника текущимъ лѣтомъ были произведены пробныя раскопки А. М. Покровскимъ, Д. И. Багалѣемъ и Е. П. Трефильевымъ. На основаніи замѣтки В. А. Бабенко и свѣдѣній о раскопкахъ, любезно присланныхъ А. М. Покровскимъ, мы ниже и сообщаемъ то, что до сихъ поръ извѣстно о могильникѣ. Онъ расположенъ въ

гористыхъ урочищахъ „Нетечій“ и „Замуловка“; благодаря оврагамъ, ежегодно прорѣзываемымъ водой, можно было констатировать ходы, ведущіе въ могиламъ, на поверхности-же, надъ могилами, никакихъ внѣшнихъ признаковъ, указывающихъ на присутствіе послѣднихъ, не находится. Ходы эти отличались отъ материка тѣмъ, что земля въ нихъ была рушеная и рыхлая, съ примѣсью чернозема, расположеннаго въ глинѣ гнѣздами; тутъ-же иногда встрѣчался уголь и даже древнія вещицы. По очисткѣ этой наносной земли, открывались узкія траншеи, 50—60 стм. шириной, шедшія вглубь иногда на 5—6 метровъ и затѣмъ упиравшіяся въ нетронутую землю. Здѣсь, на глубинѣ 4—5 метр. отъ поверхности, находились отверстія въ погребальныя камеры; отверстія въ общемъ небольшія, такъ что въ нихъ иногда приходится проползать; нерѣдко отверстіе бываетъ закрыто большимъ камнемъ. Камеры первоначально не засыпались землей; еще и теперь есть такія, гдѣ слой земли, покрывающей ихъ дно, равенъ всего 10—20 стм.; но по большей части вся внутренность камеры наполнена землей,—обрушившейся съ потолка или нанесенной водой. Камеры—почти квадратной формы, въ среднемъ около двухъ метровъ длины и ширины, высотой также до двухъ метр., но чаще 1 м. 50 стм.; потолокъ образованъ или однимъ полуцилиндрическимъ сводомъ, или четырьмя, сходящимися посрединѣ. Выкапывались камеры, какъ объ этомъ можно судить по слѣдамъ, оставшимся на стѣнкахъ, небольшими орудіями—или топорами, или чѣмъ-то вродѣ совочковъ. Стѣны и потолокъ камеръ выбѣливались. Оріентированы камеры на востокъ, съ отклоненіями къ сѣверу и югу. Посрединѣ камеры, прямо на полу, клались трупы перпендикулярно ко входу; обычное число скелетовъ—три. Средній, обыкновенно мужской,—на спинѣ, съ распростертыми руками и вытянутыми ногами, два боковые—или женскіе, или женскій и дѣтскій, лежатъ въ разныхъ положеніяхъ; кромѣ того, можно наблюдать также очень интересное положеніе скелетовъ: два, а то и всѣ три, лежатъ, взявшись за руки. Скелеты бываютъ окружены угліемъ; въ головахъ средняго изъ нихъ стоитъ сосудъ съ узкимъ горлышкомъ и широкимъ дномъ, покрытый примитивнымъ орнаментомъ; въ сосудахъ зачастую встрѣчаются мѣдныя бляхи, монисто и др. украшенія; возлѣ

сосудовъ обыкновенно находится бедро быка, теленка или барана. Мужской скелетъ сопровождаютъ—сабля, боевой топоръ, булава и т. д., возлѣ праваго бока—желѣзный ножъ, у ногъ—серебряныя пряжки отъ ременной обуви. Погребенія отличаются замѣчательнымъ обиліемъ украшеній, главн. обр. бронзовыхъ, которыя особенно многочисленны у женскихъ скелетовъ. Это различнаго вида привѣски, бляшки, бубенчики, кольца, серьги, браслеты, всевозможнаго рода бусы и, наконецъ, бронзовыя зеркала. Въ качествѣ привѣсокъ встрѣчаются также персидскія и арабскія монеты. Въ одномъ случаѣ, при пробныхъ раскопкахъ, найдено погребеніе лошади съ очень богатой уздечкой, украшенной 14-ью бронзовыми бляхами.

По всѣмъ, добытымъ раскопками, даннымъ, могильникъ можно пріурочить какому-ниб. изъ кочевыхъ народовъ.

Какъ можно судить изъ вышеприведенныхъ краткихъ свѣдѣній, могильникъ представляетъ большой интересъ; поэтому, выразивъ благодарность В. А. Бабенко за его открытіе, слѣдуетъ пожелать, что бы онъ былъ возможно подробнѣе обслѣдованъ.

Разныя извѣстія.

Выставка барона де Бая въ Musée Guimet въ Парижѣ. Воспользовавшись любезнымъ приглашеніемъ очень извѣстнаго у насъ французскаго путешественника б. де Бая, я имѣлъ случай посѣтить его чуть-ли не шестую уже выставку предметовъ, вывезенныхъ изъ Россіи. На этотъ разъ южно-русская археологія и этнографія были представлены нѣсколько шире, чѣмъ прежде, хотя, разумѣется, въ зависимости отъ способа собиранія, выставленные предметы носили по прежнему въ значительной степени случайный характеръ. Въ области неолитическихъ древностей извѣстныя открытія Ч. В. Хвойки доставили б. де Баю довольно большую и хорошо подобранную коллекцію черешковъ доминкенской керамики, которые, вмѣстѣ съ нѣсколькими таблицами изъ альбома Б. И. Ханенка, даютъ довольно полное представленіе о ней и разумѣется будутъ очень полезны для котораго нибудь

изъ здѣшнихъ музеевъ. Затѣмъ, изъ курганныхъ древностей было выставлено нѣсколько кремневыхъ осколковъ изъ Смілы, остатки посуды и окрашенный охрой черепъ (который зачѣмъ-то покрыли лакомъ, измѣнившимъ первоначальный красный цвѣтъ окраски) изъ „Stawiszè près de Bialacerkiew“ и, наконецъ, нѣсколько сосудовъ и цѣлая коллекція костей изъ кургана въ Красногоровкѣ, Екатеринославской губ., раскопаннаго б. де Баемъ въ имѣніи мѣстнаго предводителя дворянства де-Каменскаго, большая фотографія котораго вмѣстѣ съ г. де Баемъ, обвитая широкой красной лентой съ золотой подписью, красовалась тутъ-же на почетномъ столѣ вмѣстѣ съ нѣсколькими портретами кавказскихъ генераловъ и духовныхъ особъ. Въ качествѣ любителя старины и француза, б. де-Бай знаетъ, конечно, какъ надо относиться къ находимымъ въ курганахъ костямъ, а потому постарался собрать и привезть съ собой всѣ найденныя при раскопкѣ кургановъ кости, за спасеніе которыхъ, разумѣется, нельзя не принесть ему самой живѣйшей благодарности. Нѣсколько стеклянныхъ колецъ заканчиваютъ эту археологическую серію прошлогодней поѣздки б. де-Бая въ Украину. Изъ этнографическихъ предметовъ обращаютъ на себя вниманіе нѣсколько „дукачей“ изъ той же Красногоровки съ фальшивыми, впрочемъ, гл. обр., австрійскими талерами, двѣ украинскія женскія рубахи—одна настоящая и очень интересная, а другая очевидно вышитая, какой-нибудь барышней,—висящія между татарскимъ и черемисскимъ полотенцами и превосходная старинная вышивка крупными цвѣтами, составляющая теперь уже очень большую рѣдкость, очень-бы пригодную и для Кіевскаго Музея и подаренная б. де-Баю г-жей Шереметьевой въ Кіевѣ. Въ качествѣ, вѣроятно, „разныхъ предметовъ“ былъ выставленъ кусокъ лаврскаго ладана, штемпеля для вытискиванія изображеній на просфорахъ, двѣ или три просфоры, павловскій рубль и копія съ извѣстной своей сомнительностью и будто-бы найденной въ Кіевѣ медали съ изображеніемъ Христа и еврейской надписью. Этимъ и исчерпывается весь матеріалъ выставки б. де-Бая, касающійся Украины. Изъ великорусскихъ предметовъ мы замѣтили очень интересныя вышивки (птица Сиринъ) изъ Владимірской губ. нѣсколько вышивокъ изъ Тамбовской, бронзовыя фигурки съ береговъ Двины, древне-мордовскія подвѣски изъ окрестностей

Москвы, двѣ очень интересныя раскольничьи рукописи съ очень оригинальными миніатюрами и висячіе замочки въ видѣ птицъ. Наиболѣе интересные и цѣнные предметы были вывезены б. де-Баемъ съ Кавказа. Пять превосходныхъ бронзовыхъ топоровъ, два кинжала и прекрасно сохранившійся бронзовый же мечъ могли-бы быть украшеніемъ любого изъ нашихъ русскихъ музеевъ. Очень интересны также гигантскія булавки, оканчивающіяся головкой изъ согнутой спиралью и потомъ расплющенной бронзовой проволоки и серьги съ длинными подвѣсками изъ гробницъ въ Комбультѣ, Дигорѣ и Терской области. Этнографическіе кавказскіе предметы соотвѣтствуютъ какъ по цѣнности, такъ и по красотѣ археологическимъ: это массивные серебряные озарпеши, серьги и подвѣски къ серьгамъ съ удивительно тонкой и художественной эмалью, не говоря уже о нѣсколькихъ кинжалахъ, рогахъ, пороховницахъ, ожерельяхъ, амулетахъ и прочихъ предметахъ съ очень богатой серебряной отдѣлкой.

Всѣ эти предметы будутъ распредѣлены, по словамъ б. де-Бая, по соотвѣтственымъ музеямъ, большая же часть ихъ, главн. обр. бытовые предметы, составятъ, вмѣстѣ съ прежде привезенными, фондъ новаго спеціально *русскаго* отдѣла въ Musée Galliera, назначеннаго для ознакомленія французовъ съ „дружественной имъ націей“. Пожелаемъ успѣха этому полезному предпріятію, а также и того, чтобы безкорыстныя усилія б. де-Бая получили, наконецъ, достойную оцѣнку. Къ сожалѣнію, не смотря на настойчивыя напоминанія многочисленныхъ замѣтокъ о своевременности награжденія б. де-Бая красной ленточкой, это отличіе заставляетъ еще себя ждать... Будемъ надѣяться, что „эксплораціонная“ поѣздка б. де-Бая въ Россію и въ настоящемъ году доставитъ ему, наконецъ, и это вполнѣ достойное его утѣшеніе.

Ѳ. В.

асаулъ Гр. Федоренко, хоружій Д. Гирманъ, на вѣрность къ присягѣ приведены...“

Дембовскій представлялъ собою типическое лицо изъ тогдашнихъ малаго ранга Глуховскихъ чиновниковъ, которые, просидѣвъ лѣтъ десять въ той или другой канцеляріи, старались добыть себѣ доходный урядъ сотника. Въ спискѣ канцеляристовъ ген. к—ріи за 1739 г., указано, что Д—ій поступилъ въ к—рію въ 1737 г., изъ *мѣщанскихъ дѣтей* [1]), а въ своей сказкѣ о службѣ, самъ Д. говоритъ, что на службу онъ поступилъ въ 1733 г., въ Стародубскую полк. к—рію, а затѣмъ перешелъ въ ген. к—рію, гдѣ исполнялъ разныя коммиссіи, напр., „о продолжавшейся тогда опасной болѣзни“ и проч. Начиная съ писцовъ, к—ристы эти повышались въ „протоколисты“, „повытчики“ и друг. канцелярскіе чины, зарабатывали себѣ хлѣбъ разными услугами „просителямъ“, какъ это видно изъ домашнихъ замѣтокъ послѣднихъ, записывавшихъ, послѣ Глуховскихъ „хожденій“, въ расходъ: „на поклонъ г.г. канцеляристамъ, за челобитніе и за ископиеванне свидѣтелскихъ документовъ—6 рубл.“; „далъ канцеляристамъ судовимъ—2 рубли“; „далъ протоколѣсту 5 рубл.“ [2]) и проч. Это были мелкіе доходы канцеляристовъ, но случались и крупные. Одинъ „проситель“, ходившій по Глуховскимъ к—ріямъ въ 1748 г., по своему дѣлу, записалъ, напр., что „далъ войск. канцеляристѣ Василію Высоцкому готовихъ денегъ 40 рублей“ да еще „панцирь“ въ 30 рубл., „кромѣ домашнихъ харчей, водки, вина и вышпевки“. Нажившись такими доходами, наиболѣе расторопные канцеляристы добивались и сотничьихъ урядовъ, при помощи задобренныхъ патроновъ. Этого типа сотники были самыми тяжелыми для сотнянъ: усвоивъ себѣ пріемы канцелярской ябеды, они переносили эти пріемы и въ свою сотничью

---

[1]) Начало пополненія Глуховскихъ к—рій мѣщанскими дѣтьми, а не козачьими, Купчинскій приписывалъ Безбородку, указывая, что до него въ генер. к—рію люди «посполитой породи» не попадали. Зап. Черниг. Ст. Комит., II, 227.

[2]) Изъ рукописн. замѣтокъ Андрея Полетики, отца Григорія.

дѣятельность, главною цѣлью которой ставили вымогательства, съ помощью насилій, у своихъ сотнянъ-простецовъ. Такіе сотники мало боялись жалобъ, потому что имъ хорошо были знакомы тѣ секреты, съ помощью которыхъ власти—Глуховскія и мѣстныя—закрывали глаза на ихъ злоупотребленія. Къ такого рода сотникамъ принадлежалъ и Д—ій, добывшій себѣ сотничій урядъ, видимо, посредствомъ подкуповъ и явившійся засимъ въ сотню съ цѣлью наживы среди тѣхъ „свинарей“ и „бражниковъ“, протеста которыхъ не боялся. Не прошло и году, какъ два Голенскихъ козака, Гирманъ и Пащенко, жаловались, что сотникъ ихъ, „козаковъ въ приватныя свои услуги употребляетъ, которые по приказу его, сотника, ночью, при дворѣ его, несходимо караулятъ, а днемъ—хлѣбъ ему пашутъ, въ косовичное время—сѣно въ скирды кидаютъ, скотъ пасутъ; а въ зимнее время и на загородахъ (скотъ) кормятъ, при винокурьѣ—свиней поютъ и прочія чорные работы, безъ заплаты и на своихъ харчахъ, ему отбываютъ; на которой работизнѣ онъ, сотникъ, принуждаючи многихъ козаковъ боями, знатно на здоровьи увѣчилъ“... По этой жалобѣ произведено было слѣдствіе, кончившееся ничѣмъ, конечно потому, что Д. умѣлъ находить себѣ защитниковъ. Другая жалоба, козака Марка Коваля, показываетъ, что Д. нѣкоторыхъ изъ сотнянъ обращалъ въ постоянныхъ своихъ прислужниковъ, конечно выбирая при этомъ людей покладистыхъ и смирныхъ [1]). Пользуясь своими сотнянами, какъ рабочею силою, не стѣснялся насиліями и другого рода. У козака Максименка онъ, напр., растлилъ дочь, дѣвочку 12-ти лѣтъ, послѣ чего заковалъ отца въ желѣза и заперъ въ своей банѣ, чтобы лишить такимъ образомъ обиженнаго—возможности жаловаться. Максименку однакожъ удалось бѣжать, и онъ направился въ Глуховъ, гдѣ и пріютился у какого то обывателя. Д—ій поспѣшилъ самъ въ Глуховъ и узнавъ здѣсь, гдѣ живетъ М—ко, подослалъ къ нему своего „кухара“, чтобы вызвать его на улицу, обманомъ, какъ будто зовутъ его у „дво-

[1]) Характерную жалобу козака Марка Коваля, котораго Д. обратилъ въ своего работника-мастероваго (Коваль по ремеслу былъ кузнецъ), см. Зап. Черниг. Ст. Комит., II. 232.

рецъ его ясневельможности". А какъ вышелъ Максименко на улицу, то Д—ій схватилъ его, съ помощью двухъ козаковъ, и неизвѣстно гдѣ дѣвалъ"... Этотъ разсказъ записанъ въ прошеніи того обывателя, у котораго пріютился было Максименко, и которое онъ подалъ въ генер. к—рію, изъ осторожности, чтобы потомъ не отвѣчать, если съ Максименкомъ что случится... По этому прошенію произведено было (в. к—стомъ Кисловичемъ) слѣдствіе, при чемъ оказалось, что Максименко съ семьею жилъ у Д—аго, въ подсосѣдкахъ; что въ Голенкѣ дѣйствительно носились слухи о растлѣніи сотникомъ малолѣтней дочери Максименка и что Д—ій ѣздилъ въ Глуховъ, вслѣдъ за этимъ Максименкомъ, котораго и привезъ оттуда назадъ. А когда слѣдователь сталъ допрашивать Д—аго, то послѣдній ему представилъ „мировую", въ которой М—ко писалъ, что онъ никакихъ претензій къ Д—ому не имѣетъ, а напротивъ благодаритъ сотника, что онъ простилъ ему, М—ку, какой то долгъ и отпустилъ его съ женою и *дочерью, которая у него, Д—аго, служила*, и съ малыми дѣтьми, изъ подсосѣдковъ, свободно, для жительства, гдѣ М—ко пожелаетъ... Какъ видно, не трудно было удовлетворять такихъ обиженныхъ, какимъ былъ Максименко, считавшій благодѣяніемъ позволеніе сотника—уйти изъ его двора.

Д—ій пробылъ сотникомъ до своей смерти въ 1759 г., какъ видно изъ универсала, которымъ былъ назначенъ ему преемникъ: „извѣстно намъ, что сотнѣ Крб—ой сотникъ П. Д—ій, будучи отправленъ съ командою прошлаго 759 г., къ заграничной арміи, при вибраныхъ изъ М. Россіи бикахъ, въ томъ комендированіи умре, и оная сотня Крб—ая осталась нынѣ на вакансѣ. Усмотрѣно-жъ нами, что Василій Рудковскій, будучи употребляемъ къ разнымъ службамъ, исправлялъ оніе добропорядочно, того ради мы опредѣлили его въ оную Крб—ую сотню настоящимъ сотникомъ, для чего ему, сотнику Р—му, команду надъ тою Крб—ою сотнею и корогву сотенную велѣли поручить отъ подк. к—ріи". Рудковскій правилъ сотнею около семи лѣтъ и затѣмъ, въ 1767 г., почемуто отказался отъ своего уряда. Мѣсто его занялъ Власъ Жураковскій, причемъ тѣ обстоятельства, при которыхъ Ж. получилъ сотничій урядъ, по-

вели за собою коренное измѣненіе въ порядкѣ замѣщенія этихъ урядовъ. На мѣсто Р—аго были выбраны кандидатами: возный Антонъ Федорóвичъ и писарь Прокопъ Гирманъ, объ утвержденіи одного изъ которыхъ полковая к—рія и представила въ Глуховъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ три куреня—Дептовскій, Гирявскій и Фесевскій—послали Румянцову подробное описаніе выборовъ, причемъ разсказывали, что они, составляя большинство, выбрали въ кандидаты Дептовскаго жителя, в. канц. Романа Соколовскаго, но сотенная старшина, распоряжаясь двумя куренями—Голенскимъ и Гайворонскимъ—о Соколовскомъ вовсе не упомянула, а написала первымъ кандидатомъ вознаго Федорóвича. Разсказывая далѣе, какъ выборщики на квартирѣ Федорóвича „могоричъ пили“, жалобщики говорятъ: „выборъ въ сотники возного Федорóвича, находящагось въ штацкой должности, послѣдовалъ зъ наущенія сотенныхъ старшинъ для того, чтобъ имъ, сотеннымъ старшинамъ, по сотенному управленію всякіе случаючіесь судà и расправы чинить, ибо возный, жительствующій болше нежели въ 15 ти верст. отъ Голюнки, а въ Голюнцѣ и малѣйшей осѣдлости не имѣющій, по сотенному правленію присутствія имѣть ежедневно отнюдь не можетъ; да къ тому же и къ канцелярскимъ дѣламъ не заобыклъ и по его единственной грубости корпуса, къ понесенею таковой войсковой службы отнюдь не надеженъ. За бывшого жъ Корибутовского сотника Рудковскаго, какія было мы не представляемъ жалобы о отягощеніи насъ сотенными старшинами, разными комендиріціями, противъ куреней Гайворонскаго и Голенскаго, гдѣ жительство имѣютъ старшинскіе браты и другіе родственники, то оный сотникъ по нашимъ жалобамъ, никому, никогда и малѣйшей справедливости не учинилъ, но все полагалъ на сотенные старшины, почему всегда въ нашу обиду всякіе дѣла дѣлались, чего и нынѣ оные старшины хотячи, показаннаго возного и вибрали съ тѣми куренями, зная по его натурѣ плохой, чтобъ родственниковъ своихъ и его возного такожъ и прочихъ друзей отъ службы защищать“... Засимъ жалобщики просили Румянцова, чтобы „возному отказать, а пожаловать намъ въ сотню Крб—ую сотникомъ в. канц. Романа Соколовскаго... отъ Галюнки въ четыре версты жительствующаго и *довольнаго свои*

осѣдлость имѣющого, которой всегда въ присутствіи быть въ сотенномъ правленіи и всякихъ дѣлъ до мала смотрѣть, не полагаясь на старшину, дѣйствительно можетъ". Послѣдствіемъ этой жалобы было слѣдующее замѣчательное распоряженіе Румянцова, сдѣланное въ видѣ „предложенія" Глуховской коллегіи.—„Познавши изъ многихъ примѣровъ предосудительный обычай, который въ нынѣшнее время ведется при выборѣ въ сотенныхъ старшинъ, что ищущіе быть оными, стараются преклонять голосы козаковъ, употребляя къ тому средство угожденія—излишество вина, которымъ напоеваютъ даже до потерянія всякого чувства, собирающихся при томъ козаковъ. Злоупотребленіе сіе столь уже общимъ здѣсь пріемлется, что во время моихъ проѣздовъ въ Малороссіи, не устыдились и ко мнѣ самому, на разныхъ мѣстахъ, являться толпы пьяныхъ козаковъ съ просьбами, чтобы я имъ опредѣлилъ сотника, въ такомъ состояніи ими одобряемаго. Съ крайнимъ негодованіемъ, смотря я на сіи неблагопристойности, снисходилъ однакожъ до сего времени полуневѣжеству; но въ послѣднюю бытность мою на Бѣловежской степи, поданы мнѣ уже и формальные о томъ просьбы, что при настоящей въ сотнѣ Корибутовской сотничей вакансіи, возный Федоровскій, ища быть на тотъ чинъ кандидатомъ, прельстилъ по обыкновенію также козаковъ однимъ пьянствомъ, отвлекая отъ стороны в. к. Соколовскаго, согласовавшихъ на его избраніе; и словомъ, они одинъ другого, какъ я сверхъ того слыхалъ, старались превзойтить присовокупленіемъ за себя одобрителей, покупая ихъ усердіе достаткомъ вина. Въ такомъ состояніи дѣлъ, гдѣ столь подлая страсть превозмогаетъ надъ всѣмъ, не видно ли каждому, коль терпитъ правда, честность и заслуги лутчихъ людей, которыхъ достоинства всегда останутся безъ награжденія, если оставить власть произвожденія на произволеніе невѣжеству, которые рады всегда командира имѣть себѣ подобнаго.—Неустройство сіе потребно удержать съ сего жъ времени и отмѣнить обычай, поводомъ до сего бывшій къ возвышенію худыхъ и ко упослѣженію достойныхъ людей, когда степени здѣшнихъ чиновъ, кои принадлежатъ однимъ только достойнымъ, можно иному получить за цѣну пьянства. Предлагаю потому изъ полученія сего не до-

зволять нигдѣ сотенныхъ старшинъ выбирать самимъ сельскимъ козакамъ, какъ до сего чинилось,—понеже они дѣлаютъ изъ сего обычая столь вредное злоупотребленіе,—но при случающихся вакансіяхъ, полковникамъ, съ полковими старшинами и сотниками, удостоевать въ чины изъ людей доброй славы, съ общаго согласія, на основаніи указа 1715 году, и отъ нихъ представить ко мнѣ, напомянувъ при томъ сотенныхъ командировъ, дабы они, всякъ въ своей сотнѣ, взяли первое попеченіе при случающихся собраніяхъ, изтреблять въ козакахъ привычку пьянствовать, и штрафовать, невоздержаныхъ въ томъ [1])". Такимъ образомъ выборы сотниковъ—самими сотнянами—были уничтожены и назначеніе ихъ предоставлено канцеляріямъ. Трудно рѣшить, какой порядокъ былъ лучше при томъ состояніи общественности, которое установилось въ гетманщинѣ послѣ смерти Апостола и укрѣпилось при Разумовскомъ, когда народъ былъ обезличенъ силою полковыхъ и Глуховскихъ канцелярій...

Преемникомъ Рудковскаго явился бывшій голштинецъ Власъ Жураковскій, который послѣ рядовой службы въ лейбъ-гусарскомъ голштинскомъ полку, получилъ урядъ атаманства въ Роменской сотнѣ, а отсюда назначенъ сотникомъ Крб—имъ. Такимъ образомъ и Жрк—ій опять былъ человѣкомъ чужимъ. О дѣятельности этого сотника намъ ничего неизвѣстно, хотя сотничій урядъ онъ занималъ десять лѣтъ. Послѣднимъ Крб—имъ сотникомъ былъ Воротилякъ, родомъ Роменецъ, а слѣдовательно тоже человѣкъ не мѣстный...

Села Корибутовской сотни.

С. Голенка, рч. Голенка, [2]) поселена въ нач. XVII в., какъ это видно изъ слѣдствія, производившагося въ 1727 г. объ одной

---

[1]) Зап. Черниг. Стат. Комит., II, 246.

[2]) Такъ эта рѣчка называется въ актѣ 1780 г. («воды чистой, текущей вблизости, кромѣ *рѣчки Голюнки*, въ томъ мѣстечкѣ Голюнкѣ нѣтъ»); это былъ притокъ Ромна; теперь онъ называется и Зарукавною, и Голубовкою.—*Голинка*—старое малорос. слово, обозначающее голень. Мож. быть, что рѣчка получила свое названіе по сходству ея фигуры съ голенью, а по рѣчкѣ названо уже было и поселеніе.

Голенской „греблѣ“, при чемъ старинный Голенскій козакъ Остапъ Луценко показывалъ, что эту „греблю“ „*еще за пановъ* (т. е. за поляковъ), *якъ только поселилось село Голюнка*, занималъ (устроивалъ) Василій Лысый и слилась гать (слыла гатью) Лысого“.[1]) Другой Голенскій старожилъ показалъ при этомъ, что онъ, прійдя въ Голенку изъ Станислава, жилъ въ сосѣдяхъ у Вас. Лысого. [2]) Голенка принадлежала къ числу имѣній Вишневецкаго, какъ на это указываетъ документъ Пшездѣцкаго, обозначающій здѣсь 334 „господаря“; въ 1666 г., въ Г—кѣ было „посполитыхъ“ только 34 домохозяина, и если столько же было и козаковъ то, значитъ, за нѣсколько лѣтъ, населеніе Г—ки чрезвычайно умалилось, вѣроятно отъ того же движенія на востокъ, о которомъ сказано раньше (с. 254). Крестьянское населеніе Г—ки оставалось свободнымъ до 1740 г., когда оно было присоединено Вейсбахомъ къ Самборскому старосту, съ которымъ вмѣстѣ поступило, въ 1750 г., во владѣніе гетмана Разумовскаго. **Кр. П.** 34 хоз. **А.** 62 д. **Б.** ? **В.** 38 д. пс. 8 д. **Г.** 20 д. 29 х. пс. 6 бд. х. **Д.** 34 д. 78 х. пс. 38 д. 50 х. 2 бд. х. **Кз. В.** 121 д. **Г.** 101 д. 153 х. пс. 23 бд. х. **Д.** 113 д. 290 х. „почталіоновъ“ 8 бд. х. и пс. 29 бд. х. Изъ этихъ цифръ видно, что и послѣ присоединенія Г—скихъ крестьянъ къ Самбору, экономическое ихъ положеніе не ухудшилось, на что указываетъ, кромѣ того и достаточное количество крестьянскихъ подсосѣдковъ. По описанію Пащенка, „с. Г—ка лежитъ на ровномъ мѣстѣ, при столбовой изъ кр. Колядина въ Батуринъ дорогѣ, по об. стор. рч. Зарукавной, отъ пр. бер. р. Ромна въ верстѣ. Церкв. дер.—2, сотенное правленіе. **Ков.** тоже колич., что и выше **Д. Кр.** гр. К. Разумовскаго, 23 д. 34 х., ум. полк. Ив. Скоропадскаго 2 д. 2 х., маіора Як. Скоропадскаго, 11 д. 44 х. Подсос. ум. сотника **Журавского**, 8 д. 9 х., ум. сотн. Руд-

---

[1]) Народное преданіе о поселеніи Голенки см. въ описаніи этого села въ Черниг. губ. вѣдом. 1860 г. (№№ 43, 44 и 46), Мих. Исаенка.

[2]) Значитъ, при колонизаціи лѣвобережной Украины, въ первой пол. XVII в., сюда приходили поселенцы и изъ Галиціи...

ковского 1 д. 2 х., возного Гирмана, 1 д. 4 х., атам. сот. Чернишева, 6 д. 8 х., атам. сот. Прокопенка 1д. 2 х., зн. тов. Недбайла, 1 бд. х., значк. тов. Федоренка, 1 д. 2 х., хоруж. сот. Ковалева, 1 д. 3 х., попа Боровского, 17 д. 19 х. и попа Ярославскаго, 1 бд. х." Цркк.—архистр. Михаила и Преображенія Г—ня. Свящщ. Александръ Боровскій и Онисифоръ Ярославскій.

С. Гайворонъ, рч. Гайворонка (позже Басакова), извѣстенъ былъ въ перв. полов. XVII в. подъ именемъ „городища Грайворона" пожалованнаго Сигизмундомъ III Городельскому старостѣ Криштофу Харлезскому. У послѣдняго Г—нъ былъ отнятъ Вишневецкимъ (ок. 1640 г.), вмѣстѣ съ прилегавшими къ нему слободками Дмитровкою, Липовымъ и Почепковымъ (?).[1]) Обновилъ поселеніемъ Г. конечно Вишневецкій. По переписи 1666 г. въ Г. значится 12 хоз. Здѣсь въ 1668 году происходила стычка отряда кн. Ромодановскаго съ татарами, при описаніи которой около Г—на, указывается большое топкое болото;[2]) подъ защитою его, вѣроятно, и возникло то первоначальное поселеніе, которое потомъ обратилось въ *городище*. Въ нач. XVIII в. Г. былъ селомъ еще не большимъ (71 дв.), но къ нему прилегала значительная степь и „весь тотъ степъ былъ Гайворонскій".[3]) Вѣроятно, что это богатство земель и обратило на Г. вниманіе ген. судьи Чарныша, который будучи близкимъ свойственникомъ Скоропадскаго и пользуясь своимъ вліяніемъ, обнаружилъ стремленіе завладѣть этимъ селомъ. Для этого нужно было сначала завести тутъ хозяйство, хотя въ видѣ небольшого хутора, чтобы потомъ, указывая на послѣдній, просить у гетмана и крестьянъ. Первое пріобрѣтеніе Чарныша здѣсь (въ 1718 г.) заключалось въ „гаѣ", между с. Г—номъ и рч. Зарукавною, „въ островѣ", при чемъ „гай" этотъ былъ данъ Чарнышу въ видѣ взятки, однимъ мѣстнымъ козакомъ (Вас. Салогубомъ), котораго Чарнышъ судилъ „за нечаянное убійство человѣка". Черезъ годъ послѣ этого пріобрѣтенія, въ 1719 г., четыре Гайворонца, Бор-

---

[1]) Чтенія въ общ. Нестора, XIV, отд. III, стр. 162.

[2]) Акты Ю. З. Р., VII, 94.

[3]) „Очеркп", *с. Гайворонъ*.

доносъ, Матвѣенко, Пащенко и Ляшенко, продали ему же, Чарнышу, „дѣдизныя сѣножати“, находившіяся на Бѣловѣжской степи, у вершины р. Остра, за 40 талеровъ.—На этихъ земляхъ Чарнышъ поселилъ, какъ видно будетъ ниже, хуторокъ и началъ было расширять его границы, посредствомъ самовольныхъ захватовъ. Насилія, которыя позволялъ себѣ при этомъ Чарнышъ, были такъ значительны, что уже въ 1720 г. Скоропадскій по жалобамъ Гайворонцевъ, выдалъ въ защиту послѣднихъ—слѣд. универсалъ: „По занесенной отъ Гайворонскихъ войскового и посполитаго стану жителей жалобъ, о починенихъ имъ, черезъ построеніе тамъ футора п. судіи нашого в. енер., утискахъ, посылалисмо двукратне туда на розискъ, где поневажъ, обома розами, показалося, же п. судія ен—ій мало щось тамъ купивши грунту, *болшъ насиліемъ людскіе поля, сѣнокосы и степъ*, здавна до Гайворона належній, самъ велѣлъ, а старости его позаѣздили, чрезъ что немалое тамошнимъ Гайворонскимъ людямъ, сталося утѣсненіе. Теди мы, по тихъ розискахъ, приказавши п. судіи ен—му, оттоль зъ Гайворона, новоустроенній свой знести футоръ и пасѣку, и що колвекъ у Гайворонцовъ насилно отнято, все бы тое непремѣнно кождому воспять возвратилъ, впредь не имѣючи туда жадного вступу. Для крѣпчайшого Гайворонцамъ привернениими ихъ грунтами и степу по прежнему владѣнія, велѣли зъ к—ріи войсковой сей нашъ выдать унѣверсалъ, которымъ всѣмъ обще Гайворонскимъ жителемъ, пахатніе и сѣнокосніе ихъ грунта власніе, издавна ими заживаеміи степъ и лѣсъ также давній, мірскій, въ безперепонное онимъ стверженъ користованне, такъ, аби впредь нѣхто зъ околичнихъ, особливе п. судія нашъ в. ен—ій, знесшися одтоль, якъ и више намѣнилисмо, зъ пасѣкою, зъ футоромъ, самъ и старости его, не важилися уже Гайворонцамъ жадного въ тихъ ихъ грунтахъ и степу—чинити утиску, препятія, озлобленія и найменшой трудности, пилно рейментарско вноминаемъ и приказуемъ“... (Изъ Глухова, 1 окт. 1720 г.).

Выраженное въ этомъ универсалѣ строгое безпристрастіе Скоропадскаго къ мужу своей падчерицы было явленіемъ совершенно случайнымъ, причины котораго объяснены въ жалобѣ одного Гайворонца Юрченка, поданной въ 1731 г., гетману

Апостолу: „Въ прошломъ 1720 року, покойній судія ен—й Чарнышъ, къ хутору своему, тогда вновь [на Бѣлыхъ Вѣжахъ занятому, къ селу нашему Г—ну грунта належніе,—позанималъ былъ самоволно, и о томъ я, въ то время атаманомъ Г—скимъ будучи, суплѣковалъ покойному гетману п. Скоропадскому, которая суплѣка, когда послана къ менненному судіи, въ то время онъ (т. е. Чарнышъ) билъ мене за тое кіями нещадно, о *чомъ я билъ чоломъ бывшему князю Меншикову*[1]) и по тому (челобитью) выданъ былъ мнѣ, да Кондрату Пархоменку, за рукою княжою, приказъ, абы намъ разореній и обидъ нихто не чинивъ, по которымъ (приказамъ) черезъ нѣсколько лѣтъ (насъ) не займано. Да за тіежъ грунта, Чарнышомъ отнятые, билъ я челомъ отъ всѣхъ козаковъ и отъ громады Гайворонской, въ Москвѣ, *по которомъ моемъ челобитю и стараню, грунта, помянутымъ судіею занятые, всѣ къ селу тогда привернено*“...

Изъ этого прошенія Юрченка и видно, что распоряженіе Скоропадскаго о выселеніи Чарныша изъ Гайворона, сдѣлано было по настоянію изъ Москвы, вѣроятно самого Меншикова, хорошо знавшаго о насиліяхъ Чарныша. Но, кажется, что послѣдній окончательно разстался съ Гайворономъ только послѣ смерти Скоропадскаго, когда въ гетманщинѣ стала распоряжаться Вельяминовская коллегія. Такъ можно думать на основаніи документа, выданнаго Чарнышу тѣмъ самымъ Салогубомъ, который уступилъ ему въ 1718 г., свой „гай“, въ Гайворонѣ, за освобожденіе отъ суда (с. 280).[2])

---

[1]) Меншиковъ, будучи въ это время въ Малороссіи, проѣзжалъ изъ Нѣжина въ Гадячъ, и такимъ образомъ былъ гдѣ нибудь около Гайворона, при чемъ на дорогѣ, вѣроятно, Гайворонцы и успѣли подать ему жалобу на Чарныша. См. Записки Як. Марковича, 1, 5.

[2]) Вотъ этотъ любопытный документъ. «Року 1722, мѣс. сентеврія дня 4. Я, Василь Салогубъ, житель Краснокол—ій, чиню вѣдомо симъ моимъ доброволнимъ писаніемъ, иж я, будучи виступнимъ за свое нечаяное убійство человѣка, яко и декретъ опѣваетъ и свѣдчитъ, которій и нынѣ въ рукахъ своихъ имѣю, получилъ теперъ, по своему прошенію негодному, милость, у его мил. велможного пана судіи енералного, пана Іоанна Чарныша, таковую, иж

Послѣ попытокъ Чарныша оселиться въ Гайворонѣ, крестьяне этого села оставались свободными до 1735 г., когда отданы были кн. Шаховскимъ во временное „послушаніе“, одному изъ членовъ генер. к—ріи, полковнику Гурьеву. Послѣдній владѣлъ Г—номъ лѣтъ шесть, пока оставался въ Глуховѣ. Засимъ, Г—нъ оставался свободнымъ, пока не выпросилъ его у Разумовскаго владѣлецъ сосѣдней Григоровки, генер. подскарбій Скоропадскій, которому въ декабрѣ 1751 г., былъ выданъ слѣд. универсалъ. „Войск. ген. подскарбій Мих. Скоропадскій доношеніемъ намъ представилъ: въ прошломъ де 1715 г., началъ онъ служить при войскѣ Малороссійскомъ бунч. товарищемъ...

которой я былъ гай ему, за свой поступокъ, подъ Гайворономъ лежачій, далъ изъ записомъ ратушнимъ, нынѣ мнѣ знову приверненъ есть паномъ судіею, и который хуторецъ въ самомъ Гайворонѣ стоячій, братъ мой двоюродный Іванъ Салогубъ заставилъ былъ его въ велможности панской во вѣчность, за сто золотыхъ, аще би не уистился до назначоного термѣну, и тотъ мнѣ хуторецъ зо всѣмъ полемъ, *по великой своей милости панской, даровалъ*, да еще 50 золотыхъ далъ, чому я нынѣ будучи велце благодаренъ, не повиненъ ни я самъ, ни жена моя, ни дѣти, вѣчними часы, у жадного права и суду ни его велможности панской, нѣ велможной панѣ его, а нѣ благородныхъ чадъ его панскихъ, турбовати и права изчинати, а се предъ годними и честними людми—*добримъ словомъ всегда споминати и за его велм. панскую и весь домъ его панскій—непрестанно Бога прохати*, что для лѣпшой вѣри и певности, даю его велм. панской, сіе мое доброволное писаніе при людехъ зацнихъ и вѣри годнихъ, которихъ я самъ устне просилемъ покорне, на сей же картѣ моей о подписъ рукъ ихъ власнихъ. Я Василь Салогубъ сей карти доброволной датель, яко неумѣетний будучи писанія святого, рукою своею власною крестъ святой пишу┼». Происхожденіе этого документа можно такъ объяснить: универсалъ Скоропадскаго 1720 г. вѣроятно не былъ Чарнышомъ вточности исполненъ, почему должно быть Василій Салогубъ, по смерти Скоропадскаго, и погрозилъ Чарнышу, что пожалуется Вельяминову, если имъ не будутъ возвращены всѣ земли, которыя такъ или иначе ген. судья позанималъ въ Гайворонѣ. Бояться такой жалобы Чарнышъ долженъ былъ тѣмъ болѣе, что «гай» отъ этого Салогуба имъ былъ полученъ въ видѣ взятки...

слѣдуетъ перечень службъ), а къ препитанію дому своего имѣетъ въ деревняхъ скудость, для чего просилъ онъ, Ск—ій, о награжденіи его за 37-лѣтнюю службу, во вѣчное владѣніе, для препитанія дому его, въ п. Прилуцкомъ, деревнями свободными, Гайворономъ и Блотницею, нашего разсмотрѣнія..... Того, ради села Гайворонъ и Блотница, въ которихъ по послѣдней 1751 г. ревизіи, до 50—ти посполитскихъ свободнихъ дворовъ показано, съ принадлежащими къ тѣмъ селамъ грунтами и угодіями, ему, подск. ген. Ск—му опредѣляемъ и во вѣчное и ненарушимое ему владѣніе утверждая, повелѣваемъ" и проч.

Черезъ 25 лѣтъ, послѣ отдачи Г—на Ск—му, тамошніе козаки, Пархоменко, Горлачъ и другіе, въ жалобѣ своей Румянцову, писали слѣд.—„съ прошлого 1751 г., бывшимъ гетманомъ Разумовскимъ умершому Михайлу Ск—му жаловано вѣчно, одному ему, безъ потомства (въ универсалѣ о потомствѣ не было упомянуто...) село Гайворонъ, оставляя козаковъ при своихъ козачихъ волностяхъ ненарушимо... Оной же Ск—ій за вступленіемъ во владѣніе, по власти своей, началъ намъ разныя утѣсненія дѣлать и недоволствуясь отданными ему по универсалу, свободными посполитскими грунтами и землями, гдѣ бы помежество имѣлъ коей посполитой зѣмли или злобясь на козака, обявилъ, что за кимъ съ насъ состоитъ яко бы посполитская земля, то безъ всякого иску и слѣдованія по законамъ, самоправно поотбиралъ, чѣмъ привелъ до того, что съ насъ многіе увѣдавъ, что токмо ему пожелается какая земля и начнетъ наводъ чинить посполитскою, договариваясь чрезъ своихъ приказчиковъ, что ежели не продастъ, то безденежно отберутъ, многіе съ насъ подъ видомъ доброй волѣ, въ продажу, а нѣкоторіе въ заставу, позаводили, что дѣлалось зъ уступленія оного Ск—го (во владѣніе) мало не по вѣкъ его. А напослѣдокъ, теперъ сынъ оного Ск—го, пр.-маіоръ Яковъ Ск—ій, примѣромъ отца, тоже поотнималъ во многихъ съ насъ самоправно земли; а какъ узналъ, что мы намѣреваемся жаловаться за самоуправство въ судъ, то оной Ск—ій на многихъ съ насъ порознь за разніе земли, а за состоящій подъ владѣніемъ нинѣ е. с—ва гр. Разумовского, состоящой прежде во владѣніи Гайворонского общества волній степъ, вообще на всѣхъ насъ и разночинцовъ въ с. Г-нѣ жи-

тельствующихъ, прошлого 1771 г., въ судъ земскій повѣту Иваницкого, взнесъ иски, уже въ 24-й годъ съ пожалованя, для одной несвободы. И хотя мы прошлого маія 25 дня, являясь въ оній судъ земскій, извиняя себе о волномъ степу прописанними обстоятелствы, а при томъ, что съ написаннихъ по позву—многіе козаки и разночинцы состоятъ въ заграничной службѣ, безъ коихъ въ судъ и по другимъ законнимъ обстоятелствамъ намъ вступать не слѣдовало, просили уволненія; однакъ оной судъ земскій, не принявъ отъ насъ никакихъ розоновъ, опредѣленіе учинилъ судъ производить.... Имѣя на судъ зазрѣніе, что по всѣмъ оного Ск—го на насъ искамъ, неотмѣнніе приговори слѣдовать могутъ къ явной нашой волокитѣ и о изнеможеніи во всемъ, в. в. графск. с—ва нижайше просимъ, чтобы внесенніе на насъ, въ земскій судъ повѣта Иваницкого, отъ сторони Ск—го иски въ томъ судѣ наипорядочнѣйше были произведени и рѣшенни, в. милостивое повелѣніе учинитъ объ опредѣленіи за насъ депутата съ прокураторомъ или о перенесеніи съ земского Иваницкого суда, по зазрѣніи нами на присудствующихъ, какія ни имѣются на насъ и на всѣхъ Гайворонскихъ разночинцовъ отъ прописанного Ск—го, теперъ и впредъ могли бъ имѣтся иски, въ судъ земскій повѣта Роменского“ (1775—г., іюня 6) [1]. Мы не знаемъ результатовъ этого прошенія, но оно хорошо показываетъ—какою тяжелою рукою ложилось даже и на свободное козачье сословіе, „владѣніе“ такихъ вліятельныхъ державцевъ, какими были ген. подск. Скоропадскій и его сынъ Яковъ... Кр. П. 12 х. А. 13 д. В. 22 д. В. 69 д. пс. 10 д. Г. ?[2]) Д. 51 д. 63 х. 8 бд. х. пс. 25 д. 68 х. 28 бд. х. Кз. В. 49 д. Г. ? Д. 53 д. 100 х. пс. 15 д. 30 х. Црк. Покровъ Б—цы; свщщ. Максимъ Левитскій и Несторъ Яновскій.

---

[1]) «Очерки», с. Гайворонъ.

[2]) По вѣд. 1753 г. крест. въ Г—нѣ показано: 23 д. 23 х. 18 бд. х. (Скоропадскаго) и мелк. влад. (подсосѣдковъ?) 2 д. 22 бд. х. (Изъ нихъ 1 х. «шинкара» Гайворонскаго Ильи Коломійца, и 11 х. у шести Скоропадск.) Каз. въ Г—нѣ въ 1753 г., было—20 д. 38 х.

С. с. **Великій и Малый Самборы**, рч. Самборъ. Мы не умѣемъ опредѣлить значеніе слова *Самборъ*, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые ученые—на нашъ вопросъ о происхожденіи этого слова,—говорятъ о его быть можетъ румынскомъ происхожденіи... Какъ извѣстно, слово *Самборъ* встрѣчается въ названіи одного изъ старинныхъ городовъ Галиціи, который въ XIII в. былъ разоренъ татарами и взамѣнъ его, тогда же, возникъ Самборъ „новый". Устроителемъ этого новаго Самбора былъ воевода Краковскій Шпитко изъ Мельштина, получившій отъ Владислава Ягеллы въ свое владѣніе весь Самборскій „обводъ". Присоединивъ къ Самборщинѣ часть сосѣдняго Подолья, Шпитко сталъ значительнымъ владѣльцемъ, при чемъ располагая значительною военною силою, былъ однимъ изъ замѣтныхъ участниковъ въ извѣстномъ походѣ Витовта противъ татаръ, въ 1399 г. Извѣстно, что многочисленное войско Литовскаго князя было татарами разбито на берегахъ Ворсклы и почти уничтожено. Тутъ же погибъ и Шпитко. [1]) Изъ этого свѣдѣнія видно, что жители Галицкой Самборщины несомнѣнно приходили на лѣвый берегъ Днѣпра, участвовали въ битвѣ на Ворсклѣ и были здѣсь частью уничтожены, а частью разсѣяны. Изъ числа этихъ разсѣянныхъ воиновъ Галицкой Самборщины, часть могла остаться на лѣвомъ берегу, найдя здѣсь лучшія условія для жизни, чѣмъ у себя на родинѣ. Такимъ образомъ, лѣвобережный Самборъ, быть можетъ, есть остатокъ кучки случайно попавшихъ сюда Галицкихъ Самборцевъ, перенесшихъ сюдя и названіе родного своего города. По времени возникновенія лѣвобережнаго Самбора, основаніе ему могло быть положено Шпитковыми воинами: нашъ Самборъ извѣстенъ уже съ самаго нач. XVI в., если не съ конца XV в. При спорѣ русскихъ съ поляками „за Путивлскій рубежъ", въ 1638 г., „украинные державцы показывали грамоты короля Александра († 1506 г.) на волость Торговицу и *на рѣку Самборъ*". [2]) Если здѣсь не называется Самборъ, какъ поселеніе,

---

[1]) См. монографію о Шпиткѣ (Spytko z Melstyna i ród jego) въ книгѣ Studia Historyczne, M. Balińskiego (Wilno, 1856), стр. 189—229

[2]) Дворцов. Разряды, II, 899.

а только, какъ рѣка, то это потому лишь, полагаемъ, что поселеніе Самборъ составляло часть той Торговицкой волости, которая указывается въ собирательномъ видѣ, а *рѣка* Самборъ —потому, что она вѣроятно составляла границу этой волости. [1])

Вотъ наша догадка о происхожденіи лѣвобережнаго Самбора, названіе котораго несомнѣнно сюда занесено и занесено издалека... [2]) Послѣ упоминанія лѣвобережнаго Самбора въ грамотѣ короля Александра, объ этомъ поселеніи не встрѣчается затѣмъ извѣстій до полов. XVII в. Можно думать, что Самборъ былъ разоренъ Менгли-Гиреемъ въ к. XV в. и оставался „впустѣ“ пока не былъ обновленъ Вишневецкимъ, въ к. перв. полов. XVII в. По документу Пшездѣцкаго, въ Самборѣ показано 198 господ. [3]) По описи 1654 г. значится с. *Самбургово* и с. *Самбова*; конечно, это одинъ и тотъ же Самборъ, при чемъ во второмъ названіи видна лишь описка или опечатка. Опись 1654 г. даетъ о Самборѣ такое поясненіе: „село Самборъ на рѣкѣ Борзнѣ, въ верховьѣ; въ томъ селѣ поставлена церковь древняя во имя влмуч. Григорія (т. е. Георгія“.) [4]) Это былъ теперешній „Малый“ Самборъ, какъ слѣдуетъ полагать изъ нижеслѣдующаго. Въ переписныхъ книгахъ 1666 года показаны два Самбора, Большой и Малый, а затѣмъ преданіе мѣстныхъ жителей, записанное въ 1721 году, говоритъ, что „еще за поляковъ, въ Маломъ Самборѣ жилъ державца панъ Силичъ (вѣроятно одинъ изъ управляющихъ Вишневецкаго) и

---

[1]) О Торговицкой волости, находившейся въ нѣсколькихъ верстахъ (6—7) отъ теперешнихъ Конотопскихъ селъ Самборовъ, см. Опис. Ст. Малор., II, 238.

[2]) Существовалъ еще какой то Самборъ въ Кіевщинѣ. Въ книгѣ Похилевича—*Сказ. о насел. мѣстн. Кіевск. губ.*—записано преданіе, что с. Лѣсовичи, Таращ. у., поселено «на мѣстѣ древняго города Самбора, разореннаго непріятелемъ». Если лѣвобережный Самборъ поселенъ задержавшеюся здѣсь кучкою Галицкихъ Самборцевъ, изъ остатка Шпиткового войска, то такимъ же образомъ могъ возникнуть и Кіевскій Самборъ, будучи поселенъ другою кучкою тѣхъ же Галицкихъ Самборцевъ...

[3]) Акты Ю. З. Р., X, 811—812.

[4]) Ни въ Б., ни въ М. Самборахъ этого «храма» теперь нѣтъ См. ниже

тогда уже Самборецъ имѣлъ свои особыя земли". Послѣ войнъ Хмельницкаго, Самборцы продолжали владѣть тѣми же землями, при чемъ это село тогда было настолько многолюдно, что „и тое доводится, же сотня Самборская прежде въ Маломъ Самборцѣ бывала; а якъ настали Чигиринскія войны, то одно, за переходами военными великороссійскихъ людей, подъ Чигиринъ, а другое, за оскудѣніемъ дровъ,—(много жителей) зъ того села, на трактѣ великомъ лежачого,[1]) розишлося и только семнадцать хатъ осталось». [2]) Отсюда можно заключать, что теперешній Мал. Самборъ сталъ называться *малымъ*, послѣ того, какъ онъ запустѣлъ послѣ гетманскихъ междоусобицъ, послѣдовавшихъ послѣ смерти Б. Хмельницкаго, (преданіе указываетъ на Чигиринскіе походы, которые свѣжѣе были въ народной памяти въ 1721 г., чѣмъ блужданіе татаръ по Украинѣ въ 1658—663 гг.") причемъ покинувшее Мал. Самборъ (вѣрнѣе—*старый* Самборъ) населеніе тутъ-же, невдалекѣ отъ „великого тракта", въ глухомъ мѣстѣ, основало другой Самборъ, который, имѣя въ 1666 г. 32 двора (крестьянъ), назывался уже *великимъ*, въ отличіе отъ стараго, въ то же время имѣвшаго только 13 двор. (крестьянъ) и потому названнаго *малымъ*.

Самойловичемъ Мал. С—ръ былъ отданъ Мазепѣ, бывшему тогда гетманскимъ „дворяниномъ", а когда Мазепа самъ сталъ гетманомъ, то присоединивъ къ М. С—ру два села,—Вел. Самборъ и Корибутовъ, онъ образовалъ особое Самборское старостство, вошедшее въ составъ Батуринской волости. Главною статьею дохода съ этого старостства, повидимому, было сѣно, которое накашивалось на Самборскихъ степяхъ для гетманской конюшни. Послѣ смерти Скоропадскаго, Самборское ст—во поступило въ распоряженіе Вельяминовской коллегіи, пока въ 1726 г. Батуринская волость не была выпрошена Меншико-

---

[1]) Этотъ «великій трактъ» соединялъ тогда сѣверную Малороссію съ южною и—въ XVIII в. былъ обращенъ въ почтовую дорогу, по которой ѣздили изъ Стародуба и Глухова въ Переяславъ (См. Кратк. Геогр.), полит. и историч. изв. о М. Россіи, В. Рубана (Спб., 1773) стр. 45.

[2]) «Очерки», Села Вел. и Мал. Самборы.

вымъ у Екатерины I. Новый владѣлецъ нашелъ хозяйство въ этой волости, повидимому, сильно запущеннымъ, потому что немедленно назначилъ сюда управляющимъ самаго расторопнаго изъ своихъ прислужниковъ, Андрея Гудовича. [1]) Новый управляющій прежде всего поперемѣнялъ во всей волости старостъ, при чемъ въ Самборѣ поставилъ старостою Кальницкаго. Заводя новые порядки, Гудовичъ первый наложилъ руку и на Самборскихъ козаковъ, которыхъ до того гетманскіе приказчики не трогали. Но Гудовичъ не долго распоряжался новымъ владѣніемъ своего патрона; въ 1727 г. Меншиковъ палъ и Батур. вол. взята была въ казну. Въ слѣд. 1728-мъ году Самборскіе козаки, „*до дворца Самборского належніе*“, жаловались Апостолу: „въ прошломъ 1726 г., когда отписано село наше Самборъ на кн. Меншикова, въ то время п. А. Гудовичъ поставилъ въ ономъ селѣ старостою Сем. Кальницкого, который намъ превеликія обиды и нещадные побои чинитъ“... Засимъ самборцы перечисляли рядъ обидъ, заключавшихся въ отнятіи „грунтовъ“ и разнаго рода насиліяхъ надъ козаками, при ихъ работахъ около „дворца“.[2]) Называя себя „козаками належными до дворца“ (Самборскаго), жалобщики тѣмъ же самымъ указывали, что они уже въ то время находились въ положеніи близкомъ къ крестьянству. Окончательное превращеніе козаковъ Самборскаго староства въ крестьянъ совершилось мало-по-малу, подъ давленіемъ самовластія тамошнихъ старостъ, изъ которыхъ Кальницкій и его преемники, Илейко и Пучковскій, пользовались почти безграничною властью, заручившись благорасположеніемъ членовъ „министерскаго правленія малороссійскихъ дѣлъ“, для которыхъ изъ Самборовъ удѣлялась немалая часть разного рода сельскихъ продуктовъ.

Экономическій упадокъ Батуринской волости достигъ наконецъ такой степени, что Глуховское „министерское правленіе“ вынуждено было представить объ этомъ въ Петербургъ. Оттуда былъ присланъ новый управляющій въ лицѣ ген.-майора Юрія Вейсбаха,

---

[1]) См. о немъ Опис. Стар Малор., I, 279 и слѣд.

[2]) „Очерки“, с.с. В. и М. Самборы.

который энергически принялся за Батуринское хозяйство, причемъ въ Самборскомъ ст—вѣ открылъ большія злоупотребленія старостъ.[1]) Изъ произведенной по распоряженію Вейсбаха описи этого ст—ва видно, что въ 1740 г. въ В. Самборѣ было крестьянъ—57 дв. и „придворныхъ описныхъ подданныхъ козачьихъ"—59 д., а въ М. Самборѣ: крест.—20 дв. и „поддан. козачьихъ"—39 дв. Крестьяне платили денежный налогъ отъ головы рабоч. скота, по 20 к. и, кромѣ того, по $1^1/_2$ четверти овса (при чемъ за этотъ овесъ можно было платить деньгами по 21 к.); да кромѣ того, каждый дворъ долженъ былъ поставлять разную птицу, которая тоже могла быть замѣняема деньгами: гусь и каплунъ по 6 к., а утка по $3^1/_2$ к. „Пѣшіе" платили отъ двора по 10 к. и за овесъ по $15^2/_3$ к. Всѣ эти платежи полагались сверхъ личныхъ работъ. „Козачьи подданные" несли повинности особаго рода: „всякія услуги исполняли до дворца В. Самборского," а въ Батуринской к—ріи „употреблялись для разсылки писемъ".

Ознакомившись съ Самборскимъ ст—вомъ, Вейсбахъ устроилъ здѣсь конный заводъ, назначенный для ремонта конной гвардіи, причемъ управляющимъ завода былъ назначенъ поручикъ этой гвардіи ф. Лоссовъ. Для расширенія завода, къ Самборскому старостве присоединены были свободныя земли сосѣднихъ селъ, а съ ними вмѣстѣ и крестьяне этихъ селъ, остававшіеся еще свободными отъ частнаго владѣнія. Такимъ обра-

---

[1]) Свои злоупотребленія старосты прикрывали разными „обсылками" Глуховскихъ властей. Самборской войтъ напр. разсказывалъ Вейсбаху, что староста Пучковскій раза по-два и по-три въ годъ собиралъ у Самборскихъ „подданныхъ" молодыхъ „баранцовъ", которыхъ затѣмъ и отсылалъ въ Глуховъ, а кому—онъ не знаетъ. Пучковскій пояснилъ, что овецъ онъ посылалъ въ Глуховъ—тамошнимъ „министрамъ", по ихъ требованію: кн. А. И. Шаховскому и князю Н. Ф. Барятинскому, да отсылалъ еще ягнятъ въ Кіевъ къ „генеральшѣ" А. И. Румянцова. Овчары казенныхъ овецъ показали, что изъ тѣхъ овецъ они отогнали въ маетность Миниха—200, да генерала А. И. Румянцова присланному изъ с. Кучеровки (ок. Глухова), отдали 170 овецъ... Оказалось также, что на Самборскихъ степяхъ выпасывались лошади и скотъ кн. Барятинскаго и А. И. Румянцова...

зомъ къ Смб—му ст—ву были присоединены: с.с. Дептовка, Голенка, Дмитровка, Рябухи и друг. Послѣ отдачи Батуринской волости во владѣніе нов. гетмана Разумовскаго, Смб—кіе козаки пробовали было возвратиться въ прежнее состояніе, но безуспѣшно [1]).

В. Самборъ. **Кр. П.** 32 х. **А.** 106 д. **В.** ? **В.** 67 д. Пс. 4 д. **Г.** 50 д. 62 х. Пс. 5 бд. х. **Д.** вмѣстѣ съ бывш. козак., 158 д. 266 х. 2 бд. х. **Кз.** по вѣд. 1740 г. не показаны, а по вѣд. 1753 г. („придворныхъ козаковъ, т. е. бояръ, которіе къ дворцу В. Самборскому служатъ и повинности отбуваютъ") ихъ было 49 д. 49 х. 46 бд. х. Цркв. свят. Николая. Свщщ. Федоръ Тимошевскій и Антонъ Андріевскій.

М. Самборъ. **Кр. П.** 13 х. **А.** 42 д. **В.** ? **В.** 49 д. пс. 4 д. **Г.** 23 д. 34 х. **Д.** вмѣстѣ съ бывш. козак. 104 д. 178 х. **Кз.** по вѣд. 1740 г., также нѣтъ, а по вѣд. 1753 г. (подъ тѣмъ-же названіемъ „придворныхъ")—8 д. 8 х. 51 бд. х. Цркв. Покрова Б—цы. Свщщ. „настоятель" Михаилъ Фотинскій и „викарный" Иванъ Андріевскій.

---

[1]) Изъ предложенія гр. Румянцова Млрск. коллегіи, 1779 г., видно, что „по искательству" этихъ козаковъ „изъ подъ владѣнія гр. К. Г. Разумовскаго, производимы были слѣдствія въ судѣ генер. и въ 1765 г. *рѣшено о бытіи имъ и инымъ попрежнему козаками* и о выключеніи изъ подданства, и что на оное рѣшеніе отъ стороны економіи его с—ва (т. е. Разумовскаго) апелляціи не подано; а (но) они (б. козаки) употребляются ею (экономіей) въ поданническіе повинности и разнообразно угнетаются, о чемъ хотя и подано отъ нихъ въ Млрск. коллегію доношеніе, но г.г. члены отказываются отъ присутствія по сему дѣлу, то свойствомъ, то иными предлогами". Указывая эти обстоятельства, Румянцовъ „рекомендовалъ коллегіи—доношеніе бывш. козаковъ разсмотрѣть и учинить опредѣленіе согласное съ законами", добавляя, что члены могутъ отводить себя только по законнымъ причинамъ, а не по своему желанію. Знаемъ, что исканія бывш. козаковъ кончились ничѣмъ, хотя намъ и не извѣстно рѣшеніе коллегіи по предложенію Румянцова. См. „Очерки", Самборы.

С. Корибутовъ, „между двухъ рѣкъ, Торговицы и Ромна“, поселенъ, какъ видно и изъ названія, однимъ изъ Вишневецкихъ, вѣроятно Константиномъ, который во время своего опекунства надъ Іереміей В—имъ, заселялъ и укрѣплялъ восточную границу имѣній послѣдняго отъ Московскаго государства. По документу Пшездѣцкаго въ К. было 600 „господ.“, а по „Рестрамъ“ 1649 г. К. показанъ центромъ особой сотни. При переѣздѣ чрезъ К. патр. Макарія, племянникъ его отмѣтилъ, что „маленькій базаръ (поселеніе) Карабута окруженъ двумя большими болотистыми озерами“; въ видѣ послѣднихъ представлялись путешественнику конечно рѣчки Торговица и Роменъ, какъ видно заболоченные уже и тогда. Упоминаетъ Павелъ Алеппскій и о Крб—ой церкви: „насъ ввели въ благолѣпную, большую, высокую церковь, вновь построенную, еще не освященную“, причемъ церковь была, по просьбѣ жителей, освящена Макаріемъ, въ честь св. Николая. (Прв. Муркоса, II, 93). Любопытно указаніе Павла Ал—аго, что К. составлялъ послѣдній предѣлъ земли козаковъ, а за нимъ—уже не было (до Путивля) поселеній: «однѣ покинутыя земли, развалины и необработанныя земли“.

Переписывая въ 1666 г. населеніе К. и двухъ сосѣднихъ селъ, Фесевки и Гирявки, московскіе переписчики добавляютъ: а „угодей въ мѣстѣчкѣ въ К—вѣ и въ селахъ—рѣкъ и озеръ, и мелницъ и руда (?), и пасекъ и иныхъ никакихъ угодій и заводовъ, ничего нѣтъ, *потому что разорено отъ воинскихъ людей*“. Упоминаемое разореніе происходило конечно при Выговскомъ и Ю. Хмельницкомъ.—Послѣдующая судьба К. была во всемъ одинакова съ исторію обоихъ Самборовъ, т. к. К. вошелъ въ составъ Самборского староства, при чемъ Корб—скіе козаки обращены были въ крестьянъ и поступили во владѣніе К. Разумовскаго, въ составѣ Батуринской волости. **Кр.** П. 18 х. **А.** 36 д. **В.** ?. **В.** 38 д. пс. 1 д. **Г.** 29 д. 33 х. пс. 2 д. 2 х. **Д.** 59 д. 89 х. пс. 2 бд. х. (вмѣстѣ съ б. козаками). **Кз. В.** ?. **Г.** 23 д. 30 х. **Црк.** свят. Николая. Свящ. Захарій Стефановъ.

С. Гирявка, „руда“ Торговица, [1]) поселена, повидимому, въ пол. XVII в., такъ какъ раньше этого времени она не упоминается.[2]) Поселена Г. На земляхъ Корибутовскихъ и, какъ кажется,— Корибутовцами *Гиренками*, которые еще и въ 1691 г. продавали находившіяся тутъ свои земли заднѣпровцу Юрію Харевичу, оселившемуся около Г—ки хуторомъ. [3]) Г. оставалась свободнымъ селомъ до 1689 г., когда была отдана Мазепою какому то Радичу: „респектомъ чирствыхъ и рейментови нашему зичливихъ у Войску услугъ п. Тимофѣя Радича, тов. войск., надалисмо ему и тимъ унѣверсаломъ нашимъ надаемо, до ласки нашое войсковое, селце Гирявку, въ ключу Краснянскомъ лежачое. А такъ пилно мѣти хочемъ и рейментарско приказуемъ, жебы ему Радичу въ владѣнью селца оного Г., нихто зъ старшини и чернѣ не чинилъ перешкоды, а войтъ зъ посполитими людми, абы ему въ кошеню сѣна и во всякихъ ко вспартю его господарскому потребныхъ дѣлехъ належитое отдавалъ послушенство и повинность обиклую; козаки однако въ томъ селцѣ мешкаючіе и услуги войсковіе отправуючіе, маютъ быти заховани при належнихъ своихъ войсковыхъ волностехъ, тое варуемъ пилно...“

Радичъ по происхожденію былъ, кажется, сербъ, судя по фамиліи. Прибывъ въ гетманщину, онъ оселился въ с. Старой (Конотопск. сотни) и сталъ тутъ скупать земли. [4]) Въ актѣ 1681 г. онъ называется „славетнымъ паномъ“, слѣд. человѣкомъ, имѣвшимъ уже извѣстное положеніе; не занимая никакого уряда, онъ писался войск. товарищемъ и состоялъ „при боку“ гетмана, для исполненія разныхъ порученій. [5]) Какъ видно, Р—чъ умѣлъ угодить Мазепѣ и не смотря на свою незначительную роль, успѣлъ получить населенную маетность. Передъ переселеніемъ въ Г—ку, Р. женился на дочери будущаго Прилуцк. полковника Носа, Ме-

---

[1]) Въ Румянц. оп.—«с. Г. при рудѣ, называемой Торговицѣ, на мѣстѣ низкомъ, при небольшой отъ полуденной стороны горѣ».

[2]) См. упоминаніе о Гирявкѣ Опис. Стар. Малор., II, 392.

[3]) Записки Черниг. Ст. Комит., П, 296.

[4]) См. Обозр. Румянц. Описи, стр. 230 и 257.

[5]) Записки Черниг. Стат. Комит., П, 297.

ланьѣ, которая въ это время была вдовою послѣ смерти перваго своего мужа, какого-то панка Быстрановскаго, оставившаго послѣ себя въ Старой значительное количество грунтовъ, которые вѣроятно и привлекли вниманіе Р. къ его вдовѣ.—Ставъ Гирявскимъ державцею, Р. прежде всего началъ скупать здѣсь разнаго рода земли („сѣножати, перелѣски, поля робочіе"), которыхъ, какъ видно, въ его маетности на долю державцы приходилось мало. При разслѣдованіи, послѣ смерти Радича, количечества купленной имъ земли, оказалось, что послѣдней „вынайшлося волокъ сто" [2]) Интересно, что Р. покупалъ земли не только у козаковъ, но и у крестьянъ, т. е. у своихъ „подданныхъ", изъ чего хорошо видны тогдашнія отношенія къ послѣднимъ ихъ державцевъ. [3]) Послѣ измѣны Мазепы, Р., какъ и всѣ тогдашніе державцы, оставшіеся „вѣрными, въ тотъ же годъ (1708 г.) выхлопоталъ себѣ у новаго гетмана подтвердительный универсалъ на Г—ку; кромѣ того Р. умѣлъ выпросить у него же,

---

[1]) Тамъ же, стр. 298.

[2]) Въ «уволокѣ» обыкновенно считалось 12 десятинъ.

[3]) Приводимъ здѣсь одну изъ купчихъ на *лѣсъ* въ с. Г—кѣ, купленный Р—чемъ несомнѣнно у одного изъ своихъ «подданныхъ», такъ какъ продажа была заявлена не *атаману*, а *войту*, т. е. представителю крестьянъ. «Року 1694, мця апріля дня 22. Передо мною Хвескомъ Петренкомъ, на тотъ часъ бившимъ войтомъ Гиравскимъ, и при мнѣ сидячихъ людей зацныхъ и вѣри годныхъ, жителей Гиравскихъ на имя: Грицка Цѣнка, Сидора Саенка, Матвѣя Логвиненка, Ивана Билдѣя, Гаврила Ничипоренка, Левка Шила и иныхъ было не мало и того прислухаючихся, иж ставши очевисте израна трѣзвий, не подпилий, на имя Назаръ, сестренецъ небожчика Микити Палчика, оповидался намъ, иж продалъ хату с плецемъ и с полемъ небожчика Микити Палчика, ему присуженую предъ судомъ войск. енералнимъ, за суму певную коп 10, а особливе лѣсъ и сѣножать Палчиковскую за 40 золотихъ и за клячъ з лошамъ, славетне урожоному его млти пну Тымофѣю Радичу, державцы Гиравскому, на вѣчные часы... Дѣялося в селѣ Гиравци, року и дня вишей писанного». «Писаръ того декрета Антонъ Косинскій, дякъ Гировский». (*Съ подлинника*). Лѣсъ называемый Пальчиковскій—находится и нынѣ во владѣніи наслѣдниковъ Радича.

въ добавокъ еще и „селце Старое, где и хуторъ его найдуется". Въ слѣд. году (1709 г.) Р—чъ умеръ, оставивъ пять дочерей и внуку, отъ шестой дочери, умершей. Всѣ дочери выданы были замужъ еще при жизни отца: Марья—за Кр.-Колд. сотника Лащинскаго (с. 237), Ульяна—за б. тов. Максима Антоновича, Анна—за Кр.-Колд. козака Зуба, Настасья—за Конотопск. мѣщанина Тищенка и Марина—за Гирявскаго дьяка Фому. Персоналъ этихъ зятей показываетъ, что „державный панъ Гирявки", какъ подписывался Р—чъ, долженъ былъ породниться съ людьми, ниже его стоявшими, вслѣдствіе своей малоимущественности, которая, конечно, не привлекала жениховъ болѣе видныхъ.—По смерти Р—ча всѣмъ имѣніемъ стала распоряжаться его вдова, при помощи зятя Лащинскаго. Послѣдній въ 1717 г. лишился сотничества (с. 238), а вмѣстѣ съ нимъ и урядоваго села Попаръ. Послѣ этого Л—ій обратился къ гетману съ просьбою—утвердить за нимъ Г—ку, какъ „тестевское село" и получилъ тогда же (1717 г.) универсалъ, по которому Скоропадскій отдалъ это село Л—му „въ зуполное владѣніе", „респектуючи на войсковое услуги" его. Не смотря на наличность другого у Радича зятя, также несшаго войсковую службу, Антоновича, Г. оставалась въ исключительномъ владѣніи Лащинскаго до его смерти, а послѣ смерти Л-аго въ 1719 г., вдова его выпросила у гетмана слѣд. универсалъ: „мы, гетманъ, прошенію еи, п. Маріи Леонтьевой Л—ой, давши у себе мѣстце, а мѣючи въ свѣжой памяти войсковые покойного п. Л—ого услуги... велѣлисмо сей нашъ унѣверсалъ выдати, позволяючи еи, п. Л—ой, помянутою Г—кою владѣти". Но послѣ выдачи этого универсала, заявили свои претензіи на „тестевское" село и другіе зятья Р—ча. Въ 1721 г., между наслѣдниками послѣдняго состоялось слѣдующее соглашеніе: Лащинской уступлена была вся *жалованная* Гирявка, въ виду издержекъ понесенныхъ ея мужемъ при судебныхъ процессахъ съ пасынкомъ Р—ча Быстрановскимъ, за Радичевскія имѣнія, а всѣ земли, купленныя Р—чемъ—раздѣлены были на шесть частей, для пяти дочерей и шестой внучки Р—ча. Противъ этого раздѣла наслѣдники Р—ча не спорили пока живъ былъ Скоропадскій, который видимо покровительствовалъ Лащинскимъ, но затѣмъ зять Антоновичъ первый началъ въ

судѣ споръ, доказывая, что Г., какъ утвержденная за Р—чемъ царскою грамотою, должна быть раздѣлена между всѣми его наслѣдниками поровну. Хотя генер. судъ и отказалъ Антоновичу въ его домогательствѣ, но въ 1740 г. это рѣшеніе было генер. к—ріей отмѣнено и велѣно было с. Г—ку „съ полями пахатными, раздѣлить на пять персонъ, дочерамъ Т. Р—ча". Но такъ какъ двѣ изъ этихъ дочерей, Настасья и Марина, выйдя замужъ за „простыхъ людей", не имѣли права владѣть „шляхетскими добрами", то ихъ части были раздѣлены между остальными тремя сестрами, а Марина и Настасья получили деньги. [1]) Но и послѣ этого Антоновичъ долго еще спорилъ съ Лащинскими (вдовою Леонтія и ея сыномъ Петромъ), а когда умерли старики, то споръ продолжался между Петромъ Л—мъ и сыномъ Антоновича, Павломъ. Споръ усложнился тѣмъ, что мачеха послѣдняго (вышедшая замужъ за Григорія Костенецкаго) уговорила пасынка выдать ей какую-то „бумажку" на принадлежавшую ему часть Гирявки. Не давая никакого значенія этой „бумажкѣ", Лащинскіе по смерти Павла Ант—ча, завладѣли его частью Г—ки, изъ-за чего возникъ многолѣтній процессъ между Лащинскими и Костенецкими, кончившійся чуть не полнымъ разореніемъ первыхъ. Между прочимъ, Лащинскіе, желая спасти отъ Костенецкихъ свое Гирявское имѣніе, "умышленно" распродали его разнымъ своимъ сосѣдямъ-пріятелямъ, чѣмъ и объясняется появленіе въ к. XVIII в. въ Гирявкѣ новыхъ владѣльцевъ. **Кр. П.** 17 д. **А.** 27 д. **В.** 26 д. **В.** 48 д. пс. 2 д. **Г.** 40 д. 47 х. пс. 5 бд. х. **Д.** 70 д. 96 х. пс. 1 бд. х. **Кз. В.** 17 д. **Г.** 18 д. 23 х. Црв. Покрова Б—цы. Свящ. Никита Чернышевъ. Въ опис. Г—ки 1780 г. значится: „лежитъ при болотѣ"; **коз.** 18 д. 56 х.; кр., ст. сов. Жоравки, 3 д. 4 х.; б. тов. Петра Лащинскаго, 14 д. 21 х., судьи Петра Базилевича, [2]) 25 д. 37 х.; в. тов. Якова Соколовскаго, 18 д. 21 х.; козака

---

[1]) Подробности см. въ Запискк. Черниг. Стат. Комит., II, 309.

[2]) Подробности процесса Лащинскихъ съ Костенецкими, см. тамъ-же.

[3]) Впослѣдствіи Конотопскій городничій.

Шкитка Радича, [1]) 10 д. 13 х.; свящ. сына Ант. Голубицкаго, 1 х. подс.

С. Куриловка, рч. Торговица, въ перв. пол. XVII в. не упоминается; слѣдуетъ поэтому думать, что К. возникла только во втор. пол. этого вѣка,—вѣроятнѣе всего—во время правобережной „руины", такъ какъ и по описи 1666 г. она еще не значится. Очень мож. б., что К. поселена выходцами изъ правобережной Куриловки (Каневск. у.), перенесшими сюда названіе прежняго своего поселенія. Въ 1688 г. К. была отдана Мазепою правобережному выходцу, бывшему Корсунскому полковнику Федору Кандибѣ, за которымъ утверждена была и царскою грамотою, въ 1690 г. [2]) **Кр. А.** 37 д. **В.** 23 д. **В.** 47 д. **Г.** 45 д. 52 х. **Д.** 64 д. 82 х. **Пс.** 5 бд. х. **Кз. В** 4 д., а затѣмъ ихъ нѣтъ, потому, конечно, что земли ихъ были Кандибами „скуплены". Црк. Рождества Б—цы. Свящ. Лука Рудаковъ. По опис. Пащенка, въ К. показано „подданныхъ" б. т. Данила Кандибы, 64 д. 84 х. и Курил. свящ. подсос.—5 х.

Д. Шпотовка, болото р. Ромна, образовалась изъ Куриловскаго выселка и получило названіе по прозвищу крестьянъ Шпотъ, первыхъ ея насельниковъ.

Д. Капитановка, бол. р. Ромна, поселена однимъ изъ Кандибъ (Василіемъ) во втор. пол. XVIII в. и названа такъ по капитанскому чину ея основателя.

С. Пекари, р. Роменъ, въ перв. полов. XVII в. не упоминаются; вѣроятно, что П. поселены вмѣстѣ съ Куриловкою, — того же времени же выходцами изъ *сосѣдняго съ правобережною Куриловкою села Пекарей* [3]). Первымъ державцею Пекарей былъ такой же правобережный выходецъ какъ и Кандиба—Ива[illegible] Ли

---

[1]) Что это былъ за Шкитко Радичъ, видимо связывавшій себя съ первымъ Гирявскимъ державцаю, мы не нашли объясненій.

[2]) О Кандибахъ и ихъ переселеніи съ прав. берега на лѣвый см. Опис. Ст. Малорос., II, 184 и слѣд. О вѣроятности основанія Куриловки выходцамъ изъ Каневской Куриловки см. ниже, с. ***Пекари***.

[3]) Село это находится верстахъ въ 10-ти отъ Канева, но принадлежитъ къ уѣзду Черкасскому.

сица, бывшій передъ тѣмъ Брацлавскимъ полковникомъ. На лѣв. берегу Лисица получилъ отъ Самойловича охочепѣхотное полковничество и с. Пекари. Въ 1685 г. Лисица былъ посылаемъ гетманомъ въ Константинополь для переговоровъ съ тамошнимъ патріархомъ о подчиненіи Кіевск. митрополіи Московскому патріарху. (Солов., кн. Ш, 1000). При Мазепѣ Лисица также пользовался значеніемъ. Онъ оставилъ двѣ дочери, изъ которыхъ одна, Марья, была замужемъ за Городницкимъ сотникомъ Андреемъ Стаховичемъ, а друга—за бунч. тов. Вас. Дорошенкомъ. Между этими двумя дочерьми и были раздѣлены П. Часть П., доставшаяся Стаховичамъ, была раздѣлена вдовою Андрея Стаховича, въ 1731 г., между двумя ея сыновьями, Андреемъ и Григоріемъ, по духовному завѣщанію, такъ: „Половину грамотного [1]) села Пекаровъ з дворцемъ моимъ владѣльческимъ, мнѣ по родителяхъ моихъ в наслѣдіе доставшуюся, всю сполна въ мужикахъ, въ степу и во всѣхъ угодіяхъ, безъ остатка, старшому синовѣ моему Андрею ледую по смерти, а по жизнь мою оная половина П—въ при мнѣ, зъ синомъ меншимъ Григоріемъ, быть повинна въ владѣніи. Также въ с. П—хъ млинокъ вешнякъ, коштомъ его Андрея устроенний, отъ нынѣшняго времени на вѣчное ему поручаю владѣніе“. [2]) Другая половина П—рей принадлежала Василію Андреевичу Дорошенку. **Кр. А.** 20 д. **В.** 42 д. **В.** 22 д. **Г.** 27 д. 27 х. (Андр. и Григ. Стаховичей и Вас. Дорошенка). **Д.** 84 д. 105 х., б. тов. Ивана и Петра Стаховичей и пс. 3 бд. х. Пекар. свящ. Степана Рублевского.

Въ опис. 1780 г. „с. П. Лежитъ на лѣв. бер. рч. Ромна и особо сего имѣется тамъ притокъ, на коемъ плотинъ 3 и на нихъ 4 амбара“. Црк. Покрова Б—цы. Свящ. Степанъ Никитинъ (Рублевскій?),

„Слободка“ Савинцы, рч. Роменъ, поселена ок. 1730 г. Марьей Стаховичъ, какъ объ этомъ значится въ ея завѣщаніи;

---

[1]) Т. е. укрѣпленнаго царскою грамотою. Такія маетности назывались иначе—«грамотальными».

[2]) Духовное завѣщаніе Маріи Стаховичъ, въ подлинникѣ, въ нап. б—кѣ.

сказавъ о П—ряхъ, она говоритъ, что тамъ же „на грамотномъ степѣ Пекаровскомъ, надъ рудкою Ромномъ, осаженная мною слободка, прозваніемъ Савинки", послѣ ея смерти должна перейти къ сыну ея Григорію. Къ к. XVIII в. С—цы перешли къ Дорошенкамъ, вѣроятно взамѣнъ принадлежавшей имъ части въ Пекаряхъ, которые въ то время уже всецѣло принадлежали Стаховичамъ. Въ 1780 г. въ С. показано крест. б. т. Дорошенка 12 д. 17 х. 3 бд. х.

„Слободка" **Базиловка**, рч. Роменъ, поселена одновременно съ Савинцами, на другомъ берегу, Вас. Дорошенкомъ, по имени котораго и названа. О поселеніи Б. тамошній крестьянинъ въ 1731 г. такъ разсказывалъ: „жилъ я прежде въ Смѣломъ (Ром. у.), а потомъ слышачи, что п. Вас. Дорошенко зазываетъ на слободу, на три года, въ слободку свою Базиловку, и я перешелъ туда въ готовый домъ, понеже тамъ много было дворовъ пустыхъ." [1]) Поселяя Б., Дорошенко прихватилъ къ ней немало земли, которую Кандибы считали Куриловскою. Споръ за эту землю между Кандибами и Дорошенками длился чуть не до конца XVIII в. Кандибы жаловались на угрозы Дорошенка, что „пока де онъ у К—бъ степу не отниметъ, до тѣхъ поръ „валчиты" (спорить, тягаться) съ ними не перестанетъ;" а Д—ко, въ свою очередь, жаловался, что Вас. К—ба деревню его Базиловку въ конецъ разорилъ тѣмъ, что многихъ мужиковъ изъ той д. Б—ки въ Куриловку „свободно жить перезываетъ". [2]) Въ 1780 г. въ Б—кѣ показано 19 д. 21 х. 1 бд. х.

„Слободка" **Вороновка**. По вѣд. 1753 г. въ ней показано: 8 д. 8 х. 16 бд. х., а по вѣд. 1780 г.—16 д. 18 х. 2 бд. х., при чемъ владѣльцемъ показанъ б. тов. Стороженко. [3])

---

[1]) «Очерки», *д.д. Савинцы и Базиловка.*—При поселеніи слободъ, «державцы» почти всегда предварительно заготовляли для пришельцевъ хаты.

[2]) См. тамъ же.

[3]) Другихъ свѣдѣній объ этой слб—кѣ мы не нашли и потому не можемъ объяснить какъ попало сюда владѣніе Стороженка и котораго изъ нихъ.

„Слободка“ **Юровка**, „притокъ безыменный“, поселена въ перв. полов. XVIII в., какъ видно изъ слѣд. жалобы Роменск. протопопа Евстафія Стефановича, 1748 г.,—„имѣется у меня въ полку Прилуцкомъ, въ сотнѣ Кр.—Коляд., въ поляхъ с. Корибутова, на яру зовомомъ Глубокомъ, отческій мой футоръ, съ полемъ, прудомъ, млиномъ и двома въ немъ колесами; онимъ футоромъ владѣлъ отецъ мой пресвитеръ Крб—ій Стефанъ Ивановичъ, а по смерти его, братъ мой, попъ же Крб—ій Іоаннъ Стефановъ, спокойно по 1740 г. владѣлъ; а въ 1740 г., по смерти Іоанна Стефанова, который бездѣтенъ умре, когда бывшій г.-м. Юрій Вейсбахъ имѣлъ въ дирекціи—волости описныя, то оный футоръ мой по единой тому причинѣ, что онъ смеженъ съ описными волостми, насилно и нападочно отнялъ отъ меня, и нѣсколько дворовъ вблизости того моего футора, *на свое имя назвавъ Юревкою*, слободою населилъ“.[1]) Присоединенная къ Самборскому старостве, Юровка затѣмъ поступила во владѣніе Разумовскаго. Въ 1780 г. въ ней показано крест. 47 д. 71 х.

С. Фесевка, „на лѣв. стор. рч. Ромна, въ чистыхъ поляхъ“, возникла не позже полов. XVII в., вѣроятно изъ какого-нибудь Корибутовскаго выселка. Ф. была свободна до 1713 г., когда отдана была Скоропадскимъ „на вспарте господарства“, Конотопскому стн—ку Костенецкому, въ родѣ котораго затѣмъ и остались.[2]) **Кр. П.** 5 д. **А.** 26 д. **В.** 51 д. **В.** 69 д. **Г.** 26 д. 60 х. **Д.** 45 д. 58 х. пс. 3 д. 5 х. 1 бд. х. **Кз. В.** 13 д. **Г.** 10 д. 14 х. пс. 3 бд. х. **Д.** 5 д. 9 х. По опс. 1780 г. показаны слѣд. владѣльцы крестьянъ: б. т. Григорій Костенецкій, 12 д. 15 х.; в. тов. Алексѣй Кст—ій, 13 д. 16 х.; в. тов. Іоасафъ Кст—ій, 4 д. 5 х.; дѣти умерш. Конотопск. сотн. Федора Кст—аго, 11 д. 16 х.; дѣти ум. в. тов. Мойсея Кст—аго, 5 д. 6 х. Пс. свящ. Фесевк. Федора Андреева 2 д. 4 х. Црк. пресв. Тройцы. Свящ. Федоръ и Петръ Андріевскіе.

Слоб. Кошары, „въ прав. стор. отъ рч. Ромна, у протока, неимѣющаго названія“ (1780 г.), возникли около овечьихъ сара-

---

[1]) Тамъ же, *д. Юрьевка.*

[2]) Тамъ же, *д. Фесевка.*

евъ, наз. по-малорос. *кошарами*. Овечьи стада были здѣсь заведены при Меншиковѣ, для чего и была отдѣлена значительная часть степи, принадлежавшей къ с. Дептовкѣ. При Вейсбахѣ овцеводство было замѣнено коневодствомъ, причемъ для выпаса табуновъ захватъ Дептовской степи былъ увеличенъ; въ 1740 г. вся захваченная степь простиралась въ длину до 14-ти верстъ, а въ ширину—до 3-хъ. Послѣ уничтоженія конскаго завода (с. 290), около хутора остался обширный пустырь, привлекшій къ себѣ населеніе, при чемъ и образовалась слобода, получившая названіе *Кошаръ*. Во время Румянцовской описи, здѣсь было 41 хата, изъ которыхъ только у половины были дворы, а остальныя хаты были—бездворныя, слѣд. занятыя бѣдняками, не имѣвшими никакого скота. Изъ переписи 1780 г. видно, что первымъ поселенцемъ въ К. былъ Дептовскій козакъ Василій Сайно, пришедшій сюда въ 1730 г. [1]) По опис. 1780 г.—„подданыхъ“ гр. Разумовскаго, 61 д. 84 х., 3 „конюшенныхъ хатъ“, 17 „конюховъ изъ подданныхъ—хатъ“.

С. Дептовка, лѣв. бер. рч. Ромна, возникла ок. половины XVII в., вѣроятно изъ выселка В. Самбора. находящагося напротивъ, чрезъ рѣку. Д. оставалась свободною до 1708 г., когда выпрошена была, вслѣдъ за измѣною Мазепы, тогдашнимъ Конотопскимъ сотникомъ Костенецкимъ, который при этомъ получилъ слѣд. любопытный универсалъ Скоропадскаго: „Суплѣковалъ до насъ п. Григорій *Воловатый*, сотникъ Конотопскій, просячи, обысмо надали ему село въ сотнѣ Краснянской Дептовку... Респектуючы, якъ на его мененного сотника Кнтпск—го зруйноване добръ чрезъ проходъ непріятельскій войскъ шведскихъ, такъ и на заслуги... надаемъ ему с. Д. Данъ въ *Лебединѣ, дек. 11 дня, року 1708.*“ Затѣмъ слѣдуетъ подпись: „въ Подлипномъ. Звышменованний гетманъ рукою власною“. Такимъ образомъ изъ этого универсала видно, что онъ „данъ“ въ Лебединѣ, Харьк. губ., а подписанъ около Конотопа, въ с. Подлипномъ. Какъ извѣстно, въ декабрѣ, 1708 г., Петръ В. I, при участіи Меншикова, чинилъ въ Лебединѣ судъ надъ

---

[1]) «Очерки», *д. Кошары*.

согласниками Мазепы. Но тутъ же многіе изъ гетманцевъ, пользуясь случаемъ, сумѣли выпросить себѣ разныя милости въ видѣ урядовъ и маетностей, за показанную де ими въ Мазепиномъ дѣлѣ „вѣрность“. Распоряжался этими милостями, главнымъ образомъ, Меншиковъ, повидимому, даже безъ участія гетмана. Кажется, что этимъ случаемъ воспользовался и Григорій Костенецкій и выпросилъ себѣ у Меншикова Дептовку, помимо Скоропадскаго. Такъ можно думать какъ потому, что универсалъ „данъ“ въ Лебединѣ, а подписанъ въ с. Подлипномъ, около Конотопа, такъ и потому, что Костенецкій въ этомъ универсалѣ названъ не родовымъ своимъ прозвищемъ, а „уличнымъ“—Волѣватымъ; [1]) названъ онъ такъ, слѣдуетъ думать, потому, что универсалъ писался не въ гетманской канцеляріи, въ которой не допустили бы такой невѣжливой ошибки относительно сотника оч. близкой къ Батурину сотни, а какимъ нибудь Меншиковскимъ писаремъ-гетманцемъ, который зналъ Костенецкаго только подъ его „уличнымъ“ прозвищемъ. Поэтому вѣроятно, что универсалъ К—му на Дептовку далъ Меншиковъ въ Лебединѣ, а подписалъ универсалъ Скоропадскій тамъ, гдѣ его настигъ К—ій, съ этимъ универсаломъ въ рукахъ. Впрочемъ, Д. не осталась у Костенецкаго, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ она является попрежнему свободнымъ селомъ; можетъ быть это произошло оттого, что гетману неудобно было отдавать Д. по ея нахожденію среди Самборскаго староства. Другая попытка на захватъ Д—ки сдѣлана была „господаремъ“ Скоропадскаго, Иваномъ Даровскимъ, который сталъ было усиленно здѣсь скупать земли и садить, на общественномъ выгонѣ, своихъ подсосѣдковъ. Смерть помѣшала Даровскому закрѣпить за собою намѣченную маетность. А когда по смерти его, Дептовцы пожаловались Полуботку (слѣд. во время Вельяминовской коллегіи) на захватъ Даровскимъ ихъ общественнаго выгона, то изъ Глухова было приказано послѣдній очистить отъ построенныхъ на немъ хатъ. Но рѣшеніе Полуботка не было приведено въ исполненіе, такъ какъ вдова Да-

---

[1]) Объ этомъ прозвищѣ Костенецкаго см. «Очерки», с. *Дептовка*, стр. 13, и Описс. Стар. Малорос., II, 200.

ровскаго (дочь полк. сотника Петра Носенка) почти въ тоже время вышла замужъ за сына Андрея Гудовича, бывшаго однимъ изъ ближайшихъ прислужниковъ Меншикова. Вотъ этотъ второй мужъ Даровской, Василій Гудовичъ, обратился въ генер. к—рію съ просьбою—отмѣнить распоряженіе о сносѣ хатъ его жены. Ходатайство такого лица „правители“ не посмѣли не уважить и „скупля“ Даровскаго была возвращена его вдовѣ и дѣтямъ. Но такъ какъ Дептовское хозяйство было не съ руки Гудовичу, имѣнія котораго находились въ Стародубщинѣ, то онъ Дептовскую „скуплю“ тогда же продалъ Хмеловскому сотнику Шкляревичу. Коренные крестьяне Д—ки и при Гудовичѣ оставались впрочемъ свободными, пока Вейсбахъ не присоединилъ ихъ въ 1740 г. къ Самборскому старостству. Впрочемъ, свободныхъ крестьянъ въ это время въ Д. оставалось всего 13 двор.. такъ какъ въ „ратушныхъ“ селахъ крестьяне незамѣтно переписывались въ козачество, которое поэтому въ такихъ селахъ и преобладало. Но и у Шкл—ча Д—ая скупля оставалась недолго; онъ ее продалъ ген. подск. Скоропадскому, въ купчей котораго (1744 г.) значилось, что онъ купилъ у Шкл—ча „хуторъ при с. Дептовкѣ, дворъ надъ р. Ромномъ, при которомъ (находится) левада съ поселившимися на ней поососѣдками, пять лѣсовъ, пòля въ трехъ рукахъ 84 дня, ставокъ въ степу, близъ Кошаръ“ и проч., за 161 р. [1]) **Кр. П.** 24 х. **А.** 62 д. **В.** ? **В.** 26 д. пс. 9 д. **Г.** 25 д. 35 х. [1]) **Д.** 26 д. 41 х. (гр. Разумовскаго). **Кз. В.** 84 д. **Г.** 90 д. 119 х. **Д.** 144 д. 367 х. По опис. 1780 года, козаковъ показано тоже количество, а крест.: а) Батур. волости, 26 д. 41 х., майора Як. Скоропадскаго, 10 д. 12 х., войск. кнцста Романа Соколовскаго, подсосѣдк. 10 х., Голенск. сот. писаря Павленка, 2 д. 6 х. и друг. подс. 4 д. 5 х. Црк. Рождества Б—цы. Свщ. Иванъ Стефановичъ.

---

[1]) «Очерки», *с. Дептовка.*

[1]) Всѣ эти крестьяне по ревизіи 1740 г. названы «описными», т. е. присоединенными къ Самборскому старостству, но это невѣрно, такъ какъ въ это количество видимо вошли и крестьяне Шкляревича, что̀ видно изъ вѣд. 1753 г., въ которой Дептовскіе кр—не

Иваницкая сотня, заключая въ себѣ всего шесть селъ, занимала незначительное пространство береговъ Смоши и двухъ ея притоковъ (с. 75). Иваницкая сотня существовала съ 1649 г.

Иваницкіе сотники. Степанъ Степаненко, 1653 (Акты Ю. З. Р., X. 196). **Савва Мищенко, 1672. Григорій Ивановичъ Волошинъ (Григорашъ), 1710—721. Иванъ Андреевичъ Стороженко, 1721—727. Павелъ Миницкій, 1727—737. Федоръ Свирскій, 1738—764. Григорій Андреевичъ Стороженко, 1770—781.**

Волошинъ, судя по прозвищу, былъ по происхожденію *волохъ*, т. е. одинъ изъ тѣхъ молдаванъ, которыхъ, съ легкой руки Апостоловъ, немало пробралось въ гетманщину, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ успѣли получить болѣе или менѣе значительные уряды. [1]) На ряду съ ними и Волошинъ получилъ сотничій урядъ въ Иваницѣ. Можетъ быть, что В. былъ сыномъ, или какимъ-нибудь родичемъ, Брацлавскаго полковника Ивана Григораша, (который въ Мазепину измѣну чѣмъ-то заслужилъ особое вниманіе царя [2]) и въ такомъ случаѣ В. могъ получить сотничій урядъ по предстательству этого полковника. Впрочемъ, В. находился въ какомъ то свойствѣ и съ Скоропадскимъ (см. с. Бережовка). Вмѣстѣ съ урядомъ В. получилъ и урядовую сотничью маетность с. Бережовку. Просотниковавъ ок. 10-ти лѣтъ, В. по какимъ-то обвиненіямъ былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ его судили и осудили, чтобы ему „впредь никогда ни въ какихъ чинахъ не быть“.[3]) Судили В., по всѣмъ вѣроятіямъ, за насилія надъ сотнями, судя по сохранившемуся указанію на от-

---

показаны такъ: а) принадлежащихъ къ В. Самборскому дворцу—5 д. 5 х. 12 бд. х. и б) ген. подск. Скоропадскаго—2 д. 2 х. 16 бд. х. Пс. 3 д. 3 х. 3 бд. х.

[1]) Эти выходцы очень часто усваивали себѣ фамилію Волошиныхъ, показывая себя, въ к. XVIII в., выходцами «изъ Молдавіи, изъ тамошняго шляхетства». См. въ арх. Полтавск. двор. собранія, дѣла №№ 166, 167, 146, 41, 110 и друг.

[2]) См. Матеріалы военно-учен. арх. главн. штаба (Спб. 1871), т. I, стр. 658, 732, 844.

[3]) Слѣдствіе о маетности Прилуцк. полка, с. *Бережовка*.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

I. ЕЩЕ СТРАНИЧКА ИЗЪ ПРОШЛАГО Г. ПЕРЕЯСЛАВА. **А. А.** . . . . . 277—303

II. П. А. КУЛИШЪ. Біографическій очеркъ. *(Продолженіе).* **В. Шенрока.** . . . . . 304—330

III. ГОРОДЯНКА. Повисть. *(Продолженіе).* **Л. Яновской.** . 331—362

IV. ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ УКРАИНСКАГО ЭТНОГРАФА И НАРОДНАГО ВРАЧА С. Д. НОСА. (1829—1900). **Гр. Коваленка.** . . . . . 363—400

V. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. *(Продолженіе).* **Ор. Левицкаго** . . . . . 401—430

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Денежное жалованье полковымъ и сотеннымъ урядникамъ и служителямъ (1732 года); б) Гетманская надворная корогва; в) Для исторіи церковнаго прихода; г) Памяти М. О. Судьенка; д) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. **Ал. Мёрдеръ;** е) Матеріалы для исторіи польскаго возстанія 1831 года. Сообщ. **В. Доманицкій;** ж) Открытое письмо К. В. Болсуновскому. **И. Каманина.** . . . . . 77—95

Текущія извѣстія . . . . . 96—104

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Литература украинскаго фольклора. 1777—1900. **Н. Шугурова;** б) В. Радичъ. Запорожская старина. **В. Д.;** в) «Матеріяли до українсько-руської етнольогіі». **А. Малинка;** г) Волжскій странникъ. (Псевдонимъ). Волжская библіотека. **В. Д.;** д) Обзоръ журналовъ текущаго года; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. 105—138

Археологическая лѣтопись. . . . . . 139—149

III. ПРИЛОЖЕНІЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Прилуцкій полкъ. **Ал. Лазаревскаго.** Листы 20 и 21. . . . . 305—336